

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2023. № 491. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 491. June

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Никитин О.В.**, В.П. Григорьев – С.И. Ожегову: «Ждем Вас, бодрого, здорового, заразительно смеющегося...» (несколько сюжетов из истории филологической науки 1950–1960-х гг.) 5
- Лебедева О.Б., Филиппова Д.К.** «Гамлет» У. Шекспира и русская литература: от классицизма к сентиментализму 16
- Павлович К.К.** Авторские пометы А.В. Никитенко на страницах «Фрегата “Паллада”» И.А. Гончарова (к вопросу о философии синтеза и эстетике живописания) 24
- Саболова Д., Кашова М., Харламова М.А.** Ключевые слова эпохи пандемии коронавируса и их дериваты: сопоставительный анализ (на материале русского, словацкого, чешского и немецкого языков) 31
- Смирнова Е.А., Пермякова Т.М., Исмакаева И.Д.** Оценка в устной истории: корпусный анализ воспоминаний переселенцев в Калининградскую область в 1945–1950 гг. 40

ФИЛОСОФИЯ

- Ростова Н.Н.** Почему русский космизм – это не трансгуманизм? 49

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Апанович М.Ю., Сивоплясова С.Ю.** Воспроизводство модели миграционного поведения женщин в дочерних поколениях 55
- Пантыкина М.И.** Опыт концептуализации понятия «независимые работники» 64
- Поддячая Е.А.** Актуализация проблемы виртуального социального капитала: мета-анализ публикаций 74
- Спиридонов Д.В., Полякова И.Г.** Рекрутинг доноров в репродукции: институциональные ограничения и стратегии символической коммодификации 82

ИСТОРИЯ

- Андреев А.Н.** Златоустовские католики – специалисты социально значимых профессий в конце XIX – начале XX в. 92
- Гордина Е.Д.** Детская беспризорность и безнадзорность в 1940-е гг. (на материалах Горьковской области): социальный аспект проблемы 103
- Дунбинский И.А.** Первые профессора Императорского Томского университета: проект штатов физико-математического и историко-филологического факультетов (1883–1887) 109
- Занданова Л.В., Кулакова Я.В.** Документы федеральных архивов как источник изучения добровольных миграций сельского населения в Сибирь и на Дальний Восток в 1930-е гг. 115
- Серда Д.Е., Хаминов Д.В.** Государственная политика, нормативное регулирование и идеология при подготовке юристов в первое десятилетие советской власти 125
- Филонов И.Д., Зиновьев В.П.** Редакторский состав газеты «Сибирский вестник» (1885–1905 гг.) 132

ПЕДАГОГИКА

- Краснорядцева О.М., Ваулина Т.А., Толмачева И.В.** Психолого-образовательные возможности использования арт-терапевтических техник для формирования ресурсов адаптивного проживания стресса в условиях неопределенности 138

CONTENTS

PHILOLOGY

- Nikitin O.V.** Viktor Grigoriev to Sergey Ozhegov: “We are waiting for you, cheerful, healthy, laughing contagiously ...” (a few stories from the history of philological science of the 1950s and 1960s) 5
- Lebedeva O.B., Philippova D.K.** *Hamlet* by Shakespeare and Russian literature: From classicism to sentimentalism 16
- Pavlovich K.K.** Aleksandr Nikitenko’s marginalia on the pages of Ivan Goncharov’s *Frigate “Pallada”* (On the philosophy of synthesis and the aesthetics of painting) 24
- Sabolova D., Kasova M., Kharlamova M.A.** Key words of the coronavirus pandemic era and their derivatives: A comparative analysis (based on the material of Russian, Slovak, Czech, and German) 31
- Smirnova E.A., Permyakova T.M., Ismakaeva I.D.** Evaluation in oral history: A corpus analysis of memories of migrants to Kaliningrad Oblast in 1945–1950 40

PHILOSOPHY

- Rostova N.N.** Why is Russian cosmism not transhumanism? 49

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Apanovich M.Yu., Sivoplyasova S.Yu.** Reproduction of the model of women’s migration behavior in child generations 55
- Pantykina M.I.** An attempt of a conceptualization of the concept “independent workers” 64
- Poddyachaya E.A.** Actualizing the virtual social capital phenomenon: A meta-analysis of science sources 74
- Spiridonov D.V., Polyakova I.G.** Donation advertising in reproductive medicine: Institutional constraints and symbolic commodification strategies 82

HISTORY

- Andreev A.N.** Zlatoust Catholics – specialists of socially important professions during the late 19th and early 20th centuries 92
- Gordina E.D.** Child homelessness and neglect in the 1940s (on the materials of Gorky Oblast): The social aspect of the problem 103
- Dunbinskiy I.A.** The first professors of the Imperial University of Tomsk: A project of the staff of the Physical-Mathematical and Historical-Philological Faculties (1883–1887) 109
- Zandanova L.V., Kulakova Ya.V.** Documents of federal archives as a source for studying rural population’s voluntary migrations to Siberia and the Far East in the 1930s 115
- Serda D.E., Khaminov D.V.** State policy, regulatory regulation and ideology in the training of lawyers in the first decade of the Soviet power 125
- Filonov I.D., Zinoviev V.P.** Editorial staff of the newspaper *Sibirskiy vestnik* (1885–1905) 132

PEDAGOGICS

- Krasnoryadtseva O.M., Vaulina T.A., Tolmacheva I.V.** Psychological and educational possibilities of using art therapy techniques to form resources for adaptive living of stress in conditions of uncertainty 138

ПРАВО

Ахмедшин Р.Л. Информационный криминалистический стенд: вопросы организации и использования	146
Аширбекова М.Т., Манова Н.С., Устинов Д.С. К вопросу о некоторых признаках понятия «заслуга» для реализации поощрительных норм в уголовном процессе	155
Жамиева Р.М., Рябинина Т.К., Чистилина Д.О., Воротникова А.С. Сравнительно-правовое исследование судов с участием представителей народа в уголовном процессе России и Республики Казахстан	161
Колесник В.В. К вопросу о мере частного начала в уголовно-процессуальном праве	171
Савенко Н.Е. Свобода экономической деятельности граждан в новых реалиях: многоаспектность категории	177
Шеслер А.В. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения	188

LAW

Akhmedshin R.L. An informational criminalistic stand: Issues of organization and use	146
Ashirbekova M.T., Manova N.S., Ustinov D.S. On some features of the concept “merit” for the implementation of incentive norms in criminal procedure	155
Zhamiyeva R.M., Ryabinina T.K., Chistilina D.O., Vorotnikova A.S. A comparative legal study of courts with the participation of representatives of the people in the criminal procedure of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan	161
Kolesnik V.V. On the measure of the private principle in criminal procedure law	171
Savenko N.E. Freedom of citizens’ economic activities in the new reality: The multidimensional nature of the category	177
Shesler A.V. Virtual objects as the subject of an illegal mercenary acquisition	188

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 80(075.8)
doi: 10.17223/15617793/491/1

В.П. Григорьев – С.И. Ожегову: «Ждем Вас, бодрого, здорового, заразительно смеющегося...» (несколько сюжетов из истории филологической науки 1950–1960-х гг.)

Олег Викторович Никитин¹

¹ *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, olnikitin@yandex.ru*

Аннотация. Впервые публикуются письма 1958–1964 гг. из лингвокультурного наследия С.И. Ожегова. Обосновывается введение в научный оборот новых архивных данных. Рассматриваются события, происходившие в филологическом сообществе Института русского языка АН СССР, в которых участвовал С.И. Ожегов. Анализ эпистолярного наследия включен в парадигму дискуссий о лексикографических и социолингвистических проектах. Отмечаются документальность текстов и оригинальность авторской стилистики, позволяющие воссоздать реальный языковой портрет филолога 1950–1960-х гг.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, история филологии, С.И. Ожегов, культура речи, языковая личность, лексикография, социолингвистика, научная полемика

Для цитирования: Никитин О.В. В.П. Григорьев – С.И. Ожегову: «Ждем Вас, бодрого, здорового, заразительно смеющегося...» (несколько сюжетов из истории филологической науки 1950–1960-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/491/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/1

Viktor Grigoriev to Sergey Ozhegov: “We are waiting for you, cheerful, healthy, laughing contagiously ...” (a few stories from the history of philological science of the 1950s and 1960s)

Oleg V. Nikitin¹

¹ *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, olnikitin@yandex.ru*

Abstract. Letters of 1958–1964 from the linguistic and cultural heritage of Sergey Ozhegov are published and commented on for the first time. Well-known linguists, such as A.M. Babkin, V.P. Grigoriev, M.V. Panov, et al. are among Ozhegov's correspondents. The necessity of introducing these new data revealing unknown circumstances of the life and activities of scholars and academic collectives into scholarly discourse is substantiated. The original texts extracted from the collections of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Department of Manuscripts of the Russian State Library are used as the research material. Memories of Russian linguists L.P. Krysin and L.L. Shestakova, who participated in the implementation of new projects on the frontal study of the stylistic system of the Russian language (from phonetics to syntax) and the creation of a full-fledged *Dictionary of the Language of Russian Poetry*, undertaken in the early 1960s, are involved in the work. The main methods of analysis are source studies, descriptive, biographical, linguistic and cultural, textual methods. The emphasis is placed on the fact that the described events, personal characteristics and actions of scholars allow us to recreate a real linguistic portrait of a philologist of the 1950s and 1960s. The article examines the events that took place in the philological community of the leading academic institution – the Institute of the Russian Language of the USSR Academy of Sciences, comments on linguistic projects affiliated to Ozhegov. The little-known details of Ozhegov's relationship with F.P. Filin, V.D. Bondalev are presented. The published materials are included in the paradigm of a linguistic discussion about the project *The Russian Language and Soviet Society* (1968), which determined the results and outlined the prospects for philological research of the post-war period. It is noted that V.V. Vinogradov and S.I. Ozhegov stood at the grounds of this work. They outlined the main tasks of studying “public speech” and actualized discussions on the problems of verbal culture, especially in the field of describing and analyzing historical patterns and modern trends in the development of language. It is pointed out that this trend gave impetus to the formation of a new direction – sociolinguistics. The role of M.V. Panov in finishing the project is emphasized. The general assessment of the problems raised in the monograph in the process of studying the functioning of the internal structure of the Russian language of the second half of the 20th century is given. The perspective of the proposed thesis for the further development of this direction is confirmed in

the works by T.G. Vinokur, V.L. Vorontsova, D.N. Shmelev, L.P. Krysin, et al. Conclusions are drawn about the philological value of published archival documents for the history of linguistics and the continuity of ideas in science.

Keywords: epistolary heritage, history of philology, Sergey Ozhegov, culture of speech, language personality, lexicography, sociolinguistics, scholarly polemics

For citation: Nikitin, O.V. (2023) Viktor Grigoriev to Sergey Ozhegov: "We are waiting for you, cheerful, healthy, laughing contagiously ..." (a few stories from the history of philological science of the 1950s and 1960s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/1

Эпистолярный филолог – особый жанр письменной коммуникации, представляющий большой интерес для лингвистического исследования как факт культурно-языковой традиции и как зеркало эпохи, отразившее забытые эпизоды, колоритные зарисовки научного «быта» и полемику в среде гуманитариев. Их письма и воспоминания остаются почти единственными свидетельствами внутренней жизни отечественной науки. Парадный официоз заседаний и ученых советов часто скрывал от глаз современников истинные обстоятельства тех или иных поступков и решений, смену филологических приоритетов, причины возникновения новых проектов – всю ту работу, которую лингвисты без утайки обсуждали в письмах. Их послания при разнице эмоционального фона и содержательности (одни более сдержанны, в других проявляется дружеская интонация, третьи написаны в шутовском тоне) и создают реальный языковой портрет ученого-интеллектуала.

В последние десятилетия учеными сделано немало открытий в данной области. Это прежде всего публикации документов, связанных с репрессиями (см.: [1, 2] и др.), портреты выдающихся ученых на фоне исторических событий [3, 4], неизвестные обстоятельства создания книг и филологических дискуссий [5], воспоминания ярких представителей научной элиты XX в. о драматическом противостоянии «неофициальной» и «официальной» лингвистики и судьбах ученых [6], републикации забытых статей и полемических материалов в языкознании [7, 8], комментированные издания писем крупнейших филологов 1930–1960-х гг., например переписка Ю.Г. Оксмана и Н.К. Гудзия [9, 10], мемуары, дневники, беседы (см., в частности: [11]) и т.д. И все же эта противоречивая эпоха, особенно послевоенный период, исследована еще недостаточно глубоко прежде всего потому, что многие факты до сих пор не обнародованы. Поэтому поиски и публикации новых материалов помогают избежать тенденциозности в истолковании затертых временем событий нашего филологического прошлого.

Фигура С.И. Ожегова как организатора словарного дела с 1930-х гг. становится заметной в российской лингвистике. К нему, тонкому лексикологу и стилисту, знатоку литературного языка во всех его проявлениях, живому, чуткому к культурным традициям ученому, тянулись современники. Он получал сотни писем с просьбами расшифровать то или иное слово [12]. С ним спорили, не соглашались, его благодарили и даже боготворили за лексикографический подвиг [13, 14]. Но каким он был вне работы, что его заботило, каков был круг его общения, известно не всем. Лишь редкие воспоминания учеников [15] и наполненные любовью и писательским обаянием мемуары его сына

С.С. Ожегова [16] позволяют нам проникнуть в мир человеческих испытаний и филологических исканий самого почитаемого «словароспеца». 100-летний юбилей ученого в какой-то мере подвел итог «ожеговедию»: были опубликованы по архивным источникам забытые статьи и наброски к ним, выступления ученого, заметки, переписка с отечественными и зарубежными филологами, исследования современных лингвистов по проблемам культуры речи и словарного дела [17]. Эти материалы раскрыли облик С.И. Ожегова как подвижника науки, борца за ее подлинные ценности. Круг его соратников и коллег (Р.И. Аванесов, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б. Гавранек, Б.А. Ларин, С.П. Обнорский, А.А. Реформатский, Б.В. Томашевский, Б. Унбегаун, К.И. Чуковский и др.), обсуждавшие в изданных письмах проблемы значительно расширили представление о С.И. Ожегове как о лексикографе, показали редкие душевные качества, лингвистическую смекалку, увлеченность и отзывчивость натуры «заразительно смеющегося» филолога. Участие в этом сборнике побудило нас продолжить поиски фактов, имеющих отношение к его биографии, тесно переплетенной с историей науки.

В Архиве РАН и фондах других хранилищ сохранились десятки посланий к С.И. Ожегову известных ученых, писателей и обычных корреспондентов, черновики недописанных статей, выступления, полемические материалы. Для настоящей публикации мы отобрали несколько документов 1958–1964 гг., характеризующих С.И. Ожегова и его современников с профессиональной и житейской сторон. Все они так или иначе перекликаются с неоднозначно трактуемой нынешними исследователями историей филологической науки тех лет, когда происходили и яркие открытия, и гонения на талантливых ученых, и громкие дискуссии (например, о «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова), и временами торжествовал произвол идеологии (см.: [18]). Издаваемые материалы воссоздают живое лицо науки глазами ее непосредственных «движителей» (выражение С.И. Ожегова), реабилитируют «историю с географией», вносят свежее прочтение почти летописных страниц филологии, находясь на острие современных исследований, доказывают ценность освоения лингвистических архивов.

Письмо А.М. Бабкина С.И. Ожегову носит вроде бы бытовой характер: ленинградский коллега поздравляет ученого с присвоением ему степени доктора филологических наук. Надо заметить, что С.И. Ожегов к началу 1950-х гг. для многих лингвистов уже был признанным авторитетом. При этом его современники давно обошли по степеням и званиям увлеченного своей работой лексикографа, и лишь семья беспокоилась

о «статусе», подталкивала Сергея Ивановича к этому шагу. Он же тяготился оформлением документов и все никак не мог получить *honoris causa*. Послание А.М. Бабкина подтверждает наше мнение о том, что это «справедливо» и применительно к С.И. Ожегову «как ученому», и «по отношению к нашей науке» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 27. Л. 9).

Письмо молодого в начале 1960-х гг. исследователя поэтической речи и самобытного филолога В.П. Григорьева необычно по форме и эмоциональному напряжению – так живо и откровенно общаются только с близкими по духу людьми, с которыми можно обсуждать и личное, и проблемы на работе, и творчество. Из него мы узнаем, что сын С.И. Ожегова выдвинут на соискание Государственной премии Узбекской ССР (впоследствии его удостоили этого высокого звания), что в дирекции Института русского языка В.П. Григорьев ведет борьбу за свой «Словарь» [19].

По предположению Л.Л. Шестаковой¹, «применительно к этому именно моменту (1962 год) можно говорить об организационных проблемах и разных хлопотах, связанных с подготовкой проекта. “Словарь” стал плановой темой ИРЯ как раз в 1962 г., причем в работу были вовлечены кафедры русского языка разных вузов, чему В.П. Григорьев очень радовался (“...актив [Словаря] разросся и перевалил за первую сотню доброхотов и добровольцев”). Но понятно, что у такого необычного проекта были и противники, у В.П. (как автора идеи, человека, нестандартно мыслящего, еще и правдолюбца) – оппоненты, поэтому надо было неустанно доказывать плодотворность идеи, отстаивать ее, и чем дальше, тем больше. И это при том, что сразу, в момент “оглашения” идеи, у нее нашлось много сторонников, в том числе среди авторитетных ученых (об этом говорится в предисловии к книге 1965 г.)» (из личной беседы с ученицей В.П. Григорьева Л.Л. Шестаковой).

Подчеркнем, что отдельно об истории создания своего «Словаря» ученый не писал, возможно потому, что разные этапы реализации проекта отражены в последующих публикациях автора (см. перечень работ: [20]). Л.Л. Шестакова заметила в связи с раскрытыми в письме обстоятельствами, что ранние работы В.П. Григорьева 1960–1970-х гг. вместе с введением к первому тому «Словаря языка русской поэзии XX века» (см.: [21]), а также в книгой «Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка» [22] «...надо рассматривать как единое целое, как пример развития во времени одной идеи (с отказом, по разным причинам, от каких-то принятых решений в пользу других)» (из письма Л.Л. Шестаковой О.В. Никитину).

Действительно, выход в свет такого необычного «Словаря» воспринимался неоднозначно. Его автор приобрел в кругу академических исследователей славу «неформала», идущего поперек шаблонов, яркого и непокорного. Отчасти это можно увидеть при ознакомлении с текстом его письма С.И. Ожегову. Внутренние рифмы, каламбуры, языковые парадоксы, стихотворные цитаты, необычный финал на эсперанто, где В.П. Григорьев называет С.И. Ожегова «коллегой-бородачом»... Все эти детали погружают читателя

в культуру словесного общения ученых, раскрывают филологический мир в лицах без границ и нормативных рамок. Примечательны советы В.П. Григорьева ученому почитать на отдыхе «Балладу о цирке» А.П. Межирова, «Ладомир» В.В. Хлебникова и «даже» (это слово было взято в кавычки) А.А. Вознесенского, что, безусловно, говорит о дружеской интонации письма, проникнутого нотками любви к Сергею Ивановичу. Нестандартная концовка обыгрывает речевыми средствами душевные качества С.И. Ожегова: «Ждем Вас, бодрого, здорового, заразительно смеющегося (заразительно здорового, завидно доброго) на всех этажах Института» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 60. Л. 1 об.).

М.В. Панов в коротком новогоднем письме, отправленном в канун 1963 г., информировал С.И. Ожегова о конференции в Алма-Ате, по материалам которой был выпущен проспект «Русский язык и советское общество» [23], составленный М.В. Пановым, С.И. Ожевым и И.А. Осовецким. Небольшая по объему книга установила новую веху в лингвистике, связанную с изучением закономерностей развития литературных языков в стране. Фактически ученые ИРЯ (эта тема была выдвинута В.В. Виноградовым и С.И. Ожевым в 1958 г. [24. С. 5]) предложили программу фронтального исследования родного языка и особенностей его функционирования на всех уровнях: фонетическом, графико-орфографическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом, а также выявление характера влияния литературного языка на говоры. По-другому звучал тезис о языковой норме, которая во второй половине XX в. стала стремительно меняться. В итоге нарушались прежние языковые и стилистические связи, что приводило к искажению смысла: например, фразеологизм *пока суть да дело* в начале 1960-х гг. был зафиксирован в такой интерпретации – *пока суд да дело*; вместо *играть первую скрипку* стали употреблять *играть главную скрипку*, вместо *портить нервы* – *тратить нервы* и т.д. [25. С. 6]. Встали вопросы о кодификации новых явлений в языке и оценке неправильного использования иноязычных слов «без надобности в тех случаях, когда уместнее употребить русские синонимы (ср. *корректив*, *дефект*, *гидрофобный* и т.п.)» [25. С. 6]. С.И. Ожегов в связи с этим замечал, что к шестидесятым годам «возросла роль различных форм городской речи, развивавшейся на почве сложных взаимоотношений диалектов и литературного языка. Возникла, таким образом, разговорно-обиходная речь не как социально ограниченное просторечие, а как одна из влиятельных форм национального языка, форма живого общения» [25. С. 5]. Все это требовало новых подходов в изучении и систематизации фактов *живого* национального языка послевоенного поколения.

Показательно, что начиная с 1950-х гг. активно популяризируется научная лингвистика, готовятся новые нормативные словари, ведутся соответствующие рубрики в газетах, а в 1967 г. появляется первый «народный» журнал «Русская речь». Смена вектора филологических исследований, повышенный интерес ученых к исследованию социального портрета общества привели к необходимости разработки проблем *современного*

русского литературного языка (в начале 1960-х гг. и возникает одноименный сектор в академическом ИРЯ): стала выпускаться серия сборников «Вопросы культуры речи» (вып. 1–8) [26], начатая С.И. Ожеговым; опубликован двумя изданиями в 1955 и 1959 гг. словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (составители В.Л. Воронцова, А.И. Сумкина, Н.И. Тарабасова, Б.З. Букчина) (см., напр.: [27]); по инициативе последнего и под его редакцией в 1962 и 1965 гг. напечатан небольшой словарь «Правильность русской речи» (составители Л.П. Крысин, Л.И. Скворцов) [25]. В «Предисловии» одного из указанных источников прямо говорится, что «нормализацию современного русского языка нельзя считать законченной» [27. С. 3]. Редакторы так писали о своеобразии момента: «Есть явления новые, закономерно возникающие и вытесняющие собою старые. Имеются случаи, когда два варианта равноправно сосуществуют в современном языке, когда еще нельзя сказать, что один из вариантов уже не рекомендуется» [27. С. 3]. Поэтому фиксация и анализ актуальных процессов в области русского литературного языка стали ключевой проблемой в исследованиях ученых 1950–1960-х гг. Включились в эту работу и писатели (Л.И. Успенский, А.К. Югов, К.А. Федин, К.И. Чуковский и др.), откликнувшиеся на наиболее злободневные проблемы бытования устной и письменной речи и порой полемизировавшие с профессиональными лингвистами (см., напр., переписку К.А. Фекина с В.В. Виноградовым (Архив РАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. № 350) или дружеские баталии С.И. Ожегова с К.И. Чуковским (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 19), неформальное обсуждение филологических вопросов Т.Г. Винокур, Е.А. Земской, А.А. Реформатского в сообществе с К.И. Чуковским [28], письмо С.И. Ожегова Ф.В. Гладкову (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 7) и т.д.). В предисловии «От редактора» к второму изданию словаря «Правильность русской речи» С.И. Ожегов особенно подчеркивал, что «вопросы культуры речи нельзя решать на почве личных, субъективных оценок явлений языка. Язык всегда движется, развивается вместе с развитием общества. Поэтому правильная, объективная оценка современного состояния русского языка и его норм должна опираться не на сумму субъективных мнений, а на анализ исторических закономерностей и современных тенденций развития языка» [25. С. 4]. Практичность филологического замысла С.И. Ожегова и своевременность изучения нормы языка, правил произношения, речи образованных людей стали новой вехой в лингвистических исследованиях середины – второй половины XX столетия.

Три письма С.И. Ожегова Ф.П. Филину раскрывают события в жизни ИРЯ начала 1960-х гг.: работа над темой «Русский язык и советское общество», которая была передана от С.И. Ожегова М.В. Панову, и возникновение в структуре института нового подразделения – Сектора современного русского языка, выделившегося из Сектора культуры речи. Эти решения «свыше» ученый воспринимал как личную потерю, делился своими соображениями с Ф.П. Филиным

(в те годы руководителем Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР).

Как пишут авторы изданного в 1968 г. исследования, «с 1959 года началась предварительная работа по собиранию материала для монографии, намечались пути теоретического осмысления отдельных аспектов этой большой темы. Эту работу возглавил С.И. Ожегов. Его увлеченность новой темой, его энтузиазм помогли сплочению постепенно складывавшегося авторского коллектива» [24. Кн. 1. С. 5]. После выхода в свет проспекта будущей серии книг «Русский язык и советское общество» [23] «с учетом изменений и добавлений, рекомендованных во время обсуждений», он «лег в основу работы над монографией» [24. Кн. 1. С. 5–6]. Авторы издания отмечают в «Предисловии» к первому тому, что «в некоторых случаях задачи, поставленные в проспекте, оказались шире, чем возможности современного этапа в изучении этой темы; с другой стороны, в ходе работы над монографией открылись перспективы изучения, не учтенные в проспекте. Поэтому проспект по отношению к монографии сохраняет самостоятельность как свидетельство определенного этапа в изучении темы и как определенное теоретическое осмысление ее задач» [24. Кн. 1. С. 6].

По нашим наблюдениям, фактическая подготовка к исследованию темы «Русский язык и советское общество» началась раньше. Так, 31 января 1951 г. С.И. Ожегов выступил с лекцией «Развитие русского языка советской эпохи» на Всероссийском совещании учителей русского языка (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 50). В том же году выходит его статья «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху» [29]. К началу 1950-х гг. относится объемная работа «О развитии словарного состава русского языка в советскую эпоху» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 47), в полном виде оставшаяся пока не напечатанной. В 1952 г. ученый публикует материалы по «истории слов социалистического общества» [30]. Тогда же он подготовил большую статью «О словообразовании в советскую эпоху» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 64), не опубликованную до сих пор. По рукописям, заметкам, машинописным черновикам, фрагментам выступлений начала–середины 1950-х гг. можно судить, насколько интенсивной была научно-просветительская деятельность С.И. Ожегова в данном направлении: «Изменения, произошедшие в русском языке после Октябрьской революции» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 66), «О задачах терминологической работы» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 68), «Задачи изучения русского литературного языка советской эпохи» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 70) и др. Позднее, когда он разрабатывал раздел «Лексика» для монографии «Русский язык и советское общество», многие идеи получили реализацию в опубликованных тезисах, например в разделах «Лексика, связанная с производственными отношениями людей в обществе», «Влияние продуктивности словообразовательных моделей на пополнение словесных рядов», «Изменение стилистической структуры лексики нашего времени», «Активизация

процессов терминологизации в языке нашей эпохи» и др. (см. подробнее: [31]).

Создание в структуре ИРЯ в 1963 г. нового Сектора современного русского языка отчасти было связано с потребностью выполнения этого проекта и привлечения к участию в нем активных молодых кадров. Возникла идея организации целенаправленной работы по сбору, анализу и изучению фактов функционирования литературного языка в стремительно меняющихся условиях «технизации» общества. Необходимо было искать и находить другие методики анализа языкового материала, учиться обрабатывать огромные массивы текстов уже не вручную, как прежде, а с помощью первых автоматизированных систем. Из переписки С.И. Ожегова видно, что такой административный поворот стал для него неожиданностью: «Дело разделения сектора очень форсируется <...>. В аппарате Президиума это мероприятие не вызывает восторга. <...> В Президиуме существует версия, что Институт на новый сектор выдвигает человека нового направления. И с каких это пор Трубецкой в 60^е гг. новое направление?» (ОР РГБ. Ф. 816. К. 32. Ед. хр. № 60. Л. 2). Через два месяца, 3 ноября 1963 г., он снова с сожалением заметил: «Панову передана моя проблема. <...> Для меня сложилась очень трудная ситуация. Командует, как это очевидно, новое окружение» (ОР РГБ. Ф. 816. К. 32. Ед. хр. № 60. Л. 3). Теперь из руководителя темы С.И. Ожегов превратился в одного из исполнителей, но по-прежнему «намеревался принять участие в дальнейшей разработке темы, в частности работать над некоторыми главами лексического раздела» [24. Кн. 1. С. 6]. Правда, из-за болезни и длительной реабилитации в 1963–1964 гг. С.И. Ожегов уже фактически почти отошел от дела, а «новое окружение», состоявшее главным образом из молодых энергичных ученых (к старшему поколению из числа участников можно отнести В.Г. Орлову и И.А. Осовецкого), принялось за осуществление этого проекта, руководителем которого был назначен М.В. Панов.

Как говорится в «Предисловии» к первому тому «Русского языка и советского общества», «в 1963 г. сложился основной авторский коллектив монографии. Напряженными были поиски новых методов собирания материала, новых приемов <...> обобщения накапливаемых фактов» [24. Кн. 1. С. 6]. Ученым приходилось заниматься не только обновлением и кодированием вопросников, но и механизированной обработкой текстов, статистикой, записывать живую речь на «Трехгорной мануфактуре», московских заводах «Серп и молот», «Красный пролетарий», в народном суде и т.д. Помощь в проведении лингвистических экспериментов оказывали филологи многих университетов и педагогических институтов. Газета «Вечерняя Москва» позволила участникам проекта ознакомиться с письмами читателей, «поступившими на конкурс, проведенный <...> после первого выхода из корабля в космическое пространство советского космонавта А. Леонова» [24. Кн. 1. С. 11]. Отмечен в числе помощников и один из корреспондентов С.И. Ожегова В.Д. Бондалетов, который предоставил «коллекцию частных писем XX в.» [24. Кн. 1. С. 11]. География

информантов простиралась от Владивостока до Душанбе и Великого Устюга. Среди отвечавших на анкету были люди разных специальностей и социального статуса: электромеханики, метеорологи, шахтеры, преподаватели вузов и техникумов, домашние хозяйки, актеры, писатели, художники... В общественных обсуждениях проекта участвовали известные лингвисты Р.И. Аванесов, В.И. Борковский, В.В. Виноградов, С.С. Высотский, И.С. Ильинская, С.И. Котков, Н.С. Поспелов, А.А. Реформатский, В.Н. Сидоров, А.Б. Шапиро (см. подробнее: [24. Кн. 1. С. 6–11]).

В итоге в 1968 г. была опубликована четырехтомная монография «Русский язык и советское общество». Первая книга содержала разделы «Принципы социологического исследования русского языка» (авторы – Р.В. Бахтурина, М.Я. Гловинская, Е.А. Земская, Л.П. Крысин, И.П. Мучник, М.В. Панов, Д.Н. Шмелев) и «Лексика современного русского литературного языка» (авторы – Л.А. Капанадзе, Л.П. Крысин, Е.Ф. Петрищева, Д.Н. Шмелев); вторая – очерки морфологии и синтаксиса (авторы – Д.И. Алексеев, Р.В. Бахтурина, Е.И. Голанова, В.П. Даниленко, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Е.В. Красильникова, Н.А. Янко-Триницкая); третья – словообразование (авторы – В.Л. Воронцова, Л.К. Граудина, Г.А. Золотова, Е.А. Иванчикова, С.М. Кузьмина, О.А. Лаптева, И.П. Мучник, М.В. Панов, А.С. Попов, Е.Н. Прокопович, Р.П. Рогожникова, А.И. Сумкина, Н.А. Янко-Триницкая); четвертая – исследование фонетики литературного языка и народных говоров (авторы – Г.А. Барина, М.Я. Гловинская, С.М. Кузьмина, В.Г. Орлова, И.А. Осовецкий, Т.Г. Строганова) [24].

Незадолго до публикации этого труда в третьем номере журнала «Русский язык за рубежом» за 1967 г. появилось обстоятельное интервью с участниками проекта. Академик В.В. Виноградов во вступлении отметил, что «в исследовании использован огромный фактический материал, накопленный широко примененным анкетным методом и упорядоченный статистическими подсчетами» [32. С. 19]. Заметим попутно, что эту работу начал еще С.И. Ожегов, когда рассылал отечественным деятелям культуры и даже представителям русского зарубежья подобную анкету с целью выяснить нюансы в употреблении и произношении слов. Далее В.В. Виноградов, подводя итог проделанной работе, сказал, что в исследовании «впервые представлена в широкой и глубокой перспективе картина развития внутреннего строя русского языка в советскую эпоху» [32. С. 19]. Таким образом, идея С.И. Ожегова получила завершение спустя шесть лет после выхода в свет проспекта.

Первоначальный замысел был переработан и дополнен М.В. Пановым. К реализации проекта привлекли новых участников. Когда вышел четырехтомник, Сергея Ивановича уже не было в живых (умер в 1964 г.). Из числа тех, кто составлял проспект «Русского языка и советского общества», кроме М.В. Панова, в проекте остался И.А. Осовецкий, который участвовал в написании заключительной книги (раздел «Народные говоры. Лексика»). Такой ускоренный ритм подготовки и издания (в 1968 г. опубликовали сразу все четыре тома)

был продиктован обычной практикой советского времени приурочивать результаты труда к знаковым событиям. В 1967 г. исполнялось 50 лет Октябрьской революции. Как видим, издатели опоздали всего на несколько месяцев... По мнению Л.П. Крысина, высказанном в частной беседе с нами, «вопреки “советскости” его названия он не содержал ни малейших следов какой-либо конъюнктурности».

В общении с В.Д. Бондалетовым (к сожалению, у нас нет писем самого С.И. Ожегова; они, скорее всего, сохранились в архиве В.Д. Бондалетова в Пензе) открывается еще одна черта лексикографа, которого всегда представляли как нормализатора языка. Но Сергей Иванович Ожегов, и это заметно по его блокнотам с записями народных слов (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 3), был очень внимателен к диалектной, просторечной, разговорной и даже стилистически сниженной речи и фиксировал ее с особой любовью как факты народного словотворчества [33]. Вот и здесь он живо откликнулся на необычную находку из Ульяновской области: местный краевед В.С. Дубровин собрал коллекцию тайноречия (так называемых «массовских» слов) и, по-видимому, консультировался у С.И. Ожегова о правилах их систематизации и обработки (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 40. Л. 1). Затем этот уникальный словарь, судя по позднейшей статье В.Д. Бондалетова и Д.И. Алексеева, был передан на хранение в Институт русского языка АН СССР [34].

Итак, как мы смогли убедиться, публикуемый эпистолярный во многом примечателен с филологической точки зрения. Время второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. было периодом подъема и рождения свежих идей и проектов в отечественной науке. Письма свидетельствуют о заинтересованности ученых в исследовании стилистических направлений в языке, территориальных и социальных диалектов. Достигает высокого накала проблема создания и применения новых средств выражения, оценки изменившихся речевых условий, подвергается переосмыслению идея нормированности грамматики и словоупотребления. «Высокая культура речи», о которой говорил С.И. Ожегов [25. С. 4], сталкивается с давлением «крестьянских диалектов», обиходной стихией города. Дискуссии и эксперименты, начатые С.И. Ожевым, В.П. Григорьевым, М.В. Пановым и другими лингвистами, впоследствии были реализованы в ряде масштабных трудов: в коллективных монографиях «Русский язык и советское общество» [24], «Русский язык по данным массового обследования» [35], в книге «Русский язык по данным массового опроса» [36], в докторской диссертации «Социолингвистическое исследование вариантов современного русского литературного языка» [37] и последующих книгах Л.П. Крысина (см., напр.: [38]), в работах Е.А. Земской по изучению русской разговорной речи [39], в учебниках и исследованиях Д.Н. Шмелева по семасиологии русского языка и его функциональным разновидностям [40, 41], в книгах Т.Г. Винокур «Закономерности стилистического использования языковых единиц» [42], В.Л. Воронцовой «Русское литературное ударение XVIII–XX вв.» [43] и др. А в XXI столетии – в разработке концепции и издании

«Словаря языка русской поэзии XX века» (т. 1–9) [21], «Толкового словаря русской разговорной речи» (вып. 1–4) [44] и в других ценных теоретических работах по социолингвистике и лексикографических проектах, продолжающих традицию С.И. Ожегова, В.П. Григорьева и ученых-филологов классического поколения отечественной науки XX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ²

1. А.М. Бабкин³ – С.И. Ожегову

15 июля [1]958. Л<е>н<ин>гр<ад>.

Дорогой Сергей Иванович!⁴

Искренне и сердечно поздравляю Вас с получением степени доктора⁵. Это отраднo и потому, что справедливо по отношению к Вам как ученому. Это справедливо и по отношению к нашей науке, поэтому также отраднo. Одним словом, хорошо вдвойне.

Узнал я об этом сегодня из разговора по телефону с В.И. Борковским⁶. Давно бы все это пора было сделать. Что-то, очевидно, мешало раньше, но теперь перестало мешать. И то хорошо.

Каковы Ваши летние планы? Когда у Вас отпуск? Я собираюсь в августе.

Будьте здоровы. Всего Вам самого лучшего.

Ваш А. Бабкин

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 27. Л. 9. Автограф синими чернилами на стандартном листе бумаги, сложенном пополам.

2. В.П. Григорьев⁷ – С.И. Ожегову

Москва, 27. XII. [19]62

Дорогой Сергей Иванович!

Я виноват, что до сих пор не выбрался к Вам. Помешали быт, точнее – «Суд и быт» (у меня на пальце появилось кольцо), ребячья проблема, не решенная даже в малой степени («папу суд осудил и оштрафовал... этого изверга» и т.п. Это – о разводе-то!), а главное – борьба с дирекцией за местком⁸ и, конечно, сам Словарь⁹, актив которого разросся и перевалил за первую сотню доброхотов и добровольцев.

Но совесть у меня чиста: быть «мысленно вместе» важнее всего, и, надеюсь, Вы чувствовали – телепатически? – мою тревогу и дружескую симпатию. Очень радовался за Вас, прочитав в газете о выдвижении С.С. Ожегова с товарищи¹⁰. Представляю Ваши чувства.

Новый год, подкравшийся как-то очень незаметно, обещает быть интересным, позволяет ожидать лучшего, несмотря на международные и эстетические детские болезни и лихорадки. Кое-что, конечно, еще оставляет желать (внутренняя рифма в почти ритмической прозе!) этого самого «лучшего», но главные достижения последних лет не поколеблет никакая глухота к новому, к Новому. «Что-то новое в мире», как сказал поэт¹¹.

«Мир без песен неинтересен»¹², а потому воспользуйтесь полувынужденным отдыхом и почитайте А. Межирова¹³ (например, «Балладу о цирке». А propos¹⁴, Вяч.В. Иванов¹⁵ сделал интересный доклад о ее ритмике на только что закончившемся симпозиуме по семиотике), В. Хлебникова¹⁶ (например, «Ладомир»), «даже» А. Вознесенского¹⁷ – последние его «40» отступлений из поэмы «Треугольная груша»...

Ждем Вас, бодрого, здорового, заразительно смеющегося (заразительно здорового, завидно доброго) на всех этапах Института.

Estu feliĉa, tre estimate kolego-barbulo! Kun la plej bonaj novjaraj deziroj kaj salutoj!¹⁸

Via¹⁹ В. Григорьев

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 60. Л. 1–1 об. Автограф синими чернилами на стандартном листе бумаги, сложенном пополам.

3. М.В. Панов²⁰ – С.И. Ожегову

[Москва, 31.12.1962]²¹

Дорогой Сергей Иванович!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю Вам счастья, здоровья, спокойной работы. Посылаю Вам отрывок стенограммы алма-атинского совещания²²; я уничтожил всякие лишние бумаги, а эту страницу решил переслать Вам.

Выздоровливайте быстрее!

Передайте мои новогодние поздравления Серафиме Алексеевне.

С уважением

М. Панов

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 119. Л. 1. Автограф голубыми чернилами на оборотной стороне новогодней открытки.

4. С.И. Ожегов – Ф.П. Филину

[Москва], 1. VI. [19]63

Дорогой Федот Петрович!

Как везде, у нас в Институте образовалась комиссия контроля. Обследовали тему «Рус<ский> яз<ык> и сов<етское> о<бщест>во»²³. И крайне удивились, что проспект не обсужден в Ленинграде, в Словарном секторе, и постановили рекомендовать дирекции организовать обсуждение²⁴. Лучше не поздно, чем никогда! Не знаю, будет ли официальное предложение. Пишу как заинтересованное лицо, которому очень важно мнение ленинградских товарищей. Если решить обсудить (чему я буду очень рад и благодарен за критику), то хорошо бы это сделать 28–30 июня – я мог бы приехать. Надеюсь, что мы встретимся на словарной комиссии 11–12 июня и поговорим о подробностях.

С искренним приветом

С. Ожегов

Мой новый адрес:

Москва, В-333

2^й Академич<еский> проезд

Д. 4, кв. 72.

ОР РГБ. Ф. 816. К. 32. Ед. хр. № 60. Л. 1. Автограф голубыми чернилами на небольшом листе бумаги.

5. С.И. Ожегов – Ф.П. Филину

[Москва], 30. VIII. [19]63

Дорогой Федот Петрович!

Живу я сейчас в Прибалтике, в санатории. Но жизнь малорадостная, хотя природа великолепная: идет мелкий дождь, изредка выглядывает солнце. И полная тишина, что уже отлично.

Получил ли, наконец, проспекты «Рус<ского> яз<ыка> и сов<етского> о<бщест>ва»? По приезде из Л<енингра>да мне сказали, что экземпляров нет, потом сказали, что есть и pošлют. Вот какая оказия! Дело разделения сектора очень форсируется (из Института! – хотя ВВ²⁵ нет). В аппарате Президиума это мероприятие не вызывает восторга²⁶. По-видимому[,] к нему вернуться, когда ВВ возвратится из Болгарии, т.е. в конце сентября²⁷. М<ожет> б<ыть>[,] это совпадет и с твоим приездом через Москву. В Президиуме существует версия, что Институт на новый сектор выдвигает человека нового направления. И с каких это пор Трубецкой в 60^е гг. новое направление?²⁸ Напиши мне, если будет охота. Здесь мы до 16 сентября.

Сердечный привет
Анне Ивановне²⁹
Серафима Алексеевна³⁰ кланяется.
С искренним приветом

С. Ожегов

Сигулда, Латв<ийская> ССР

Сан<аторий> «Сигулда», корп. 1, ком. 4.

ОР РГБ. Ф. 816. К. 32. Ед. хр. № 60. Л. 2. Автограф голубыми чернилами на небольшом листе бумаги.

6. С.И. Ожегов – Ф.П. Филину

[Москва], 3. XI. [19]63

Дорогой Федот Петрович!

Серафима Алексеевна и я поздравляем Анну Ивановну и тебя с Октябрьским праздником и желаем всего, всего хорошего.

Спасибо за поздравление. Книгу³¹ твою я получил, спасибо. Но отложил писать, так как получил сведения, что в городе ты будешь не раньше 10. XI. Да и адреса домашнего я не знал, не записал тогда при встрече. Дня три-четыре тому назад звонил к тебе по телефону домой, но он молчал...

Первого ноября Президиум утвердил разделение секторов (без обсуждения, как это бывало обычно и как было в аналогичном случае недавно по Институту истории) и Земскую³² зам. директора. Панову передана моя проблема³³. Держится он так же, если грознее³⁴, как в феврале этого года в Ленинграде. Для меня сложилась очень трудная ситуация. Командует, как это очевидно, новое окружение. Как-нибудь на днях позвоню по телефону вечером (боюсь только, что сейчас переговорные пункты перегружены). В ноябре предполагается поездка в Л<енингра>д представителя дирекции, С.И. Коткова³⁵ (к<ото>рый до сих пор настаивает на обсуждении проблемы в Л<енингра>де – хотя проспектов так и не послали) и, кажется, Панова.

Пока еще ничего не мог сделать, чтобы кадры нового сектора составлялись не по милости. В общем, праздники мои не ахтиительные, да и ближайшее будущее не сулит хорошего.

С искренним приветом

твой С. Ожегов

ОР РГБ. Ф. 816. К. 32. Ед. хр. № 60. Л. 3. Автограф голубыми чернилами на небольшом листе бумаги.

7. В.Д. Бондалетов³⁶ – С.И. Ожегову

10 апр<еля> [19]64 г.

г. Пенза

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!³⁷

Большое спасибо Вам за копию бумаги – благодарности, посланной Василию Семеновичу Дубровину³⁸ (в Ульяновскую обл.).

Я получил от Дубровина В.С. письмо. Он много пишет о своих планах по собиранию и систематизации масовских слов³⁹. Видимо, Ваше письмо очень помогает ему в его трудной работе, которую без вдохновения и убежденности в ее полезности было бы трудно вести. <...>

Продолжаю заниматься своими условно-профессиональными языками, выявлением русского по происхождению и иноязычного фондов (в частности, финно-угорских слов – мордовских, марийских, удмуртских, коми). <...>

Большое спасибо Вам за внимание и помощь.

С сердечным приветом

В. Бондалетов

<...>

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 40. Л. 1. Автограф синими чернилами на тетрадном листке в клетку.

Сокращения

Архив РАН – Архив Российской академии наук (Москва).

Ед. хр. – единица хранения.

ИРЯ – Институт русского языка АН СССР (с 1995 г. – Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН).

К. – картон.

Оп. – опись.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Ф. – фонд.

Примечания

¹ Сердечно благодарим за помощь в комментировании отдельных фрагментов писем доктора филологических наук, профессора, заведующего Отделом современного русского языка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН Л.П. Крысина, работавшего в возглавляемом С.И. Ожеговым Секторе культуры речи ИРЯ в 1958–1963 гг., а также доктора филологических наук, главного научного сотрудника Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ Л.Л. Шестаковой.

² При воспроизведении и текстологической обработке писем мы сохранили авторскую стилистику, пунктуацию, орфографию и сокращения. С целью упорядочения подачи материала датировка документов вынесена в начало писем. Недописанные части слов в ряде случаев раскрываются в угловых скобках, незначительные пропуски восстанавливаются в квадратных скобках. Подчеркивание заменено курсивом.

³ Бабкин Александр Михайлович (1907–1986) – лингвист, лексикограф, специалист в области лексикологии, фразеологии и грамматики русского языка, лауреат Ленинской премии.

⁴ В левом верхнем углу С.И. Ожегов написал: «Отв<етил> 18. VII. 58».

⁵ С.И. Ожегова утвердили в ученой степени доктора филологических наук решением Высшей аттестационной комиссии от 12 июня 1958 г. [Архив РАН. Ф. 411. Оп. 58. Ед. хр. № 587. Л. 21] без защиты диссертации, *honoris causa*, на основании значительных заслуг перед наукой.

⁶ Борковский Виктор Иванович (1900–1982) – языковед, академик АН СССР, лауреат Государственной премии СССР, изучал новгородские берестяные грамоты, специалист по историческому синтаксису русского и белорусского языков, исследователь и публикатор наследия академика Е.Ф. Карского, зятем которого являлся.

⁷ Григорьев Виктор Петрович (1925–2007) – филолог, специалист в области лингвистической поэтики, стилистики и языка художественной литературы, поэтической лексикографии, исследователь творчества Велимира Хлебникова [22], инициатор издания «Словаря языка русской поэзии XX века» (т. 1–9) [21].

⁸ Учитывая контекст письма, можно предположить, что указанные детали филологического «быта» связаны с разводом / второй женитьбой В.П. Григорьева. «Дело в том, что его семья действительно воспринимала этот шаг Виктора Петровича как поступок “изверга”, а вторая жена (Татьяна Юрьевна Строганова) тоже была сотрудницей ИРЯ. Руководство и общественность так или иначе были вовлечены в шумную историю, о чем говорил В.П. Григорьев, но без деталей» (уточнение Л.Л. Шестаковой).

⁹ Имеется в виду «Словарь языка русской советской поэзии» (см.: [19]). В полном виде замысел в то время не был реализован: «книга, предполагавшая описание языка 30 поэтов, так и не появилась, и одна из причин этого – огромный объем сложной составительской работы. Однако была подготовлена и издана в 1973 г. книга “Поэт и слово. Опыт словаря” [45]. В ней описан, по несколько измененной (но подробно изложенной) методике, язык 28 стихотворений 12 поэтов (если правильно помню, из тех 30). Выраженную в этих книгах идею словаря поэтического языка конкретной эпохи продолжает “Словарь языка русской поэзии XX века”» [21] (уточнение Л.Л. Шестаковой).

¹⁰ Речь идет о выдвижении сына ученого – архитектора Сергея Сергеевича Ожегова (1925–2017) на Государственную премию Узбекской ССР имени Хамзы Хаким-заде Ниязи. С.С. Ожегов принимал участие в создании в Ташкенте памятника 14 туркестанским комиссарам, открытого в 1962 г.

¹¹ Этими словами начиналось одноименное стихотворение известного поэта, журналиста и переводчика Л.Н. Мартынова (1905–1980), написанное в 1948 г.

¹² В.П. Григорьев цитирует строки из указанного стихотворения Л.Н. Мартынова.

¹³ Межиров Александр Петрович (1923–2009) – советский поэт и переводчик, лауреат Государственной премии СССР.

¹⁴ Кстати (франц.).

¹⁵ Иванов Вячеслав Всеволодович (1929–2017) – лингвист-индоевропеист, переводчик, семиотик и антрополог, академик РАН, директор Института мировой культуры МГУ, народный депутат Верховного Совета СССР, иностранный член Американского лингвистического общества, Британской академии.

¹⁶ Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) (1885–1922) – поэт и прозаик, представитель русского авангарда, словесный экспериментатор.

¹⁷ Вознесенский Андрей Андреевич (1933–2010) – поэт-шестидесятник, публицист, художник, лауреат Государственной премии СССР. На его стихи написаны популярные эстрадные песни.

¹⁸ Запись на эсперанто; перевод: «Будь счастлив, очень уважаемый коллега-бородач! С наилучшими новогодними пожеланиями и поздравлениями».

¹⁹ Твой (эсперанто).

²⁰ Панов Михаил Викторович (1920–2001) – лингвист и литературовед, представитель Московской фонологической школы, популяризатор науки, автор учебников по русскому языку и поэтических сборников.

²¹ Дата и место указываются по штемпелю на конверте (см.: Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 119. Л. 2). Там же указан адрес:

п/о Теплый Стан
сан. «Узкое», комн. 25
Ожегову Сергею Ивановичу
Москва, Панов М.В.

²² В 1962 г. в Алма-Ате проходила Всесоюзная конференция, посвященная закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Одним из ее результатов был проспект темы «Русский язык и советское общество», написанный в основном М.В. Пановым (разделы «Словообразование», «Словоизменение», «Синтаксис», «Фонетика», «Письмо (графика и орфография)», «Стилистика» [23. С. 23–108]), а также С.И. Ожеговым (раздел «Лексика» [23. С. 5–22]) и И.А. Осовецким (раздел «Влияние литературного языка на говоры» [23. С. 109–118]).

²³ См. комментарий к предыдущему письму.

²⁴ Речь идет об обсуждении темы в Словарном секторе Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, которым руководил в те годы Ф.П. Филин. В «Предисловии» к первой книге монографии «Русский язык и советское общество» отмечается, что «проспект обсуждался на расширенном заседании Сектора современного русского языка ИРЯЗ АН СССР, на Всесоюзной конференции, посвященной проблемам развития национальных языков в советскую эпоху (Алма-Ата, 1962), на заседании Ученого совета ИРЯЗ АН СССР» [24. Кн. 1. С. 5].

²⁵ Имеется в виду академик В.В. Виноградов (1895–1969) – директор Института русского языка АН СССР в 1958–1968 гг.

²⁶ В 1963 г. в Институте русского языка АН СССР был создан новый Сектор современного русского языка, отделившийся от Сектора культуры речи, возглавляемого С.И. Ожеговым. «У этих двух подразделений были разные направления научной деятельности и задачи: у Сектора

культуры русской речи – проблемы правильности языка и речи. Например, под руководством С.И. Ожегова выходил сборник “Вопросы культуры речи” [26], по его инициативе и под его же редакцией Л.П. Крысин и Л.И. Скворцов составили небольшой словарь “Правильность русской речи”, вышедший в 1962-м, а затем, 2-м и дополненным изданием, – в 1965-м [25]. У вновь образованного сектора – задачи исследования развития, структуры и функций литературного языка. Главным итогом их решения явились четырехтомник “Русский язык и советское общество” [24] и другие исследования (уточнение Л.П. Крысина).

²⁷ Академик В.В. Виноградов был руководителем советской делегации на V Международном съезде славистов, проходившем в Софии (Народная Республика Болгария) 16–23 сентября 1963 г.

²⁸ Намек на «человека нового направления» и упоминание в этой связи Н.С. Трубецкого дает повод предположить, что имелся в виду М.В. Панов, который как раз занимался изучением проблем фонетики. В.В. Виноградов, будучи директором ИРЯ, лично пригласил его на работу в конце 1960 г. (уточнение Л.П. Крысина).

²⁹ Имеется в виду жена Ф.П. Филина Дубровская Анна Ивановна (1910–1994).

³⁰ Имеется в виду жена С.И. Ожегова – преподаватель русского языка Ожегова Серафима Алексеевна (1903–1979).

³¹ Очевидно, имеется в виду книга Ф.П. Филина «Образование языка восточных славян» [46].

³² Земская Елена Андреевна (1926–2012) – лингвист, специалист по словообразованию, русской разговорной речи, языку русской эмиграции, племянница и крестница М.А. Булгакова, сотрудник ИРЯ.

³³ М.В. Панов в 1963 г. был назначен заведующим новым Сектором современного русского языка ИРЯ. «Исторически именно С.И. Ожегов еще в 1950-е годы выдвинул эту тему как исследовательскую, – поделился с нами воспоминаниями Л.П. Крысин. – Но, к сожалению, мало что сделал в данном направлении. Возможно, это обстоятельство повлияло и на разделение Сектора культуры речи, и на формирование Сектора современного языка, которому и была передана для дальнейшей разработки тема “Русский язык и советское общество”».

³⁴ Отношения С.И. Ожегова и М.В. Панова, по мнению Л.П. Крысина, не были враждебными: «Прохладными, скорее даже – нейтральными – да» (из письма Л.П. Крысина О.В. Никитину).

³⁵ Котков Сергей Иванович (1906–1986) – лингвист, специалист по диалектологии, истории русского языка и лингвистическому историко-лингвистическому исследованию, инициатор издания многочисленных книг с текстами памятников региональной деловой письменности.

³⁶ Бондалетов Василий Данилович (1928–2018) – языковед, специалист по социолингвистике, ономастике, диалектологии, исследователь русского арго.

³⁷ В левом верхнем углу С.И. Ожегов написал: «Отв<етил>. 27. IV. 64».

³⁸ Дубровин Владимир Семенович (1900–1972) – краевед, лексикограф, «ульяновский Даль», собиратель, издатель и толкователь тайных языков (см. о нем: [34]).

³⁹ В.С. Дубровин составил «Русско-масовский словарь», переданный автором в Институт русского языка АН СССР в 1960-х гг. Название «масовский» происходит от прочитанного наоборот слова *сам* – «мас». Это тайный язык портных, валяльщиков, мелких торговцев.

Список источников

1. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
2. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов) / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М.: Индрик, 2004. 432 с.
3. Алпатов В.М. Москва лингвистическая. М.: Изд-во Ин-та иностранных языков, 2001. 104 с.
4. Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012. 374 с.
5. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005. 432 с.
6. Воспоминания П. С. Кузнецова / предисл. и коммент. В.М. Алпатова // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7, № 1. С. 155–250.
7. Базылев В.Н. В борьбе за советскую лингвистику: очерк-антология. М.: СГУ, 2014. 379 с.
8. Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: антология / сост. В.Н. Базылев, В.П. Нерознак; под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. 575 с.
9. Переписка Ю.Г. Оксмана и Н.К. Гудзия (1930–1965) / вступ. ст., подг. текста и коммент. М.А. Фролова // Русская литература. 2020. № 4. С. 136–185.
10. Переписка Ю.Г. Оксмана и Н.К. Гудзия (1930–1965) [окончание] / вступ. ст., подг. текста и коммент. М.А. Фролова // Русская литература. 2021. № 1. С. 19–54.
11. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
12. Никитин О.В. «В ответ на Ваш запрос сообщая...» (К 70-летию издания «Словаря» С.И. Ожегова) // Русская речь. 2020. № 2. С. 115–127. doi: 10.31857/S013161170009277-3
13. Никитин О.В. «Словарь Ваш нужен всем»: письма к С.И. Ожегову 1940–1960-х гг. (К 120-летию со дня рождения ученого) // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 133–149. doi: 10.17223/22274200/18/7
14. Скворцов Л.И. Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) // Отечественные лексикографы XVIII–XX века / под ред. Г.А. Богатовой. М.: Наука, 2000. С. 315–332.
15. Скворцов Л.И. Сергей Иванович Ожегов – человек и словарь // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 81–92.
16. Ожегов С.С. Отец // Дружба народов. 1999. № 1. С. 205–217.
17. Словарь и культура русской речи: к 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Индрик, 2001. 557 с.
18. Никитин О.В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 231 с.
19. Григорьев В.П. Словарь языка русской советской поэзии. М.: Наука, 1965. 223 с.
20. Григорьев В.П. Список научных трудов В.П. Григорьева. URL: https://www.ruslang.ru/bibl/grigor_ev.pdf (дата обращения: 29.08.2022).
21. Словарь языка русской поэзии XX века: в 9 т. / сост. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2001–2022.
22. Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: избранные работы, 1958–2000-е годы. М.: Языки славянских культур, 2006. 813 с.
23. Русский язык и советское общество: проспект / отв. ред. акад. С.К. Кенесбаев. Алма-Ата: Акад. наук Каз. ССР, 1962. 117 с.
24. Русский язык и советское общество: социологическое лингвистическое исследование: в 4 кн. / под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968.
25. Правильность русской речи: словарь-справочник / сост. Л.П. Крысин, Л.И. Скворцов; под ред. С.И. Ожегова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1965. 232 с.
26. Вопросы культуры речи: сб. ст. / под ред. С.И. Ожегова. М.: Изд-во АН СССР, 1955–1967. Вып. 1–8.
27. Русское литературное произношение и ударение: опыт словаря-справочника / под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 588 с.
28. Крысин Л.П. К. Чуковский. Переписка с московскими лингвистами // Русская речь. 1991. № 5. С. 36–53.
29. Ожегов С.И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1951. Т. 10, вып. 1. С. 22–37.
30. Ожегов С.И. Из истории слов социалистического общества // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 67–76.

31. Ожегов С.И. Лексика // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. М. : Высшая школа, 1974. С. 46–72.
32. Русский язык и советское общество [интервью] // Русский язык за рубежом. 1967. № 3. С. 19–29.
33. Ожегов С.И. О просторечии (к вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 93–110.
34. Бондалетов В.Д., Алексеев Д.И. Народный филолог В.С. Дубровин // Русская речь. 1969. № 3. С. 106–109.
35. Русский язык по данным массового обследования : опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л.П. Крысина. М. : Наука, 1974. 351 с.
36. Крысин Л.П. Русский язык по данным массового опроса : (опыт конкретного социолингвистического исследования). М. : Наука, 1968. 114 с.
37. Крысин Л.П. Социолингвистическое исследование вариантов современного русского литературного языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 30 с.
38. Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. М. : Флинта, 2021. 355 с.
39. Земская Е.А. Русская разговорная речь : проспект. М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1968. 97 с.
40. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М. : Просвещение, 1964. 244 с.
41. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М. : Наука, 1977. 168 с.
42. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 1980. 240 с.
43. Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. : формы словоизменения. М. : Наука, 1979. 328 с.
44. Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л.П. Крысина. М. : Языки славянской культуры, 2014–2021. Вып. 1–4.
45. Поэт и слово : опыт словаря / под ред. В.П. Григорьева. М. : Наука, 1973. 455 с.
46. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 294 с.

References

1. Ashnin, F.D. & Alpatov, V.M. (1994) *“Delo slavistov”*: 30-e gody [“The tragedy of the Slavists”: the ‘30s]. Moscow: Nasledie.
2. Robinson, M.A. (2004) *Sud’by akademicheskoy elity: Otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh gogov)* [The fate of the academic elite: Russian Slavic studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik.
3. Alpatov, V.M. (2001) *Moskva lingvisticheskaya* [Linguistics in Moscow]. Moscow: Institute of foreign languages.
4. Alpatov, V.M. (2012) *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, orientologists, historians]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur.
5. Alpatov, V.M. (2005) *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
6. Kuznetsov, P.S. (2003) P.S. Kuznetsov’s reminiscences. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 7 (1). pp. 155–250. (In Russian).
7. Bazylev, V.N. (2014) *V bor’be za sovetskuyu lingvistiku: ocherk-antologiya* [In the struggle for Soviet linguistics: an essay-anthology]. Moscow: SSU.
8. Neroznak, V.P. (ed.) (2001) *Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznanija: Antologiya* [Twilight of linguistics. From the history of Russian linguistics: an anthology]. Moscow: Academia.
9. Frolov, M.A. (2020) Correspondence of Yu. G. Oksman and N.K. Gudziy (1930s–1965). *Russkaya literatura*. 4. pp. 136–185. (In Russian).
10. Frolov, M.A. (2021) Correspondence of Yu. G. Oksman and N.K. Gudziy (1930s–1965) (the end). *Russkaya literatura*. 1. pp. 19–54. (In Russian).
11. Bocharov, S.G., Radzishchevskiy, V.V. (introd.) (1996) *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [Conversations of V.D. Duvakin with M.M. Bakhtin]. Moscow: Progress.
12. Nikitin, O.V. (2020) “In Response to your request I inform...” (The 70th anniversary of publishing the “Dictionary” by S.I. Ozhegov). *Russkaya rech*. 2. pp. 115–127. (In Russian). doi: 10.31857/S013161170009277-3
13. Nikitin, O.V. (2020) “We all need your Dictionary”: Letters to Sergey Ozhegov of the 1940s–1960s (To the 120th anniversary of the birth of the scholar). *Voprosy leksikografii*. 18. pp. 133–149. (In Russian).
14. Skvortsov, L.I. (2000) Sergey Ivanovich Ozhegov (1900–1964). In: *Otechestvennye leksikografy XVIII–XX veka* [Russian lexicographers of the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 315–332.
15. Skvortsov, L.I. (2000) Sergey Ivanovich Ozhegov – a person and a dictionary. *Voprosy yazykoznanija*. 5. pp. 81–92. (In Russian).
16. Ozhegov, S.S. (1999) Father. *Druzhba narodov*. 1. pp. 205–217. (In Russian).
17. Shvedova, N.Yu. (2001) *Slovar’ i kul’tura russkoy rechi: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech: To the 100th anniversary of the birth of S.I. Ozhegov]. Moscow: Indrik.
18. Nikitin, O.V. (2012) *Ocherki po istorii russkoy leksikografii pervoy poloviny XX veka (tolkovye slovari)* [Essays on the history of Russian lexicography of the first half of the 20th century (explanatory dictionaries)]. Slavyansk-na-Kubani: Branch of Kuban State University in Slavyansk-na-Kubani.
19. Grigoriev, V.P. (1965) *Slovar’ yazyka russkoy sovetskoy poezii* [Dictionary of language of Russian Soviet poetry]. Moscow: Nauka.
20. Grigoriev, V.P. (2022) *Spisok nauchnykh trudov V.P. Grigorieva* [List of scientific studies by V.P. Grigoriev]. [Online] Available from: https://www.ruslang.ru/bibl/grigor_ev.pdf (Accessed: 29.08.2022).
21. Grigoriev, V.P. & Shestakova, L.L. (comp.) (2001–2022) *Slovar’ yazyka russkoy poezii XX veka* [Dictionary of the Russian poetry of the 20th century]. Vols 1–9. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
22. Grigoriev, V.P. *Velimir Khlebnikov v chetyrekhmernom prostranstve yazyka: izbrannye raboty, 1958–2000-e gody* [Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of language: Selected works, 1958–2000s]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur.
23. Kenesbaev, S.R. (ed.) (1962) *Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo: Prospekt* [The Russian language and Soviet society: Prospect]. Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR.
24. Panov, M.V. (ed.) (1968) *Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie* [The Russian language and Soviet society: sociolinguistic study]. In 4 vols. Moscow: Nauka.
25. Ozhegov, S.I. (ed.) (1965) *Pravil’nost’ russkoy rechi: Slovar’-spravochnik* [Correctness of Russian speech: Reference dictionary]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
26. Ovegov, S.I. (ed.) (1955–1967) *Voprosy kul’tury rechi: sbornik statey* [Problems of culture of speech: Collection of articles]. Issues 1–8. Moscow: USSR Academy of Sciences.
27. Avanesov, R.I. & Ozhegov, S.I. (eds) (1955) *Russkoe literaturnoe proiznoshenie i udarenie: Opyt slovarya-spravochnika* [Russian literary pronunciation and accent: An experience of reference dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional’nykh slovarey.
28. Krysin, L.P. (1991) K. Chyukovskiy. Correspondence with Moscow linguists. *Russkaya rech*. 5. pp. 36–53. (In Russian).
29. Ozhegov, S.I. (1951) The main features of the development of the Russian language in the Soviet era. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 10 (1). pp. 22–37. (In Russian).
30. Ozhegov, S.I. (1952) From the history of the words of the socialist society. In: *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznanija AN SSSR* [Reports and messages of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences. pp. 67–76. (In Russian).
31. Ozhegov, S.I. (1974) *Leksika* [Lexis]. In: Ozhegov, S.I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul’tura rechi: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech: Study guide for institutions]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 46–72.

32. *Russkii yazyk za rubezhom*. (1967) The Russian language and Soviet society (interview). 3. pp. 19–29. (In Russian).
33. Ozhegov, S.I. (2000) About common speech (to the problem of the language of the city). *Voprosy yazykoznaniiya*. 5. pp. 93–110. (In Russian).
34. Bondaletov, V.D. & Alekseev, D.I. (1969) Folk philologist V.S. Dubrovin. *Russkaya rech*. 3. pp. 106–109. (In Russian).
35. Krysin, L.P. (ed.) (1974) *Russkii yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya* [Russian language according to mass research: experience of sociolinguistic study]. Moscow: Nauka.
36. Krysin, L.P. (1968) *Russkii yazyk po dannym massovogo oprosa: (Opyt konkretnogo sotsiolingvisticheskogo issledovaniya)* [Russian according to the mass survey: (Experience of a specific sociolinguistic study)]. Moscow: Nauka.
37. Krysin, L.P. (1980) *Sotsiolingvisticheskoe issledovanie variantov sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Sociolinguistic research of variants of the modern Russian literary language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
38. Krysin, L.P. (2021) *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow: Flinta.
39. Zemskaya, E.A. (1968) *Russkaya razgovornaya rech: Prospekt* [Russian colloquial speech: Prospect]. Moscow: USSR Institute of the Russian language.
40. Shmelev, D.N. (1964) *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on Russian semasiology]. Moscow: Prosveshchenie.
41. Shmelev, D.N. (1977) *Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh* [The Russian language in its functional varieties]. Moscow: Nauka.
42. Vinokur, T.G. (1980) *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinit* [Regularities of stylistic use of linguistic units]. Moscow: Nauka.
43. Vorontsova, V.L. (1979) *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv.: Formy slovoizmeneniya* [Russian literary stress of the 18th–20th centuries: Forms of inflection]. Moscow: Nauka.
44. Krysin, L.P. (ed.) (2014–2021) *Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Issues 1–4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
45. Grigoriev, V.P. (ed.) (1973) *Poet i slovo: Opyt slovary* [Poet and word: an experience of a dictionary]. Moscow: Nauka.
46. Filin, F.P. (1962) *Obrazovanie yazyka vostochnykh slavyan* [Formation of the language of the Eastern Slavs]. Moscow: Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Информация об авторе:

Никитин О.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: olnikitin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Nikitin, Dr. Sci. (Philology), professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: olnikitin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 15.09.2022;
approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/491/2

«Гамлет» У. Шекспира и русская литература: от классицизма к сентиментализму

Ольга Борисовна Лебедева¹, Дарья Константиновна Филиппова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ obl25@yandex.ru

² darya.phil@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены трагедии «Гамлет» А.П. Сумарокова и «Гамлет» С.И. Висковатова с точки зрения проявления в них черт доминирующих в русской литературе методов. Сумароков и Висковатов выступают не как переводчики, а как оригинальные авторы: они стремятся адаптировать произведение под духовные запросы русского читающего общества и встроить произведение в систему оригинальной русской литературы, что отражается через трансформацию поэтики, сюжета и архитектоники исходной трагедии Шекспира.

Ключевые слова: Шекспир, Сумароков, Висковатов, Гамлет, классицизм, сентиментализм

Для цитирования: Лебедева О.Б., Филиппова Д.К. «Гамлет» У. Шекспира и русская литература: от классицизма к сентиментализму // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 16–23. doi: 10.17223/15617793/491/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/2

Hamlet by Shakespeare and Russian literature: From classicism to sentimentalism

Olga B. Lebedeva¹, Darya K. Philippova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ obl25@yandex.ru

² darya.phil@gmail.com

Abstract. Translations, imitations and adaptations clearly demonstrate the general features of the literary process and its dynamics. Therefore, S.I. Viskovatov's imitation of 1810 and A.P. Sumarokov's alteration of 1748 occupy a special place in the reception of Shakespeare's tragedy *Hamlet* in Russian literature. The article presents an analysis of these two independent works from the point of view of the presence of Shakespeare's text in them, as well as from the point of view of reflecting the aesthetic features of the historical and literary process in them. The pathos of Sumarokov's tragedy, as mid-century classicism suggests, is moral and political. All action in the text is due to the situation of violation of the rule of law and the legitimacy of power. Political conflict is the basis for the classic conflict of duty and feeling. *Hamlet* turns out to be a suitable material for judgments about Russian topical social and political problems. In the case of Sumarokov's alteration, the method of interaction with foreign material is used through the separation of the plot from the poetics. Existential intimate crises under the influence of dominant classicism are transformed into collective categories – the state and the people. Such transformations reflect the fundamental features of the literary process of the era and the socio-political context. Viskovatov's imitativeness consists rather in conveying the impression produced by English literature – primarily sentimentalism in this period. The sentimental poetics of tragedy-imitation is determined, on the one hand, by the influence of foreign literature on Russian literature, and, on the other hand, by the influence of the Russian historical and cultural process proper on literature coming from outside. Existing in the space of Russian literature, the tragedy also has features of classicism. In Viskovatov's tragedy-imitation, Russian edifying classicism coexist equally, with a dominant political conflict and the theme of the usurpation of power, and Russian "cemetery" sentimentalism, which drew attention to the strength and importance of human feelings. So, we can say that the first two Russian *Hamlets* meet the aesthetic and ideological needs of contemporary society, and do not acquaint readers with English literature. When working with foreign material, the authors strive to adapt the work to the spiritual needs of the Russian reading society and integrate the work into the system of Russian literature.

Keywords: Shakespeare, Sumarokov, Viskovatov, *Hamlet*, classicism, sentimentalism

For citation: Lebedeva, O.B. & Philippova, D.K. (2023) *Hamlet by Shakespeare and Russian literature: From classicism to sentimentalism*. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 491. pp. 16–23. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/2

Подробное рассмотрение рецепции вечного образа Гамлета в русской литературе невозможно представить без последовательного изучения всех версий его интерпретации в русском литературном процессе. Особое место среди русских «Гамлетов» занимают подражание С.И. Висковатова и переделка А.П. Сумарокова.

В контексте изучения творчества Шекспира в русской литературе оба этих произведения – факты опосредованного межкультурного взаимодействия. Шекспир приходит в русскую литературу через посредничество французской: «Гамлет» С.И. Висковатова и «Гамлет» А.П. Сумарокова не могут претендовать на историко-культурное место среди переводов Шекспира – их изучение было бы уместнее в контексте русско-французских литературных связей, а не русско-английских. И если А.П. Сумароков прямо обозначает свое произведение как переделку с французского прозаического перевода Антуана де Лапласа и даже отрицает связь своего «Гамлета» с произведением английского драматурга, то С.И. Висковатов снабжает трагедию подзаголовком «Подражание Шекспиру» [1. С. 1]. «Гамлет» дважды входит в русскую литературу – как переделка с французского в 1748 г. и как подражание английскому в 1810 г. Указание источников и хронологические рамки создания и публикации работ имеют принципиальное значение для жанровой атрибуции и установления художественных особенностей текстов.

О своей трагедии «Гамлет» А.П. Сумароков говорил следующее: «Гамлет мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову трагедию едва-едва походит» [2. С. 117]. Подробный разбор трагедии раскрывает все различия оригинала Шекспира и его первой русской переделки. Несмотря на отрицания самого автора и действительное обилие изменений, в тексте сохраняются оригинальные шекспировские сюжетобразующие, эстетические и семантические элементы. «Гамлет» А.П. Сумарокова – это переделка «Гамлета» Шекспира, как если бы трагедия Шекспира была написана в эстетических рамках русского классицизма XVIII в.

Пафос трагедии А.П. Сумарокова, как и предполагает классицизм середины века, морально-политический. По замечанию Г.А. Гуковского, трагедии А.П. Сумарокова «должны были явиться демонстрацией его политических взглядов, училищем для царей и правителей российского государства, прежде всего училищем для российского дворянства» [3. С. 150]. Дидактическая мысль, заключенная в трагедии-переделке «Гамлет», – несовместимость долга монарха и личных страстей, которые ведут к упадку государства и личности.

Тема узурпации власти, сюжетобразующая, но все же не доминирующая у Шекспира, представлена у А.П. Сумарокова принципиально иначе – она текстообразующая и подчиняет себе все остальные, что характерно для литературы в социально-политической ситуации в России XVIII в. Все действие в тексте А.П. Сумарокова обусловлено ситуацией нарушения законности и легитимности власти. Политический

конфликт – это основа для классицистического конфликта долга и чувства.

Еще одним важным сюжетным изменением становится то, что убийство Гамлета старшего, предыдущего монарха, совершил не Клавдий, а Полоний. По своей функции и степени присутствия в тексте Полоний вообще здесь более активен: он не просто вельможа при дворе, он «наперсник Клавдиев» [4. С. 60], его поверенный, он ведет собственную игру в дворцовом круговороте событий. Однозначно отрицательная характеристика Полония как убийцы и его роль в социально-политическом конфликте узурпации власти прямо связаны с борьбой чувства и долга принца Гамлета, ведь он – отец его возлюбленной Офелии. Заменой фигуры убийцы прежнего короля А.П. Сумароков создает классицистическую коллизию для заглавного героя:

Арманс:

*<...> Полоний смерть приятъ достоин как злодей;
Но, Гамлет! он отец возлюбленной твоей* [4. С. 64].

Основным антагонистом и помехой решимости Гамлета установить справедливость в государстве становится именно Полоний. Сам же король Клавдий представлен куда менее решительным, в начале второго акта его даже мучают совесть и желание раскаяться:

Клавдий:

*<...> Восколебало мя ужасное то слово,
И сердце сделало к раскаяню готово.
(Пад на колени)* [4. С. 74].

Так, в тексте А.П. Сумарокова даже незаконный правитель государства предстает в попытке раскаяться в своих грехах, признать их и встать на путь исправления. Однако это намерение Клавдия останавливает истинный злодей Полоний. В конце их разговора Клавдий полон решимости убить Гамлета младшего и жениться на полониевой дочери Офелии.

Полоний предстает как антагонист не только внутри трагедии, но и во внетекстовом пространстве: он прямо противоположен дидактической мысли А.П. Сумарокова о просвещенном монархе. Для Полония король предстает единоличным правителем государства, которому ничто не ставится в вину. Противоположную же мысль – о сумароковском идеале правителя как вершителя высшей справедливости и служителя народа – вносит в текст наперсник Гамлета Арманс, замена шекспировского Горацио.

Его верность Гамлету младшему становится основой для его контактов с народом. Арманс открывает людям истину о преступлении Клавдия и Полония, о захвате власти. Вместе с тем в его словах очевидна нравоучительная дидактическая мысль о единстве народа и его властителя. Образ Арманса раскрывается в тексте в сюжетной линии наставничества, его опека над молодым «князем» имеет исключительно чистые и честные намерения, он искренне верит в торжество справедливости в государстве. Арманс – тот тип персонажа, которого Ю.В. Стенник описывает как «мудрого вельможу, нейтрального к перипетиям трагического действия, в уста которого драматург вкладывает поучения монархам, прокламируя собственные политические идеалы» [5. С. 65].

Значение же народа как ближайшего друга и силы для правителя особенно акцентировано в пятом действии. После попытки убийства Гамлета младшего против Клавдия поднимается народный бунт:

Воин:

Сей замок, государь, народом весь объят,

И люди ото всех сторон к нему летят:

<...> Ищите, воины, злодеев сих ищите,

Кем Гамлет поражен, и смерть его отмстите [4. С. 109].

По настоянию Полония Клавдий выходит к народу и погибает. Полоний же убивает сам себя, находясь под стражей. Его смерть становится содержанием последней в трагедии вообще реплики Офелии:

Офелия:

<...> Я все исполнила, что дочери надлежало:

Ты само небо днесь Полонья покарало! [4. С. 119].

В конечном итоге социально-политический сюжет у А.П. Сумарокова кардинально отличается от такового у Шекспира. Праведным в какие-то моменты предстает даже монарх-антагонист Клавдий – в минуту слабости и раскаяния, а также в момент ухода на суд к народу. Истинным же константным антагонистом выступает лишь его советник Полоний. Монарх-протагонист при этом имеет высокую миссию, которая останавливает его и в попытке самоубийства:

Гамлет:

<...> Нельзя мне умереть; исполнить надлежит,

Что совести моей днесь истинна гласит [4. С. 96].

Монарх-протагонист у А.П. Сумарокова – служитель истины и народа, его сопровождает верный мудрый советник. В конце трагедии модель правящей семьи у А.П. Сумарокова не разрушена до основания: ни прежний монарх, ни Клавдий, ни Полоний не погибли от рук родственников, Гертруда же сама удалилась от людей искать прощения грехов, вызванных губительными страстями. Нет у А.П. Сумарокова и шекспировской «горы трупов» и ощущения неизбежно наступающего апокалипсического времени, его приход остановлен исправлением в мыслях и поступках лидера государства под воздействием идей Просвещения. А.П. Сумароков при этом не возлагает всю ответственность исключительно на правителя – и Гамлет младший, и Клавдий подвергаются воздействию своего ближайшего окружения. Это воздействие может иметь как положительные созидательные результаты, так и отрицательные разрушительные. Трагедия-переделка становится уроком не только для монарха, но и для дворцовых вельмож, призывая их к ответственности за свое влияние.

Классическая коллизия разумной и неразумной страсти – долга и чувства – воплощена в как бы безвыходной коллизии Гамлета: он должен отомстить, но не может навредить отцу возлюбленной Офелии, т.е. своей потенциальной семье:

Офелия:

Я, Князь, злодея в нем, как ты, уничтожаю;

Однако в нем отца люблю и почитаю.

Гамлет:

Сей варвар моего родителя убил.

Офелия:

Но, Гамлет, он твою возлюбленну родил [4. С. 111].

Классицистическую природу конфликта особенно раскрывает финал трагедии, где Полоний в тюрьме убивает себя сам: напряжение снято без активного участия героя – как в античном приеме появления богов в финале. При этом страсть Гамлета – любовь к Офелии – спасает его от того, чтобы стать убийцей. Страсти же Клавдия, Полония и Гертруды носят разрушительный характер – это жажда власти или запретная любовь, разрушающие последовательно супружескую верность, семью и государство. Любовь Гамлета имеет противоположную созидательную силу сохранения семьи и гармонии:

Гамлет:

Владычеству любовь, когда твоя днесь сила

И рассуждение, и дух мой покорил!

Восстань Офелия! ты власть свою нашла!

Отри свои глаза! напасть твоя прешла [4. С. 115].

Оба монарха в трагедии – и Гамлет, и Клавдий – подвергаются влиянию страстей: так, в тексте обнаруживается сразу две трагические истории любви и обретения власти. Один монарх проверку страстями не проходит и погибает, второй выбирает долг перед народом, за что условно награжден автором хорошим для него финалом – обретением и власти, и возлюбленной.

Таким образом, А.П. Сумароков радикально трансформирует исходную трагедию Шекспира: семейный конфликт он заменяет на конфликт между властью и подданными, что является типичной ситуацией для его трагедий вообще, а рефлексию и метания беспокойного ума Гамлета меняет на классицистическое противостояние общественного долга и индивидуального чувства – такая трагическая коллизия эстетически была близка литературе эпохи. При этом ни один из персонажей-монархов не скомпрометирован собственноручным убийством. Братоубийство как отправная точка трагедийных событий у Шекспира здесь описано не так однозначно – Клавдий раскаивается в своих помыслах, а непосредственный убийца – его наперсник. Также не скомпрометирован и Гамлет: от его руки никто в тексте не погиб – смерть Полония становится своеобразным вариантом “*deus ex machina*”. Просвещенный монарх, каким в конечном счете Гамлет стремится стать под влиянием Арманса, – здесь именно рациональное организующее государство начало, идеал А.П. Сумарокова, а не грубая сила и вершитель судеб, подвластный собственным разрушительным страстям. Губительность для государства личной слабости монарха раскрывается в образе Клавдия, в то время как разумность и долг перед государством и совестью в конечном счете восстанавливают мировой порядок.

Сюжетными изменениями в переделке А.П. Сумарокова снимается проблема раскола, кризисности и катастрофичности времени как организующей все другие темы. Отдельно взятые герои гармонично существуют в рамках своей эпохи, однако непокой в правящей семье прямо относится к состоянию государства и дестабилизирует ситуацию в народе. Нестабильность власти и монарх-узурпатор становятся причиной народного бунта – катастрофичности времени общественного, а не личного трагического несоответствия

эпохе у Гамлета. Интересно и то, что понятия «время» и «времена» рифмами параллельны лексеме «бремя» – такая пара частотна для трагедий Сумарокова вообще. Нестабильность временного устройства мира в трагедии-переделке рассмотрена в контексте социально-политическом, а не шекспировском онтологическом. Возвращение Гамлета происходит на фоне недовольства народа: народ восстает отомстить за монарха, которого, во многом благодаря Армансу, полюбил и которого хотел бы видеть на престоле.

Сумароковское противопоставление народа и власти как взаимно влияющих друг на друга социальных конструктов очевидно и через ряды рифм. Власть – «пред Богом пасть», «ону страсть», власти – «негодной страсти», «моей напасти», «мои напасти». Народ – «роде», «природе», народа – «природа». При этом «народ» зачастую сопровождается словами «глас», «всего», «всех», «истина», «бремя», что делает его именно собирательной метафорой государственной ситуации в момент событий трагедии. Власть же в первую очередь – «страсть» и «напасть», она приносит героям несчастья и разлад – Гамлет теряет отца, а Клавдия мучает совесть. Если страсть Гамлета – любовь к Офелии, которая до какой-то степени имеет перспективу и осуществима, то страсти Клавдия – запретная любовь к Гертруде и жажда власти, подавившись которым он и создает кризисную ситуацию в государстве. А.П. Сумароков устанавливает прямую зависимость жизни народа от персональной ответственности монарха. Просвещенный монарх – доминирующая идеология эпохи, а в трагедии-переделке «Гамлет» на материале известного европейского сюжета концентрированно представлены основы благополучия народа и страны.

Такая версия «Гамлета» была не нова для европейской литературы: обращение к вопросу о Шекспире во французском классицизме полнее раскрывает возможные генетические основы «Гамлета» А.П. Сумарокова. Ряд Вольтер – де Лаплас – Дюсис выстраивает путь освоения трагедий Шекспира во французской литературе, а процесс, происходящий в русской литературе, в какой-то степени повторяет его, но сокращенно.

По мнению П.Р. Заборова, французские авторы трансформировали шекспировские трагедии, придавая исходному сюжету новое звучание в соответствии с эстетическими установками времени. Путь Гамлета во французской литературе – это сохранение сюжетной основы и облачение ее в современный, т.е. классицистический, эстетический вид. Такое преобразование производит в русской литературе с текстом Шекспира А.П. Сумароков. Он, как и Дюсис, имеет первоисточником, скорее всего, прозаический перевод де Лапласа, который он преобразует в соответствии с поэтикой и эстетикой современной национальной литературы, с одной стороны, и социально-политическим контекстом – с другой. Эта модель оказалась жизнеспособной в русской литературе, поскольку в основе своей имела представления французского Просвещения, интересовавшие общественность XVIII в. «Гамлет» оказался крайне пригодным сюжетом для суждений

о русских злободневных общественно-политических проблемах.

Так, в русской литературе усваивается не только французское видение «Гамлета», лишенное стереотипных дикости страстей и непросвещенности, в которых обвиняли Шекспира, но и сам метод взаимодействия с иностранным материалом через отделение сюжета от поэтики. Эстетические изменения иначе расставляют тематические акценты, влияют на систему персонажей, развитие конфликта. «Гамлет» Шекспира предстает, скорее, призраком для трагедий французских классиков и вслед за ними для А.П. Сумарокова.

Просвещение и доминирующий классицизм изменили произведения Шекспира до неузнаваемости – отсюда и отрицание А.П. Сумароковым связи с исходной английской трагедией. Экзистенциальные интимные кризисы переносятся в категории коллективные – государство и народ. Такие трансформации отражают принципиальные особенности литературного процесса эпохи, социально-политический контекст, а также определяют главную линию интерпретации трагедии Шекспира для следующих работ, к ней относящихся.

Можно отметить влияние классицистического «Гамлета» А.П. Сумарокова на переводы Шекспира уже в XIX в.: трагедию-переделку, например, упоминает Н.А. Полевой в своем анализе «Бориса Годунова» Пушкина. Он говорит о Полонии как о преувеличенном злодее, каким стал у Пушкина Годунов. Через несколько лет Н.А. Полевой создаст собственный перевод «Гамлета», который, как и переделка Сумарокова, будет в большей степени социально-политическим.

Другого «Гамлета» русский читатель увидит в подражании С.И. Висковатова 1810 г. Эта версия содержательно и эстетически так же мало соответствует заявленному в подзаголовке Шекспиру, а подражательность С.И. Висковатова состоит, скорее, в передаче впечатлений, производимого английской литературой – в первую очередь в этот период сентименталистской. Однако, существуя все же в пространстве русской литературы, трагедия имеет и неожиданные черты классицизма.

С.И. Висковатов последовательно соблюдает три единства, о чем иронично отзываются даже его современники. Стилизация «под классицизм» кажется архаизмом в 1810 г. Единство действия значительно обедняет содержание трагедии, а единство времени лишает ее темы мучений рефлектирующего сомневающегося ума: принц, а в финале трагедии уже король Дании принимает решение о наказании убийц отца как будто без сомнений, он следует велению призрака отца (именуемого в тексте мечтой и не имеющего сценического воплощения), а единственное колебание его связано с разрушением семейных уз – убийством своей матери Гертруды.

Присутствует в трагедии-подражании и прямая декларация четких позиций героев, что лишает ее искренности чувств и страстей, к которой стремится сентиментализм. Ключевое решение для Гамлета состоит не в том, чтобы обвинить или не обвинить Клавдия и Гертруду, пройти стадии принятия ответственности и необходимости активных действий, а в том, чтобы

отказаться от любви Офелии (здесь – дочери Клавдия) в пользу свершения праведного суда и служения отечеству, как было у А.П. Сумарокова:

Гамлет:

<...> Велением небес, велением богов

Я должен истреблять природу и любовь [1. С. 25].

Дидактичность и назидательность трагедии акцентируются финальным диалогом Гамлета и Гаральда (замены шекспировского Горацио) и под занавес репликой: «*Отечество! тебе пожертвую собой!*» [1. С. 56].

История принца Датского для С.И. Висковатова, как и для А.П. Сумарокова, становится основой для собственного выражения наставлений и поучений. Устами и Гамлета, и Клавдия он декларирует положения об особе монарха: «*Кто на царя дерзнет поднять убийства меч?*» [1. С. 53], «*Дела царей судить возможно лишь богам*» [1. С. 7], – однако монарх – это все же в первую очередь служитель народа: «*Народ на все дела царей своих взирает, // И добродетель их и слабость примечает*» [1. С. 7], «*Вспомни долг царей: народ тебя зовет, // И днани сироты, вдовицы простирают*» [1. С. 17], «*Лишь добродетелью властители велики*» [1. С. 19], «*Так, счастьем подданных желал быть счастлив я*» [1. С. 17].

В таком классическом облики Гамлет, образ которого, вероятно, восходит к античным мифам о роде Пелопидов, превращается обратно в Ореста – мстителя и служителя народа, законного наследника, вынужденное злодеяние которого оправдано богами и высшим долгом. На античную классическую трагедию ориентировался, вероятно, и Дюсис, чья переделка стала источником для С.И. Висковатова.

Несмотря на очевидную старомодность и классицистичность, трагедия-подражание С.И. Висковатова имеет черты сентиментализма и даже романтизма. Образ Гамлета в некоторые моменты близок к характеристике одинокого и печального романтического героя: он «*в час полночи между могил блуждает <...> меж трупов, меж гробов, <...> уединен, безмолвен, дик, суров*» [1. С. 4], «*Всегда с угрюмою тоскою неразлучный, <...> Терзает грудь, весь мир в отчаянье клянет, // И ждет со ужасом кончины неизбежной*» [1. С. 15]. С Гамлетом преимущественно связаны ночное и вечернее время, черный цвет и драматичность пластики. Так, во втором действии, явлении третьем он впервые появляется на сцене: «*...в черном одеянии с растрепанными власами вбегают, преследуемый мечтою*» [1. С. 15]. Центральное сюжетное действие назначается им на полночь: «*...в храм, в полночь я призову жрецов, // Народ и Клавдия*» [1. С. 45].

В этом отношении необходимо заметить, что появление примет поэтики английского сентиментализма в тексте Висковатова связано с процессами, происходящими в эти годы в оригинальной русской литературе. Сентиментальная поэтика трагедии-подражания обуславливается, с одной стороны, влиянием зарубежной литературы на русскую, а с другой – влиянием собственно русского историко-культурного процесса на приходящую извне литературу. Сентиментализм дважды отражается в литературном процессе: от

зарубежной литературы на русскую, от русской литературы в подражание С.И. Висковатова.

В случае русско-английских связей ключевыми фигурами в начале XIX в. становятся Грей, Юнг, Милтон, Стерн, а с идеями просветительства совпала английская периодика. Однако проблемы языкового барьера и незнания английского языка были решены значительно позже. Уже в 1770 г., например, выходят первые переводы «Жалобы, или Ночных размышлений о жизни, смерти и бессмертии» (The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality, 1742–1745 гг.) Эдуарда Юнга. Но самый популярный их перевод Кутузова, выдержавший три издания, был сделан с немецкого, а большинство последовавших переводов – с французского. Только в конце века был создан прозаический перевод с английского подлинника (любопытно отметить, что в 1829 г. поэтический перевод «Размышлений» Юнга создает М. Вронченко, автор первого перевода «Гамлета» с английского 1828 г.).

Поэзия английского сентиментализма, а именно Грей и Юнг, открыла для русской литературы две темы: смерти и природы. Переводы их произведений постепенно формируют целый комплекс тем и мотив так называемой «кладбищенской» поэзии и «ночного текста». К творчеству этих авторов генетически были обращены различные «размышления», а размышления как жанр близки по своей сути и к тому, что становится составными частями трагедии Шекспира, – монологам Гамлета. Опережая собственно свое время моделью мышления, Гамлет Шекспира пространно излагает свои мысли и внутренние переживания, обнажая свою рефлектирующую натуру. Его переживания и размышления касаются вопросов жизни, смерти, хода времени и неизбежности конца всего живого: как Цезарь стал глиной, так и все живое переходит из одного состояния в другое. Поэтому преобразование героя Шекспира в героя сентиментализма становится закономерным под влиянием литературного процесса в России, ускоренно впитывающего иностранную культуру. Изначально отделенные веками произведения при знакомстве с ними русского читателя накладываются друг на друга и неожиданно совпадают.

Английский сентиментализм, а именно его рецепция в России как «кладбищенской» поэзии и «ночного текста», включает в себя ночное бодрствование мысли, размышления о бытии, кладбищенскую атрибутику: утраты и страдания становятся предметом переживания отрешенной от повседневности личности.

В «Гамлете» С.И. Висковатова именно кладбищенский сентиментализм представлен в центральном образе принца. Все время, что Гамлета нет на сцене, он условно проводит среди гробов – на кладбище:

Я среди гробниц сидел, иотячен тоскою

Мнил сном покоиться... но сон бежал от глаз [1. С. 18].

А я пойду к гробам. Там вечна грусть живет,

<...> Но гробы хладные, с истлевшими телами

Полезнейший урок возмозут дать властям.

Сколь поучителен вид тленности Царям! [1. С. 21].

Размышления преследуют Гамлета и замещают его сон, что возвращает к тезису о ночной природе размышлений в усвоенном английском сентиментализме. Погребальная атрибутика физически сопровождает Гамлета на протяжении четвертого и пятого действий трагедии – он держит в руках урну с прахом отца, передает ее другим действующим лицам для подтверждения правдивости своих слов. Всего с урной в двух последних действиях связано семь ремарок. Если для Гамлета Шекспира в решении сомнений о действительности преступления главными становятся постановка «Убийства Гонзаго» и непрерывный поток рефлексии, то Гамлет С.И. Висковатова прямо обращается к авторитету покойного отца:

*Пойду взять урну ту, где прах отцев сокрыт;
С сей урною в руке я вопрошу Царицу...
Праха убиенного откроет мне убийцу* [1. С. 33].

Принца преследует «мечта» – призрак Гамлета старшего. Два из трех его появлений в тексте – пере-сказ снов и видений, призрак, как уже было сказано ранее, не имеет физического воплощения на сцене – только единожды пластически появляется его тень, что смертельно пугает принца Датского.

В своем монологе в начале четвертого действия Гамлет рассуждает о том, что есть смерть и что ждет после нее:

*Но что готовит смерть? донныне луч небесный
Еще не открывал живущим в мире сем* [1. С. 34].

Беспокойный ум Гамлета задает вопросы, ищет и не находит ответов. В монологе преобладают вопросительные знаки и интонации. В трагедии-подражании присутствует назидательная сюжетная линия легитимности власти и принесенного Гамлетом в мир справедливого суда над преступниками. И вместе с тем принц становится героем психологизированным – его размышления полны метаний одинокой души, страха смерти и одновременного ее ожидания:

Ничтожество? иль жизнь? Чрез смерть мы обречены.

Смерть прекращает все желанья и мученья [1. С. 34].

Смерть для Гамлета – неотвратима, неизбежна и полна неясностей. Что ждет после смерти, похожа ли смерть на сон – эти вопросы волнуют его после пережитой потери отца. Он говорит:

*Надменны смертные! червь точит вас в гробах. –
Неумолима смерть не внемлет наши стоны...*

От мощных рук ея не защитят и троны [1. С. 34].

В таком рассмотрении классический финальный аккорд звучит противоречиво для Гамлета С.И. Висковатова, желавшего действительно покончить с собой вплоть до последней реплики. В третьем действии он говорит: «О смерть! подай моим мучениям конец!» [1. С. 34], – в пятом прямо призывает смерть после свершения мести за отца: «О смерть желанная, рази меня в сей час! (Заносит меч на грудь свою.)» [1. С. 56]. Однако его решение, его потребность не удовлетворены в угоду долгу и дидактическому, характерному для просветительской линии русского сентиментализма, пафосу трагедии. Сентиментальная и романтическая природа поведения и выражения мысли Гамлета всту-

пает в противоречие с классицистической архитектурой трагедии-подражания С.И. Висковатова. В финале не только Гамлет отказывается от самоубийства, но даже антагонист – Клавдий – перед смертью признает свою вину:

Клавдий. (умирая.)

Народ! твой Царь отмыщен: я должну казнь вкусил! [1. С. 56].

Смерть выступает как уравнивающая сила, перед лицом которой нет различий между царем и простым человеком. Пластическое присутствие на сцене Гамлета старшего в виде призрака у С.И. Висковатова заменено присутствием его физических останков – урны с прахом. Отец Гамлета в воспоминаниях героев выступает отважным и уважаемым правителем, однако и он стал просто прахом, ведь все люди смертны. Такое функционирование образа аналогично упоминаниям Цезаря и Александра Македонского у Шекспира. Так, Гамлет старший у него включается в ряд великих правителей. У С.И. Висковатова же прежний король существует в тексте сразу в двух отдельных обликах – как грозная мечта и прозаичная урна праха. Физическая оболочка его истлела, превратилась в ничто, но дух живет в памяти и мыслях людей. Грозную тень при этом видит лишь Гамлет младший, можно говорить о том, что буквальное разделение духа и плоти происходит только для него. Физическое существование отца прервано, и для компенсации этого недостатка Гамлет с четвертого действия использует урну праха – носит ее с собой и даже ставит на трон. Помимо компенсации присутствия отца для Гамлета и компенсации пластического образа прежнего короля для читателя или зрителя, урна с прахом имплицитно сообщает о непрерывности размышлений принца о смерти. Сопровождающие Гамлета Шекспира размышления о смерти (от вопроса «Быть или не быть» до твердого решения «Так значит быть») не вербализованы у С.И. Висковатова, а выражены через атрибут смерти, они более наглядны и экономны по лексическому выражению.

Поучительность вида тленности для Гамлета состоит в том, что физическое существование прерывается, а поступки, образ, дух продолжают существовать. Это же останавливает его в финале от покушения на самоубийство: пожертвовать собой отечеству – значит продолжить свое существование в мыслях людей, пока еще тело его не стало прахом.

Так в трагедии-подражании С.И. Висковатова в равной степени сосуществуют русский назидательный классицизм с доминирующим политическим конфликтом и темой узурпации власти и русский кладбищенский сентиментализм, обративший внимание на силу и важность человеческих чувств.

Период на рубеже XVIII и XIX вв. чаще всего описывается в формулировках «еще не», «уже не», «пред», «пост» и «нео»: постклассицизм, неоклассицизм, предромантизм, – романтизм еще эстетически не сформировался на русском поле, уже ушел в прошлое классицизм и т.п.: «Державин уже пережил золотой век своего творчества, Радищев и Карамзин уже были из литературы, век Пушкина еще не наступил, да и Жуковский, Батюшков и Крылов еще не определили

размера своего дарования и места в русской поэзии» [6. С. 6]. Однако, по справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, данный период – юношество будущей великой русской литературы, существующее как множество поэтов второго и третьего ряда. Множественность лиц и поэтик делает период сложным в изучении и насыщенным разнообразными «гибридами», смешениями литературных стилей, которым только предстоит быть описанными теоретически: «Эпоха 1790–1810-х гг. не имела единого господствующего поэтического стиля. И стремление поэзии Жуковского или Батюшкова к стилистической унификации, и сложный синтетизм Пушкина вырастали на фоне и по контрасту с неорганизованностью мира русской поэзии этой переходной эпохи» [6. С. 12]. Такая неорганизованность предстает и в трагедии-подражании С.И. Висковатова.

Общей же тенденцией кипения своеобразного «первородного бульона» этого периода становится движение в определении сферы конфликтного напряжения в произведениях: от главенства общественных норм в социальном конфликте литература переходит к главенству отдельной личности, сосредоточиваясь на чувствах и переживаниях человека, при этом политика неизменно идет рядом с интроспективным сюжетом – смирение во имя блага общества заменяется уважением к индивидуальности. Гамлет С.И. Висковатова не просто жаждет установления справедливости, он тяжело переживает перспективу убийства матери и разрыва с Офелией, его метания (пусть и редуцированные в сравнении с шекспировским текстом) – протест естественного человека против бесчеловечного хода истории и социального давления. Разрушение интимных связей ведет его к разрушению собственной личности, однако в финале останавливают попытку самоубийства все те же социум и долг. Трагедия С.И. Висковатова оказывается в одном шаге от того, чтобы преодолеть поэтику классицизма, этот потенциал подчеркивается в том числе в заглавии акцентом именно на имени Шекспира, а не его французского переводчика, представителя классической эстетики. Но все же этот принципиальный шаг к психологизму и развитию идеи естественного человека не сделан.

Европейский контекст возникновения сентиментализма в России в этот период и европейский первоисточник подражания оказывают влияние на классицистическую поэтику, прочно закрепившуюся в русской драматургии, однако это влияние не настолько сильно, чтобы С.И. Висковатов сделал своего Гамлета исключительно сентиментальным. Его Гамлет вырастает из русской литературы и репрезентативен именно для состояния смешения и переходности. Ощувив влияние сентиментализма и особенно пережив увлечение английской сентиментальной поэзией, С.И. Висковатов наделяет чертами этого метода свое подражание, но все еще крепко держится за классицизм. Трагедия-подражание «Гамлет» становится своего рода гибридом классицизма и сентиментализма. Такое сочетание методов не ново для этого периода – подобное совмещение наблюдается, например, в «Марфе-Посаднице» Н.М. Карамзина.

Сентиментализм у С.И. Висковатова, в той степени, в которой он все же проявлен, присутствует в образах трех персонажей. Живую природу чувства эксплицирует не только заглавный Гамлет, но и особенно очевидно два женских персонажа: Гертруда и Офелия. Они обе – типичные жертвы любви в контексте сложной социально-политической ситуации: для Гертруды конфликт заключается в принципиальной запретности любви, для Офелии – в социальных препятствиях на пути к счастью. Такие сюжеты были уже знакомы русскому читателю.

Возвращаясь к вопросу об историко-литературном контексте существования данного подражания, можно отметить, что для дальнейшей рецепции «Гамлета» русской литературой вообще данный период становится ключевым: он предваряет дальнейшую разработку образа в переводах и оригинальных произведениях. Те мотивы, которые С.И. Висковатов использует или время от времени акцентирует, создают потенциальные векторы последующих прочтений и переводов. Несмотря на все свое несовпадение с оригиналом, этот «Гамлет» вбирает в себя множество потенциалов, как и оригинал Шекспира, – не укладываясь в одну конкретную эстетическую парадигму, он дает свободу для дальнейшей индивидуальной интерпретации. Так, черты классицизма становятся основой для активной разработки социально-политического в некоторых более поздних переводах «Гамлета», а поэтика сентиментализма у других русских переводчиков трагедии Шекспира трансформируется в зрелый психологизм, глубину личных переживаний и связь с образом героя времени, эпохального характера и переживания социального события через интимную историю отдельного человека.

Сюжетно С.И. Висковатов в своем подражании далеко уходит от собственно Шекспира, однако родство двух этих «Гамлетов» состоит в том, что С.И. Висковатов, порой прямолинейной акцентуацией вышеописанных элементов содержания и поэтики, обозначает для русского читателя то, что в тексте английского драматурга заложено менее заметно. То, что при работе с английским оригиналом можно назвать скрытым потенциалом написанного текста, здесь искусственно доводится до предела и проявляется в той самой гибридности и смешении разных методов. Такая преувеличенная разносторонность текста есть репрезентация развития русского историко-литературного процесса в данный период существования разных «нео», «пост» и «пред».

С.И. Висковатов, подражая Шекспиру, искусственно доводит до крайней степени вербализации заложенные английским драматургом темы и мотивы. Подражательность в этом случае становится инструментом пародирования. Пародийная природа трансформирует трагедию Шекспира, делая ее почти полностью непохожей на оригинал, и при этом же адаптирует ее под русскую литературу и принципы ее развития. Подражательность или пародийность позволяет в некоторых моментах преодолеть старое устройство литературы – симптом этого преодоления становится проявленный сентиментализм, почти переходящий в романтизм. С.И. Висковатов как бы пишет то

же, что в его представлении мог бы написать Шекспир, если бы он действительно создавал своего Гамлета в русской литературе в XIX в., имея в читательском поле представителей сразу нескольких методов. Трагедия-подражание не становится тем произведением, которое могло бы задать новый вектор развития русской литературы, однако она органично отражает все особенности историко-литературного процесса своего периода.

Таким образом, первые два русских «Гамлета» не могут считаться переводами или опытом ознакомления читателя с собственно английской литературой, они актуальны в первую очередь для русского литературного процесса и отвечают на его запросы. Первые два «Гамлета», известные русскому читателю, принципиально отличаются друг от друга ввиду художественных особенностей и эстетических требований конкретного периода. Универсальная поэтика трагедий А.П. Сумарокова – узурпация власти и политический конфликт, для которых «Гамлет» стал пригодным сюжетом, все действие сконцентрировано вокруг

кризиса взаимоотношений монарха с народом и фигуры просвещенного монарха. Трагедия-переделка демонстрирует особенности литературы XVIII в. – ее государственно-политическую ориентацию. Через полвека в трагедии-подражании С.И. Висковатова «Гамлет» меняется: от социальных аспектов он уходит к психологическим, важнее становится ситуация внутренних переживаний героя в связи с разрушением мироустройства и необходимостью выбора мести вместо любви и семьи.

Такое изменение исторически обусловлено сменой доминирующих методов. В работе с иностранным материалом в рассмотренный период авторы стремятся не столько сохранить многообразие культур и исходные смыслы, сколько адаптировать произведение под духовные запросы русского читающего общества, встроить произведение в систему оригинальной русской литературы. Переводы, подражания и переделки демонстрируют особенности литературного процесса более наглядно, чем оригинальные произведения русской литературы.

Список источников

1. Висковатов С.И. Гамлет. СПб. : Морская типография, 1811. 56 с.
2. Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений : в 10 т. М. : Университетская типография у Н. Новикова, 1782. Т. 10 : Разные прозаические сочинения и переводы. Наставление младенцам. Мораль, история и география. 248 с.
3. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века : учебник для высш. учеб. заведений. М. : Учпедгиз, 1939. 526 с.
4. Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений : в 10 т. М. : Университетская типография у Н. Новикова, 1781. Т. 10 : Трагедии; Хорев; Гамлет; Синав и Трувор; Аристона; Семира; Ярополк и Димиза. 396 с.
5. Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л. : Наука, 1981. 168 с.
6. Поэты 1790–1810-х годов / сост. Ю.М. Лотман [и др.] ; под ред. Д.М. Климовой. Л. : Советский писатель, 1971. 912 с.

References

1. Viskovatov, S.I. (1811) *Gamlet* [Hamlet]. St. Petersburg: Morskaya tipografiya.
2. Sumarokov, A.P. (1782) *Polnoe sobranie vseh sochineniy: V 10 t.* [Complete works: In 10 volumes]. Vol. 10. Moscow: Universitetskaya tipografiya u N. Novikova.
3. Gukovskiy, G.A. (1939) *Russkaya literatura XVIII veka: Uchebnik dlya vyssh. uchebn. zavedeniy* [Russian literature of the 18th century: Textbook for universities]. Moscow: Uchpedgiz.
4. Sumarokov, A.P. (1781) *Polnoe sobranie vseh sochineniy: V 10 t.* [Complete works: In 10 volumes]. Vol. 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya u N. Novikova.
5. Stennik, Yu.V. (1981) *Zhanr tragedii v russkoy literature. Epokha klassitsizma* [The genre of tragedy in Russian literature. The era of classicism]. Leningrad: Nauka.
6. Klimova, D.M. (ed.) (1971) *Poety 1790-1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Информация об авторах:

Лебедева О.Б. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: obl25@yandex.ru

Филиппова Д.К. – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: darya.phil@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.B. Lebedeva, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: obl25@yandex.ru

D.K. Philippova, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: darya.phil@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022;
одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 30.06.2022;
approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 821
doi: 10.17223/15617793/491/3

Авторские пометы А.В. Никитенко на страницах «Фрегата “Паллада”» И.А. Гончарова (к вопросу о философии синтеза и эстетике живописания)

Кристина Константиновна Павлович¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, pavlovitch.cristina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию философской категории синтеза А.В. Никитенко, которая, являясь основой эстетики критика, проявилась в оценке художественно-эстетической системы живописания И.А. Гончарова. История их личных взаимоотношений ранее не становилась предметом научного осмысления, как и пометы Никитенко на изданиях Гончарова. Пристальное внимание Никитенко-читателя, проявленное на страницах книги путевых очерков «Фрегат “Паллада”» в виде помет, связано с живописной манерой писателя как художественной формой синтеза романтического и реалистического начал.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, А.В. Никитенко, синтез, живописание, личная библиотека

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00443 «Личная библиотека А.В. Никитенко как летопись русской литературы».

Для цитирования: Павлович К.К. Авторские пометы А.В. Никитенко на страницах «Фрегата “Паллада”» И.А. Гончарова (к вопросу о философии синтеза и эстетике живописания) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 24–30. doi: 10.17223/15617793/491/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/3

Aleksandr Nikitenko's marginalia on the pages of Ivan Goncharov's *Frigate “Pallada”* (On the philosophy of synthesis and the aesthetics of painting)

Kristina K. Pavlovich¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, pavlovitch.cristina@yandex.ru

Abstract. The article explores the philosophical category of synthesis used by of Aleksandr Nikitenko in his works. This category had a great impact on Ivan Goncharov's works and specifically manifested itself in the reception of the book of travel essays *Frigate “Pallada”*. The Research Library of Tomsk State University stores the personal library of Nikitenko, a St. Petersburg professor, censor and critic. This book collection contains lifetime editions of Russian classics (V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, N.V. Gogol, N.G. Chernyshevsky, et al.) with numerous autographs of book owners. The history of communication between Nikitenko and Goncharov, as well as Nikitenko's marginalia on Goncharov's works, has not previously become the subject of a scientific investigation. The time of Goncharov's formation as a writer was associated with studying at Moscow University, where progressive figures of verbal art, such as professor N.I. Nadezhdin and A.V. Nikitenko, were reading lectures. It was from them that Goncharov inherited the philosophical category of synthesis, which in his works transformed into depiction. In 1858, Goncharov published a book of travel essays *Frigate “Pallada”* and presented its first edition to his professor Nikitenko. The latter paid great attention to the work, leaving marginalia on its pages. All Nikitenko's marginalia confirm his interest in the work of Goncharov, whom he saw to be a writer who managed to synthesise romantic trends with realistic ones. The philosophies of peace and movement – the basic categories in all Goncharov's works – also attract the attention of Nikitenko the reader. A separate group of marginalia associated with the image of the sea represents the historiosophical basis of Goncharov's book. The ship's chronotope was associated with the idea of the Russian world, which was transitioning from a serf Russia to a country of the progressive world (like England, China, Japan). The category of Nikitenko's synthesis, described in his final work *Thoughts on Realism* (1872), proved to be productive for Goncharov, and it influenced the formation of depiction as the basis of the epic manner of narration.

Keywords: Goncharov, Nikitenko, synthesis, painting, personal library

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00443.

For citation: Pavlovich, K.K. (2023) Aleksandr Nikitenko's marginalia on the pages of Ivan Goncharov's *Frigate “Pallada”* (On the philosophy of synthesis and the aesthetics of painting). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 24–30. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/3

Библиотека А.В. Никитенко – уникальная творческая лаборатория профессора, репрезентант его многоаспектной деятельности, поисков в области словесного искусства. Это книжное собрание ценно тем, что в нем содержатся многочисленные книги с автографами русских классиков, переводчиков, историков, общественных деятелей (А.И. Герцен, П.А. Вяземский, А.И. Галич, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь и др.).

До настоящего момента в отечественном литературоведении тема «А.В. Никитенко и И.А. Гончаров» не становилась предметом научного исследования, как и пометы Никитенко, оставленные на страницах первого тома «Фрегата “Паллада”». В то время как эти читательские знаки профессора раскрывают концепцию художественного «синтеза» романтических и реалистических традиций, важной эстетической проблемы историко-литературного процесса второй половины XIX в.

I

Цензор, критик, преподаватель, А.В. Никитенко был включен в процесс эстетических поисков русской литературы в то время, когда закладывались основы творчества И.А. Гончарова, в эпоху «неизбежного синтеза, прогрессивного для искусства» [1. С. 82]. Эстетика Гончарова формировалась в 1840-е гг., во время повышенного интереса представителей отечественной словесности к идеям Гегеля, напрямую связанным с концепцией художественного синтеза [2–4]. В этом усложненном процессе усвоения и «принятия» идей проявляется важнейший принцип художественной логики Гончарова – синтетизм мышления и синтез как метод изображения действительности. Это сказалось на усвоении эстетического и философского опыта в процессе оформления собственного творческого пути.

Продуктивным представляется взгляд на Гончарова как воспитанника Московского университета (1832–1835), унаследовавшего от своих профессоров, прежде всего от Н.И. Надеждина¹ и А.В. Никитенко, идею необходимого синтеза в философии, истории, эстетике. Надеждин читал курс лекций по истории изящных искусств. На лекциях Н.И. Надеждина студенты знакомились с идеями, легшими в основу его диссертации «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (1830). Центральная идея Надеждина – теория синтеза классического и романтического как основа современного искусства. В его диссертационном труде излагается мысль о родстве романтической эстетики и античной (классической) в отношении изображения окружающего мира при их очевидных различиях. Н.И. Надеждин пишет об особом «поэтическом духе», который «слагается из двух разных стихий» [5. С. 142]. Главный пафос статьи сводится к тезису о первообразе классической древности и эстетического совершенства для романтического искусства. Таким образом, Надеждин подводит внимательного читателя к выводу о «таинственном синтезе» [5. С. 173] древнего и романтического поэтического духа, в котором «классическая поэзия воплощала внутреннюю полноту духа в творениях, сооруженных по образцу видимого мира; а поэзия романтическая

как бы подслушивала внутреннюю гармонию самого духа и оглашала ее в произведениях, по образцу ее созданных» [5. С. 196]. Ю.В. Манн в книге «Русская философская эстетика» (1998) справедливо утверждает, что «...схема синтетической формы давала русским теоретикам больше возможностей для реалистических применений и развития» [6. С. 361]. Категория «художественности» органично вписалась в теорию надеждинского синтеза.

Принцип «синтеза», заявленный Н.И. Надеждиным, был воспринят и развит Гончаровым как закон, требовавший всеобщего проникновения классического и романтического в качестве неперменного условия художественности. Именно «степень художественности дарования» определяла значимость общественного содержания и формы синтеза классического и романтического в произведениях Гончарова. Он называл это явление «наследственным сродством»: «К этому загадочному, пока еще не расчеленному, но любопытному явлению в области творчества, можно отнести и духовное, наследственное сродство, какое замечается между творческими типами художников, начиная с гомеровских, эзоповских, потом с сервантовского героя, шекспировских, мольеровских, гетовских и прочих и прочих, до типов нашего Пушкина, Грибоедова и Гоголя включительно» [7. С. 139].

А.В. Никитенко вместе с Н.И. Надеждиным в числе первых отстаивал мысль о единстве эстетико-философского изучения литературных произведений с историческим изучением литературы. В 1840-е гг. Никитенко во многом вторил идеям В.Г. Белинского о современном состоянии отечественной словесности, однако в эстетических положениях петербургского профессора можно обнаружить явные расхождения с Белинским. Например, Никитенко отвергал то, что считал «односторонностью» натуральной школы, – изображение отрицательных явлений действительности. Никитенко призывал изображать «не только грязь, но и золото» [8. С. 89].

В знаковой работе «Мысли о реализме» (1872) академик размышляет об односторонности реализма, обязательном наличии в современной литературе идеализации: «Есть своя прелесть и в своенравной игре романтически настроенной фантазии, рисующей грациозные, то милые, веселые образы или гротески, игра, которую можно назвать эстетическою диалектикой» [9. С. 35]. На протяжении всей статьи Никитенко подводит читателя к мысли о том, что эстетика реализма может органично сочетаться с романтическими принципами изображения действительности: «В разумном реализме нет ничего такого, что исключало бы идеализацию, и в разумной идеализации нет ничего противоречащего разумному реализму» [9. С. 25]. Именно этот синтез оказался для Никитенко важным критерием для современного искусства.

В этой статье обобщающего типа критик дает объективную оценку особенностям эстетической манеры Гончарова, которая, по мысли Никитенко, связана с художественным синтезом: «Автору бесспорно принадлежит одно из почетнейших мест в ряду писателей наших по части изящной словесности. Его отличает,

между прочим, весьма важное качество – особенный такт и знание меры... <...> По сущности своего дарования, по основным своим идеям и по образованию он принадлежит к разряду писателей, которые в состоянии дать литературе своего народа истинно художественный, серьезный характер, чуждый одинаково абстрактных идеализаций и низведенного до пошлости реализма» [9. С. 27].

Никитенко, обращаясь к особенностям творческой манеры Гончарова, замечает, что для него оказывается важным найти «золотую середину» в изображении действительности, избежать крайностей в трактовке жизненных явлений.

У Гончарова внутренний импульс к осмыслению мира оказывается возможным посредством живописания, которое в художественной логике писателя связано с синтезом обыкновенного (реалистического) и идеального, возвышенного (романтического) [10, 11]. В 1857 г. Никитенко посетил дрезденскую картинную галерею. Его, как и всю плеяду деятелей отечественной словесности, поразила Мадонна Рафаэля. В статье под заглавием «Рафаэлева Сикстинская Мадонна» Никитенко, с одной стороны, идет вслед за В.А. Жуковским, воспринимая полотно как образец высшей идеализации, с другой стороны, как представитель эпохи середины века Никитенко видит в этой картине, а не «видении», как у Жуковского, слияние реалистичного и высокого. Например: «Души восприимчивые, благородные, нежно настроенные ощутили над собой могущество великих верований человечества и радостно, беззаветно отдались первым впечатлениям этого отрадного знакомства. Таковы Карамзин и Жуковский. Но в этом прекраснотуши еще узкий взгляд на вещи (здесь и далее курсив наш. – К.П.). Это состояние юношеской неопытности, которая не ведает зла. Это, если можно так выразиться, сластолюбивое отношение к истине и красоте, а не деятельность мужей, для которых жизнь есть не игра в прекрасные чувства, а подвиг и победа. Но лучшие умы постепенно отрезвляются и перестают смотреть на мир сквозь близорукие очки собственного сердца, которое видит лишь только то, что хочет видеть, то есть чем может наслаждаться и с чем может мириться. Они уже глубже всматриваются в вещи и находят, что тут не до сибаритской роскоши чувств. <...> Переходным звеном здесь является Пушкин: он уже не доволен, тревожен. Язытелен, хотя и в личном еще смысле. За ним идет Лермонтов, а там вдруг вырастает Гоголь <...>» [12. С. 538].

Именно с этих эстетических позиций Никитенко обращается к читательской рецепции книги путевых очерков Гончарова «Фрегат “Паллада”». Все пометы, оставленные на издании 1858 г., демонстрируют интерес Никитенко к живописанию русского писателя.

II

В библиотеке А.В. Никитенко хранятся прижизненные издания гончаровских произведений с дарственными надписями. В собрание личной библиотеки профессора вошли следующие тексты И.А. Гончарова: отдельная глава «Манила» (1854)², «На Мысе Доброй

Надежды» (1856), книга путевых очерков «Фрегат “Паллада”» (1858)³, роман «Обломов» в двух частях (1859)⁴. Пометы владельца библиотеки присутствуют на страницах романа «Обломов» и первого тома «Фрегата “Паллада”». После описи в 1948 г. из личной коллекции Никитенко были утрачены романы «Обыкновенная история» и «Обрыв».

Авторские знаки (почти все однообразные – отчеркивания простым карандашом абзацев) на страницах книги путевых очерков Гончарова не вызывают сомнений, что издание было именно в руках петербургского профессора. Пометы оказываются графически схожими с теми, что Никитенко оставил на «Обломове» [13]. Личная история знакомства Никитенко и Гончарова⁵ является определяющим фактором в рецепции книги путевых очерков.

Никитенко в теоретических трудах, относящихся ко времени слома историко-литературной парадигмы 1840-х гг., постулировал идею синтеза эстетико-философского исследования художественных текстов с диахроническим изучением литературы. В работах «Записки истории русской литературы» [14], «О характере народности в древнем и новейшем искусстве» [15] профессор понимает «народность» как неотъемлемое качество истинного, глубокого произведения искусства. Для Никитенко была важна поэтизация действительности. Критик увидел ней важный шаг вперед в поступательном движении литературы, плодотворное обращение к «жизни и действительности».

Данные эстетические утверждения Никитенко проявлены на страницах путевых очерков в виде помет. Он отчеркивает абзац, связанный с размышлениями Гончарова о природе творческого процесса, принципах изображения действительности: «Хотелось бы верно изобразить вам, где я, что вижу, но о многом говорят чересчур много, а сказать нечего; с другого, напротив, как ни бейся, не снимешь и бледной копии, разве вы дадите взаймы вашего воображения и красок. Я из Англии писал вам, что чудеса выдохлись, праздничные явления обращаются в будничные, да и сами мы уже развращены ранним и заочным знанием так называемых чудес мира, стыдимся этих чудес, торопливо стараемся разоблачить чудо от всякой поэзии, боясь, чтоб нас не заподозрили в вере в чудо или в младенческом влечении к нему: мы выросли и оттого предпочитаем скучать и быть скучными. Где искать поэзии? Одно анализировано, изучено и утратило прелесть тайны, другое прискучило, третье оказалось ребячеством. Куда же делась поэзия и что делать поэту? Он как будто остался за штатом. Надеть ли поэзию, как праздничный кафтан, на современную идею или по-прежнему скитаться с ней в родимых полях и лесах, смотреть на луну, нюхать розы, слушать соловьев или, наконец, идти с нею сюда, под эти жаркие небеса? Научите» [16. С. 156].

В композиционном плане книга очерков Гончарова связана с эпистолярной формой. Данный фрагмент посвящен В.Г. Бенедиктову, с которым Гончаров ведет открытый диалог о проблемах современного состояния отечественной литературы. Писатель размышляет

о методах сближения обыденного и исключительного, обращаясь к Бенедиктову как одному из последних русских романтиков.

Важной оказывается оценка Никитенко живописательного таланта Гончарова. В «Дневнике» профессора от 1860 г. имеется характеристика особенностей создания писателем образов действительности: «Сентябрь 16 (28). Пятница... Вечером Гончаров читал мне новую, написанную им в Дрездене главу своего романа. Он перед тем уже читал мне кое-что из него. Места, мне прочитанные до сих пор, очень хороши. Главная черта его таланта – это искусная тушевка, умение оттенять верно каждую подробность, давать ей значение, соответственное характеру всей картины. Притом у него особенная мягкость кисти и язык легкий, гибкий» [8. Т. 1. С. 248]. После выхода в свет последнего романа Гончарова «Обрыв» Никитенко весьма противоречиво высказывается о «последнем детище» писателя, однако указывает на сильные черты его художественной манеры: «По сущности своего дарования черты его картин как будто выступают и группируются сами собою, так что вы вовсе не подозреваете руки, кладущей их на холст; они оттушевываются с необыкновенной рельефностью. В этом особенно выражается сила его живописующего таланта» [8. Т. 1. С. 48].

Пометы, оставленные Никитенко на фрагментах текста, связанного с описаниями природы, демонстрируют внимание цензора как на возвышенно-романтических описаниях, так и на прозаических изображениях действительности. Несмотря на эстетическую органичность художественной системы Гончарова романтическим канонам, следует учитывать восприятие писателем идей романтизма, составляющих суть дискуссии с романтиками по важным вопросам творческого процесса и методам изображения действительности. Новаторство Гончарова проявилось в творческом характере восприятия и развитии романтических традиций на основе реалистического метода изображения действительности.

Читательские знаки словно подтверждают диалог Гончарова с романтизмом, его сложную, диалектическую позицию в отношении изображения жизненной правды. Никитенко-читатель отмечает фрагменты текста, в которых Гончаров поэтизирует действительность в духе романтической поэтики:

«Все кажется, что среди тишины зреет в природе дума, огненные глаза сверкают сверху так выразительно и умно, внезапный, тихий всплеск воды как будто промолвился ответом на чей-то вопрос; все кажется, что среди тишины и живой, теплой мглы раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голос. Чего-то ждешь, о чем-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни определить, ни высказать не можешь. Только сердце трепещет от силы необъяснимого, страстного ощущения: даже нервам больно! Под этим небом, в этом воздухе носятся фантастические призраки; под крыльями таких ночей только снятся жаркие сны и необузданные поэтические грезы о нисхож-

дении Браммы на землю, о жаркой любви богов к смертным – все эти страстные образы, в которых воплотилось чудовищное плодородие здешней природы» [16. С. 410].

Гончаров обращается к одному из главных мотивов всей романтической эстетики – «невывразимому», и использует поэтику романтизма, обогащая ее реалистические повествования. Он вводит романтические образы («среди тишины зреет в природе дума», «огненные глаза сверкают»), развивает мотив «кажущегося», который указывает на относительность мечтаний и одновременно на их присутствие в жизни («все кажется», «только снятся жаркие сны»), насыщает текст неопределенными местоимениями («чего-то ждешь, о чем-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни определить, ни высказать не можешь»), скрепляет и овеивает текст возвышенной лексикой («необъяснимые, страстные ощущения», «поэтические грезы», «фантастические призраки»).

С меньшим вниманием Никитенко относится к бытовым сценам книги. Отмечая изобразительный талант писателя, Александр Васильевич подчеркивает абзацы, связанные с «фламандской» темой⁶: «Ферстфельд пошел в дом, а мы остались у крыльца. Чрез минуту он возвратился с хозяином и приглашал нас войти. На пороге стоял высокий, с проседью, старик, с нависшими бровями, в длинной суконной куртке, закрывавшей всю поясницу, почти в таком же длинном жилете, в широких нанковых, падавших складками около ног панталонах. От дома и от него так и повеяло Поль Поттером, Миерисом, Теньером. Он, протянув руку, стоял, не шевелясь, на пороге, но смотрел так кротко и ласково, что у него улыбались все черты лица. На крыльце лежало бесчисленное множество тыков; шагая между ними, мы добрались до хозяина и до его руки, которую потрясли все по очереди. Наконец мы у голландского фермера в гостях, на Капе, в Африке! Сколько описаний читал я о фермерах, о их житье-бытье; как жадно следил за приключениями, за битвами их с дикими, со зверями, не думая, что когда-нибудь...» [16. С. 404].

Гончаров живописует голландские портреты во фламандской манере. Повествователь представляет портрет голландского старика, создавая целостный образ посредством обращения к фигуре, лицу и одежде. Гончаровская категория «обыкновенности» органично сочетается с фламандской «повседневностью», что оказывается важным для Никитенко-читателя, ищущего пути сближения высокого и низкого в литературе. Важной оказывается помета, связанная с бытовыми сценами, напрямую соотносимыми с изобразительной традицией художников Фландрии и живописанием Гончарова: «Экипажи мчались изо всей мочи по улицам; быки медленно тащили тяжелые фуры с хлебом и другою кладью, а иногда и с людьми. В такой фуру я видел человек по пятнадцати. Посреди улиц, как в Лондоне, гуськом стояли наемные экипажи: кареты четырехместные, коляски, кабриолеты в одну лошадь и парой. Экипажи как будто сейчас из мастерской: ни одного нет даже старого фасона, все выкрашены и содержатся чрезвычайно чисто» [16. С. 233].

Никитенко обращает внимание на особенности будничной жизни, на динамичную смену происходящего на улице, исполненные поэтизацией.

Во всем творчестве Гончарова можно выделить две важные эстетические категории, которые оказываются значимыми в системе характерологии и способах изображения природы: «философию покоя» и «философию движения» (Обломов–Штольц, шторм–штиль на море). «Философия покоя» у Гончарова напрямую связана с мотивом сна. Никитенко, скорее всего, читал эту книгу в 1858 г., во время ее первой публикации. Его заинтересовал этот абзац по причине, связанной с «сонной» крепостнической Россией, о которой писал Гончаров в романе «Обломов» (1859).

Никитенко отмечает отрывок текста об идиллической атмосфере, окружавшей путешественника: «Солнце всходило высоко; утренний ветерок замолкал; становилось тихо и жарко; кузнечики трещали, стрекозы начали реять по траве и кустам; к нам врывался по временам в карт овод или шмель, кружился над лошадьми и несясь дальше, а не то так затрепещет крыльями над головами нашими большая, как птица, черная или красная бабочка и вдруг упадет в сторону, в кусты» [16. С. 304].

Далее на странице 183 Никитенко выделяет абзац, прямо соотносящийся с вечной диалектикой статики и движения в художественном сознании писателя: «Покойно, правда, было плавать в этом безмятежном царстве тепла и безмолвия: оставленная на столе книга, чернильница, стакан не трогались; вы ложились без опасения умереть под тяжестью комода или полки книг; но сорок с лишком дней в море! Берег сделался господствующею нашею мыслью, и мы немало обрадовались, вышедши, 16-го февраля утром, из Южного тропика. Рассчитывали на дующие около того времени восточные ветры, но и это ожидание не оправдалось. В воздухе мертвая тишина, нарушаемая только хлопанием грота. Ночью с 21 на 22 февраля я от жара ушел спать в кают-компанию и лег на диване под открытым люком. Меня разбудил неистовый топот, вроде трепака, свист и крики. На лицо упало несколько брызг. “Шквал! – говорят, – ну, теперь задует!” Ничего не бывало, шквал прошел, и фрегат опять задремал в штиле» [16. С. 183].

Отдельная группа помет оказывается связанной с морской темой. В 1852 г. Гончаров бросает все и отправляется в море, объясняя в письме свой поступок следующим образом: «Все удивились, что я мог решиться на такой дальний и опасный путь, я, такой ленивый, избалованный! Кто меня знает, тот не удивится этой решимости. Внезапные перемены составляют мой характер, я никогда не бываю одинаков двух недель сряду, а если наружно и кажусь постоянен и верен своим привычкам и склонностям, так это от неподвижности форм, в которых заключена моя жизнь» [7. С. 473].

Никитенко-читатель обращает внимание на особенности будничной жизни писателя-моряка, распорядок дня, отсутствие спокойного сна – «проснешься поневоле». Никитенко подчеркивает абзац простым карандашом с правой стороны: «Только у берегов Дании повеяло на нас теплом, и мы ожили. Холера исчезла со

всеми признаками, ревматизм мой унялся, и я стал выходить на улицу – так я прозвал палубу. Но бури не покидали нас: таков обычай на Балтийском море осенью. Пройдет день-два – тихо, как будто ветер собирается с силами, и грянет потом так, что бедное судно стонет, как живое существо. День и ночь на корабле бдительно следят за состоянием погоды. Барометр делается общим оракулом. Матрос и офицер не смеют надеяться проспать покойно свою смену. “Пошел все наверх!” – раздастся и среди ночного безмолвия. Я, лежа у себя в койке, слышу всякий стук, крик, всякое движение парусов, командные слова и начинаю понимать смысл последних. Когда услышишь приказание: “Поставить брамсели, лиселя”, покойно закуты-ваешься в одеяло и засыпаешь беззаботно: значит, тихо, покойно. Зато как наостришь уши, когда велят “брать два, три рифа”, то есть уменьшить парус. Лучше и не засыпать тогда: все равно после проснешься поневоле» [16. С. 31].

На протяжении всего повествования происходит отождествление фрегата с самим автором, с Россией. Корабль, названный автором «русским плавучим миром» [16. С. 125], становится пространством национальной идеи. Хронотоп фрегата связан с погружением героя и читателя в мир национальной целостности, проблем, связанных в первую очередь с вопросами России, ее национального своеобразия, места в мировой цивилизации. «Сонное», созидательное состояние автора-повествователя соотносится с первой главой романа «Обломов», в которой к лежащему, почти дремлющему герою приходит ряд визитеров. Обломов как истинно русский человек ленивый, но он обладает, по мысли Гончарова, важной особенностью «слушать», а не «слышать». Именно поэтому Илья Ильич, подобно восточному мудрецу, осмысляет бранные проблемы приходящих, так же как и автор-повествователь осмысляет философские проблемы, пути развития России, отставшей от Европы, находясь в море. Когда он сходит на сушу, он «просыпается». Это соотносится со второй и третьей частями романа – «пробуждением» Обломова к жизни.

В начале 1850-х гг. плавание на парусном судне представляло риск для путешествующих. Морская экспедиция была сопряжена с множеством проблем, с которыми можно столкнуться в открытом море: морская болезнь, гибель от шторма, крушение от удара о скалы. О перечисленных опасениях свидетельствуют факты. Судьба вышедшего менее чем через год после «Паллады» с Кронштадтского рейда к берегам Сибири отряда судов подтверждает это. Транспорт «Нейман», управляемый таким опытным моряком, как П.Я. Шкот, 23 сентября 1853 г. разбился о скалы у шведского берега, а фрегат «Аврора» прибыл в Петропавловск-на-Камчатке, имея на борту почти 90% команды и офицерского состава в острой цинге. Никитенко обращает внимание на олицетворенный Гончаровым фрегат, борющийся с морской стихией: «В Немецком море, когда шторм утих, мы видели одно такое безнадежное судно. Мы сначала не знали, что подумать о нем. Флага не было: оно не подняло его, когда мы требовали этого, подняв свой. Подойдя

ближе, мы не заметили никакого движения на нем. Наконец поехали на шлюпке к нему – на нем ни одного человека: судно было брошено на гибель. Трюм постоянно наполнялся водой, и если б мы остались тут, то, вероятно, к концу дня увидели бы, как оно погрузится на дно. Видите ли, сколько времени нужно и безнадежному судну, чтобы потонуть... к концу дня! А оно уже было лишено своего разума и воли, то есть людей, и, следовательно, перестало бороться. Оно гило безответно. Носовая его часть опустилась: печальная картина, как картина всякой агонии!» [16. С. 31].

Длительное путешествие Гончарова⁷, растянувшееся на три года (он вернулся на родину только в 1855 г.), удивило всех, знавших писателя лично, Никитенко не был исключением. Читатель оставляет единственный графический знак, отличающийся от всех, сделанных на первом томе «Фрегата», – круглая скобка напротив перечисления маршрута: «Вы уже знаете, что мы идем не вокруг Горна, а через мыс Доброй Надежды, потом через Зондский пролив, отсюда к Филиппинским островам и, наконец, в Китай и Японию» [16. С. 101].

История личных взаимоотношений петербургского профессора с писателем И.А. Гончаровым, рецепция

книги путевых очерков, проявленная через систему помет, оказываются значимыми для изучения творческого наследия Гончарова.

Важными становятся пометы, проявляющие особенности системы живописания Гончарова. Никитенко интересуется «фламандская тема», проявленная в изображении бытовых сцен, описаний природы в духе романтической эстетики. Интерес Никитенко сосредоточен на проблемах, связанных с жизнью Гончарова на корабле, сложностях кругосветного путешествия, концептуальных для творчества писателя понятиях «сна», диалектики «философии покоя» и «философии движения».

Категория синтеза была воспринята Гончаровым не как стилевой принцип, сочетающий разнородное, а как идейно-художественная система. Главное отличие от надеждинской категории состояло в том, что «гончаровский» синтез связан с художественностью. По мысли Никитенко, категория синтеза у Гончарова оказывается родственной многоплановой жизненной правде. Выражением истинной художественности, поэтизацией действительности после Пушкина стал именно Гончаров. Таким образом, философско-эстетическая категория синтеза оказалась продуктивной для системы живописания И.А. Гончарова.

Примечания

¹ Именно в его журнале «Телескоп» писатель опубликовал свой первый перевод двух глав из романа французского писателя Э. Сю «Атар-Гюль».

² На форзаце имеется дарственная надпись И.А. Гончарова: «Александру Васильевичу Никитенко от путешественника».

³ Цензурное разрешение на издание книги путевых очерков было подписано А.В. Никитенко. На первом томе произведения имеется надпись: «Александру Васильевичу Никитенко как воспоминание неизменной дружбы путешественника».

⁴ «Любезнейшему другу Александру Васильевичу Никитенко в знак чувств от автора. 15 октября 1859».

⁵ В 1858 г. товарищеские отношения Гончарова и Никитенко были еще не нарушены, критик положительно отзывался о некоторых уже созданных главах «Обрыва». Только в 1872 г., в статье «Мысли и реализм», Никитенко проявил солидарность со всеми резко критикующими роман современниками Гончарова: «Да простит нам высокодаровитый писатель, но этот характер (бабушки в «Обрыве») в заключении является психологической фальшью и клеветой на русскую женщину» [9. С. 341]. Письмо Гончарова посвящено его близким друзьям Майковым, с которыми его связывали теплые, доверительные отношения. Именно эти люди были для писателя образцами нравственно-этического чувства, именно им он излагает свою концепцию истинной дружбы.

⁶ «Остальная половина дороги, начиная от гостиницы, совершенно изменяется: утесы отступают в сторону, мили на три от берега, и путь, веселый, оживленный, тянется между рядами дач, одна другой красивее. Въезжаешь в аллею из кедровых, дубовых деревьев и тополей: местами деревья образуют непроницаемый свод; кое-где другие аллеи бегут в сторону от главной, к дачам и к фермам, а потом к Винбергу, маленькому городку, который виден с дороги. Налево видна знаменитая по своему вину Констанская гора. Рядом с ней идет хребет вплоть до Столовой горы. По дороге то обгоняли нас, то встречались фуры, кабриолеты, всадники. Из аллеи неприметно въезжаешь в Капштадт. При въезде берут по 8 пенсов с экипажа за шоссе; при выезде из Саймонсбега столько же. По дороге еще есть красивая каменная часовня в полуготическом вкусе, потом, в стороне под горой, на берегу, выстроено несколько домиков для приезжающих на лето брать морские ванны. Есть рыбацья слобода с рощей вокруг» [16. С. 158].

⁷ Маршрут экспедиции проходил вдоль африканского побережья курсом на мыс Доброй Надежды, с остановкой в Капштадте, и далее через Индийский океан к Зондскому проливу, в том числе через Атлантический океан и остров Мадера, Англию, Африку, Сингапур, Китай, Лийские острова, испанскую Манилу, берега Кореи, Якутска, Москвы и Петербурга.

Список источников

1. Викторевич В.А. Лекции по истории русской литературной критики от XVIII до начала XX века : учеб. пособие. Коломна : Моск. гос. обл. социально-гуманитарный ин-т, 2013. 288 с.
2. Гегель Г. Эстетика : в 4 т. М. : Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
3. Адыгезалова М.Н. Синтез: к истории и литературно-философским контекстам понятия // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6, № 1. С. 66–73.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.
5. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М. : Худож. лит., 1972. 575 с.
6. Манн Ю.В. Русская философская эстетика. М. : МАЛП, 1998. 381 с.
7. Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, письма. 559 с.
8. Никитенко А.В. Дневник. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 1. 590 с.; Т. 2. 650 с.
9. Никитенко А.В. Мысли о реализме // Журнал министерства народного просвещения. 1872. Ч. CLIX. 650 с.
10. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров и русский романтизм 20–30-х годов // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1975. Т. 34, № 4. С. 304–316.
11. Павлович К.К. И.А. Гончаров и В.А. Жуковский: к вопросу о романтической традиции в изображении природы // Ученые записки ОГУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 3 (88). С. 77–82.
12. Русский вестник. 1857. Т. 11. 629 с.

13. Жилиякова Э.М., Павлович К.К. А.В. Никитенко – читатель и критик романа И.А. Гончарова «Обломов» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 243–257.
14. Никитенко А.В. Записки истории русской литературы профессора Никитенко. СПб., 1844. 112 с.
15. Никитенко А.В. О характере народности в древнем и новейшем искусстве // Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846. С. 485–498.
16. Гончаров И.А. Фрегат Паллада: очерки путешествия Ивана Гончарова : в 2 т. СПб. : А.И. Глазунов, 1858. Т. 1. 659 с.

References

1. Viktorovich, V.A. (2013) *Leksii po istorii russkoy literaturnoy kritiki ot XVIII do nachala XX veka: ucheb. posobie* [Lectures on the history of Russian literary criticism from the 18th to the beginning of the 20th centuries: a textbook]. Kolomna: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy sotsial'no-gumanitarnyy institut.
2. Hegel, G. (1968) *Estetika: v 4 t.* [Aesthetics: in 4 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
3. Adygezalova, M.N. (2020) Sintez: k istorii i literaturno-filosofskim kontekstam ponyatiya [Synthesis: towards the history and literary and philosophical contexts of the concept]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i humanitarnye issledovaniya*. 6 (1). pp. 66–73.
4. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo.
5. Nadezhdin, N.I. (1972) *Literaturnaya kritika. Estetika* [Literary criticism. Aesthetics]. Moscow: Khudozh. lit.
6. Mann, Yu.V. (1998) *Russkaya filosofskaya estetika* [Russian philosophical aesthetics]. Moscow: MALP.
7. Goncharov, I.A. (1980) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works in 8 volumes]. Vol. 8. Moscow: Khudozh. lit.
8. Nikitenko, A.V. (1955) *Dnevnik* [Diary]. Vols 1–2. Moscow: Goslitizdat.
9. Nikitenko, A.V. (1872) Mysli o realizme [Thoughts on realism]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CLIX.
10. Krasnoshchekova, E.A. (1975) I.A. Goncharov i russkiy romantizm 20–30-kh godov [I.A. Goncharov and Russian romanticism of the 20s–30s]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 34 (4). pp. 304–316.
11. Pavlovich, K.K. (2020) I.A. Goncharov i V.A. Zhukovskiy: k voprosu i romanticheskoy traditsii v izobrazhenii prirody [I.A. Goncharov and V.A. Zhukovskiy: on the romantic tradition in the depiction of nature]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 3 (88). pp. 77–82.
12. *Russkiy vestnik*. (1857) 11.
13. Zhilyakova, E.M. & Pavlovich, K.K. (2020) Aleksandr Nikitenko as the Reader and Critic of Ivan Goncharov's Oblomov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 68. pp. 243–257. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/68/11
14. Nikitenko, A.V. (1844) *Zapiski istorii russkoy literatury professora Nikitenko* [Notes on the history of Russian literature by Professor Nikitenko]. St. Petersburg: [s.n.].
15. Nikitenko, A.V. (1846) O kharaktere narodnosti v drevnem i noveyshe iskusstve [On the character of a nationality in ancient and modern art]. In: *Peterburgskiy sbornik, izdanny N. Nekrasovym* [St. Petersburg collection, published by N. Nekrasov]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 485–498.
16. Goncharov, I.A. (1858) *Fregat Pallada: ocherki puteshestviya Ivana Goncharova: v 2 t.* [The Frigate Pallada: essays on the journey of Ivan Goncharov: in 2 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: A.I. Glazunov.

Информация об авторе:

Павлович К.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.K. Pavlovich, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.05.2021;
одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 19.05.2021;
approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 811.16, 811.11
doi: 10.17223/15617793/491/4

**Ключевые слова эпохи пандемии коронавируса и их дериваты:
сопоставительный анализ (на материале русского,
словацкого, чешского и немецкого языков)**

Драгомира Саболова¹, Мартина Кашова², Марина Александровна Харламова³

¹ *Католический университет, Ружомберок, Словакия, d_s@centrum.sk*

² *Прешовский университет в г. Прешов, Прешов, Словакия, martina.kasova@unipo.sk*

³ *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, khr-spb@mail.ru*

Аннотация. Проведен анализ лексики, возникшей на базе ключевых слов эпохи пандемии. Выводы показывают, что часть единиц функционирует во всех исследуемых языках (название инфекции) и не вызывает проблем при переводе. Внимание обращается на случаи межъязыковой омонимии и некоторые аспекты перевода, в том числе и безэквивалентной лексики. Даны основные семантические группы высокочастотных слов: названия лиц, инфекции, стационаров для заболевших. Фиксируется преобладание композитов в немецком и дериватов во флективных языках. Однако в русском отмечено относительно большое количество композитов.

Ключевые слова: лексическая единица, новообразование, семантика, корона, ковид, словообразование, немецкий, русский, словацкий и чешский языки

Для цитирования: Саболова Д., Кашова М., Харламова М.А. Ключевые слова эпохи пандемии коронавируса и их дериваты: сопоставительный анализ (на материале русского, словацкого, чешского и немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 31–39. doi: 10.17223/15617793/491/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/4

**Key words of the coronavirus pandemic era and their derivatives: A comparative
analysis (based on the material of Russian, Slovak, Czech, and German)**

Drahomira Sabolova¹, Martina Kasova², Marina A. Kharlamova³

¹ *Catholic University, Ružomberok, Slovakia, d_s@centrum.sk*

² *University of Presov, Presov, Slovakia, martina.kasova@unipo.sk*

³ *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, khr-spb@mail.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the new lexical units that were formed on the basis of the key words of the current pandemic era – corona and covid. The basic research methods were the methods of analysis and comparison of the new lexical units. The researched material was obtained from the internet resources such as online mass media, discussion forums, social network, and dictionaries. The results of the analysis show that some of the units were formed and came into usage in all the languages under consideration (e.g., the name of the infection). Such units do not pose a translation problem. For units with pendants absent in the language compared, an adequate representation has to be sought. Attention was also paid to the cases of interlingual homonyms that represent the problem of misinterpreting, e.g., *koronarka*. The word is used in Russian as a colloquial designation for the coronavirus infection, while in Slovak and Czech this unit is a colloquial name for the hospital department where cardiovascular diseases are treated. Another noun – *koronach* – represents name of the infection in Russian. The analogous German lexical unit *Coronaer*, *r* means a sick person infected by coronavirus, and in Slovak and Czech a lexeme *koronáč* represents both meanings. We also point out the existence of double forms – loans and semi-calques – to denote one term, such as *Corona party*. Such doublets occur in all languages compared, e.g. *Corona-Party*, *e* / *Corona-Fete*, *e* (in German); *korona-pati* / *korona-vecherinka* (in Russian); *koronaparty* / *koronavečierky* (in Slovak); *koronaparty* / *koronavečírky* (in Czech). In some cases, background knowledge is needed to explain the meaning of occasionalisms, e.g., the lexical units *Corona-Marzahn-Szenario*, *s* or *Corona-Papst*, *r* (German). In this article, we present the basic semantic groups, including the most frequently used lexical units, such as names of persons, names of the infection, infected persons, objects providing treatment, etc. Most of the new units are substantives in all the languages considered. From the point of view of word formation, the prevalence of composite words in German (mainly formed by two stems) and derivatives in the researched inflected languages was noticed. However, the occurrence of a large number of composite words as well as of neological verb forms (derivates) is also observed in Russian. Taking into account the specificity of the speakers' language consciousness, as well as the differences of the compared language systems (source versus target language),

we believe that attention should be paid to familiarizing a foreign language audience with this linguistic material to avoid communication failures and inaccuracies in translation.

Keywords: lexical unit, new coinages, corona, covid, semantics, word-formation, German, Russian, Slovak, Czech languages

For citation: Sabolova, D., Kasova, M. & Kharlamova, M.A. (2023) Key words of the coronavirus pandemic era and their derivatives: A comparative analysis (based on the material of Russian, Slovak, Czech, and German). *Vestník Tomského gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 31–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/4

Начало пандемии коронавирусной инфекции стало толчком к активизации словообразовательных процессов в разных языках. Вызванная появлением новых реалий неологизация основывается на нескольких ключевых словах, причем высокой частотностью обладают единицы, образованные от слов *корона* и *ковид*.

Предметом нашего исследования являются новообразования, появившиеся в рассматриваемых нами языках в период с марта 2020 г. В центре внимания – производные лексические единицы, сформированные на базе слов *корона* и *ковид*. Основным методом исследования является метод сопоставления и семантического анализа отдельных единиц, образованных или заимствованных в данный период.

Материалом для анализа послужили онлайн-издания СМИ, социальные сети, дискуссионные форумы, в случае русского языка – и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», изданный ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге в 2021 г. [1], а также немецкий онлайн-словарь Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie [2] и чешский электронный онлайн-ресурс Databáze excerpčního materiálu Neomat, verze 3.0 [3].

Для достижения поставленной цели (исследование семантических процессов в новой лексике) считаем необходимым представить классификацию материала, учитывающую различия в форме выражения и наличие / отсутствие новых слов во всех или в одном / нескольких языках.

Среди наименований, появившихся в связи с пандемией коронавируса и сопутствующих ей реалий, можно выделить такие, которые встречаются во всех исследуемых нами языках. К ним принадлежат названия самой инфекции (*коронавирусная инфекция COVID-19 / koronavírusová infekcia COVID-19 / koronavírová infekce COVID-19 / Coronainfektion COVID-19*), истерии, ажитации вокруг пандемии (*коронаутомия / koronahystéria / koronahysterie / Corona-Hysterie*), понятие, обозначающее издаваемые Евросоюзом облигации (*коронабонды / koronabondy / koronabondy / Corona-Bonds*), названия нелегальных вечеринок, организованных во время карантина. Следует отметить, что в чешском языке употребляется и калькированное название коронабондов – *koronadluhopisy*. Среди наименований нелегальных вечеринок, организованных во время карантина, обнаружены дублетные формы. В русском – это *корона-пати* и *ковид-пати*, а также *ковид-вечеринка* и *корона-вечеринка*, в словацком и чешском фиксируется *koronaparty* или *koronavečierky / koronavečírky*. Кроме того, в словацком и чешском языках представлены словосочетания *koronavírusové večierky / covidové večírky*. В немецком – это *Corona-Fete* и *Corona-Party*.

Перечисленные единицы в основном совпадают по значению и форме.

Вторую группу составляют единицы, совпадающие по значению, но отличающиеся по форме. К данной группе можно отнести названия документов, подтверждающих наличие прививки от коронавирусной инфекции: в русском языке – это *ковид-паспорт* и *коронапаспорт*, в словацком – официальное *Digitálny COVID preukaz* и разговорные *Covid pas, kovid pas, koronapas*, в чешском – *digitální zelený certifikát, covid pas, Covidpas, koronapas*, а в немецком – *digitales COVID-Zertifikat* и *Covid 19-Pass*, *r.* Фиксируются наименования, обозначающие территории на карте в зависимости от уровня распространенности на них коронавирусной инфекции: рус. *Ковидный светофор* и *Коронавирусный светофор*, нем. *Corona-Ampel*, *e*, чеш. *Covid semafor* (в журналистике и *koronavírový semafor*), словац. *Covid automat* (в зависимости от цвета автоматически меняются условия жизни, действующие ограничительные меры). В разговорном стиле употребляется и *semafor*, например: *Bordových okresov nad'alej pribúda..... obmedzenia podľa príslušného semaforu* (наблюдается прирост бордовых районов... ограничения в соответствии со светофором) [4].

В третью группу включаем единицы, совпадающие по форме, но отличающиеся по значению (*коронарка, короныч*; более подробно см. ниже).

В последнюю группу входят единицы, относящиеся только к одному или двум языкам, не имеющие эквивалентов в сопоставляемых языках. Такие единицы представляют проблему при переводе на иной язык. Лингвист де Грот (de Groot) предлагает не переводить биоэквивалентные лексемы, а приводить слова (выражения) исходного языка с пояснением или дословным переводом в сноске или же давать описательное толкование (дескриптивный эквивалент) [5. S. 164]. Мы согласны с таким подходом, но полагаем, что в отдельных случаях можно найти похожие лексические единицы в других языках, необходимые при переводе. Так, чешское новообразование *kovidle* (*korona + vidle* ‘вилы’), зафиксированное в словосочетании *hodit kovidle*, исходя из конкретного контекста, можно перевести на русский как ‘поставить (ковидный) крест’ (см. ниже).

Итак, предложенную основную классификацию лексических единиц представляется необходимым расширить семантическим анализом слов из данных групп, поскольку именно это важно для адекватного перевода с одного языка на другой. В рамках «коронавирусного словаря» можно выделить несколько семантических групп.

Первую представляют лексические единицы, обозначающие лиц, определенным образом относящихся

к пандемии: с одной стороны, это те, кто не признает пандемию и не соблюдает меры безопасности, с другой – те, кто принимает ее всерьез, опасается заболеть и настаивает на соблюдении мер.

К наименованиям лиц, критически относящихся к ажиотажу вокруг пандемии, можно отнести такие единицы, как *ковид-диссидент*, *феминитив ковид-диссидентка*, *ковид-идиот*¹ (в 1-м значении [1. С. 94]); сложные слова со второй основой, образованной от корня *отриц-*: *ковидоотрицал*, *ковидоотрицала*, *ковидоотрицальщик*, *ковидоотрицатель*; с аналогичной негативной семантикой слова от основы *корона*: *коронациник*, *коронанигилист*, *коронаатеист*, *коронадиссидент*, *коронаидиот*, *коронавирус-диссидент*, *коронагностик*, *коронапофигист*; варианты с интерфиксом: *ковидодиссидент*, *ковидоидиот*¹, *ковидоскептик*; появившиеся на основе контаминации *ковигист* (< *кови* + (пофи)гист ‘о человеке безразличном, равнодушном, безучастном’) и *ковидиот* (*covidiot*).

Вторую подгруппу составляют сложные слова, маркирующие лиц, панически или лояльно / нейтрально воспринимающих пандемию: *ковид-истерик*, *ковид-идиот*², *ковидоидиот*², *ковидопаникер*, *ковидолояльный*, *ковидобес*, *ковидолюб*, *ковидоман*, *ковидиот*², *ковидаст* (контаминация: *ковид* + *педераст* ‘о дурном, скверном человеке’, жарг.), *ковидоид* (от которого было образовано прилагательное *ковидоидный*¹ в зн. ‘соблюдающий меры и серьезно относящийся к информации об инфекции’). Фиксируем прилагательное *ковиднутый*¹ (‘измененный, скорректированный в связи с карантином по коронавирусной инфекции’) и образованный от него субстантиват *ковиднутый*², в речи ковид-диссидентов означающий человека, который боится заболеть, болезненно сосредоточен на ковидной тематике. Кроме того, функционируют единицы с основой *корона*: *коронаалармист* (‘преувеличивает опасность’), *коронафил* (‘сторонник соблюдения мер’), *коронабес* (‘человек / сторонник, тот, кто сеет панику’) и *коронаоик* (‘человек, который боится заразиться’), последнее возникло на базе контаминации.

Некоторые из перечисленных слов могут содержать дополнительный оттенок в семантике. Так, например, *ковидиот*² не только опасается пандемии, но и *покупает запасы* товаров первой необходимости, *ковидоман* не только *соблюдает все меры безопасности*, но и *настаивает на их соблюдении другими*, а *коронабес*, *ковидопаникер* и *коронаалармист* еще и *сеют панику в обществе*.

Перечисленные примеры показывают, что некоторые единицы входят в обе подгруппы и их значение зависит от конкретного контекста. Это слова *ковид-идиот*, *ковидиот* и *ковидоидиот*, которые маркируют того / тех, кто *игнорирует* профилактические меры и относится с *недоверием к информации* об инфекции. Однако в речи ковид-диссидентов это ‘тот, кто послушно соблюдает все меры и не критически относится к официальной информации о коронавирусной инфекции’.

В словацком и чешском языках также функционирует лексическая единица *Covid Idiot* и *kovidiot* /

covidiot в двух значениях, что иллюстрируется примерами с дискуссионного форума; первым высказывается диссидент: *Covid Idiot je ten co mediam vsetko spapa* (тот, кто «скушает» все, озвученное в СМИ) [6], а с другой стороны звучит: *Nie Covidiot si Ty, resp. taká osoba, ktorá prezentuje tvoje názory. To je krásny pojem pre popieračov Covidu* (Нет, ковидиот – это ты или же лицо, которое представляет твои взгляды, и это хорошее наименование для отрицателей ковида) [6]. В этом предложении упомянуто слово, которое чаще употребляется в словацком для наименования отрицателей пандемии: *popierač covidu*, *popierač koronavírusu*, *popierač opatrení proti šíreniu koronavírusu*.

В чешском интернет-пространстве также находим слово *kovidiot* в противоположных значениях. Во-первых, для номинации отрицателей ковида: *Celou dobu se na mě v tramvaji lepil nějaký covidiot* (Ко мне в трамвае всё время прижимался ковидиот, т.е. не соблюдал дистанцию) [7. С. 18]. Во-вторых, обозначает тех, кто опасается «короны» и делает покупки в больших объемах: *Vidiš tamtoho covidiota, jak nakládá 200 rolí hajzl papíru?* (Видишь этого ковидиота, который загружает 200 рулонов туалетной бумаги?) [7. С. 18]; кроме того, называет тех, кто считает «корону» худшей болезнью: *Ten covidiot je šťastnej, že má jen úplavici a kapavku, a ne koronavirus* (‘Тот ковидиот счастлив, что болеет только дизентерией и гонореей, а не коронавирусом’) [8].

Существует и аналогичное чешское название *covidblb* (ковиддурак), тоже репрезентирующее амбивалентные значения. Так, первое означает того, кто игнорирует меры: *Cestou z práce v plném autobuse vedle mě stáli čtyři covidblbi. Jeden z nich povídá: Další ovčán, ať ten hadr sundá, stejně je to k ničemu* (В автобусе по пути домой стояли рядом со мной четыре ковид-дурака. Один из них говорит: «Еще один “гражданин-овца”, пусть сбрасывает эту тряпку, все равно она ни к чему») [9]. Второе называет того, кто настаивает на введении чрезмерно строгих мер: *nejlépe povinné nošení atombordelu s respirátorem třídy 3* (‘Лучше всего обязательно носить “атомбордел” – “одежда для химической защиты, используемая в армии” – и респиратор класса 3) [9].

Указанная выше единица встречается и в словацком интернет-пространстве: *Rúskofili a kovidoblby by na tento obrázok napísali: to je dobrý hoax* (Маскофилы и ковид-дураки на эту картинку сказали бы: хороший фейк) [10], из контекста понятно, что анализируемое слово используется во втором значении.

Человека, чрезмерно опасющегося инфекции, можно назвать и *kovidlák*, и это слово встречается в обоих языках (*vidlák* – пренебрежительное обозначение сельского жителя, необразованного, неотесанного). В качестве примера употребления слова – заголовков словацкой газеты: *Kovidioti versus kovidláci – komu prospieva nová frontová línia medzi občanmi?* Из контекста понятно, что в данном случае *ковидиот* – это ковид-диссидент, которому противопоставляется *ковидлак* (кому идет на пользу создание линии фронта между гражданами) [11].

К номинациям лиц, соблюдающих антиковидные меры, можно отнести еще чешские лексемы *Covidán* 'тот, кто строго соблюдает все меры', *koronaprdelník* 'кто соблюдает (дословно – *glomaem*) все правительственные меры', *kovidalarmista*, *kovidista* (*kovid* + *propagandista*) и *covidostrašpytel* (*strašpytel* – пугливый): *Kdyby všichni covidostrašpytlové zaklepali bačkorata, tak by byl pokoj...* (Если бы умерли все ковидпугливые, было бы спокойно) [12].

В немецком языке в первой группе обращаем внимание на наименование *Corona-RAF*, *e*, называющее группу лиц, принимающих участие в экстремистских протестах, *Covididiot*, *r*, *Corona-Idiot*, *r*; *Corona-Sünder*, *r* ('грешник'), *Corona-Ignoranten*, *Pl.*, *Corona-Protestler*, *r*, *Coronademonstrant*, *r*, *Corona-Rebellen*, *Pl.* Вторую группу представляет *Coronapaniker*, *r*.

Для названия инфекции и вызванной ею болезни существует несколько официальных названий, таких как *КОВИД-19*, *COVID-19* и *Коронавирус SARS CoV-2* (проф.). В русском языке фиксируются и разнообразные дериваты: *ковид*¹, *ковида*, *ковидия*, *ковидина*, *ковидла*, *ковидло*, *ковидос*, *ковидство*, *ковидизм*, *ковидий*, *ковидик*¹, *ковидушка*¹, *койдка*¹, широко представлены дериваты на базе лексемы *корона*: *коронаинфекция*, *коронавирус*, *коронавир*, *короняша*, *короняшка*, *коронушка*, *короновирушка*, *коронарка*, *коронка*, *коронач*.

В немецком языке это официальные названия *Covid-19*, *e/s*, *Covid-19-Pandemie*, *e*, *Covid-19-Erkrankung*, *e*, *Covid-19-Infektion*, *e*, *Covid-19-Epidemie*, *e*, *Coronavirus-Pandemie*, *e*, *Coronavirus-Infektion*, *e*, *Corona-Epidemie*, *e* и уменьшительное *Corönchen*, *s*, которое соответствует русскому *коронка*, но обладает негативной коннотацией. Обращаем внимание на наименование *Corona-Pandemie* (разг.), которое стало словом года 2020.

В словацком и чешском языках функционируют аналогичные названия, но в основном это же значение выражается при помощи словосочетаний. Итак, в этих языках можно сказать *COVID-19* или употребить словосочетание, включающее слово *заболевание*: *ochorenie COVID-19* / *onemocnění na covid-19*, сокращенное *Covid* и *kovid*, далее *covidová infekcia* / *covidová infekce*, *korona infekcia* / *korona infekce*, *epidémia Covid-19*, *epidémia koronavírusu* / *epidémie koronaviru*, *pandémia* / *pandémie Covid 19*, *pandémia koronavírusu* / *pandémie koronaviru*, просто *koronavírus* / *koronavir*, но встречается и *korona chrípka* / *korona chřipka* (грипп). В интернет-пространстве находим и разговорные наименования *koroňák*, *kovidák*, уменьшительное *kovidík* / *kovidek*, в чешском языке – и разговорное сокращенное слово *kvido* (вместо *kovid*): *Pokud se nakazím, budu mít kovidek a zůstanu doma v karošce* (Если заражусь, у меня будет ковидик, и я останусь дома «в карошке» – на карантине) [13]. Следует отметить, что слова *koroňák*, *kovidák* употребляются и для обозначения больных.

Для наименования заболевших, инфицированных коронавирусом, в русском языке используются слова *ковид*², *ковид-больной*, *ковидец*, *ковидик*², *ковидист*, *ковидник*², *ковидница*², *ковидчик*, *ковиднутый*², *ковидовец*, *ковид-положительный*¹, *ковидик*², *коронованный* ('заразившийся'). Некоторые из перечисленных

лексем полисемичны. Так, *ковидец* – это и *больной*, но и *врач*, работающий с больными коронавирусной инфекцией, *коронник*, кроме *больного* означает и представителя поколения, появившегося на свет после длительного пребывания пар на самоизоляции и карантине. А *ковидница* является не только феминитивом к слову *ковидник*, но и названием *больницы*. Субстантивированная форма прилагательного *коронованный* (относящийся к группе коронавирусов) означает *больного* коронавирусной инфекцией. *Коронаносец* кроме уже указанного основного значения еще называет штамм коронавируса. Омонимичная форма, образованная контаминацией, обозначает военный авианосец, на борту которого находятся заболевшие коронавирусной инфекцией.

В немецком языке зафиксировано несколько сложных слов, называющих больных: *Corona-Patient*, *r*, *Covid-19-Patienten*, *Pl.*, феминитив *Coronavirus-Patientin*, *e*, группа пациентов – *Covid-19-Patientengruppe*, *e*, *Coronavirus-Kranke*, *r/e*, *Coronavirus-Infizierte*, *r/e*, *Coronaer*, *r* 'заразившийся, инфицированный', *Corona-Patient bestätigter* 'с подтвержденной инфекцией'.

В словацком и чешском языках указанные выше номинации в основном выражаются при помощи словосочетаний *pacient s Covid-19*, *COVID-19 pozitivny pacient*, разг. *kovidový* / *covidový pacient*, но встречаются и сложные слова: *koronapacient*. В этих языках функционируют и дериваты. Так, в словацком языке – *koroňák*, *kovidák*, а в чешском языке, кроме аналогичных словацкому лексем, еще *kovidní*, *koronoš*: *Setkání s pozitivně testovanou osobou (kovidákem či koronáčem) nám hodilo kovidle do našich plánů, musíme do korontény a bojíme se, abychom neskončili v kovidáriu (nemocniční oddělení)* (Встреча с положительно тестированным (ковидником или коронщиком) поставила (ковидный) крест на наших планах, мы должны остаться на карантине и опасаемся попасть в ковидарий (отделение больницы)) [14].

В следующую группу вошли названия специализированных центров для лечения больных коронавирусной инфекцией. В немецком языке это сложные слова: *Corona-Infekt-Ambulanz*, *e*, *Covid-19-Notklinik*, *e*, *Corona-Krankenhaus*, *s* (больница), *Corona-Behandlungszentrum*, *s* (лечебный центр), *Coronavirus-Klinik*, *e*: *Die Covid-19-Notklinik in den Berliner Messehallen wird noch voraussichtlich bis Mai 2021 offen gehalten* (Больница первой помощи в Берлинском выставочном центре будет открыта, скорее всего, до мая) [15].

В русском словаре встречаются как сложные наименования, так и дериваты: *ковид-больница*, *ковид-госпиталь*, *корона-госпиталь*, *коронагоспиталь*, *ковидленд*, *ковидарий*, *ковидариум*, *ковидальня*, *ковидарник*, *ковидарня*, *ковидник*¹, *ковидница*¹.

В словацком и чешском языках аналогичные понятия выражены при помощи словосочетаний *covidová nemocnica* / *nemocnice* (в словацком языке – и *nemocnica pre covidových pacientov*), *covidové oddelenie* / *covid oddělení*, *korona oddelenie* / *koronaoddělení*, *covidové lůžka* / *covidová lůžka*, *covidová jednotka* / *Covid jednotka*. В чешском языке зафиксирована и номинация *kovidárium* 'название отделения для пациентов с

ковидом': *Přijel z Itálie? Má teplotu? Uložte ho na covidárium!* (Он приехал из Италии? У него температура? Положите его в ковидарий!) [16].

Еще одну семантическую группу составляют слова, именующие панику вокруг пандемии: *ковид-истерика, ковид-истерия, ковидопаника, ковидопсихоз, коронабесие, короноя, коронавирусобесие, коронабесия, коронаистерика, коронаистерия*. Во всех исследуемых языках существует аналог русского *коронаистерия*: *koronahystéria* (словац.), *koronahysterie* и *covid hysterie* (чеш.), *Corona-Hysterie* (нем.). Близкое к названию *короноя* в немецком зафиксировано слово *Coronoia*, в словацком – *koronaparanaja*, а в чешском *kovidparanoje*. В чешском и словацком языках представлены *covidománie / covidománia* как синоним к *коронаистерии*: *Polizei und Staatsanwaltschaft gehen gegen eine Rechtsanwältin vor, die Maßnahmen wegen der Corona-Krise für stark übertrieben hält und von "Coronoia" (wie Paranoia) und dem "größten Rechtsskandal" in der Geschichte der Bundesrepublik spricht* (Полиция и прокуратура возбудили дело против юриста, который считает принимаемые меры безмерно преувеличенными и говорит о *короное* как самом крупном скандале в истории республики) [17]; *Všetky tieto zistenia však pomáhajú do veľkej miery objasniť túto záhadnú a znepokojujúcu masinériu covidománie, ktorá ničí životy miliónom ľudí* (Однако все эти данные помогают в значительной степени прояснить этот загадочный и тревожный механизм ковидомании, разрушающий жизни миллионов людей) [18].

Свое название получили и дети, родившиеся как следствие карантина: *ковид-бумер* (по аналогии с бибумерами), *корниал, корониал, ковиниал, ковидёнок*, причем последние три слова полисемичны. *Корониалами* и *ковиниалами* называют также детей, которым пришлось жить в период пандемии, а *ковидёнок* – это еще и ласкательное наименование детеныша какого-либо животного, родившегося в период пандемии.

В немецком языке употребляются слова *Corona-Baby, s* и *Coronnials, Pl.* (возможен вариант написания с одним или двумя 'n') для номинации детей, зачатых во время пандемии. В словацком и чешском языках также встречаются *koroniádi* и уменьшительное *koroniátko / covidátko* 'ребенок, рожденный во время эпидемии': *Auch für den jetzt aus sozialer Isolation entstehenden Nachwuchs haben die sozialen Netzwerke schon einen Namen parat: Coronnials* (Соцсети уже приготовили название для потомков, которые родятся в результате социальной изоляции: корониалы) [19]; *Vplyv katastrof na pôrodnosť. Pride generácia koroniatok?* (Влияние катастроф на рождаемость. Наступит поколение *короняшек*?) [20].

Как показывают примеры, новые единицы были сформированы по разным словообразовательным моделям, причем наблюдается превалирование новаций имен существительных во всех исследуемых языках. Преобладающее большинство этих единиц в немецком языке было образовано путем сложения, значительную часть новаций русского языка также составляют сложные слова. Неустоявшиеся правила написания

(через дефис, слитно или употребление формы, образованной соединением при помощи интерфикса) этих лексем указывают как раз на их новизну в современном русском языке. В словацком и чешском языках эквивалентом многих из таких наименований являются словосочетания: *коронаинфицированный, Coronavirus-Infizierter / infikovaný pacient, ковид-положительный, Corona-Positive, r/e / pozitívny pacient, ковид-больной / kovidový pacient*. Вариант *корона-вечеринки* в словацком и чешском может быть результатом сложения (*koronavečierok / večírek*) или выражен при помощи словосочетания (*koronový večierok / večírek*).

Некоторые из новообразований стали базой для деривации. Наиболее ярко этот процесс проявляется в русском языке. Следует обратить внимание на довольно большое количество новых глагольных форм. Так, значение 'заболеть ковидом' выражено лексемами *ковиднуть, ковиднуться, коронавируснуть, заковидеть, сковидиться, короноваться, оковидиться* (глаголы образованы способом суффиксации и / или префиксации), 'болеть' репрезентировано словами *ковидеть, ковидить, ковидничать*, а семантика 'переболеть' – *перековидить, перекоронавирусить, отковидиться*.

У новаций наблюдаются многочисленные случаи полисемии и омонимии. Так, глагол *ковидеть* обладает двумя значениями 'болеть ковидом' и 'лечить больных ковидом', но фиксируется и омонимичная форма глагола, возникшая на базе контаминации единиц *болеть* и *видеть* и представляющая собой шутовское обозначение со значением 'видеть'. А у глагола *ковидить* фиксируем даже шесть значений, а именно: 1) болеть инфекцией; 2) заражать кого-н.; 3) находиться на карантине; 4) в речи ковид-диссидентов – обманывать, манипулировать обществом, преувеличивая опасность инфекции; 5) держать на карантине; 6) осуществлять диагностику и лечение. От данного глагола образована возвратная форма *ковидиться*, она в первых двух значениях совпадает с формой невозвратного глагола, а третье значение относится к речи медиков и означает 'работать с ковидными пациентами'. У глаголов *ковиднуть* и *ковиднуться* кроме значения 'заболеть' имеется и второе: 'заразить кого-н' – у первого глагола, и 'умереть' – у второго глагола. Глагол *ковидничать* имеет еще семантику 'пропускать занятия под предлогом самоизоляции', а *коронавируснуть* – 'нанести урон, вызвать сильный стресс' [1].

Из единиц, образованных на базе слова *корона*, обращает на себя внимание глагол *короновать*, шутовское значение которого – 'придать особое значение, обратить на себя широкое общественное внимание (о коронавирусной инфекции)'. Отмечается у этого глагола и второе значение: 'давать (дать) преимущества, приносить выгоду кому-л. в период пандемии коронавирусной инфекции'; возможна и негативная коннотация 'заразить коронавирусной инфекцией'. Возвратная форма *короноваться* зафиксирована с семантикой 'стать главным, важным; проявиться, распространиться (о коронавирусной инфекции)' и 'заразиться, заболеть коронавирусной инфекцией'.

Русский словарь содержит и новации в области имен прилагательных со значениями:

1) ‘вызванный коронавирусной инфекцией’ – *ковидовский* и *ковидарный*¹, *ковидный*¹, *коронавирусный* (причем последнее прилагательное имеет также зн. ‘свойственный, характерный для заболеваний’ и ‘предназначенный для лечения заболеваний’);

2) ‘относящийся к ковиду’ – *ковид-диссидентский* (< ковид-диссидент); *ковидарный* (точнее – к периоду пандемии); *коронавирусный* (< коронавирус);

3) ‘характерный для заболевания’: *ковидный*¹, *коронавирусный*;

4) ‘зараженный коронавирусной инфекцией, болеющий ковидом’: *ковидный*¹, *ковид-положительный*¹, *коронавирусный*¹.

К речи ковид-диссидентов относятся прилагательные *ковидобесный* и *ковидобесовский*, значение которых – ‘выдуманный, созданный намеренно с целью манипуляции (о коронавирусной инфекции, о пандемии)’, а также *коронабесный* и *коронабесовский* – ‘связанный с пандемией коронавирусной инфекции’.

Активно функционируют также префиксальные единицы. Зафиксированы лексемы с префиксами пред-, до-, после-, бес-, характеризующие состояние до / после начала пандемии или болезни, причем некоторые из префиксальных новообразований обладают и другим значением:

– *посткоронавирусный*, *постковидный* ‘наблюдающийся как следствие заболевания’ или ‘происходящий после завершения пандемии’;

– *предковидный*, *предкоронавирусный*, *доковидный* ‘прежний, обычный’;

– *бесковидный*, *бескоронавирусный* ‘свободный от случаев заболевания’;

– *постковидовский* ‘необходимый для предотвращения последствий заболевания коронавирусной инфекцией’;

– *посткоронавирусный* ‘возникающий как следствие коронавирусной инфекции’;

– *антиковидовый*, *антикоронавирусный* ‘предназначенный для лечения заболевания’;

– *проковидный* ‘усиливающий вероятность тяжелого протекания заболевания’;

– *противоковидный* ‘направленный на лечение или профилактику’;

– *псевдоковидный* ‘имеющий симптомы, напоминающие ковид’.

Отмечаются и шуточные названия *ковиданный* (‘невиданный, небывалый’), *ковидистый* (‘ковидный, коронавирусный’); *ковидарный*² ‘солидарный’ (< *ковид* + *солидарный*).

В немецком языке функционируют прилагательные *coronal*, *coronaviral*, т.е. ‘коронавирусный’; *coronalos* ‘бескоронавирусный, здоровый’; *coronaleer* ‘пустой из-за короны’ (ср. *пустые прилавки*); *coronagepeinigt* ‘пострадавший из-за пандемии’; *coronageplagt* (1) ‘в плохом физическом и психическом состоянии’, (2) обусловлен обстоятельствами (негативными) во время пандемии; *coronamüde* ‘уставший от пандемии’; *coronisch* ‘по-коронному’. А прилагательному *coronafrei* соответствуют в других языках

имена существительные *коронаканикулы* (русский), *koronaprázdniny* (словацкий и чешский). В немецком языке на базе прилагательного образовано и существительное *Coronaferien* для названия незапланированных каникул периода официальной самоизоляции.

В словацком и чешском языках можно выделить прилагательные со значением ‘относящийся к вирусу’: *koronový*, *koronavirusový* / *koronavirový*, *covidový* / *kovidový*; префиксальные прилагательные: *bezkovidový*, *antikovidový*, *postcovidový*, *pokovidový*, *predkovidový*. Только в чешском языке встречаются *covidní* (‘зараженный’), *kovidoidní* (‘ковид положительный’) и *covidalarmistický*. Субстантивированная форма прилагательного *kovidné* является наименованием пособия, выплачиваемого во время пандемии, например: *Čekáme na to, jaké bude kovidné, tedy nějaké příspěvky od státu v nelehké ekonomické situaci* (Ждем, каковы будут ковидные, т.е. пособие со стороны государства в связи с нелегкой экономической ситуацией) [13].

В Словаре коронавирусной эпохи находим и несколько наречий с семантикой ‘плохо, тошно, трудно’: *ковидно*, *коронмуторно* (тошно), *коронисто* (трудно), *коронавирусно*; и антоним *антикоронавирусно*: *Тихвинская икона Божьей Матери «антикоронавирусно» объехала Карачев* [1. С. 23].

В немецком языке прилагательные выступают в зависимости от контекста в роли наречий, например *coronamüde* ‘уставший / устало от пандемии, масочного режима’: *Sozialdezernent Ingo Nürnberger gibt zu: Auch er ist ein bisschen “coronamüde”, auch er vergisst mal seine Maske* (Руководитель отдела соцзащиты Инго Нюрнберг признается, что чувствует усталость от короны и время от времени забывает надевать маску) [21].

Немногочисленный словарь наречий представлен в чешском и словацком языках. В чешском зафиксированы *po kovidovsku* (по-ковидному) и *antikoronatotalitně* (антикоронатоталитарно), а в словацком – *covidisticky* (по-ковидному): *Co přestat jezdit autem? Auta zjevně ohrožují zranitelné skupiny, to je jasné. Takže pěkně po kovidovsku – zakázat* (А почему бы не перестать ездить на машине? Машины ведь угрожают уязвимым группам лиц, это понятно. Так что хорошенько, по-ковидному запретить) [3]; *Také některé bizarní či samostatné politické figury v zahraničí se vymezily poměrně “antikoronatotalitně”* (Также некоторые причудливые или эксцентричные политические деятели за рубежом определились / проявились относительно «антикоронатоталитарно») [3].

Следует отдельно выделить единицы, которые могут представлять проблемы при восприятии в иноязычной аудитории. К ним относятся лексические единицы, образованные путем контаминации. Кроме того, необходимо иметь в виду те случаи, когда для адекватного понимания семантики слова необходимы фоновые знания.

Некоторые из контаминаций можно понять интуитивно, например русские *ковидарность* ‘солидарность, взаимопомощь, поддержка друг друга во время пандемии’ (< корона + солидарность); *коронадемия* ‘пандемия’ (< корона + пандемия); *коронатрясение*

‘стихийное бедствие’ (> корона + землетрясение); словацкое *koronténa* (< korona + karanténa ‘карантин’); аналогичное немецкое *Corontäne* или наименование Рождества периода пандемии *Coronachten* (< Corona + Weihnachten).

Для восприятия и понимания других слов необходимы общечеловеческие фоновые знания, как в случае с обозначением *ковидра* – речь идет о восприятии пандемии как чудовища (здесь: то же, что лернейская гидра – мифологическое многоголовое чудовище, на месте одной срубленной головы которого выросло несколько других; победа над лернейской гидрой является вторым из 12 подвигов Геракла) [1. С. 130]. А к некоторым лексемам необходим широкий контекст, поскольку схожие по форме единицы могут расходиться по значению в разных языках. Так, слово *коронакост* в русском языке представляет собой номинацию, обозначающую ‘преследование отдельных групп населения в связи с несоблюдением ими противоэпидемиологических мер’ < корона + холокост (здесь: перен.) [1. С. 157]. Словарь содержит и синонимы: *карантинкост* [1. С. 75], *ковидокост* [1. С. 121], *ковидоцид* [1. С. 129]. В чешском языке обнаруживаем аналогичную лексему, образованную также контаминацией слов, *korona + holokaust* > *korokaust*, но ее значение отличается от русского аналога, и слово употребляется для обозначения массового вымирания населения из-за пандемии: *Pirk je starý známý popírač korokaustu* (Пирк общеизвестный старый отрицатель корокоства – вымирания населения во время пандемии [22]. Ср. в польском интернет-пространстве употребление окказионализма в том же значении: *żeby nie okazało się że połowa zgonów z covidu to wynik zaniechań jedno mi się nasuwa na myśl holokaust czy raczej korokaust* (чтобы не оказалось, что половина смертей от ковида – это результат халатности, что мне напоминает холокост или, скорее, корокоств) [23].

Еще один интересный случай в чешском языке – это слово *koronadávka*, образованное от слов *koronakrize* + *nadávka* (коронакризис + брань, ругательство) – ругательство относительно коронакризиса. Но зафиксирован и омоним, именующий пособие, выплачиваемое государством для пострадавших от коронавируса (*koronakrize* + *dávka* – ‘пособие’).

В чешском языке встречается наименование *koronavirusexuál* – речь идет не о занятии любовью, а о «помешательстве» на теме пандемии, о человеке, абсолютно / полностью одержимом коронавирусом: *Ten Pavel je úplnej koronavirusexuál. Pořád si o tom blbým viru něco čte* (Павел полный коронавируса сексуал. Все время что-то читает про этот дурацкий вирус) [24].

В немецком языке обнаружены окказионализмы, для объяснения значения которых необходимы фоновые знания, например наименование *Corona-“Marzahn-Szenario”*, *s* (сценарий микрорайона Марцан). Марцан – самый большой жилой квартал восточного Берлина, где живут низшие слои населения, и во время карантина там часто отмечались случаи домашнего насилия, так что этот «сценарий» ассоциируется с домашним насилием. А *Corona-Papst*, *r* – такое

название (кличку) получил главный вирусолог в Германии (по аналогии с Папой Римским, который играет решающую роль в определенном роде вопросах).

Зафиксированы схожие по форме лексические единицы, которые отличаются по значению в отдельных языках. Так, слово *коронарка* в русском языке употребляется как разговорное обозначение коронавирусной инфекции, а в словацком и чешском языках данная единица является разговорным наименованием для отдела больницы, в котором лечатся болезни сердечно-сосудистой системы. Или же слово *коронач*: в русском языке это название инфекции, немецкое *Coronaer*, *r* означает заболевшего человека, инфицированного вирусом, а словацкий и чешский аналог *koronáč* имеет оба этих значения.

Кроме уже названных дублетных форм для обозначения одного и того же понятия в отдельных языках *Corona-Fete*, *e* и *Corona-Party*, *e* – в немецком языке, *корона-пати*, *ковид-пати*, *ковид-вечеринка* и *корона-вечеринка* – в русском, в словацком и чешском – *koronaparty* или же *koronavečierky* / *koronavečírky*; только в русском встречаются дублеты *ковидиворс* (от англ. *covidivorce*) и *ковид-развод*, *коронаразвод*.

Итак, можно констатировать, что новации появились во всех исследуемых нами языках. Преобладающее большинство из них относится к именам существительным. В немецком языке новые номинации в основном образованы путем сложения двух основ. При формировании глаголов, имен прилагательных, наречий встречаются и дериваты. В русском языке фиксируется образование достаточно большого количества сложных слов от двух основ. Кроме того, русский язык отличается и объемным слоем дериватов, мотивированных ключевыми словами. Особенностью русского языка является и наличие значительного числа глагольных неологизмов, что обусловлено особенностями русской ментальности, русского языкового сознания (в центре мировидения русских всегда стоит глагол, репрезентирующий динамику жизни). В словацком и чешском языках эквивалентами многих однословных наименований русского / немецкого языков являются словосочетания. Однако процессы сложения и деривации наблюдаются и в этих языках, причем большей активностью отличается чешский язык, где шире представлены дериваты.

Результаты анализа показывают, что наряду с названиями, вошедшими в употребление во всех исследуемых языках, такими как официальное название *коронавирусная инфекция COVID-19*, *коронаистерия* или *коронабонды*, существуют и значительные расхождения в номинациях. Речь идет, во-первых, о выражении того или иного понятия другими средствами, к примеру словосочетанием, описывающим данное явление (*ковид-больной* vs *kovidový* / *covidový pacient*), во-вторых, о схожести отдельных единиц по форме, но отличающихся по значению (*коронарка*, *коронач*), в-третьих, о функционировании некоторых наименований в одном или двух языках и их отсутствии в других (нем. *Corona-“Marzahn-Szenario”*, чеш. *kovidle*, *koronavirusexuál*).

Обращаем внимание на случаи полисемии и омо-
нимии отдельных лексических единиц и необходимость
ознакомления с оттенками в их семантике, а также на

важность использования фоновых знаний во избежа-
ние коммуникативных неудач и неточностей при пере-
воде того или иного выражения в разных языках.

Список источников

1. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников и др. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).
2. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. OWID, IDS-Leibnitz-Institut für deutsche Sprache. URL: <https://www.owid.de/docs/neo-listen/corona.jsp#> (zugreifen: 30.09.2021).
3. Databáze excerpčního materiálu Neomat, verze 3.0. URL: http://neologismy.cz/index.php?retezec=zkoviduje&nove_hledani=1&button=Hledat&prijimam=1 (дата обращения: 30.09.2021).
4. De Groot G.-R. Zweisprachige juristische Wörterbücher // Übersetzen von Rechtstexten – Fachkommunikation im Spannungsfeld zwischen Rechtsordnung und Sprache / P. Sandrini (Hrsg.). Tübingen : Narr, 1999. S. 203–228. (Forum für Fachsprachen Forschung; Nr. 52).
5. TV JOJ: COVID AUTOMAT: Bordových okresov je viac. Čo všetko môžete robiť vo vašom okrese? URL: <https://www.noviny.sk/slovensko/635413-covid-automat-bordovych-okresov-nadalej-pribuda-pozrite-si-rozdelenie-okresov> (дата обращения: 08.10.2020).
6. SME, diskusia, nik: 1569058. URL: <https://zena.sme.sk/diskusia/3712482/debata-o-pandemii-s-pribuznymi-casto-bolia-ako-sa-rozpravat-s-popieracmi-v-rodine.html> (дата обращения: 11.10.2020).
7. Tvorivá čeština v časech koronaviru // Akademický bulletin, e-magazin. AV ČR, 04/2020. URL: <https://www.avcr.cz/export/sites/avcr.cz/content/galerie-souboru/AB/2020/AB-2020-04.pdf> (дата обращения: 31.10.2020).
8. Covidiot // Čeština 2.0. Slovník, který tvoříte vy. URL: <https://cestina20.cz/slovník/covidiot/> (дата обращения: 31.10.2020).
9. Covidblb // Čeština 2.0. Slovník, který tvoříte vy. URL: <https://cestina20.cz/slovník/covidblb/> (дата обращения: 31.10.2020).
10. FB, nik: Suzi G Gregori. URL: https://m.facebook.com/permalink.php?story_fbid=4336266369781575&id=1002036173204628&comment_id=4337163173025228 (accessed: 18.11.2020).
11. Lehotský I. Kovidioti verzus kovidláci – komu prospieva nová frontová línia medzi občanmi? // Hlavné správy. 2020. 16.9. URL: <https://www.hlavnespravy.sk/kovidioti-verzus-kovidlaci-komu-prospieva-nova-frontova-liniamedzi-obcanmi/2293894> (дата обращения: 02.10.2020).
12. E-mimino. Koronavirus, Máte strach? Diskusia. URL: <https://www.emimino.cz/diskuse/koronavirus-mate-strach-379367/strankovani/6694/>, Nik: covidblb (дата обращения: 08.11.2020).
13. Kuchyňová Z. Kovidek, roušičky, rouškomando – koronavirus obohatil češtinu. URL: <https://cesky.radio.cz/kovidek-rousicky-rouskomando-koronavirus-obohatil-cestinu-8103372> (дата обращения: 08.04.2020).
14. Redakcia. Haranténa a kovidárium aneb Jak obohatil rok 2020 naši mateřštinu. URL: <https://nasregion.cz/harantena-a-kovidarium-aneb-jak-obohatil-rok-2020-nasi-materstinu-200464/> (дата обращения: 13.01.2020).
15. Der Tagesspiegel. Covid-19-Notklinik auf der Messe Berlin soll bis Mai 2021 bleiben. URL: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/mangels-impfstoff-covid-19-notklinik-auf-der-messe-berlin-soll-bis-mai-2021-bleiben/26604102.html> (zugreifen: 13.11.2020).
16. Covidarium // Čeština 2.0. Slovník, který tvoříte vy. URL: <https://cestina20.cz/slovník/covidarium/> (дата обращения: 16.08.2021).
17. Wienand L. Ermittler gehen gegen "Coronoia"-Anwältin vor. URL: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/id_87685030/kritik-an-corona-massnahmen-ermittler-sperren-homepage-von-coronoia-anwaeltin.html (zugreifen: 10.04.2020).
18. Kovačič I. Odhalenie: Globalisti odkryli karty. Po skončení COVIDu-19 príde nová pandémie // Hlavný denník. URL: <https://www.hlavnydennik.sk/2021/04/06/odhalenie-globalisti-odkryli-karty-po-skonceni-covidu-19-pride-nova-pandemia-imrich-kovacic/> (дата обращения: 06.10.2021).
19. Pauelsen N. Wie das Coronavirus unser Sexleben verändert. URL: <https://www.jetzt.de/gesundheit/wie-das-corona-virus-unser-sexleben-veraendert> URL: www.jetzt.de (zugreifen: 26.03.2020).
20. Březina I. Vplyv katastrof na pôrodnosť. Príde generácia koroniatok? // HN Science. URL: <https://science.hnonline.sk/biologia-a-chemia/2184191-vplyv-katastrof-na-porodnost-pride-generacia-koroniatok> (дата обращения: 26.07.2020).
21. Michel T. Krisenstabs-Chef spricht über eigene Zweifel am Bielefelder Corona-Kurs. URL: https://www.nw.de/lokal/bielefeld/mitte/22794689_Krisenstabs-Chef-spricht-ueber-eigene-Zweifel-am-Bielefelder-Corona-Kurs.html (zugreifen: 05.06.2020).
22. Korokaust // Čeština 2.0. Slovník, který tvoříte vy. URL: <https://cestina20.cz/slovník/korokaust/> (дата обращения: 15.08.2021).
23. Janusz J. Pięć zgonów w ciągu weekend. Tygodnik Siedlecki, diskusia. Nik: ludzie ludziom gotują tan los. URL: <http://ftp.tygodniksiedlecki.com/t58878-piec-zgonow-w-ciagu-weekendu.htm#> (дата обращения: 18.11.2020).
24. Akayev A. Neologismy a okazionalismy v češtině vzniklé v době koronavirové epidemie. URL: <https://studentaveda.ff.cuni.cz/wp-content/uploads/sites/125/2021/04/AKAYEV-Neologismy-a-okazionalismy-v-cestine-vznikle-v-dobe-koronavirove-epidemie.pdf> (дата обращения: 08.09.2021).

References

1. Walter, H. et al. (2021) *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. [Online] Available from: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf> (Accessed: 15.09.2021).
2. OWID. (2021) *Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*. OWID; IDS-Leibnitz-Institut für deutsche Sprache. [Online] Available from: <https://www.owid.de/docs/neo-listen/corona.jsp#> (Accessed: 30.09.2021).
3. Neologismy. (2021) *Databáze excerpčního materiálu Neomat, verze 3.0*. [Online] Available from: http://neologismy.cz/index.php?retezec=zkoviduje&nove_hledani=1&button=Hledat&prijimam=1 (Accessed: 30.09.2021).
4. De Groot, G.-R. (1999) Zweisprachige juristische Wörterbücher. In: Sandrini, P. (Hrsg.) *Übersetzen von Rechtstexten – Fachkommunikation im Spannungsfeld zwischen Rechtsordnung und Sprache*. Tübingen: Narr (=Forum für Fachsprachenforschung Nr. 52). pp. 203–228.
5. Noviny.sk. (2020) *TV JOJ: COVID AUTOMAT: Bordových okresov je viac. Čo všetko môžete robiť vo vašom okrese?* [Online] Available from: <https://www.noviny.sk/slovensko/635413-covid-automat-bordovych-okresov-nadalej-pribuda-pozrite-si-rozdelenie-okresov> (Accessed: 08.10.2020).
6. SME, (2020) *Diskusia, nik: 1569058*. [Online] Available from: <https://zena.sme.sk/diskusia/3712482/debata-o-pandemii-s-pribuznymi-casto-bolia-ako-sa-rozpravat-s-popieracmi-v-rodine.html> (Accessed: 11.10.2020).
7. *Akademický bulletin*. (2020) *Tvorivá čeština v časech koronaviru*. April 2020. [Online] Available from: <https://www.avcr.cz/export/sites/avcr.cz/content/galerie-souboru/AB/2020/AB-2020-04.pdf> (Accessed: 31.10.2020).
8. Čeština 2.0. (2020) *Covidiot*. [Online] Available from: <https://cestina20.cz/slovník/covidiot/> (Accessed: 31.10.2020).
9. Čeština 2.0. (2020) *Covidblb*. [Online] Available from: <https://cestina20.cz/slovník/covidblb/> (Accessed: 31.10.2020).

10. FB. (2020) *Suzi G Gregori. Story* [Online] Available from: https://m.facebook.com/permalink.php?story_fbid=4336266369781575&id=1002036173204628&comment_id=4337163173025228 (Accessed: 18.11.2020).
11. Lehotský, I. (2020) *Kovidioti verus kovidláci – komu prospieva nová frontová línia medzi občanmi?* Hlavné správy. 16 September. [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/kovidioti-verus-kovidlaci-komu-prospieva-nova-frontova-liniamedzi-obcanmi/2293894> (Accessed: 02.10.2020).
12. E-mimino. (2020) *Koronavirus, Máte strach? Diskusia*. [Online] Available from: <https://www.emimino.cz/diskuse/koronavirus-mate-strach-379367/strankovani/6694/>, Nik: covidobl (Accessed: 08.11.2020).
13. Kuchyňová, Z. (2020) *Kovidek, roušičky, rouškomando – koronavirus obohatil češtinu*. [Online] Available from: <https://cesky.radio.cz/kovidek-rousicky-rouskomando-koronavirus-obohatil-cestinu-8103372> (Accessed: 08.04.2020).
14. Redakcia. (2020) *Haranténa a kovidárium aneb Jak obohatil rok 2020 naši mateřštinu*. [Online] Available from: <https://nasregion.cz/harantena-a-kovidarium-aneb-jak-obohatil-rok-2020-nasi-materstinu-200464/> (Accessed: 13.01.2020).
15. Der Tagesspiegel. (2021) *Covid-19-Notklinik auf der Messe Berlin soll bis Mai 2021 bleiben*. [Online] Available from: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/mangels-impfstoff-covid-19-notklinik-auf-der-messe-berlin-soll-bis-mai-2021-bleiben/26604102.html> (Accessed: 13.11.2021).
16. Čeština 2.0. (2021) *Covidarium*. [Online] Available from: <https://cestina20.cz/slovník/covidarium/> (Accessed: 16.08.2021).
17. Wienand, L. (2020) *Ermittler gehen gegen „Coronoia“-Anwältin vor*. [Online] Available from: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/id_87685030/kritik-an-corona-massnahmen-ermittler-sperren-homepage-von-coronoai-anwaeltin.html (Accessed: 10.04.2020).
18. Kovačič, I. (2021) *Odhalenie: Globalisti odkryli karty. Po skončení COVIDu-19 pride nová pandémia*. Hlavný denník. [Online] Available from: <https://www.hlavnydennik.sk/2021/04/06/odhalenie-globalisti-odkryli-karty-po-skonceni-covidu-19-pride-nova-pandemia-imrich-kovacic/> (Accessed: 06.10.2021).
19. Pauelsen, N. (2020) *Wie das Coronavirus unser Sexleben verändert*. [Online] Available from: <https://www.jetzt.de/gesundheit/wie-das-coronavirus-unser-sexleben-veraendert> [Online] Available from: www.jetzt.de (Accessed: 26.03.2020).
20. Březina, I. (2020) *Vplyv katastrof na pôrodnosť. Pride generácia koroniatok?* HN Science. [Online] Available from: <https://science.hnonline.sk/biologia-a-chemia/2184191-vplyv-katastrof-na-porodnost-pride-generacia-koroniatok> (Accessed: 26.07.2020).
21. Michel, I. (2020) *Krisenstabs-Chef spricht über eigene Zweifel am Bielefelder Corona-Kurs*. [Online] Available from: https://www.nw.de/lokal/bielefeld/mitte/22794689_Krisenstabs-Chef-spricht-ueber-eigene-Zweifel-am-Bielefelder-Corona-Kurs.html (Accessed: 05.06.2020).
22. Čeština 2.0. (2021) *Korokaust*. [Online] Available from: <https://cestina20.cz/slovník/korokaust/> (Accessed: 15.08.2021).
23. Janusz, J. (2020) *Pięć zgonów w ciągu weekendu. Tygodnik Siedlecki, dyskusja. Nik: ludzie ludziom gotują tan łoś*. [Online] Available from: <http://ftp.tygodniksiedlecki.com/t58878-piec-zgonow-w-ciagu-weekendu.htm#> (Accessed: 18.11.2020).
24. Akayev, A. (2021) *Neologismy a okazionalismy v češtině vzniklé v době koronavirové epidemie*. [Online] Available from: <https://studentaveda.ff.cuni.cz/wp-content/uploads/sites/125/2021/04/AKAYEV-Neologismy-a-okazionalismy-v-cestine-vznikle-v-dobe-koronavirove-epidemie.pdf> (Accessed: 08.09.2021).

Информация об авторах:

Саболова Д. – PhD (Philology), доцент Католического университета (Ружомберок, Словакия). E-mail: d_s@centrum.sk

Кашова М. – PhD (Philology), доцент Института германистики Прешовского университета в г. Прешов (Прешов, Словакия). E-mail: martina.kasova@unipo.sk

Харламова М.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: khr-spb@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D. Sabolova, PhD (Philology), associate professor, Catholic University (Ružomberok, Slovakia). E-mail: d_s@centrum.sk

M. Kasova, PhD (Philology), associate professor, University of Prešov (Prešov, Slovakia). E-mail: martina.kasova@unipo.sk

M.A. Kharlamova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: khr-spb@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 31.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

Научная статья
УДК 81–13
doi: 10.17223/15617793/491/5

Оценка в устной истории: корпусный анализ воспоминаний переселенцев в Калининградскую область в 1945–1950 гг.

Елизавета Александровна Смирнова¹, Татьяна Михайловна Пермякова²,
Илиана Дамировна Исмакаева³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь, Пермь, Россия

¹ easmirnova@hse.ru

² tpermyakova@hse.ru

³ idismakaeva@hse.ru

Аннотация. Представлен анализ оценочной лексики в воспоминаниях переселенцев из разных частей Советского Союза в Калининградскую область в период 1945–1950 гг. с использованием методов корпусной лингвистики и системно-функционального подхода. Исследование корпуса, основанное на модели анализа оценки (Appraisal Framework) Мартина и Уайта (2005), позволяет заключить, что процесс переселения и адаптации к новой жизни часто воспринимался переселенцами как тяжелое испытание, однако отношение к новой среде и немцам было в большинстве примеров положительным.

Ключевые слова: корпусный анализ, устная история, воспоминания переселенцев, оценка, теория оценки

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ (Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ), проект «Миграции как фактор социальной трансформации регионов СССР в период послевоенного восстановления: анализ средствами digital humanities» (рук. С.И. Корниенко).

Для цитирования: Смирнова Е.А., Пермякова Т.М., Исмакаева И.Д. Оценка в устной истории: корпусный анализ воспоминаний переселенцев в Калининградскую область в 1945–1950 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 40–48. doi: 10.17223/15617793/491/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/5

Evaluation in oral history: A corpus analysis of memories of migrants to Kaliningrad Oblast in 1945–1950

Elizaveta A. Smirnova¹, Tatyana M. Permyakova², Iliana D. Ismakaeva³

^{1, 2, 3} HSE University, Perm, Russian Federation

¹ easmirnova@hse.ru

² tpermyakova@hse.ru

³ idismakaeva@hse.ru

Abstract. The article deals with a qualitative and quantitative analysis of evaluation devices used in memories of migrants to Kaliningrad Oblast in 1945–1950. The analysis is based on the Appraisal Framework, suggested by Martin and White (2005), which is widely used within the systemic-functional approach in linguistics. The Appraisal Framework has not been applied to this type of discourse before; therefore, we believe that the research findings can play a significant role in theorising evaluation and in describing the way migrants felt towards their new habitat. The study is based on the corpus of the migrants' memories accounting for approximately 44,000 words. It was processed with the AntConc corpus manager, namely, its Word list and Concordance functions. At the first stage, evaluation devices were manually selected from the corpus, then the contexts of their use were analysed, which allowed us to classify the evaluative words into relevant categories and subcategories. As a result, some new subcategories within the category of Attitude, which are specific to our data, were suggested. The following conclusions were drawn from this study. The process of resettlement and adaptation to new life was often perceived by the migrants as a difficult ordeal causing fear, but the attitude to the new environment and people (Germans) was overwhelmingly positive in the vast majority of the examples we analysed. The authors of the accounts note the neatness and cleanliness of the Germans, as well as the beauty and cleanliness of the town they lived in. Despite the difficulties the migrants encountered in their new surroundings, they notice the hardships of the German people's life and sympathise with them. The migrants frequently emotionally expressed their attitude towards the people who surrounded them, using lexical means to intensify their utterances. The small number of examples in which the authors used lexemes belonging to the Gradation class with the expression of their own feelings (the category of Affect) may indicate a desire for greater objectivity in conveying their

memories. It is also interesting to note that the class Engagement is most widely represented by the category of Disclaim, which can be partially explained by the peculiarities of the Russian language, where double negation is widely used. The presence of a large number of negative sentences may testify to the important role of the category of Disclaim in the linguistic world image of the migrants, as well as to its significance for the analysis of the structure of evaluation in this type of discourse.

Keywords: corpus analysis, oral history, evaluation, migrants' memories

Financial support: The study was supported by the HSE University.

For citation: Smirnova, E.A., Permyakova, T.M. & Ismakaeva, I.D. (2023) Evaluation in oral history: A corpus analysis of memories of migrants to Kaliningrad Oblast in 1945–1950. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 40–48. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/5

Одной из территорий, вошедших в состав СССР по результатам Второй мировой войны, стал город Кенигсберг с прилегающим к нему землями (часть бывшей Восточной Пруссии): в 1946 г. составе РСФСР была образована новая область – Кенигсбергская, которая в дальнейшем была переименована в Калининградскую. Новую область необходимо было восстанавливать и осваивать; заселение и развитие сельского хозяйства Калининградской области стали одной из первоочередных задач государства. Эти процессы и первые впечатления о новом месте жительства нашли свое отражение в воспоминаниях переселенцев в Калининградскую область.

Цель данной работы – представить корпусный анализ лексических средств оценки в воспоминаниях переселенцев в Калининградскую область в период 1945–1950 гг., основанный на модели анализа оценки, предложенной Мартином и Уайтом [1], которая широко применяется в рамках системно-функционального подхода [2, 3]. Основой исследования послужили устные интервью с переселенцами, собранные в 1988 г. и опубликованные в книге «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» [4]. Тем самым опубликованные тексты воспоминаний переселенцев в Калининградскую область составляют не только ценный архив устной истории, связанный с миграционной политикой СССР в послевоенные годы, но и лингвистический корпус для дальнейшей обработки и анализа. Модель анализа оценки ранее не применялась к такому типу текстового материала, и мы полагаем, что полученные в результате исследования данные могут сыграть важную роль в теоретизации оценки, а также позволят описать особенности восприятия переселенцами своего нового места жительства системно-функциональным образом.

Устная история, которая находит свое отражение в воспоминаниях очевидцев исторических событий, все чаще вызывает интерес исследователей, поскольку именно она позволяет получить «текстуру истины», которая ускользает от тех, кто пытается преждевременно унифицировать факты и объективизировать действительность [5]. Устная история дает уникальную возможность сконцентрироваться на личном опыте людей, вспоминающих о своей повседневной жизни, с одной стороны, а с другой – обратиться к более широкому социальному, культурному и политическим вопросам [6]. События, о которых идет речь

в воспоминаниях, пропущены через призму личного восприятия авторов, что делает данный тип текста ценным материалом для изучения оценочных суждений.

Оценка – одна из важнейших сторон деятельности интеллекта человека. По своей сущности она является универсальной категорией [7]. В силу единства языка и мышления она непременно находит выражение в речи: «...в процессе отражения [объективной реальности] субъект наделяет значимостью (оценивает) все элементы действительности...»; таким образом, «интерпретирующая функция языка базируется на ценностных параметрах отражения действительности» [8. Р. 26]. Основой категории оценки служит понятие «хорошего / плохого», абстрагируемого от *практики* человеческой деятельности [9. Р. 3].

Спектр работ, посвященных изучению оценки, многообразен и разнопланов (Балли [10], Апресян [11], Арутюнова [12, 13], Телия [14], Хэар [15], Стивенсон [16], Лукьянова [17] и др.). Без учета аксиологического характера мышления представление о речевой коммуникации остается неполным, так как в процессе вербально-опосредованной деятельности человека находят свое отражение ценностные отношения говорящих к предметам речи и друг к другу. В языкознании основными направлениями изучения оценки являются следующие: семантическое, в том числе функционально-семантическое [18–21]; семантико-таксономическое [22, 23]; психолингвистическое [21, 24–27]; функционально-стилистическое [28–31].

Если рассматривать оценку как лингвистическое явление, то в ней можно выделить процессуальный и статистический аспекты [32. С. 26]. В такой аспектизации собственно оценочное суждение предстает как результат, продукт / фиксация оценивания, а процессом является само оценивание, или соотношение какой-либо стороны (или всего) объекта с основанием ценности. «Под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д.» [33. С. 25].

В структуре оценки выделяется три основных компонента: предмет, основание и субъект оценки. Наиболее важными компонентами для оценки, рассматриваемой в коммуникативной лингвистике, являются основание и субъект. «Под основанием оценки мы понимаем ту позицию или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами ...» [33. С. 27], в то время как «под субъектом (субъектами) некоторой

оценки понимается лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки» [33. С. 21]. Поскольку оценивание (приписывание ценности) – процесс субъективный, то характер этого процесса должен закрепиться в языковой оценке (результате процесса). Кроме того, чем более достоверно соотносятся предмет и основание (при влиянии фактора субъекта), тем менее соотносится оценочное суждение с областью эмоционального.

О языковых средствах выражения рациональной и эмоциональной оценки имеется обширная литература [13, 21, 34–42]. Наиболее разработаны лексические средства оценочности. В противовес интеллектуальной деятельности считается, что эмоции отражают «...в форме непосредственного переживания значимость (смысл) явлений и ситуаций и служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей», они больше сопряжены с приобретением «...индивидуального опыта». С другой стороны, «эмоции влияют на содержание и динамику восприятия, внимания, воображения, памяти, мышления» и «...различаются степенью осознанности» [43, 44]. Понятия эмоционального и рационального тесно взаимосвязаны, так как принадлежат сфере субъективного, разным ступеням процесса мышления, познания.

В рамках системно-функциональной лингвистики [2, 3] разработана модель анализа оценки (Appraisal Framework), учитывающая два вектора семантики: отношение говорящего к высказыванию, *stance* [45, 46]; отношение говорящего к предмету оценки, *evaluation* [1, 47, 48]. Для анализа корпуса устных текстов воспоминаний переселенцев более релевантным представляется второй тип значений.

В свою очередь, оценка второго типа может включать три класса значений: 1) Эмоциональное отношение (Attitude), средства выражения эмоциональных реакций или суждений предметов оценки; 2) Градация (Graduation), или средства интенсификации высказывания; 3) Вовлеченность (Engagement), или паравокалика [1. Р. 92].

Класс Эмоционального отношения включает в себя три категории оценки. Во-первых, это категория аффекта (Affect), которая традиционно включает наименование трех типов эмоций, относящихся к: а) не/счастью, б) без/опасности, в) не/удовлетворенности; например, глаголы 'любить / ненавидеть', наречия 'печально', прилагательные 'довольный', существительные 'радость'. Во-вторых, категория суждения (Judgement) – этос, или отношение к людям, оценка их поведения. В-третьих, категория собственно оценки (Appreciation) как признания эстетического отношения к предметам оценки (например, привлечение внимания), их аранжировке (сложность, гармония) и ценности [1. Р. 42].

Класс Градации включает две категории – Интенсивность (Force) (снижение или повышение интенсивности оценочных значений) и Фокус (Focus) (прототипичность оценочных категорий). Согласно Мартину и

Уайту [1], оценочные суждения, относящиеся к категории Интенсивности, можно разделить на повышающие интенсивность и снижающие интенсивность. Аналогичным образом категория Фокуса делится на подкатегории усиления и ослабления фокуса.

Класс Вовлеченность связан с выявлением источника выражаемого в тексте отношения и многообразием голосов, существующих вокруг какой-либо точки зрения. Данный класс включает в себя *монологлоссию* (*monogloss*), т.е. представление определенной точки зрения как не предполагающей никаких диалогических альтернатив. Эта категория не имеет своих собственных эксплицитно выраженных маркеров, и можно считать, что она имплицитно присутствует во всех высказываниях, содержащих оценку. Вторая категория в классе Вовлеченность названа Мартином и Уайтом *гетероглоссия* (*heterogloss*). Она связана эксплицитно выраженным признанием существования диалогических альтернатив и использованием для этого определенных языковых средств. Данная категория включает в себя: Отрицание (Disclaim) – случаи, когда текстуальный голос противоречит или отвергает какую-либо противоположную точку зрения; Заявление (Proclaim) – выражаемая в тексте позиция преподносится как правильная и обоснованная, при этом альтернативные позиции умалчиваются или не рассматриваются; Сомнение (Entertain) – случаи, когда мнение эксплицитно выражается как, вероятно, правильное, но основанное на субъективной точке зрения, автор выражает свою позицию, но признает возможность существования других мнений [1].

Модель анализа оценки, предложенная Мартином и Уайтом, применялась ранее к различным типам текстов. Например, Д. Бен-Аарон использовала ее для изучения корпуса новостных сообщений, посвященных празднованию Дню независимости в Америке [49]. Автор столкнулась с рядом сложностей с дифференциацией оценочных высказываний, относящихся к категориям Суждения о поведении людей и Оценки абстрактных вещей, что объясняется особенностями изучаемого ею эмпирического материала. Коффин и О'Хэллоран также применяли методы корпусного анализа, а именно анализ конкордансов с оценочной лексикой, для исследования британского медиадискурса [50]. В частности, авторы использовали модель анализа оценки для изучения отношения читателей таблоида The Sun к сообщениям о расширении состава стран, входящих в Евросоюз, в 2004 г. В работе Су [51] исследовались комментарии покупателей с сайта www.amazon.co.uk. Анализ последовательностей, состоящих из четырех слов, которые содержат оценку, позволил автору выделить дополнительные параметры, не входящие в систему Мартина и Уайта. Это подкатегории Качества (Quality), Удовлетворенности (Satisfactoriness), Рекомендуемости (Recommendability) и Ценности (Worthiness). Еще один вариант адаптации модели анализа оценки представлен в работе Хоммерберг и Дон [52], которая основана на корпусе обзоров вин. Авторы адаптировали класс Эмоциональной оценки к особенностям языка изучаемых ими текстов, добавив подкатегории Интенсивности (Intensity)

и Стойкости (Persistence) вкуса к имеющейся категории Состав (Composition), поскольку данные свойства, по их мнению, особенно важны для оценивания продукта.

В рамках данного исследования мы анализируем все три класса значений, входящих в модель анализа оценки, а также их взаимодействие, что, полагаем, позволит получить данные об особенностях функционирования разнообразной оценочной лексики в текстах воспоминаний. Как было отмечено выше, модель анализа оценки не является универсальной и должна быть адаптирована к конкретному типу текста [51. Р. 478], поэтому в данной работе на основе качественного анализа материала мы выделяем дополнительные семантические подкатегории оценки в классе Эмоционального отношения, специфичные для рассматриваемого нами корпуса воспоминаний переселенцев.

Материал и методы

Материалом для анализа послужили воспоминания переселенцев, приехавших в Калининградскую область в период с 1945 по 1950 г. Воспоминания были собраны специалистами Калининградского государственного университета в 1988 г. и опубликованы в книге «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» [4]. Тексты воспоминаний вошли в корпус, объем которого составил более 44 000 слов. Для обработки корпуса использовался корпусный менеджер AntConc [53]. При помощи функции Список слов (Word list) вручную отбиралась оценочная лексика, которая была проанализирована с помощью функции Конкорданс (Concordance) и в зависимости от семантики и контекста классифицирована по соответствующим категориям и подкатегориям. Лексические единицы, отобранные для анализа, встречались в корпусе минимум два раза, нарах *legomena* были исключены из анализа. Некоторые лексемы могли одновременно относиться к нескольким категориям, поэтому примеры их использования анализировались нами вручную, чтобы обеспечить точность полученных результатов. Например:

- (1) (а) Хороший мужик был.
- (б) У нас были хорошие жилищные условия.

Как видно из приведенных примеров, лексема *хороший* может относиться как к оценке человека, так и к оценке жилья, т.е. к разным подкатегориям.

Результаты

В данном разделе представлены результаты количественного и качественного анализа оценочной лексики и корпуса воспоминаний переселенцев.

Эмоциональное отношение. Общее число лексем, отнесенных нами к категории эмоционального отношения, составило 61 единицу. Они реализуются в 459 примерах. Распределение их по классам представлено на рис. 1.

Как видно из диаграммы, самым многочисленным классом оценочной лексики как с точки зрения числа

лексем, так и с точки зрения количества токенов является класс Суждение, который в рамках применяемого подхода включает оценку людей.

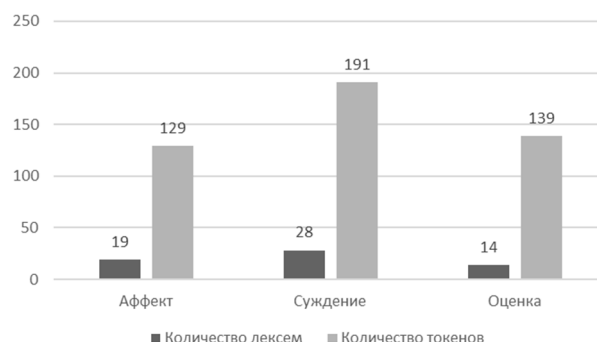

Рис. 1. Категория эмоционального отношения в корпусе воспоминаний

Качественный анализ примеров употребления лексики, отнесенной к данному классу, позволил выделить четыре подкатегории объектов оценки: 1) Оценка себя и своей жизни; 2) Оценка немцев; 3) Оценка советских людей; 4) Оценка отношений между людьми. Распределение оценочных суждений между этими подкатегориями показано на рис. 2.

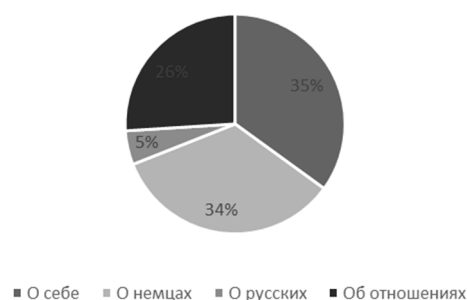

Рис. 2. Подкатегории объектов оценки в классе Суждение

Авторы воспоминаний чаще всего оценивают собственную жизнь и поведение, второй по частотности выступает подкатегория Немцы, они стали объектом оценки в 34% случаев. Реже всего в воспоминаниях фигурирует оценка отношений между представителями двух народов (5% примеров). Интересно подробнее рассмотреть структуру оценки в выделенных подкатегориях. Так, в оценке себя и своей жизни в корпусе воспоминаний чаще всего фигурируют лексемы *трудно / тяжело* (29% случаев); см., напр.: (2, а, б).

- (2) (а) Трудно очень было, душа болела.

(б) До сих пор тяжело вспоминать тот день рождения.

Немцы чаще всего оцениваются как *чистые* и *аккуратные* (26% примеров; (3, а, б)). Кроме того, нередко упоминается их *бедность* (15% случаев; (4)).

- (3) (а) Обернулась, вижу старика-немца: осанистый такой, чистый, аккуратный.

(б) Вот тут-то мы столкнулись с немецкой аккуратностью.

- (4) ...сами одевались скромно, даже бедно.

Анализ примеров оценки поведения советских людей выявил в целом неоднозначное отношение к их действиям. В 33% случаев отношение было положительным (5, а, б), а в 33% – отрицательным (6, а, б).

(5) (а) Наши быстро взялись за работу.

(б) Снабжение и питание в городе было налажено отлично.

(6) (а) Многие, очевидно, и на прежнем месте плохо работали.

(б) Долго оформляли документы, но так и не оформили.

Отношения между советскими людьми и немцами во всех случаях характеризуются положительно (*нормальные, теплые, лояльное*).

Второй по количеству токенов класс оценочной лексики, Оценка, также был подвергнут качественному анализу, в результате которого выделены такие подкатегории-объекты оценки, как Предметы быта, Город, Домашние животные, Природа, Жилье и инфраструктура. Распределение оценочных суждений по данным подкатегориям представлено на рис. 3.

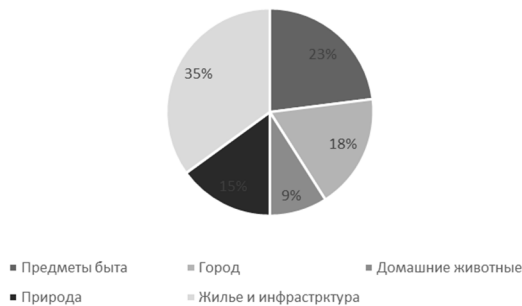

Рис. 3. Подкатегории объектов оценки в классе Оценка

Чаще всего объектом оценки в воспоминаниях переселенцев выступают Жилье и инфраструктура. Более детальный качественный анализ примеров употребления оценочной лексики позволил выделить три основных критерия оценки: Чистота, Красота и Размер. В данной подкатегории самым частотным является упоминание размера дома или объекта инфраструктуры (37% случаев); см., напр.: (7, а, б).

(7) (а) ...мы ей предоставили небольшую 9-метровую комнату.

(б) Рядом были большая конюшня и хороший сарай.

Аналогичным образом во второй по численности подкатегории, Предметы быта, размер также фигурирует чаще всего (72% примеров); см., напр.: (8).

(8) Помню, мы с пацанами отрыли огромную ванну.

В описании города переселенцы чаще всего отмечают его красоту (55% случаев), причем нередко делают это в эмоциональной форме (9, а, б).

(9) (а) До чего там было красиво!

(б) Вот где красота была!

Интересно, что упоминание чистоты встречается во всех выделенных нами подкатегориях, даже в отношении природы (10) и домашних животных (11).

(10) Зайдешь в лес – чистота, сучья спилены, связаны, пни выбраны.

(11) Коровы породистые, чистые.

Третий класс, Аффект, включает в себя выражение таких эмоций, как Страх, Жалость, Удивление, Симпатия / Антипатия, Радость, Другие (Боль, Возмущение, Спокойствие).

Распределение лексических единиц по данным подкатегориям представлено на рис. 4.

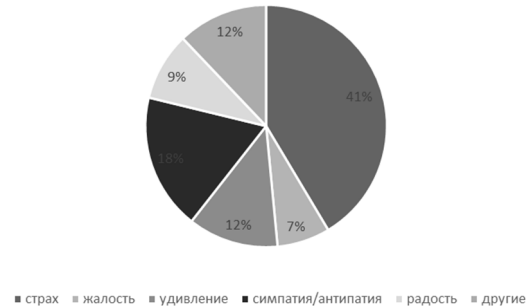

Рис. 4. Подкатегории типов эмоций в классе Аффект

Как видно из диаграммы, наиболее частой эмоцией, выраженной в воспоминаниях переселенцев, является Страх (41% случаев). Данное состояние реализуется в текстах посредством лексем *бояться, испугаться, страшный, страшно* (12, а, б).

(12) (а) Ну а потом, конечно, немцев перестали бояться.

(б) Страшно было ходить по улицам – в любой момент на голову мог свалиться кирпич.

Второй по частотности является подкатегория Симпатия / Антипатия (лексемы *нравиться, любить, ненавидеть*) (13).

(13) В нас оставалась еще ненависть к немцам.

В любом типе дискурса три класса оценки тесно взаимосвязаны, поэтому в рамках данного исследования важно было рассмотреть также подсистемы Градации и Вовлеченности, чтобы обеспечить полноту анализа реализации оценочных суждений в дискурсе воспоминаний. Однако следует подчеркнуть, что для анализа классов Градации и Вовлеченности мы использовали подкатегории, предложенные Мартином и Уайтом [4]. Как отмечалось ранее, первый включает в себя Интенсивность, т.е. усиление или ослабление оценочных суждений (например, *сильно* – см. пример (14)), и Фокус, или прототипичность объектов оценки (*вроде* – см. пример (15)), а второй подразделяется на Отрицание, Заявление и Сомнение (см. примеры (16)–(18)).

(14) Город сильно разрушен был.

(15) До чего там было красиво! Вроде бульвара что-то.

(16) Батюшки мои! Города не было, одни развалины.

(17) Я уверена, что многие из них захотели бы остаться, если бы была возможность.

(18) Мы думали, что на новом месте все будет по-другому.

Градации. Класс Градации представлен в нашем корпусе 20 лексемами, которые реализуются 266 раз. Большая часть токенов (198 – 74%) проходит на категорию Интенсивность. Распределение токенов по категориям представлено на рис. 5.

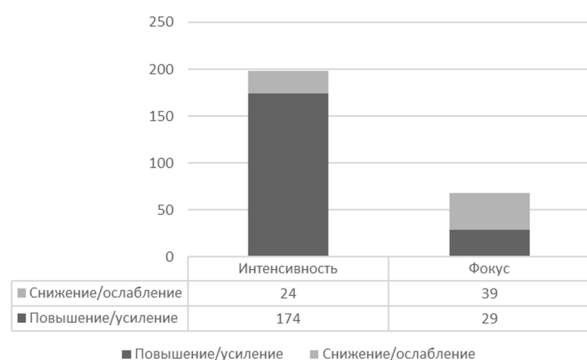

Рис. 5. Категории Интенсивность и Фокус в классе Градация

Как видно из диаграммы, количество употреблений лексем, снижающих интенсивность высказывания (*довольно, достаточно, лишь, практически, немного*), значительно меньше тех, которые повышают интенсивность (*очень, совсем, сильно, самый, совершенно, гораздо, абсолютно*).

Что касается категории Фокус, здесь наблюдается обратная ситуация – количество примеров с ослабляющими фокус лексемами (*как бы, почти, вроде*) превышает число реализаций усиливающих фокус лексем (*чисто, буквально, настоящий, фактически, действительно*).

Качественный анализ контекстов употребления лексем данного класса выявил, что чаще всего (44% примеров) они употребляются в оценочных суждениях, связанных с людьми, т.е. относящихся к категории Суждение; например (19, а, б).

(19) (а) Мать была почти недвижная от голода, не могла часто подходить к ребенку.

(б) Это чисто немецкая черта, практично и красиво.

Реже всего (22% случаев) лексемы класса Градация используются при оценке собственных чувств и эмоций (категория Аффекта; (20)).

(20) Мне очень понравилась ферма, потому что раньше я такой чистоты и порядка на фермах не видел.

Вовлеченность. В результате анализа корпуса воспоминаний переселенцев было выявлено 29 лексем, входящих в класс Вовлеченность. Подавляющее большинство реализаций данных лексем приходится на категорию Отрицание (93%). Распределение лексем и токенов по категориям представлено на рис. 6.

Рис. 6. Категории Отрицание, Заявление и Сомнение в классе Вовлеченность

Категория Отрицание включает в себя лексемы *не, нет, но, а, хотя, только, нигде, никто, никакой, не смотря, негде, то, нельзя*. Наибольшее количество примеров приходится на отрицательную частицу *не*, которая используется в воспоминаниях 754 раза; см., напр: (21).

(21) Сначала мебели долго не было совсем.

В категорию Заявление вошли лексемы *естественно, конечно, уверен, да*, а в категорию Сомнение – лексемы *думать, заявлять, видимо, казаться, вероятно, наверняка, может, решить, лично, по-моему, считать*.

В результате качественного анализа примеров употребления лексем, входящих в класс Вовлеченность (гетероглоссия), мы пришли к выводу о том, что, как и в случае с классом Градация, чаще всего они используются в суждениях, где дается оценка людям и их поведению (83% случаев); см., напр.: (22, а, б).

(22) (а) Когда мы собирались, ехали, естественно, не могли не думать о немцах...

(б) Никто из наших учителей не делал каких-то замысловатых причесок.

Лексемы, относящиеся к классу Вовлеченность, сочетаются с категорией Оценка лишь в 4% случаев; см., напр.: (23).

(23) Я почувствовала, что должна сделать что-то для этого наверняка некогда прекрасного города.

Заключение

Анализ оценочной лексики, реализуемой в текстах воспоминаний переселенцев в Калининградскую область, позволил не только классифицировать ее, но и выделить дополнительные подкатегории в классе Эмоциональное отношение, основанные на объектах оценки, характерных для устной беседы. На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Процесс переселения и адаптации к новой жизни часто воспринимался переселенцами как тяжелое испытание, вызывающее страх, однако отношение к новой среде и людям (немцам) было в подавляющем большинстве проанализированных нами примеров положительным. Авторы воспоминаний отмечают аккуратность и чистоплотность немцев, а также красоту и чистоту города, в который они попали. Несмотря на сложности, с которыми пришлось столкнуться переселенцам на новом месте, они замечают трудности жизни немцев и сочувствуют им.

Достаточно часто переселенцы эмоционально выражали свое отношение к людям, которые их окружали, используя лексические средства повышения интенсификации высказывания. Небольшое количество примеров, в которых авторы использовали лексемы, входящие в класс Градация, с выражением собственных чувств (категория Аффекта), может свидетельствовать о стремлении к большей объективности при передаче своих воспоминаний.

Интересно также отметить, что класс Вовлеченность наиболее широко представлен категорией Отрицание, что можно частично объяснить особенностями

русского языка, где широко используется двойное отрицание, т.е. повторение отрицания при двух и более членах предложения, а также его повторение с помощью отрицательных местоимений и наречий [54]; см., напр.: (24), (25). Наличие большого количества отрицательных предложений может свидетельствовать о важной роли категории Отрицания в языковой картине мира переселенцев, а также ее значимости для анализа структуры оценки в данном типе дискурса.

(24) Но практически никто из переселенцев, кто сюда не выезжал, ничего не выплачивал.

(25) Вербовали нас в рыбколхоз, но никто туда не шел – мы же не рыбаки были.

В аспектизации оценочных суждений представляется важным, что является результатом, продуктом оценивания, а что – процессом самого оценивания, или соотношения какой-либо стороны объекта с основанием ценности. Анализ текстов воспоминаний переселенцев

методами корпусной лингвистики четко демонстрирует, что незнакомые элементы среды, такие как дома, улицы, предметы быта, являются продуктом оценки, а выражение собственных чувств переселенцев – процессом. Такие результаты подтверждают главный тезис аксиологической лингвистики, что наиболее важными компонентами в структуре оценки являются основание и субъект. В устных воспоминаниях субъект стремится наиболее достоверно соотнести предмет и основание оценки, а эмоциональная оценка выделяется на основе выражения в языковой оценке надоедающей – добавочной информации о говорящем в процессе оценивания [13, 14, 55, 56].

Таким образом, анализ корпусов устной истории методами лингвистического анализа не только предоставляет возможности верифицируемых результатов, но и открывает широкий диапазон действий для исследователей и практиков.

Список источников

1. Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005.
2. Halliday M. An Introduction to Functional Grammar. London : Edward Arnold, 1994.
3. Eggins S. An Introduction to Systemic Functional Linguistics. London ; New York : Continuum International Publishing Group, 2004.
4. Костяшов Ю.В., Гальцова С.П., Гедима А.Н. и др. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Калининград : Бельведер, 2002.
5. Hartman G. Learning from survivors // The longest shadow: In the aftermath of the Holocaust. Bloomington : University of Indiana Press, 1996. P. 133–150.
6. Schiffrin D. Mother and friends in a Holocaust life story // Language in Society. 2002. № 31 (03). P. 309–303.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Текст, 1985.
8. Thompson G., Alba-Juez L. Evaluation in Context. Amsterdam : John Benjamins, 2014.
9. Brookes G., Baker P. What does patient feedback reveal about the NHS? A mixed methods study of comments posted to the NHS Choices online service // BMJ Open. 2017. № 7 (4). doi: 10.1136/bmjopen-2016-013821
10. Балли Ш. Французская стилистика. М. : Иностран. лит., 1961.
11. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Языки русской культуры ; Восточная литература, 1995.
12. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М. : Наука, 1984. С. 5–23.
13. Арутюнова Н.Д. Аномалия и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
14. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986.
15. Хэар Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 183–195.
16. Stevenson C.L. Facts and values: Studies in ethical analysis. New Haven ; London : Yale University Press, 1963.
17. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986.
18. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985.
19. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986.
20. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
21. Золотова Г.А. О категории оценки в русском языке // Русский язык в школе. 1980. № 2. С. 84–88.
22. Железняков Ю.Н. Оценочный потенциал атрибутивных антропоцентрических словосочетаний типа «прил. + сущ.» в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1993.
23. Меркулова Э.Н. Прагматический аспект субколлоквиальных оценочных номинаций (американский вариант английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1995.
24. Залевская А.А. Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. Тверь : ТГУ, 1990. С. 73–83.
25. Мягкова Е.Ю. Экспериментальное исследование эмоциональной нагрузки слова // Психолингвистические исследования: лексика, фонетика : сб. науч. тр. Калинин : КГУ, 1985. С. 18–23.
26. Мягкова Е.Ю. Когнитивная теория эмоций: новые возможности исследования эмоциональности лексики // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. Тверь : ТГУ, 1990. С. 110–115.
27. Колодкина Е.Н. Параметр оценки в психологической структуре значения 215 существительных // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. Тверь : ТГУ, 1990. С. 67–73.
28. Троянская Е.С. Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии (к вопросу о некатегоричности высказывания в научном стиле) // Язык и стиль научного изложения (лингвометодические исследования). М. : Наука, 1983. С. 3–22.
29. Кудасова О.К. Лингвистические особенности рецензии как разновидности научного текста (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
30. Александрова Н.А. Об оценке в научной дискуссии // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М. : Наука, 1986. С. 153–158.
31. Воробьева М.Б. Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // Научная литература. Язык, стиль, жанры. М. : Наука, 1985. С. 47–57.
32. Котурова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста : (функционально-стилистический аспект). Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.
33. Ивин А.А. Основания логики оценок. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970.
34. Солганик Г.Я. Лексика газеты: функциональный аспект. М. : Высш. школа, 1981.
35. Поэтика публицистики / сост. К.М. Накорякова; под ред. Г.Я. Солганика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.
36. Терентьева Л.В. Лексико-грамматическая и жанрово-стилистическая системность в оформлении оценочных заглавий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1990.
37. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1986.

38. Гладкова С.Ю. Категория эмоциональной оценки в коммуникации // Грамматика и речевая коммуникация : сб. науч. тр. М. : МГПИИЯ, 1987. Вып. 289. С. 12–20.
39. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Оценочный компонент лексического значения // Иностранные языки в школе. 1981. № 4. С. 7–9.
40. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.
41. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973.
42. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
43. Эмоции // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1978. Т. 30. С. 169.
44. Эмоции // Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1993. С. 1556–1557.
45. Biber D., Finegan E. Styles of stance in English: lexical and grammatical marking of evidentiality and affect // Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1989. № 9 (1). P. 93–124.
46. Conrad S., Biber D. Adverbial marking of stance in speech and writing // Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / S. Hunston, G. Thompson (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 56–73.
47. Hunston S. Corpus Approaches to Evaluation: Phraseology and Evaluative Language. New York ; London : Routledge, 2011.
48. Thompson G. AFFECT and emotion, target-value mismatches, and Russian dolls: Refining the APPRAISAL model // Evaluation in context. Amsterdam : John Benjamins, 2014. P. 47–66.
49. Ben-Aaron D. Given and news: Evaluation in newspaper stories about national anniversaries // Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 2005. Vol. 25, № 5. P. 691–718.
50. Coffin C., O'Halloran K. The role of appraisal and corpora in detecting covert evaluation // Functions of Language. 2006. Vol. 13, № 1. P. 77–110.
51. Su H. How products are evaluated? Evaluation in customer review texts // Language Resources and Evaluation. 2016. Vol. 50, № 3. P. 475–495.
52. Hommerberg C., Don A. Appraisal and the language of wine appreciation: A critical discussion of the potential of the Appraisal framework as a tool to analyse specialised genres // Functions of Language. 2015. Vol. 22, № 2. P. 161–191.
53. Anthony L. AntConc [computer software]. Waseda University, 2014.
54. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : КомКнига, 2007.
55. Вежицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. 1978. Вып. 8. С. 402–424.
56. Чернейко Л.О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. 1990. № 2. С. 72–82.

References

1. Martin, J.R. & White, P.R.R. (2005) *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
2. Halliday, M. (1994) *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
3. Eggins, S. (2004) *An Introduction to Systemic Functional Linguistics*. London; New York: Continuum International Publishing Group.
4. Kostyashov, Yu.V. et al. (2002) *Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselen'tsev* [East Prussia through the eyes of Soviet settlers]. Kaliningrad: Bel'veder.
5. Hartman, G. (1996) *The longest shadow: In the aftermath of the Holocaust*. Bloomington: University of Indiana Press. pp. 133–150.
6. Schiffrin, D. (2002) Mother and friends in a Holocaust life story. *Language in Society*. 31 (03). pp. 309–303.
7. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Tekst.
8. Thompson, G. & Alba-Juez, L. (2014) *Evaluation in Context*. Amsterdam: John Benjamins.
9. Brookes, G. & Baker, P. (2017) What does patient feedback reveal about the NHS? A mixed methods study of comments posted to the NHS Choices online service. *BMJ Open*. 7 (4). doi: 10.1136/bmjopen-2016-013821
10. Bally, C. (1961) *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow: Inostr. lit..
11. Apresyan, Yu.D. (1995) *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury; Vostochnaya literatura.
12. Arutyunova, N.D. (1984) Aksiologiya v mekhanizmax zhizni i yazyka [Axiology in the mechanisms of life and language]. In: *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. Moscow: Nauka. pp. 5–23.
13. Arutyunova, N.D. (1987) Anomaliya i yazyk [Anomaly and language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 3–19.
14. Teliya, V.N. (1986) *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow: Nauka.
15. Hare, P.M. (1985) Deskreptsiya i otsenka [Description and evaluation]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 183–195.
16. Stevenson, C.L. (1963) *Facts and values: Studies in ethical analysis*. New Haven; London: Yale University Press.
17. Luk'yanova, N.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive vocabulary of colloquial use: problems of semantics]. Novosibirsk: Nauka.
18. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka.
19. Teliya, V.N. (1986) *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow: Nauka.
20. Shakhovskiy, V.I. (1987) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. Voronezh: Voronezh State University.
21. Zolotova, G.A. (1980) O kategorii otsenki v russkom yazyke [On the category of evaluation in the Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 84–88.
22. Zheleznyakov, Yu.N. (1993) Otsenochnyy potentsial atributivnykh antropotsentricheskikh slovosochetaniy tipa "pril. + sushch." v angliyskom yazyke [Evaluative potential of attributive anthropocentric phrases like "adj. + noun" in English]. Philology Cand. Diss. N. Novgorod.
23. Merkulova, E.N. (1995) *Pragmaticheskiy aspekt subkollokvial'nykh otsenochnykh nominatsiy (amerikanskiy variant angliyskogo yazyka)* [Pragmatic aspect of subcolloquial evaluative nominations (American English)]. Abstract of Philology Cand. Diss. N. Novgorod.
24. Zalevskaya, A.A. (1990) Eksperimental'noe issledovanie parametra otsenki v psikhologicheskoy strukture znacheniya slova [Experimental study of the evaluation parameter in the psychological structure of the meaning of a word]. In: *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. Tver: Tver State University. pp. 73–83.
25. Myagkova, E.Yu. (1985) Eksperimental'noe issledovanie emotsional'noy nagruzki slova [Experimental study of the emotional load of a word]. In: *Psikholingvisticheskie issledovaniya: leksika, fonetika* [Psycholinguistic research: vocabulary, phonetics]. Kalinin: Kalinin State University. pp. 18–23.
26. Myagkova, E.Yu. (1990) Kognitivnaya teoriya emotsiy: novye vozmozhnosti issledovaniya emotsional'nosti leksiki [Cognitive theory of emotions: new possibilities for studying the emotionality of vocabulary]. In: *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. Tver: Tver State University. pp. 110–115.
27. Kolodkina, E.N. (1990) Parametr otsenki v psikhologicheskoy strukture znacheniya 215 sushchestvitel'nykh [Evaluation parameter in the psychological structure of the meaning of 215 nouns]. In: *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. Tver: Tver State University. pp. 67–73.

28. Troyanskaya, E.S. (1983) Nekotorye osobennosti vyrazheniya otritsatel'noy otsenki v zhanre nauchnoy retsenzii (k voprosu o nekategorichnosti vyskazyvaniya v nauchnom stile) [Some features of expressing a negative evaluation in the genre of scientific review (on non-categorical statements in a scientific style)]. In: *Yazyk i stil' nauchnogo izlozheniya (lingvometodicheskie issledovaniya)* [Language and style of scientific presentation (linguistic and methodological research)]. Moscow: Nauka. pp. 3–22.
29. Kudasova, O.K. (1983) *Lingvostilisticheskie osobennosti retsenzii kak raznovidnosti nauchnogo teksta (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguistic and stylistic features of a review as a type of scientific text (based on the English language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
30. Aleksandrova, N.A. (1986) Ob otsenke v nauchnoy diskussii [On evaluation in scientific discussion]. In: *Obshchie i chastnye problemy funktsional'nykh stiley* [General and particular problems of functional styles]. Moscow: Nauka. pp. 153–158.
31. Vorob'eva, M.B. (1985) Osobennosti realizatsii otsenochnykh znacheniy v nauchnom tekste [Features of the implementation of evaluative meanings in a scientific text]. In: *Nauchnaya literatura. Yazyk, stil', zhanry* [Scientific literature. Language, style, genres]. Moscow: Nauka. pp. 47–57.
32. Kotyurova, M.P. (1988) *Ob ekstralingvisticheskikh osnovaniyakh smyslovoy struktury nauchnogo teksta: (funktsional'no-stilisticheskiy aspekt)* [On the extralinguistic foundations of the semantic structure of a scientific text: (functional-stylistic aspect)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
33. Ivin, A.A. (1970) *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of the logic of evaluations]. Moscow: Moscow State University.
34. Solganik, G.Ya. (1981) *Leksika gazety: funktsional'nyy aspekt* [Newspaper vocabulary: functional aspect]. Moscow: Vyssh. shkola.
35. Solganik, G.Ya. (ed.) (1990) *Poetika publitsistiki* [Poetics of journalism]. Moscow: Moscow State University.
36. Terent'eva, L.V. (1990) *Leksiko-grammaticheskaya i zhanrovo-stilisticheskaya sistemnost' v oformlenii otsenochnykh zaglaviy* [Lexico-grammatical and genre-stylistic consistency in the design of evaluative titles]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
37. Luk'yanova, H.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive vocabulary of colloquial use: problems of semantics]. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie.
38. Gladkova, S.Yu. (1987) Kategoriya emotsional'noy otsenki v kommunikatsii [Category of emotional evaluation in communication]. *Grammatika i rechevaya kommunikatsiya*. 289. pp. 12–20.
39. Khidkel', S.S. & Koshel', G.G. (1981) Otsenochnyy komponent leksicheskogo znacheniya [Evaluative component of lexical meaning]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 4. pp. 7–9.
40. Kharchenko, V.K. (1976) Razgranichenie ochenochnosti, obraznosti, ekspressii i emotsional'nosti v semantike slova [Distinction between eloquence, imagery, expression and emotionality in the semantics of a word]. *Russkiy yazyk v shkole*. 3. pp. 66–71.
41. Shmelev, D.N. (1973) *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow: Nauka.
42. Sternin, I.A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Voronezh State University.
43. Prokhorov, A.M. (ed.) (1978) Emotsii [Emotions]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 30. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 169.
44. Prokhorov, A.M. (ed.) (1993) Emotsii [Emotions]. In: *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Big encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 1556–1557.
45. Biber, D. & Finegan, E. (1989) Styles of stance in English: lexical and grammatical marking of evidentiality and affect. *Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 9 (1). pp. 93–124.
46. Conrad, S. & Biber, D. (2000) Adverbial marking of stance in speech and writing. In: Hunston, S. & Thompson, G. (eds) *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford: Oxford University Press. pp. 56–73.
47. Hunston, S. (2011) *Corpus Approaches to Evaluation: Phraseology and Evaluative Language*. New York; London: Routledge.
48. Thompson, G. (2014) AFFECT and emotion, target-value mismatches, and Russian dolls: Refining the APPRAISAL model. In: *Evaluation in context*. Amsterdam: John Benjamins. pp. 47–66.
49. Ben-Aaron, D. (2005) Given and news: Evaluation in newspaper stories about national anniversaries. *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 25 (5). pp. 691–718.
50. Coffin, C. & O'Halloran, K. (2006) The role of appraisal and corpora in detecting covert evaluation. *Functions of Language*. 13 (1). pp. 77–110.
51. Su, H. (2016) How products are evaluated? Evaluation in customer review texts. *Language Resources and Evaluation*. 50 (3). pp. 475–495.
52. Hommerberg, C. & Don A. (2015) Appraisal and the language of wine appreciation: A critical discussion of the potential of the Appraisal framework as a tool to analyse specialised genres. *Functions of Language*. 22 (2). pp. 161–191.
53. Anthony, L. (2014) *AntConc* [computer software]. Waseda University.
54. Akhmanova, O.S. (2007) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga.
55. Vezhbitska, A. (1978) Metatekst v tekste [Metatext in the text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvistika teksta*. 8. pp. 402–424.
56. Cherneyko, L.O. (1990) Otsenka i znake i znak v otsenke [Evaluation in a sign and a sign in evaluation]. *Filologicheskie nauki*. 2. pp. 72–82.

Информация об авторах:

Смирнова Е.А. – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Пермь (Пермь, Россия). E-mail: easmirnova@hse.ru

Пермякова Т.М. – д-р филол. наук, профессор департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Пермь (Пермь, Россия). E-mail: tpermyakova@hse.ru

Исмакаева И.Д. – преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Пермь (Пермь, Россия). E-mail: idismakaeva@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Smirnova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, HSE University (Perm, Russian Federation). E-mail: easmirnova@hse.ru

T.M. Permyakova, Dr. Sci. (Philology), professor, HSE University (Perm, Russian Federation). E-mail: tpermyakova@hse.ru

I.D. Ismakaeva, lecturer, HSE University (Perm, Russian Federation). E-mail: idismakaeva@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2021;
одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 26.10.2021;
approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 30.06.2023.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.31
doi: 10.17223/15617793/491/6

Почему русский космизм – это не трансгуманизм?

Наталья Николаевна Ростова¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, nnrostova@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется проблема соотношения концепций русского космизма и трансгуманизма. Вопреки распространенной в научной литературе точке зрения показывается, почему эти концепции следует различать и даже противопоставлять. В связи с этим выделяются две причины несовместимости теорий – формальная и содержательная. Первая касается неоднородности самого понятия русского космизма, вторая – указывает на различие дискурсов. Если в основании русского космизма лежит идея соборности, то в основании трансгуманизма лежит экономика индивидуального.

Ключевые слова: сознание, соборность, антропокосмизм, антропоцентризм, русская философия, биоэтика, биополитика, Н.Ф. Фёдоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский

Для цитирования: Ростова Н.Н. Почему русский космизм – это не трансгуманизм? // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 49–54. doi: 10.17223/15617793/491/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/6

Why is Russian cosmism not transhumanism?

Natalya N. Rostova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, nnrostova@yandex.ru*

Abstract. The article examines the problem of the correlation of the concepts of Russian cosmism and transhumanism. Contrary to the popular point of view in the scientific literature, the author identifies two reasons for the incompatibility of theories – formal and substantive. The formal reason concerns the ambiguity of the very concept of Russian cosmism. The author shows that there are at least two approaches to understanding Russian cosmism. Following the first approach, cosmism is considered to be a universal phenomenon in intellectual thought – from the ancient Greeks to modern science. Cosmism in this case is understood as a problem of space exploration. Russian cosmism, therefore, is regarded as part of world cosmism. According to the second approach, on the contrary, the word “Russian” does not indicate the locality of the subject under study, but constitutes the phenomenon itself. Russian cosmism in this case points to the specifics of the Russian mindset and is located in a number of such characteristic concepts as sophiology, all-in-one or living knowledge. However, representatives of both approaches to Russian cosmism seek to combine extremely different theories within the framework of the concept, which in itself raises the question of the grounds for such an association. The substantial reason why drawing analogies between Russian cosmism and transhumanism is impossible is the difference in discourses. If Russian cosmism is based on the idea of conciliarity, then transhumanism is based on the economy of the individual. Transhumanism formulates its tasks in terms of strengthening and expanding human abilities, the right to control one’s body. An individual is recognized as the subject of manipulation, an organism is the object of manipulation, and therefore transhumanism assumes a fundamentally poly-paradigm approach and intersects with bioethics. Russian cosmism is not a technological project that provokes discussions about the consequences of the use of technology and possible social imbalance, but a project of universal transformation. The subject of transformation is not the individual’s organism, but humanity. Anthropocentrism is opposed to the idea of anthropocosmism, according to which human is not a monad and not a center, but a collective taken in its cosmic expansion. By the body, Russian cosmism means the whole world. According to the author, the idea of conciliarism, on which Russian cosmism is built, leads us to the idea that the fundamental thing for a person is a sense of belonging to the whole.

Keywords: consciousness, conciliarism, anthropocosmism, anthropocentrism, Russian philosophy, bioethics, biopolitics, N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky

For citation: Rostova, N.N. (2023) Why is Russian cosmism not transhumanism? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 49–54. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/6

Общая для русского космизма и трансгуманизма идея бессмертия и внеземной жизни дает повод различным авторам для их сопоставления, а нередко – и для утверждения об их преемственности. Иногда к интеллектуальным родственникам космизма причисляют философию жизни Анри Бергсона, а также эволюционизм Тейяра де Шардена. Следует отметить, что оба направления мысли – космизм и трансгуманизм – сегодня активно развиваются и находятся в эпицентре интеллектуальной жизни. Наряду со ставшими уже классическими работами по трансгуманизму (Н. Бостром, Р. Курцвейл, Д. Пирс, М. Мор, К. Хейл, К. Вулф, Ф. Феррандо, Т. Морроу, Ф. Эсфендиари и др.) в отечественной литературе мы наблюдаем целую плеяду авторов, предлагающих философскую рефлексию этого течения. Среди них можно отметить Б.Г. Юдина, В.А. Кутырева, С.С. Хоружего, И.Т. Фролова, П.Д. Тищенко, Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского, В.И. Аршинова, Е.Н. Гнатик, В.Г. Горохова, И.В. Вишева, Д.К. Казенного, Д.А. Беляева, А.Ш. Викторов, П.С. Гуревича, С.Н. Корсакова, В.Е. Лепского, Е.В. Марееву, В.В. Аверьянова, С.Д. Баранова и многих других. С другой стороны, активно развивается работа с наследием русского космизма: проводятся конференции, пишутся научные работы, в орбиту космизма вводятся новые имена и даже снимаются мультипликационные фильмы о столпах космизма. Например, за последнее время заметным событием в научной жизни России стала масштабная международная научная конференция, посвященная художнику XX в. Василию Чекрыгину, который являлся прямым последователем идей Н.Ф. Фёдорова. Сегодня имя этого до недавнего времени малоизвестного художника становится интересным в первую очередь с точки зрения оценки его творчества через призму космизма. Здесь нельзя не упомянуть научную и просветительскую работу А.Г. Гачевой вокруг темы космизма, в том числе ее монографию «Русский космизм в идеях и лицах», а также работы С.Г. Семёновой. Если трансгуманистическое движение приходит в Россию с Запада, то космизм – это то, чем мы сегодня интересны нашим зарубежным коллегам. К примеру, активно тема космизма исследуется и творчески преломляется в работах американского художника и теоретика А. Видокле. В недавнем прошлом Третьяковская галерея представила масштабный проект «Граждане космоса» (февраль 2022 г.), включающий выставку, ридинг-группы, лекции, обсуждение одноименной книги А. Видокле. Среди зарубежных авторов, посвящающих свою исследовательскую работу космизму, следует отметить М. Хагемайстера, Б. Гройса, Дж. Янга, А. Валицкого, М. Мильчарека, А. Манджулло, Р. Бернара и др. Философский интерес совмещается с политическим. Так, например, в литературе можно встретить оценку русского космизма как основы национальной идеи современной России [1]. Активный интерес мы наблюдаем и на стыке обеих традиций мысли. Причем современные теоретики разнятся в оценке степени родства космизма и трансгуманизма. Одни авторы пытаются сопоставить данные течения и видят в космизме интеллектуальную колыбель трансгуманизма, например,

В.Ф. Пряхин, И.В. Артюхов, А.В. Суслов, В.В. Удалова и т.д. Другие авторы пытаются их различить, как, например, И.Ю. Александров, который полагает, что существенным отличием космизма является наличие этики. Третьи – заявляют о невозможности сопоставления космизма и трансгуманизма в силу их различного культурного статуса, например, И.В. Демин видит в космизме философию, а в трансгуманизме – мировоззрение. И наконец, есть сторонники радикального противопоставления обоих направлений мысли в силу их различного идейного содержания, например В.В. Аверьянов, С.Д. Баранов и др. Последний подход с теоретической точки зрения выглядит более перспективным, поскольку сходства обоих течений мысли легко обнаруживают свою поверхностность при углубленном изучении проблемы. В научной литературе сегодня зафиксирован ряд отличий космизма от трансгуманизма вплоть до составления сравнительной таблицы [2]. Указано при этом на несходство этических установок, на различное отношение к прогрессу, к идее патриархата в широком смысле слова, к идее человека – венца творения, а также на разное понимание соотношения человеческого и технического. Однако при этом не выявлена специфика русского космизма, в которой кроется ресурс русской философии и которая одновременно обнаруживает глубинное отличие между обоими направлениями мысли. Эта специфика заключается в антропологической модели, предложенной космизмом. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Для этого сначала выделим две стратегии понимания русского космизма, а затем обратимся к проблеме понимания человека в русском космизме и трансгуманизме.

Две стратегии понимания русского космизма

Когда Н.Ф. Фёдоров, грезя о всеобщем воскресе-нии, говорит о том, что «знанием вещества и его сил восстановленные прошедшие поколения... населят миры» [3. С. 528], когда К. Циолковский предсказывает, что «по истечении тысячи миллионов лет несовершенное вроде современных растений, животных и человека на Земле уже не будет. Останется одно хорошее, к чему неизбежно приведет нас разум» [4. С. 458], или, к примеру, В. Вернадский заявляет о том, что человеческое общество «эволюционирует к новому жизненному проявлению» [5. С. 288], то нас это, безусловно, побуждает к тому, чтобы провести по крайней мере параллели между русскими космистами и современными трансгуманистами. Однако в основе этого желания кроется недоразумение, которое объясняется двумя причинами. С одной стороны, причиной формальной, с другой – содержательной. Формальная причина состоит в том, что исконно под русским космизмом были объединены совершенно различные теории. В варианте Н. Гаврюшина русский космизм понимается как часть некоего универсального явления космизма, т.е. слово «русский» здесь носит уточняющий, вспомогательный характер, указывая на локальность рассматриваемого предмета. «Космизм, – по словам Н.К. Гаврюшина, – комплексное естественно-научное

и натурфилософское течение в европейской науке и культуре XIX – начала XX в., ориентированное на постижение и осмысление роли космических факторов в различных земных процессах» [6]. Или более кратко: космизм – это «программа освоения космоса». Такой подход позволяет говорить о существовании русского космизма в исполнении, к примеру, К. Циолковского, немецкого космизма в исполнении А. Гумбольдта, французского космизма в исполнении А. Бергсона, американского космизма в исполнении Дж. Фиске и Д. Льюиса, античного космизма досократиков и т.д. Этой интеллектуальной стратегии придерживаются, например, С.Г. Семёнова [7], А.Г. Гачева [8], К.Х. Хайруллин [9], А.П. Огурцов [10] и др.

В варианте Ф. Гиренка русский космизм понимается как феномен русского устроения наряду с софиологией, всеединством или, к примеру, живым знанием. Слово «русский» в данном случае носит концептуальный характер, именно им конституируется феномен, закрывая возможность встраивать его в ряд с какими-либо иными космизмами. «Русский космизм потому и называется русским (в отличие от всяких других космизмов), что космос в нем предстает в изначальном смысле слова “вселенная”, т.е. как дом, в который еще надо вселиться. Но не по одиночке, а всем миром. Русский космизм – это не история астрономии в России, не истолкование народных представлений о “падающих звездах”, как о летающих ангелах. Русский космизм расширяет и преобразует то, что А.П. Афанасьев называл “Поэтическим воззрением славян на природу”» [11. С. 362]. Для греков космос – это порядок. Для русской культуры космос – это вселенная, дом для вселения в него всего человечества, нечто конкретное, обитаемое и антропоморфное. Для греков космос описывается на языке стихий. Для Нового времени космос понимается как механизм. Русский космизм описывает мир на языке софийности и соразмерности человеку. Как говорил В.И. Вернадский в работе «Проблема биогеохимии», нужно приспособить атомную модель мира к организму, а не к механизму. Ко второй стратегии понимания русского космизма примыкают, например, М.А. Абрамов [12], О.Д. Куракина [13] и др.

Однако в обоих случаях мы наблюдаем тенденцию к расширению круга авторов, причисляемых к русскому космизму. Проблема состоит в том, что сам по себе перечень писателей, поэтов, ученых и философов уже указывает на концептуальный разрыв внутри понятия «русский космизм». Например, для Н.Ф. Фёдорова человек – не животное, но тот, кто призван явить свою свободу, противопоставив законам природы божественные основания. «Царство человека, – говорит Фёдоров, – не от мира животных», «...человек есть подобие Христа» [3. С. 514]. «Господь созидал человеческое существо как назначенное стать, сделаться свободными усилиями и действиями самого человека» [3. С. 520]. Для К. Циолковского мы все – марионетки космоса, «механические куклы, автоматы, герои кино» [4. С. 435], «мы – материя» [4. С. 446]. Разум и воля человека – лишь то, что дано нам вселенной и укладывается в ее законы. Для Фёдорова человек, выступая против природы и ее законов разрушения, становится

ее спасителем и кормчим, ибо заставляет ее сообразовываться с новым божественным законом умиротворения, кладущим конец круговороту рождения и смертей. Для Циолковского круговорот рождений и смертей вечен и священен. Для Фёдорова бессмертие – свидетельство непокорности человека природе и покорности Богу. Для Циолковского бессмертие понимается как бессмертие атома. Читая Н.Ф. Фёдорова, мы понимаем, что к нему притягивало Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева. Читая К.Э. Циолковского, мы представляем, в какой бы восторг пришел от него Ж. Делёз, если бы знал о его существовании. Характерно, что сразу же теоретиками русского космизма было предложено деление русского космизма на два направления: религиозное и естественно-научное [14], а чуть позже – деление на два типа сознания в русском космизме: проективное (Н. Фёдоров, К. Циолковский) и органицистское (В. Вернадский) [15]. Сегодня наряду с названными направлениями космизма также выделяют литературно-художественное направление, музыкальное, эзотерическое и др. Возникает вопрос: на каком основании столь различные авторы все же были объединены, а в нашем случае – какая общая черта отличает их стиль мышления от трансгуманизма? И здесь мы подходим к содержательной стороне вопроса.

Две модели понимания человека

Содержательная причина, по которой мы не можем отождествлять русский космизм и трансгуманизм, состоит в том, что концепции имеют прямо противоположные послышки, телосы и следствия.

Трансгуманизм идет рука об руку с биоэтикой. Почему? Потому что в его основе лежит экономика индивидуального. Свои задачи он формулирует в терминах «приобретения новых способностей», «стремления расширить границы нашего существования», манипулирования человеческой природой, «улучшения контроля над собственной жизнью», уважения права людей контролировать свое тело [16]. Субъектом манипуляций является индивид, предметом манипуляций – организм. А поскольку речь идет об индивиде и его правах, постольку трансгуманизм предполагает принципиально полипарадигмальный подход. Нет универсального морального субъекта, каждый является моральным субъектом, имея привилегию на свою точку зрения и уникальный опыт.

Неудивительно, что в рамках трансгуманизма появляются идеи трансгуманистической биополитики, а также демократического трансгуманизма, ведь права требуют оформления пространства их соблюдения. Сами результаты преобразований, а именно улучшение когнитивных функций, начинают мыслиться в качестве средства, способного в будущем решить философские проблемы преобразований. Иными словами, представить рефлексию по поводу наличествующей практики, внеся ясность в исходную неопределенность. Почему это неудивительно? Во-первых, потому что отсутствие Истины влечет за собой проблему непрогнозируемости экспериментов с организмом, которая

формулируется в терминах рисков, возможных опасностей и даже фатальных ошибок. А во-вторых, потому что биоэтика неминуемо приобретает социальный формат. Почему социальный? Потому что экономика индивидуального влечет за собой проблему общественного дисбаланса, возможности появления привилегий у одних членов общества по сравнению с другими. Как говорит Ф. Фукуяма, развитие биотехнологий чревато учреждением новой аристократии, позволяя власть имущим передавать по наследству не только материальные блага, но и биологические «усиленные» параметры [17]. Ю. Хабермас обращает наше внимание на то, что опасность социальной асимметрии состоит, прежде всего, в ее необратимости – всегда будет тот, кто «делает», и тот, кто «сделан». Биотехнологии позволяют появиться необратимым категориям редактирующего и редактируемого [18]. Демократический трансгуманизм Джеймса Хьюза объединяет трансгуманистическую биополитику с социал-демократической экономической политикой и либеральной культурной политикой, ставя перед обществом и правительством проблему безопасности и доступности технологий для широких масс [19]. «Постчеловеческое будущее» трансгуманистов – это все тот же социум с политической, этической, экономической и культурной повестками дня.

Русский космизм – это не культурная или социальная утопия, провоцирующая дискуссии о последствиях применения технологий, но проект вселенского преображения, имеющий ясный телос. В чем состоят чаяния Н. Фёдорова? Во всеобщем воскресении. О чем мечтает К. Циолковский? О населении небесных колоний. Появятся, говорит он, совершенные существа, способные жить в пустоте и разреженном газе, переносящие жар и холод, свободные от любых земных условий. Что предвидит В. Вернадский? Превращение человека в «автотрофное животное». Как он понимает ноосферу? Как «перестройку биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [20. С. 309]. Смысл преображения, о котором говорит русский космизм, не индивидуальный, но вселенский. Предметом преображения является не организм индивида, но человечество – «человечество как единое целое», по словам Вернадского. «Нет сознательного существа, которое бы не пожелало счастья всему космосу, то есть себе», – характерно заявляет Циолковский [4. С. 405]. Антропоцентризму Н.Г. Холодный противопоставляет идею антропокосмизма, в рамках которой человек понимается как органичная часть космоса – не отделимая ни от Вселенной в целом, ни от человечества в частности. У человека, говорит он, благодаря науке появились «силы и средства, необходимые для перестройки окружающей природы, для подчинения ее воле и разуму человеческого коллектива» [21. С. 332]. Человек не монада и не центр, человек – это коллектив, собор, взятый в своем космическом расширении. А. Чижевский слагает стихотворные строки:

Мы дети Космоса.
И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном...

Наиболее радикально соборный подход к пониманию человека и задач его преображения выражен у Н. Фёдорова. Для Фёдорова смысл бессмертия – не починка организма индивидуума, но союз. Смерть – это разобщение, воскрешение – это достижение единства людей, конкретного, а не умозрительного братства. Забвение смертности, отказ от преодоления всемирного закона борьбы приближает человека к несовершенствам природы, ведет к забвению самого себя. Предметом бессмертия является не личность, но собор. Не я, но мы. В основе стремления к бессмертию лежит не удовольствие, но труд и чувство онтологического долга. Фёдоров призывает воскрешать не себя, но отцов. Ницшеанскую идею сверхчеловека он называет порочной, ибо она предполагает привилегию на бессмертие одного перед братьями. Понятая же как превращение слепой силы природы в разумную, как общее дело по возвращению жизни умершим, она есть добродетель. Категорический императив Фёдорова звучит так: возратить поглощенное [3. С. 558]. Вот это вселенское мы, которым оперирует русский космизм, визуально в буквальном варианте выражено в живописи Василия Чекрыгина, представившего цикл этюдов на тему «Воскрешения мертвых». Что мы видим на этих монохромных рисунках, написанных под влиянием учения Н. Фёдорова? Не бессмысленного киборга или биотехнолога, но актуализацию общего дела по возвращению того, что было поглощено землей. Вселенскую грандиозную метаморфозу. Визуальный контрапункт пророчествам учителя: «День желанный от века чаемый, необъятного неба ликование тогда только наступит, когда земля, тьмы поколений поглотившая, небесною сыновнею любовью и знанием движимая и управляемая, станет возвращать ею поглощенных и населять ими небесные, ныне бездушные, холодно и как бы печально на нас смотрящие звездные миры...» [3. С. 528].

Русский космизм чаёт преображения тела, но под телом понимается весь мир. Идея преображения – религиозная в своей основе. Преображение предполагает несовпадение того, что есть, с тем, что должно быть. Но сам этот разрыв должен быть онтологически обеспечен. Русская философия выстраивает расширенную онтологию, заданную Богом. Что делает русский космизм? Заключает компромисс с наукой, заменяя Бога на космос. Не Бог, но космос оказывается основой онтологического расширения. Формулируя научное определение Бога, Циолковский утвердительно отвечает на вопрос «Есть ли Бог?», ибо этому определению соответствует космос. Космос, говорит Циолковский, «можно назвать отцом, и он подходит к нашему определению бога. Такой бог действительно существует, так как нельзя же отрицать бытие вселенной, ее владычество, доброту и совершенство» [4. С. 433]. Достаточно посмотреть на полотна К. Богаевского, визуально оформившего русский космизм, чтобы увидеть эту перемену в русском сознании. Его солярные фантазии на тему грядущего будущего и таинственного прошлого словно заявляют вслед за Чижевским о «солнцепоклонничестве». Не Бог, но Солнце обнимает

мир, пронизывая его восхитительным единством и ладом. Отсюда же проистекает та легкость, с которой Богаевский в советский период своего творчества переключается на тему футуристических индустриальных пейзажей, демонстрирующих всю мощь науки и дышащих тем же позитивизмом, что и оккультный взгляд на мир. Города будущего (серия «Города будущего») мало чем по существу отличаются от размышлений о вечности (наиболее характерны автолитографии). Абсолютной доминантой для Богаевского являются космические символы, и главный из них – Солнце, его животворящие лучи, исполняющие этот мир торжественности, связующие его в прекрасное крепкое целое. Это мир, трансцендирующий вовне, а не внутрь. Его тайна – не дух, а космос.

Для русского космизма отныне не Бог, но космос является условием собора. Что такое собор? Собор – это не социум, но пространство мы, исключаящее проблему другого. Социум – это одиночество других, связанных временными интересами. Другой – это чужой, тот, отношения с кем регулируются правом. Ты – не чужой, но, как выражается С. Франк, я за пределами себя. Собор, говоря словами Ф. Гиренка, это одиночество, единство в одиночестве, обеспеченное мистериальным родством. Русский космизм мистериальное родство переосмысливает как космическое. А потому русский космизм – это не программа освоения космоса. Но оптика, позволившая человеку однажды взглянуть на себя как на то, что больше, чем то, что он есть. Увидеть себя в пространстве расширения. Космического «Царствия Божьего». Не случайно, с одной стороны, Чижевского ученые обвиняли в эзотеризме, а с другой – трансгуманисты ясно отделяют себя от учений наподобие тех, что предлагал Тейяр де Шарден, усматривая в них мистицизм. Почему не случайно? Потому что космос – не социальная идея, но то, что отвечает на антропологический, в основе своей экстатический запрос. Не социум, но человек жаждет оснований, жаждет вселенского смысла.

Не следует, однако, умалять сторону дела, названную нами формальной. Само по себе желание объять ряд авторов общей идеей, сформулировав концепт «русский космизм», – в высшей степени примечательно. И быть может, в определенном смысле даже более примечательно, чем собственно содержание концепта. Как замечает Ф.И. Гиренок, говоря о формировании концепта русского космизма: «Когда обратили внимание на эти идеи? 12 апреля 1961 года после

полета Юрия Гагарина в космос. Если бы не было полета Гагарина, никакого русского космизма не возникло бы, и “Русская Икарка” не превратилась бы в русский космизм. Но почему она не превратилась в советский космизм? Ведь Гагарин мог бы стать ее символом? Видимо, из-за непреднамеренной координации незаметных интеллектуальных усилий немногих» [11. С. 361]. Почему космизм «русский», а не «советский»? Ввиду «непреднамеренной координации незаметных интеллектуальных усилий немногих». О каких непреднамеренных координациях идет речь? О чьих и какого рода интеллектуальных усилиях? Очевидно, что, говоря о русском космизме, мы, прежде всего, говорим об обращении русского сознания к самому себе, о попытках нащупать родную почву под собой. «Русский космизм» – это акт возврата русскому сознанию у него же взятого. Это акт одновременно рефлексивный и учредительный. В нем русское сознание нащупывает основания для того, чтобы длить себя. Что будет потом? В 1990-е гг. появятся теми же непреднамеренными усилиями немногих «После перерыва. Пути русской философии» и «Патология русского ума». Что это за книги? Это не труды по истории русской философии. Это взбрыкивание русского сознания, свидетельства его стихийного самообнаружения.

Каков ресурс концепта русского космизма для современной русской философии? Он кроется в исконной для русской философии вообще идее соборности. Русская философия ясно формулирует проблему сознания. Сознание – это не то, что приурочено к телу, а субъективность не то же, что квалиа, не свойства чувственного опыта. Носителем сознания является собор (в отличие в том числе от тейярдизма, для которого у истоков нософеры стоят отдельные рефлектирующие сознания, а также от бергсонизма, для которого скорее важны метаморфозы «проникшего» в материю сознания, нежели идея о том, что у сознания хоровое начало). Сознание, говорит нам русская философия, одно на всех. К нему можно быть причастным посредством «общего дела», культа или шире – общего быта. А можно выпадать из этого пространства, превращаясь в бессмысленное тело. Мы – первично, я – вторично. Внутренний мир – это один на всех мир, общее пространство субъективности. Внутренний мир в экзистенциальном смысле – это результат выпадения из мистерии, то, что достается от нее по наследству. Русский космизм в очередной раз напоминает нам о том, что человек начинается с мы – с чувства принадлежности к целому.

Список источников

1. Faure J. Russian Cosmism: a national mythology against transhumanism // The Conversation. 2021. January 11. URL: <https://theconversation.com/russian-cosmism-a-national-mythology-against-transhumanism-152780> (дата обращения: 05.12.2022).
2. Аверьянов В., Баранов С. Трансчеловек против человека // Изборский клуб. 2020. № 6–7. С. 6–49.
3. Фёдоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
4. Циолковский К.Э. Космическая философия: сборник. М.: ИДЛи, 2004. 496 с.
5. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семёнова, А.Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288–303.
6. Гаврюшин Н.К. К.Э. Циолковский и европейский космизм (к вопросу о генезисе теоретической космонавтики) // Русский космизм. 23.02.2011. URL: <https://cosmizm.ru/c114gavryushin-n-k-k-e-ciolkovskij-i-evropejskij-kosmizm-k-voprosu-o-genezise-teoreticheskoy-kosmonavтики/> (дата обращения: 05.05.2022).
7. Семёнова С.Г. Созидание будущего: Философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. 458 с.
8. Гачева А. Русский космизм в идеях и лицах. М.: Академический проект, 2019. 431 с.
9. Хайруллин К.Х. Философия космизма. Казань: Дом печати, 2003. 370 с.
10. Философия русского космизма / отв. ред. А.П. Огурцов, Л.В. Фесенкова. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 376 с.

11. Гиренок Ф.И. От русской Икарии к русскому космизму // Тетради по консерватизму. 2021. № 2. С. 361–368.
12. Абрамов М.А. Идейные основания русского космизма. Саратов : Саратовский гос. тех. ун-т, 2007. 277 с.
13. Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М. : МФТИ, 1993. 184 с.
14. Гиренок Ф.И. Русский космизм: взаимосвязь философских и естественно-научных проблем // Философские методологические семинары: Проблемы развития : [сб. ст.] / отв. ред. Ю. А. Овчинников. М. : Наука, 1983. С. 54–60.
15. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М. : Наука, 1987. 182 с.
16. Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14, № 1. URL: <https://www.nickbostrom.com/papers/history.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).
17. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М. : АСТ ; Люкс, 2004. 349 с.
18. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М. : Весь мир, 2002. 144 с.
19. Hughes J. Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. Cambridge, MA : Westview Press, 2004. 294 p.
20. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семёнова, А.Г. Гачева. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 303–311.
21. Холодный Н.Г. Мысли натуралиста о природе и человеке // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семёнова, А.Г. Гачева. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 332–344.

References

1. Faure, J. (2021) Russian Cosmism: a national mythology against transhumanism. *The Conversation*. January 11. [Online] Available from: <https://theconversation.com/russian-cosmism-a-national-mythology-against-transhumanism-152780> (Accessed: 05.12.2022).
2. Aver'yanov, V. & Baranov, S. (2020) Transchelovek protiv cheloveka [Transhuman versus human]. *Izborniy klub*. 6–7. pp. 6–49.
3. Fedorov, N.F. (1982) *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Mysl'.
4. Tsiolkovskiy, K.E. (2004) *Kosmicheskaya filosofiya: sbornik* [Cosmic philosophy: collection]. Moscow: IDLi.
5. Vernadskiy, V.I. (1993) Avtotrofnost' chelovechestva [Autotrophy of humanity]. In: Semenova, S.G. & Gacheva, A.G. *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: Anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press. pp. 288–303.
6. Gavryushin, N.K. (2011) K.E. Tsiolkovskiy i evropeyskiy kosmizm (k voprosu o genezise teoreticheskoy kosmonavtiki) [K.E. Tsiolkovsky and European cosmism (on the genesis of theoretical cosmonautics)]. *Russkiy kosmizm*. 23 February 2011. [Online] Available from: <https://cosmizm.ru/c114gavryushin-n-k-k-e-tsiolkovskij-i-evropejskiy-kosmizm-k-voprosu-o-genezise-teoreticheskoy-kosmonavtiki/> (Accessed: 05.05.2022).
7. Semenova, S.G. (2020) *Sozдание budushchego: Filosofiya russkogo kosmizma* [Creating the future: The philosophy of Russian cosmism]. Moscow: Nookratiya.
8. Gacheva, A. (2019) *Russkiy kosmizm v ideyakh i litsakh* [Russian cosmism in ideas and faces]. Moscow: Akademicheskij projekt.
9. Khayrullin, K.Kh. (2003) *Filosofiya kosmizma* [Philosophy of cosmism]. Kazan: Dom pechati.
10. Ogurtsov, A.P. & Fesenkova, L.V. (eds) (1996) *Filosofiya russkogo kosmizma* [Philosophy of Russian cosmism]. Moscow: Fond "Novoe tysyacheletie".
11. Girenok, F.I. (2021) Ot russkoy Ikarii k russkomu kosmizmu [From Russian Ikaria to Russian cosmism]. *Tetrady po konservatizmu*. 2. pp. 361–368.
12. Abramov, M.A. (2007) *Ideynye osnovaniya russkogo kosmizma* [Ideological foundations of Russian cosmism]. Saratov: Saratov State Technical University.
13. Kurakina, O.D. (1993) *Russkiy kosmizm kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Russian cosmism as a sociocultural phenomenon]. Moscow: MFTI.
14. Girenok, F.I. (1983) Russkiy kosmizm: vzaimosvyaz' filosofskikh i estestvenno-nauchnykh problem [Russian cosmism: the relationship between philosophical and natural scientific problems]. In: Ovchinnikov, Yu.A. (ed.) *Filosofskie metodologicheskie seminar: Problemy razvitiya* [Philosophical methodological seminars: Problems of development]. Moscow: Nauka. pp. 54–60.
15. Girenok, F.I. (1987) *Ekologiya. Tsivilizatsiya. Noosfera* [Ecology. Civilization. Noosphere]. Moscow: Nauka.
16. Bostrom, N. (2005) A history of transhumanist thought. *Journal of Evolution and Technology*. 14 (1) [Online] Available from: <https://www.nickbostrom.com/papers/history.pdf> (Accessed: 05.05.2022).
17. Fukuyama, F. (2004) *Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Fukuyama F. Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution]. Translated from English. Moscow: AST; Lyuks.
18. Habermas, J. (2002) *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The future of human nature]. Translated from German. Moscow: Ves' mir.
19. Hughes, J. (2004) *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. Cambridge, MA: Westview Press.
20. Vernadskiy, V.I. (1993) Neskol'ko slov o noosfere [A few words about the noosphere]. In: Semenova, S.G. & Gacheva, A.G. *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: Anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press. pp. 303–311.
21. Kholodnyy, N.G. (1993) Mysli naturalista o prirode i cheloveke [Naturalist's thoughts about nature and man]. In: Semenova, S.G. & Gacheva, A.G. *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: Anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press. pp. 332–344.

Информация об авторе:

Ростова Н.Н. — д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: nnrostova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.N. Rostova, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nnrostova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 06.05.2022;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 314
doi: 10.17223/15617793/491/7

Воспроизводство модели миграционного поведения женщин в дочерних поколениях

Мария Юрьевна Апанович¹, Светлана Юрьевна Сивоплясова^{2, 3}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

² Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

³ Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

¹ maria.apanovich@gmail.com, ORCID: 0000-0001-8239-1866

^{2, 3} sivoplyasovasy@mai.ru, ORCID: 0000-0002-3239-4230

Аннотация. Проанализированы возможности воспроизводства модели миграционного поведения женщин в дочерних поколениях. Использованы два подхода к определению понятия «поколение» и оценке его длины – демографический и социально-психологический. Это позволило «наложить» статические данные об интенсивности миграции в разных поколениях российских женщин на качественные характеристики поколений, к которым относятся рассматриваемые когорты. Определен некий агрегированный фактор миграции и обоснованы причины схожего и различного в миграционном поведении представительниц прекрасного пола.

Ключевые слова: миграция, теория поколений, миграция женщин, дочернее поколение, материнское поколение, реальное поколение, Всесоюзная перепись населения 1979 г., Всероссийская перепись населения 2010 г., уроженцы, мигранты

Для цитирования: Апанович М.Ю., Сивоплясова С.Ю. Воспроизводство модели миграционного поведения женщин в дочерних поколениях // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 55–63. doi: 10.17223/15617793/491/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/7

Reproduction of the model of women's migration behavior in child generations

Maria Yu. Apanovich¹, Svetlana Yu. Sivoplyasova^{2, 3}

¹ MGIMO University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³ Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

¹ maria.apanovich@gmail.com, ORCID: 0000-0001-8239-1866

^{2, 3} sivoplyasovasy@mai.ru, ORCID: 0000-0002-3239-4230

Abstract. The collapse of the Soviet Union not only created the defragmentation situation in the society, but also affected the behavioral patterns of the youngsters. The article analyzes the possible reproduction of the women migration behavior model in child generations. Based on the use of demographic and socio-psychological approaches to the selection of generations, the author of this study examined the features of migration of representatives of two living generations. A number of socioeconomic factors such as technological progress, globalization, and feminization are among the features impacting modern migration. More and more women are actively involved in the displacement process. In this regard, it is important to determine the factors that affect their migration behavior. The author proceeded from the assumption that the formation of migratory behavior of the younger generation is influenced not only by external factors, but also by generation determinants. The research lies in the correlation of the existing demographic patterns of migration and their relationship with the generation and behavioral theories, and aims to illuminate the “new verge” of the behavior aspects of generation theories and give the new guidelines for the modern migration flows management, especially flows of younger women. This study is intended to complement existing research in the field of migration behavior of various generations. This work is based on existing theoretical approaches and uses statistical and sociological data on migration in Russia (and the Soviet Union). It is interdisciplinary in nature, since it combines data on demographics, sociology, and partly psychology (in the context of identifying behavioral characteristics). The aim of the study is to substantiate the existence of continuity in the models of migratory behavior of women

belonging to different generations. Based on the aim, the work implements two approaches to understanding the concept of generation. Quantitative results of the study prove that the model of migration behavior of the Baby Boomers generation (according to the census statistics of 1979) is not completely repeated in the child generation of the millennials (according to the 2010 census statistics). The “maternal” generation, in spite of the more closed system of the external borders of the state, possessed sufficient migration activity. Socio-political factors that influenced their behavioral characteristics include the “Soviet thaw”, space exploration, and the Cold War. The child generation was formed during the period of economic and political reforms in the country, as well as during the fall of the Iron Curtain. The factors that influenced them include an increase in the centers of anxiety and conflict in the world, the emergence of a Schengen free movement zone, and the massive spread of the Internet and mobile phones. Psychologically, the generations are simultaneously characterized by naivety and responsibility, focus on the result and the desire to receive it as soon as possible, which, of course, affects the directions and the amount of their involvement in migration processes. The individual characteristics of the generations form changes, including the migration behavior of their representatives. The feminization of modern migration processes confirms the need for a more detailed consideration of behavioral characteristics within the generations.

Keywords: migration, generation theory, demography, migration waves, female migration, child generation, maternal generation, conditional generation, real generation, 1979 Population Census, 2010 Population Census, natives, migrants

For citation: Apanovich, M.Yu. & Sivoplyasova, S.Yu. (2023) Reproduction of the model of women’s migration behavior in child generations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 55–63. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/7

Введение

Среди особенностей современных миграционных процессов можно выделить аспект феминизации. Все больше женщин активно включаются в процесс перемещения, побуждающими мотивами к которому являются различные факторы, имеющие как экзогенный, так и эндогенный характер. В разные периоды времени набор факторов меняется. Наиболее «мощным» побуждающим эффектом могут обладать то экономические причины, то политические, то личностные или психологические. Вместе с тем комплексный учет этих двух групп факторов миграции довольно труден. Поэтому важным представлялся поиск своеобразного «агрегированного» фактора, который включал бы в себя как одну, так и другую группу детерминант. Таким фактором, по мнению авторов, является поколенческая детерминанта.

С точки зрения поколенческих теорий каждое поколение формируется в определенных внешних условиях (политические события, экономические потрясения, социальные катаклизмы). Кроме того, на процесс становления представителей того или иного поколения оказывают влияние различные психологические поведенческие аспекты. Поэтому взаимосвязь, с одной стороны, теорий поколений, а с другой – закономерностей миграции позволит выявить общее и особенное в миграционном поведении разных поколений российских женщин, чья юность и молодость пришлись на советский и постсоветский периоды, а также осветить новую грань теорий поколенческого поведения и даст новые ориентиры в управлении современными миграционными потоками.

Теоретическая база исследования

Классики исследования миграционных процессов определили драйверы, побуждающие индивида к перемещению, которые лежат, главным образом, в экономической плоскости [1–3]. Американские ученые в области исследований миграционных процессов пошли дальше, и после теорий, объясняющих причины

миграции, обратились к изучению вопросов поведенческих изменений и особенностей различных поколений миграции. В этом ключе интересны теории, объясняющие периодизацию различных поколений и их поведенческие, социальные, психологические и прочие особенности [4, 5]. Справедливости ради необходимо отметить, что рассматриваемые теории не дают ответ на вопрос о схожести или различиях в поведении представителей различных поколенческих групп. Однако тезис К. Мангейма о значимости окружения и событийного ряда на возникновение границ между поколениями дает возможность предположить, что и психологические особенности поведения представителей различных поколений могут влиять на принятие решения о миграции или не миграции.

Еще одну группу работ исследователей, которую целесообразно выделить в рамках анализа подходов к вопросу воспроизводства миграционной модели в дочерних поколениях, – гендерные особенности современной миграции, и, в частности, феминизация потоков перемещения [6–8]. Можно выделить теорию «роли гендерных особенностей», которая говорит о концептуализации понятия «гендер» и того, как различны паттерны миграционного поведения у женщин и мужчин [9, 10].

Российские исследователи предлагали теоретические подходы к рассмотрению миграционных перемещений в преломлении к российской действительности [11–14]. Однако по сравнению с зарубежными авторами меньше внимания уделялось именно гендерным особенностям миграционных процессов. Относительно небольшое число экспертов фокусируют свои разработки на области женской миграции [15–18]. Еще менее изученной представляется область поколенческой миграции [19, 20].

Настоящее исследование призвано дополнить имеющиеся исследования в области миграционного поведения различных поколений. Данная работа базируется на существующих теоретических подходах, с использованием статистических и социологических данных миграции в России.

Оно носит междисциплинарный характер, так как объединяет данные по демографии, социологии и отчасти психологии (в контексте выявления поведенческих характеристик).

Методы и подходы к исследованию

Целью исследования является выявление преемственности (или ее отсутствия) в моделях миграционного поведения женщин, относящихся к разным поколениям. В работе реализуется два подхода к пониманию понятия «поколение». Первый – демографический. Согласно определению, представленному В.Н. Архангельским, под поколением понимается совокупность людей, родившихся в одно и то же время, а длиной поколения называется средний возраст родителей при рождении их детей. Второй подход – социально-психологический. Американские исследователи К. Мангейм, Н. Штраус, В. Хоув классифицировали поколения согласно выделению психолого-поведенческих особенностей индивида.

Авторы статьи исходят из понимания, что «поколение есть интервал времени между родителями и детьми» [21]. Данная трактовка акцентирует внимание не только на самом определении понятия, но и проблеме вычисления длины одного поколения, которая в настоящее время является весьма актуальной.

В науке сформировалось два подхода к исчислению длины поколения – прямой и косвенный. При прямом методе исследуются демографические истории реальных поколений. Он очень трудоемок, финансово затратен, долго по времени, а также не позволяет экстраполировать полученные результаты на большой массив людей.

Второй подход – косвенный метод – решает данные проблемы. Он основан на анализе статистических данных о рождаемости, смертности и брачности большого числа людей, поэтому позволяет говорить о типичности наблюдаемого явления. Современные исследователи чаще всего придерживаются косвенного подхода в исчислении длины поколения.

В настоящем исследовании для целей определения длины поколения применяется метод, предложенный Даблином и Лотка [22]. Данный метод предполагает расчет длины поколения по женской линии. Проведя математические вычисления, ученые пришли к выводу, что длина поколения составляет около 29 лет.

Для достижения целей настоящего исследования особенно важным является анализ не условных, а реальных поколений женщин. Это позволит соотнести характерные черты того или иного поколения с особенностями миграционного поведения женщин в разные периоды времени, а также оценить степень влияния экзогенных и эндогенных факторов на его формирование. Такие данные возможно получить из анализа результатов Всесоюзных и Всероссийских переписей населения. Авторами были проанализированы результаты Всесоюзной переписи населения 1979 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г. Эти две переписи проводились с временным промежутком 31 год,

что близко длине одного поколения. Иными словами, анализируя миграционный опыт тридцатилетних женщин в 1979 г. и 2010 г., возможно провести сравнительный анализ моделей миграционного поведения материнского и дочернего поколений. Модель миграционного поведения женщин носит описательный характер. В ее основу положены количественные характеристики миграционного потока разных поколений людей, проживавших на территории Российской Федерации, а именно половозрастная структура, направление миграции, показатели оседлости.

Результаты исследования

Демографический подход. В обоих представленных переписях данные о миграционной активности населения содержатся в томе «Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства». Представленные в нем данные не отражают тип или вид миграции, но дают представление об интенсивности перемещений населения.

Для целей настоящего исследования необходимо составить своеобразную модель миграционного поведения поколений женщин – материнского и дочернего. Для этого проанализируем историю миграции двух когорт населения – в возрасте 25–29 лет и 30–39 лет, что приблизительно соответствует выбранной длине поколения.

Миграционная наука, как и все другие научные отрасли, использует специфическую терминологию. В данном исследовании термины «миграционная активность», «миграционная подвижность» и «мобильность» будут использованы как синонимы.

Проведенный анализ данных Всесоюзной переписи населения 1979 г. показал, что миграционная активность населения, проживавшего на территории РСФСР, была довольно высокой: 53,9% сменили место жительства по сравнению с местом рождения (в рамках настоящего исследования условно назовем их «мигранты»). В то же время чуть менее половины людей (46,9%) место жительства не меняли (условно обозначим их как «уроженцы»). При этом характер миграционной активности населения заметно различается в зависимости от пола, возраста и территории проживания.

Так, женщины демонстрировали большую миграционную активность, чем мужчины (56,2% женщин и только 51,2% мужчин сменили место жительства по сравнению с местом рождения). Среди поколений тридцатилетних, сорокалетних, а также пятидесятилетних доля менявших место жительства относительно места рождения составляет около 70%. При этом данная ситуация свойственна как мужчинам, так и женщинам. Вместе с тем миграционная активность жителей городов в каждой последующей возрастной когорте увеличивается, а в сельской местности такой нарастающей динамики не наблюдается. В селе наиболее миграционно активно поколение мужчин в возрасте 30–39 лет (58,9% от общей численности мужчин в возрасте 30–39 лет меняли место жительства относительно места рождения) и женщин в возрасте 25–29 лет (69,8% относительно аналогичной группы).

Продолжительность проживания на новом месте, а следовательно, и время последнего переезда, у разных поколений различается (рис. 1). Так, в 1979 г. в РСФСР 23,6% населения, которые меняли место жительства относительно места рождения, проживали на новом месте 25 и более лет. При этом среди когорты 16–19-летних женщин более 50% девушек из числа «мигранток» осуществили переезд не раньше чем за 2 года до даты переписи, среди когорты 20–24 года максимальное число переездов женщинами было совершено за 2–5 лет до переписи (40,8% от числа женщин, менявших место проживания по сравнению с местом рождения), среди когорты 25–29-летних максимальная миграционная активность женщин отмечалась за 2–5 и 6–9 лет до даты переписи, среди когорты 30–39-летних женщин – за 6–14 лет до этой даты. Исходя из приведенных данных, можно предположить, что женщины в 1970-х гг. меняли место жительства, главным образом, в связи с получением образования и переездом к месту работы согласно полученному распределению или к мужу. При этом после 30-летнего возраста интенсивность смены постоянных мест жительства у них заметно сокращалась. В то же время миграционная активность мужчин в тридцатилетнем возрасте выше, чем женщин аналогичного возраста (разница составляет 6–8 пп.).

Таким образом, особенностями миграционного поведения женщин в РСФСР в 1979 г. является: во-первых, более активная миграция женщин по сравнению с мужчинами; во-вторых, более ранний «старт» их «миграционной истории»; в-третьих, более активная

миграция представительниц прекрасного пола, проживающих в городской местности, по сравнению с девушками, проживающими в сельской местности; в-четвертых, вероятнее всего, побуждающими мотивами переезда советских женщин к новому месту проживания являлось получение профессионального образования, переезд к месту работы в соответствии с полученным распределением и переезд к мужу или совместно с ним.

Рассматривая модель миграции современных женщин, которых можно считать дочерним поколением по отношению к поколению людей 1979 г., возможно использовать данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Согласно результатам переписи, население страны имело уровень миграционной активности, схожий с родительским поколением – 53,8% населения проживали в месте, отличном от места рождения. Однако в XXI в. миграционная подвижность мужчин увеличилась, а женщин – ослабла: 55,5% мужчин и 52,3% женщин проживали в местах, уроженцами которых они не являлись (рис. 2).

Особенностью современной модели миграции является более высокая мобильность населения, проживающего в сельской местности, по сравнению с населением городов (59,9 и 51,5% людей соответственно проживали в местах, отличных от места рождения). При этом в более молодом возрасте (до 19 лет) миграционная подвижность жителей городов немного выше, чем у людей, проживающих в сельской местности, а среди когорт старше 20 лет ситуация меняется на прямо противоположную.

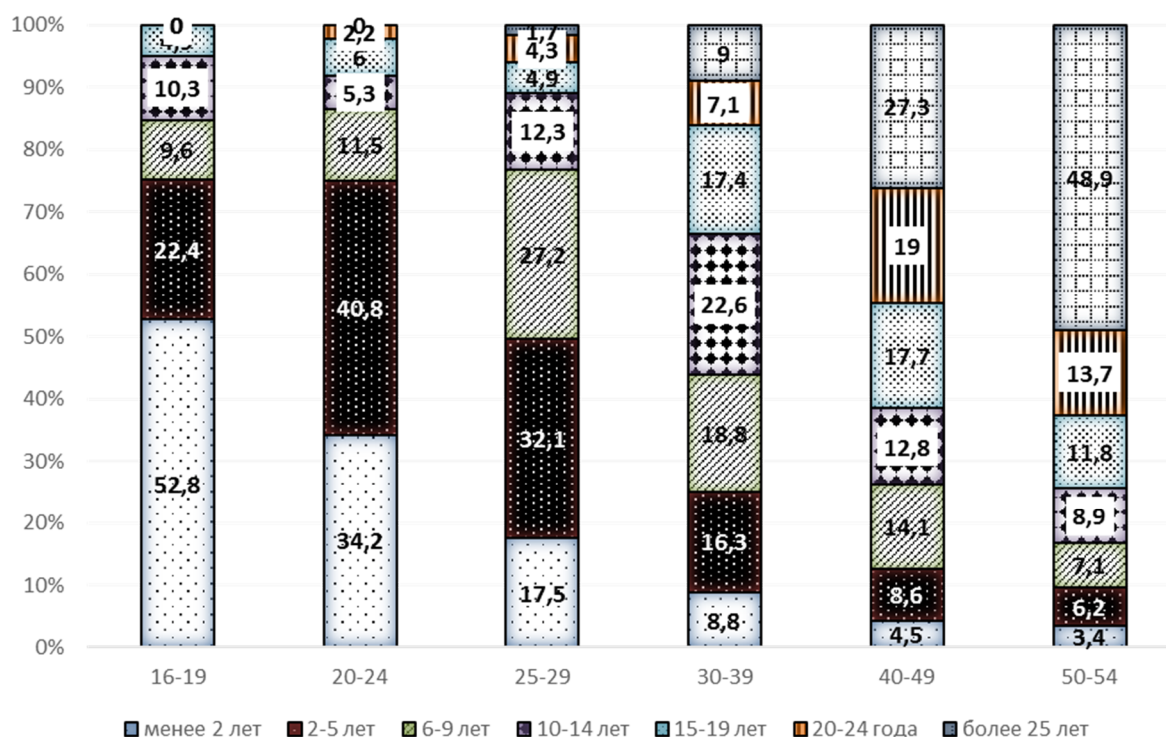

Рис. 1. Структура женского населения разных возрастных групп по длительности проживания на постоянном месте жительства, % от числа женщин соответствующего возраста, не являющихся уроженками мест, где постоянно проживали на момент переписи 1979 г.

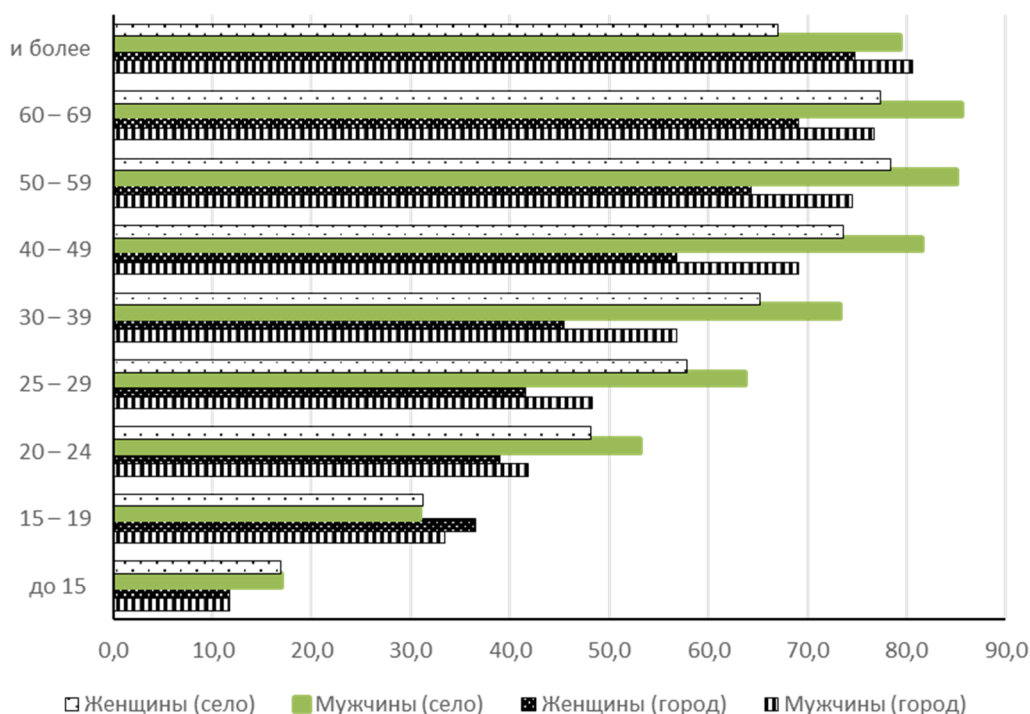

Рис. 2. Доля мужчин и женщин разных возрастов, проживавших в местах, отличных от места рождения, % от общей численности лиц соответствующего пола и возраста в 2010 г.

Результаты анализа показывают, что современные мужчины и женщины «накапливают» миграционный опыт на протяжении жизни. При этом своеобразный пятидесятипроцентный «рубеж», когда более 50% населения соответствующего пола и возраста проживает в ином месте, чем место рождения, преодолевается каждым полом в разных возрастах. Так, в 2010 г. среди мужчин, проживающих в городской местности, более 50% имели опыт смены места жительства относительно места рождения к возрасту 30–39 лет, а среди женщин – к возрасту 40–49 лет. Среди мужчин и женщин, проживающих в сельской местности, доля «мигрантов» в соответствующей возрастной когорте превышала 50% уже в возрасте 20–24 года.

Проследить миграционную биографию современных поколений людей, а также сопоставить ее с миграционной биографией родительского поколения крайне затруднительно. Причиной этого являются особенности разработки результатов двух переписей. Однако анализ данных Всероссийской переписи населения 2010 г. позволяет сказать, что современные поколения чаще всего меняют место проживания в возрасте 20–29 лет. Так, наибольшее число людей в возрасте до 29 лет из лиц, проживающих не в месте рождения, сменили место проживания в течение менее семи лет до момента переписи. Когорта тридцатилетних – 8–14 лет назад, а люди старше 40 лет – 19 лет назад и более. Данная ситуация полностью свойственна поколениям мужчин, проживающих как в городской, так и сельской местности. В миграционном поведении поколений женщин фиксируются некоторые особенности. Так, тридцатилетние женщины, проживающие в городской местности, в большинстве своем меняли место жительства за 19 и более лет до наступления даты

переписи (31,7% от общего числа женщин в возрасте 30–39 лет, которые проживали в месте, уроженками которого они не являлись). А среди женщин в возрасте 30–39 лет, проживающих в сельской местности, около трети сменили место жительства менее чем за 7 лет до даты наступления переписи, и еще около трети – за 8–14 лет до этой даты.

Таким образом, миграция более старших поколений в большинстве случаев осуществлялась еще в советский период, а современная молодежь, как правило, мигрировала уже в межпереписной период (2002–2010 гг.), вероятнее всего, совместно с родителями, с целью получения образования, совместно или вслед за спутниками жизни, с целью трудоустройства, которое в настоящее время не является регулируемой сферой, а определяется личными предпочтениями потенциального работника, детерминированными в первую очередь экономическими причинами.

Таким образом, модель миграционного поведения современных женщин имеет следующие особенности: во-первых, миграционная активность женщин является более низкой, чем мужчин; во-вторых, большая мобильность наблюдается среди населения сельской местности, чем городской; в-третьих, наиболее подвижна с миграционной точки зрения когорта двадцатилетних; в-четвертых, современные поколения, как правило, «накапливают» миграционный опыт на протяжении всей жизни.

Сравнивая модели миграционного поведения женщин двух поколений – материнского и дочернего – можно сделать вывод о том, что модели не являются сходными, а следовательно, по многим параметрам не воспроизводятся. За тридцать межпереписных лет, хотя и сохранились некоторые ключевые элементы

модели миграционного поведения женщин, однако произошла видимая ее трансформация. Исходя из этого можно сделать вывод, что зависимость миграционного поведения дочернего поколения от опыта родителей довольно слабая. Как отмечалось ранее, причины такой трансформации, а следовательно, и разрыва, могут находиться в экономической, политической, ментальной и других плоскостях, составляющих внешнее окружение населения в определенный период времени. Однако авторы предполагают найти причины данной трансформации в теории поколений, т.е. предпринимают попытку одновременно учесть как внешние, так и внутренние факторы формирования поведения индивида. Перед авторами стоял вопрос: в какой мере миграционное поведение населения (в частности, женщин) обусловлено характерными чертами того или иного поколения, к которому они относятся. Для ответа на данный вопрос важным являлось определение периодизации поколений и отнесения рассматриваемых групп женщин к определенному поколению.

Социально-психологический подход. В рамках теории Штрауса и Хоува выделение периодизации поколений связано с разницей социально-психологических характеристик личности, которые влияют на разницу в особенностях поведения. Исследователи исходят из анализа так называемых поколенческих ценностей, которые, во-первых, являются элементом системы ценностей человека (общечеловеческие – поколенческие – индивидуальные); во-вторых, формируются в возрасте 12–14 лет индивидуально; в-третьих, считаются глубинными, подсознательными, не носящими ярко выраженного характера. Очевидно, что классификация обобщила существующий в социальных науках анализ поведения индивида и представила некую кумулятивную модель, в то время как возможны исключения, и индивидуальное поведение отдельных представителей поколений может не вписываться в общий шаблон.

Для российской специфики, по мнению авторов статьи, важно сдвинуть временные рамки на несколько лет относительно переодизации Хоува и Штрауса, и связано это, прежде всего, с временным лагом, когда аналогичные технологии или веяния приходили в Советский Союз [23]. Также целесообразно говорить о том, что временной лаг растянутаости поколений периода СССР может иметь более затяжной характер, в то время как движение к смене поколений в постсоветский период существенно ускорилось. Данный факт связан с открытием границ, в том числе для более быстрого распространения информации и технологий.

В западной трактовке первое поколение с начала XX в. носит название «поколение межвоенного периода» (поколение 1 (в российской исследовательской науке нет точного наименования каждого поколения, так что в данной статье они будут иметь числовое порядковое значение 1, 2, 3)). На становление представителей данной эпохи повлияла Первая мировая война и ее последствия, в том числе технологический прогресс, переход от традиционных форм ведения боевых действий к новым (впервые было применено химическое оружие), интенсификация перемещений людей,

зарождение тенденций к массовой миграции. Все это существенно повлияло на психологические особенности людей, живущих в тот период, и отразилось на их поведенческой модели, а также модели воспитания детей. Следующее поколение (поколение 2), это «молчаливое поколение», они пережили Великую депрессию и стагнацию экономики, пережили Вторую мировую войну. Также это поколение стойких победителей, которые по своим психоэмоциональным качествам превосходят другие поколения. Для советской действительности можно отметить значимость Великой Отечественной войны и последующую необходимость восстановления страны. Затем, согласно классификации, идет поколение «беби бумеров» (поколение 3). Оно характеризуется более высокими показателями рождаемости и стремлением реализовать «американскую мечту» (свой дом с лужайкой). Его представители всего добиваются сами для себя и своих детей. В российской классификации его также можно назвать поколением «демографического взрыва». Здесь важно отметить введение по всей стране единых стандартов образования (что заложило основу советской системы обучения), гарантированное медицинское обслуживание, и в целом период характеризуется развитием медицины в крупных городах. Поэтому поколение 4 – это «поколение сытых», они не видели тяготы войны и периода восстановления всего с нуля, родители уже обеспечили им определенную стартовую площадку своими усилиями. Характеристика четвертого поколения на Западе – развитие свобод, в том числе в негативном ключе (наркотики и т.д.). На период их становления и развития приходится продолжение холодной войны с Западом, период застоя, война в Афганистане, Олимпиада 80 в Москве, начало перестройки и тотальный дефицит. Пятое поколение, которое завершает тысячелетие – «миллениалы» (Generation Y), на период их становления пришелся период развития интернета, распространения мобильной связи, появления социальных сетей как инструмента общения. Из важных событий, повлиявших на их мироощущение в российской действительности: чернобыльская катастрофа, распад СССР, дефолт, вооруженные конфликты на территориях стран – бывших союзных республик, теракты в российских городах.

За рамками данного исследования находятся поколения, сформировавшиеся либо в последние годы XX в., либо уже в XXI в. – «поколение зед» (Generation Z) и «поколение альфа» (Generation A), которые на данный момент не достигли рассматриваемой возрастной группы.

Для определения категории поколения – материнского и дочернего – необходимо рассмотреть временные границы каждого типа поколения. Авторами статьи проведен сравнительный анализ временных показателей поколений для демографического и социологического подходов (таблица).

Из таблицы видно, что материнское поколение относится к поколению 3, т.е. поколению «беби-бумеров», а дочернее поколение относится к поколению 5, т.е. «миллениалов».

Временные границы поколений, рассчитанные разными методами

Методология		Поколение 1	Поколение 2	Поколение 3	Поколение 4	Поколение 5
Dublin & Lotka 1925	Демографический подход	1900–1929	1930–1959	1960–1989	1990–2019	2020–2049
Vacher 1882		1900–1930	1931–1961	1962–1992	1993–2023	2024–2054
Howe & Strauss 1992	Социально-психологический подход	1900–1924	1925–1942	1943–1960	1961–1981	1982–2004
Levada 2006	Логический подход	1900–1923	1924–1943	1944–1963	1964–1984	1985–2000

Источник: составлено авторами.

Таким образом, исходя из результатов, полученных в ходе статистического анализа, необходимо рассмотреть особенности поведения, в том числе миграционного, поколений 3 («поколения демографического взрыва») и 5 («поколения миллениалов»). Оба рассматриваемые поколения являются наиболее многочисленными и на сегодняшний момент ведущими активную экономическую и миграционную деятельность, что также значимо в контексте проведенного исследования.

Выводы и дискуссия

Количественные результаты проведенного исследования доказывают, что модель миграционного поведения поколения 3 (по данным переписной статистики 1979 г.) не полностью повторяется в дочернем поколении 5 (по данным переписной статистики 2010 г.). «Материнское» поколение, несмотря на более закрытую систему внешних границ государства, обладало достаточной миграционной активностью. К социально-политическим факторам, которые повлияли на их поведенческие особенности, можно отнести советскую оттепель, покорение космоса, холодную войну, промышленное развитие страны, развертывание всесоюзных строек и др. Согласно данным опроса работодателей рекрутингового агентства «Superjob», представителям поколения 1960-х гг. свой-

ственна взвешенность в принятии решений, рациональность и сдержанность в финансовых вопросах вместе с высокой работоспособностью. Все эти качества также находят отражение в миграционном поведении представителей данной группы.

«Дочернее» поколение получило свое становление в период экономических и политических реформ в стране, а также в период падения «железного занавеса». К факторам, повлиявшим на них, можно отнести увеличение очагов тревожности и конфликтности в мире, возникновение Шенгенской зоны свободного передвижения, массовое распространение интернета и мобильных телефонов. Психологически им свойственна одновременно наивность и ответственность, ориентация на результат и желание его скорейшего получения, что, безусловно, сказывается на направлениях и интенсивности их вовлеченности в миграционные процессы.

Индивидуальные особенности поколений формируют изменения и миграционного поведения их представителей. Также важно отметить, что рассмотренное «дочернее» поколение находится в периоде активного репродуктивного и трудоспособного возраста, следовательно, государству необходимо продолжать усиливать меры по поддержке данной категории. С учетом рассмотренных психологических характеристик можно выделить два вектора. Первый – стимулирование демографических установок, на что во многом направлены текущие меры в рамках национального проекта «Демография». Второй – создание комфортной среды для реализации трудового потенциала женщин, в целях предотвращения побудительных мотивов к миграции (в особенности эмиграции). Системообразующими элементами среды могут стать меры, направленные на предотвращение дискриминации на рабочих местах по принципу принадлежности к женскому полу, совершенствование механизмов поддержки неработающих женщин, желающих получить профессию или сменить профессию. Особенно значимым является развитие инструментов поддержки в регионах, что позволит более рационально управлять потоками женской миграции.

Список источников

1. Lee E. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. № 3. P. 47–57. doi: 10.2307/2060063
2. Ravenstein E. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society*. 1885. № 46. P. 167–235. doi: 10.2307/2979181
3. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // *American Sociological Review*. 1940. № 5. P. 845–867. doi: 10.2307/2084520
4. Howe N., Strauss W. *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. Harper Collins, 1992.
5. Mannheim K. The problem of generations // *Psychoanalytic Review*. 1970. Vol. 57, № 3. P. 378–404. URL: http://1989after1989.exeter.ac.uk/wp-content/uploads/2014/03/01_The_Sociological_Problem.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
6. Kofman E. Gendered Labour Migrations in Europe and Emblematic Migratory Figures // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2013. № 39: 4. P. 579–600. doi: 10.1080/1369183X.2013.745234
7. Nawyn S.J. Gender and Migration: Integrating Feminist Theory Into Migration Studies // *Sociology Compass*. 2010. № 4. P. 749–765. doi: 10.1111/j.1751-9020.2010.00318.x
8. Hondagneu-Sotelo P. (Ed.). *Gender and US immigration: Contemporary trends*. University of California Press, 2003.
9. Hondagneu-Sotelo P., Cranford C. Gender and migration // *Handbook of the Sociology of Gender*. Boston : Springer, 2006. P. 105–126.
10. Mahler S.J., Pessar P.R. Gender matters: Ethnographers bring gender from the periphery toward the core of migration studies // *International Migration Review*. 2006. Vol. 40, № 1. P. 27–63.
11. Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А. Волны миграции. Новая ситуация // *Свободная мысль*. 1992. № 12. С. 4–12.
12. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1, № 1 (1). С. 6–33.
13. Вишневский А.Г. Нерешенные вопросы теории демографической революции // *Население и экономика*. 2017. Т. 1, № 1. С. 3–21.
14. Мукомель В.И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2013. № 2-2. С. 192–209.

15. Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю. Общие тенденции женской эмиграции из России // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 29–33.
16. Поletaев Д.В. Женщины-мигранты из зарубежных стран в России // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 18–31.
17. Рыбаковский О.Л., Мартыненко С.В. Гендерный аспект глобальной миграции // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 35–41.
18. Тюрюканова Е.В. Женская трудовая миграция // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М.: РИЦ ИСЭПН, 2002. С. 64–80.
19. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18–30 лет: первые результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 63–81. doi: 10.14515/monitoring.2017.6.04.
20. Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: социальные, языковые и идентификационные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 166–175. doi: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-166-175
21. Улицкий Я.С. Демографическое понятие поколения // Проблемы демографической статистики («Ученые записки по статистике» АН СССР. Т.С-1): сб. ст. / под ред. акад. В.С. Немчинова. М.: Гос. стат. изд-во, 1959. С. 19–56.
22. Dublin L.L., Lotka A.J. On the true rate of natural increase: As exemplified by the population of the United States, 1920 // Journal of the American Statistical Association. 1925. Vol. 20, № 151. P. 305–339.
23. Левада Ю.А. Ищем человека // Социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.

References

1. Lee, E. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. 3. pp. 47–57. doi: 10.2307/2060063
2. Ravenstein, E. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society*. 46. pp. 167–235. doi: 10.2307/2979181
3. Stouffer, S. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*. 5. pp. 845–867. doi: 10.2307/2084520
4. Howe, N. & Strauss, W. (1992) *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. Harper Collins.
5. Mannheim, K. (1970) The problem of generations. *Psychoanalytic Review*. 57 (3). pp. 378–404. [Online] Available from: http://1989after1989.exeter.ac.uk/wp-content/uploads/2014/03/01_The_Sociological_Problem.pdf (Accessed: 14.03.2020).
6. Kofman, E. (2013) Gendered Labour Migrations in Europe and Emblematic Migratory Figures. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 39: 4. pp. 579–600. doi: 10.1080/1369183X.2013.745234
7. Nawyn, S.J. (2010) Gender and Migration: Integrating Feminist Theory Into Migration Studies. *Sociology Compass*. 4. pp. 749–765. doi: 10.1111/j.1751-9020.2010.00318.x
8. Hondagneu-Sotelo, P. (ed.) (2003) *Gender and US immigration: Contemporary trends*. University of California Press.
9. Hondagneu-Sotelo, P. & Cranford, C. (2006) Gender and migration. In: Cnaan, R.A. & Milofsky, C. (eds) *Handbook of the Sociology of Gender*. Boston: Springer. pp. 105–126.
10. Mahler, S.J. & Pessar, P.R. (2006) Gender matters: Ethnographers bring gender from the periphery toward the core of migration studies. *International Migration Review*. 40 (1). pp. 27–63.
11. Vishnevskiy, A.G. & Zayonchkovskaya, Zh.A. (1992) Volny migratsii. Novaya situatsiya [Waves of migration. New situation // Free thought]. *Svobodnaya mysl'*. 12. pp. 4–12.
12. Vishnevskiy, A.G. (2014) Demograficheskaya revolyutsiya menyaet reproduktivnyuyu strategiyu vida Homo sapiens [The demographic revolution is changing the reproductive strategy of the Homo sapiens]. *Demograficheskoe obozrenie*. 1:1 (1). pp. 6–33.
13. Vishnevskiy, A.G. (2017) Nereshenyye voprosy teorii demograficheskoy revolyutsii [Unresolved issues of the theory of demographic revolution]. *Naselenie i ekonomika*. 1 (1). pp. 3–21.
14. Mukomel', V.I. (2013) Osobennosti adaptatsii i integratsii detey migrantov – predstaviteley “polutornogo pokoleniya” [Features of adaptation and integration of migrant children – representatives of the one and a half generation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2-2. pp. 192–209.
15. Ryazantsev, S.V. & Sivoplyasova, S.Yu. (2015) Obshchie tendentsii zhenskoy emigratsii iz Rossii [General trends in female emigration from Russia]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 29–33.
16. Poletaev, D.V. (2005) Zhenshchiny-migranty iz zarubezhnykh stran v Rossii [Women migrants from foreign countries in Russia]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 18–31.
17. Rybakovskiy, O.L. & Martynenko, S.V. (2012) Gendernyy aspekt global'noy migratsii [Gender aspect of global migration]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4. pp. 35–41.
18. Tyuryukanova, E.V. (2002) Zhenskaya trudovaya migratsiya [Women's labor migration]. In: *Rossiya: 10 let reform. Sotsial'no-demograficheskaya situatsiya* [Russia: 10 years of reforms. Socio-demographic situation]. Moscow: RITs ISEPN. pp. 64–80.
19. Varshaver, E.A., Rocheva, A.L. & Ivanova, N.S. (2017) Integration of the Second Generation Migrants Aged 18–30 in Moscow: First Results of the Research Project. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 6 (142). pp. 63–81. (In Russian). doi: 10.14515/monitoring.2017.6.04
20. Rocheva, A.L., Varshaver, E.A. & Ivanova, N.S. (2019) Integration of Second Generation Migrants From Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen Region: Social, Linguistic and Identification Aspects. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2 (45). pp. 166–175. (In Russian). doi: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-166-175
21. Ulitskiy, Ya.S. (1959) Demograficheskoe ponyatie pokoleniya [Demographic concept of generation]. In: Nemchinov, V.S. (ed.) *Problemy demograficheskoy statistiki* [Problems of demographic statistics]. Moscow: Gos. stat. izd-vo. pp. 19–56.
22. Dublin, L.I. & Lotka, A.J. (1925) On the true rate of natural increase: As exemplified by the population of the United States, 1920. *Journal of the American Statistical Association*. 20 (151). pp. 305–339.
23. Levada, Yu.A. (2006) Ishchem cheloveka [Looking for a person]. In: *Sotsiologicheskie ocherki 2000–2005* [Sociological essays 2000–2005]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Информация об авторах:

Апанович М.Ю. – канд. полит. наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: maria.apanovich@gmail.com

Сивоплясова С.Ю. – канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела воспроизводства населения и демографической политики Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия); доцент кафедры экономической теории Московского авиационного института (национального исследовательского университета (Москва, Россия)). E-mail: sivoplyasovasy@mai.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.Yu. Apanovich, Cand. Sci. (Political Science), associate professor at the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria.apanovich@gmail.com ORCID: 0000-0001-8239-1866

S.Yu. Sivoplyasova, Cand. Sci. (Economics), docent, leading researcher, Center of Social Demography, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); associate professor, Department of Economics, Moscow Aviation Institute (National Research University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: sivoplyasovasy@mai.ru. ORCID: 0000-0002-3239-4230

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2022;
одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 05.03.2022;
approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

Научная статья
УДК 316.4; 331.52
doi: 10.17223/15617793/491/8

Опыт концептуализации понятия «независимые работники»

Марина Ивановна Пантыкина¹

¹ Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, pantikina@tltsu.ru

Аннотация. Решается проблема концептуализации понятия «независимые работники» на основе анализа социально-исторических предпосылок развития независимых работников как экономических акторов, а также исследования их места в социально-экономической структуре общества. Предлагаются их классификация и дескриптивное определение. Делается вывод о том, что независимые работники – это социальный слой, который конституируется по принципам фигурации, они задают инновационные формы производства и условия трудовой занятости.

Ключевые слова: независимые работники, нестандартная занятость, социально-экономическая структура, фигурация, цифровая экономика

Для цитирования: Пантыкина М.И. Опыт концептуализации понятия «независимые работники» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 64–73. doi: 10.17223/15617793/491/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/8

An attempt of a conceptualization of the concept “independent workers”

Marina I. Pantykina¹

¹ Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, pantikina@tltsu.ru

Abstract. In practical terms, the significance of the topic is determined by the mutual interest of employers and employees in the development of new forms of employment that guarantee additional economic effects in the face of global restrictions and threats. In addition, a significant increase in the number of independent workers requires the updating of social policy, labor and tax legislation. However, these and other practical issues cannot be resolved without conceptualizing the concept of independent workers. The article is intended to contribute to the solution of this problem by consistently reaching the following objectives: (1) to present a classification and descriptive definition of independent workers based on an analysis of the socio-historical prerequisites for their development; (2) to identify the characteristics of independent workers in comparison with other economic actors in the context of traditional non-standard employment and non-traditional non-standard employment; (3) to determine the place of independent workers in the socio-economic structure, considering the modern transformation of classes and social strata; (4) to substantiate the heuristic meaning of the concept of figuration, which, on the one hand, defines independent workers as an element of social structure and, on the other hand, points to a constantly changing flow of interactions between independent workers, between them and external economic conditions. As the theoretical and methodological foundations of the study, the provisions of the theory of social structure by Piotr Sztompka and the figurative approach of Norbert Elias are used. As a result of the study, the following conclusions were drawn. 1. The classification of independent workers is represented by the main types – freelancers and self-employed, as well as mixed types that complement them – digital nomads and platform workers. 2. Independent workers are defined as economic actors characterized by new forms of employment and the use of remote technologies for interaction with customers and consumers. They tend to strive for individualization and innovation in economic activities, which implies a high level of education and professional classification, as well as the availability of a start-up capital. 3. As digital platforms spread, independent workers increasingly choose the conditions of non-traditional non-standard employment, which provides an independent choice of the way to regulate economic activities, as well as a significant degree of control over the conditions, means and forms of organizing their work. 4. Independent workers are a special social stratum formed by economic actors who have common characteristics and have similar socio-economic practices but are not a separate class. 5. Independent workers are a social stratum that is constituted according to the principles of figuration, which sets innovative rules for organizing labor, stimulates the development of a network structure of production and sharing economies.

Keywords: independent workers, precarious work, socio-economic structure, figuration, digital economy

For citation: Pantykina, M.I. (2023) An attempt of a conceptualization of the concept “independent workers”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 64–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/8

В последние десятилетия появился значительный массив отечественных и зарубежных научных публикаций, в которых трансформация трудовой занятости в условиях цифровой экономики рассматривается «сквозь призму двух основных явлений: внедрение (кратко)срочных трудовых договоров (CDD) и возвращение фигуры независимого работника» [1. С. 63]. В практическом аспекте значимость разработки этой тематики определяется тем, что в условиях ограничений и угроз, вызванных пандемией COVID-19 и глобальным экономическим кризисом, работодатели и независимые работники (далее – НР) в равной степени заинтересованы в развитии новых форм занятости, дающих существенные экономические эффекты. Кроме того, многократный рост численности НР¹ указывает на появление новой категории экономических акторов с признаками самостоятельного социального формообразования, что требует актуализации государственной социальной политики, трудового и налогового законодательства в отношении НР. Однако проблемы, лежащие в практической плоскости, трудно решить без концептуализации понятия НР. Предлагаемая статья призвана внести вклад в уточнение семантических границ данного понятия, в частности:

1) представить социально-исторические предпосылки развития НР как категории экономических акторов;

2) определить место НР в социально-экономической структуре современного общества с учетом происходящих в нем процессов «диффузии классов» и активного формирования «меж- и внутриклассовых социальных слоев» [5. С. 18–19];

3) выявить общие и специфические характеристики НР в сравнении с другими акторами цифровой экономики;

4) обосновать эвристическое значение понятия фигуры, которое, с одной стороны, определяет НР как элемент социальной структуры, а с другой – указывает на процесс формообразования в условиях ее трансформации.

В качестве теоретико-методологических оснований исследования используются положения теории социальной структуры П. Штомпки и фигуративного подхода Н. Элиаса.

Новые формы занятости и независимые работники как индикаторы изменений социально-экономической структуры общества

Развитие новых форм занятости (далее – НФЗ) принято связывать с такими процессами цифровой экономики, как глобализация, формирование открытого рынка труда, автоматизация и роботизация производства, неолиберализация трудового права. Однако было бы ошибкой полагать, что хронологически близкие явления и процессы – это и есть подлинные порождающие причины. В действительности «первоначальной клеточкой» развития НФЗ следует считать развитие свободного предпринимательства в эпоху Средневековья. Так, в период промышленной революции в среде

ремесленников сформировалась фигура «непревзойденного» как эмансипированного наемного рабочего, который нанимался на завод «только на краткий срок, только когда независимый труд не приносил достаточной прибыли» [1. С. 57].

В течение XX в. рост массового индустриального производства, основанного на контрактной форме трудовых отношений, системе социального обеспечения и страхования, привел к длительному периоду стагнации нестандартной занятости. И только начиная с 1980-х гг. ее упадок замедлился, а спрос на НР начал уверенно расти. Причиной этих явлений следует считать синтез таких экономических факторов, как рост безработицы; преобладание горизонтальной социальной мобильности над вертикальной; развитие географической мобильности; снижение спроса на трудовые ресурсы в сельском хозяйстве и производственном секторе экономики; стремление исключить экономическую неэффективность социального контракта между трудом и капиталом.

В конце XX в. структурные изменения рынка труда продолжились под влиянием ускоренного внедрения новых технологий, которые явились катализатором развития дистанционных моделей организации труда. Для последних характерна удаленная занятость, т.е. взаимодействие работника и работодателя посредством телекоммуникационных и информационных технологий на основе договора на выполнение определенного объема работ. Это обеспечило достижение цели, к которой стремились многие поколения НР, – минимизации внешней регламентации в организации труда и принятии решений. В XXI в. развитие высокотехнологичного производства и цифровой экономики ускорило процесс формирования нового типа экономических акторов, обладающих такими характеристиками, как «работа по срочным трудовым договорам, предметом которых выступает достижение определенного результата на основе равенства сторон; наличие системы гибкой оплаты труда согласно поставленным задачам; трансформация отношений работник–работодатель, при которой работник самостоятельно устанавливает и выполняет КРП; размытие профессиональных границ...; формирование производств смешанного типа с частичным привлечением собственного капитала и средств производств» [6. С. 27–28].

В настоящее время НР сохраняют индивидуализацию, унаследованную ими от средневековых ремесленников и рабочих первых промышленных производств. Однако в отношении современных НР она приобрела дополнительные коннотации. Во-первых, как отмечает У. Бек, «возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни. Индивидуализация в этом плане направлена на ликвидацию жизненных основ мышления в традиционных категориях крупных общественных групп – социальных классов, сословий или слоев» [7. С. 107]. Во-вторых, индивидуализация выражается в том, что для НР

неприемлемы любые формы отчуждения от условий и результатов своего труда, зависимость от произвола работодателей и капитала. Это не значит, что НР оказываются абсолютно свободными от подчинения экономическим условиям. Объективные ограничения индивидуализации сохраняются, но приобретают более «мягкие» формы. Как пишут Л. Болтански и Э. Кьяпелло, современная индивидуализация замещает традиционную эксплуатацию, ответственность за которую возлагалась на буржуазию и владельцев частной собственности, на формулу исключения, которая позволяет «указать на существование определенного рода негативности, не прибегая к кому-либо обвинению» [8. С. 583].

Условием минимизации негативных последствий исключения НР из трудовых отношений, т.е. сохранения ими конкурентоспособности на рынке труда, является присущее им стремление к инновациям. Оно выражается в создании новых товаров и услуг, в развитии новых стандартов и видов экономической деятельности. К последним следует отнести «аутсорсинг (outsourcing – использование работодателем внешних услуг), аутстаффинг (outstaffing – выведение персонала за рамки штатного расписания), краудворкинг (crowdworking – выполнение многими исполнителями определенных частей (участков) работы), фриланс (freelance – выполнение работы по запросу без привязки к конкретному работодателю), инновационная занятость (стартап. – М.И.)» [6. С. 22].

Анализ социально-исторических условий развития НР позволяет перейти к исследованию многообразия их видов. В научной литературе², а также получившей международное распространение классификации НФЗ³ их принято делить на фрилансеров и самозанятых. Действительно, если в качестве классифицирующего основания использовать сочетание таких признаков, как свобода выбора сферы производства или услуг, а также возможность самостоятельно определять условия организации труда, то среди НР можно выделить следующие категории:

1) «фрилансеры – это индивидуальные работники, которые не являются наемными работниками на зарплате, не имеют долгосрочного контракта с работодателем, не имеют предсказуемого графика работы за вознаграждение и, как правило, являются неинкорпорированными» [10. С. 8];

2) самозанятые – это физические лица или индивидуальные предприниматели, которые не имеют работодателя и наемных работников по трудовому договору, а также самостоятельно определяют вид деятельности и оформляют налоговые отношения.

Заметим, что за пределами данной классификации остается такой критерий деления, как специфика используемых в работе компьютерных и информационно-коммуникационных технологий. Между тем как активное их внедрение позволяет обнаружить, что в состав фрилансеров и самозанятых в настоящее время входят платформенные работники, использующие цифровые платформы для транзакций между продавцами товаров и услуг и потребителями, и цифровые кочевники, трудовая деятельность которых сочетается

с географической мобильностью благодаря применению мобильных гаджетов.

При этом возникает вопрос: все ли фрилансеры и самозанятые могут быть отнесены к категории НР? Если исходить из того, что независимым работникам свойственно стремление к индивидуализации и инновационности, то их реализация в экономической деятельности предполагает такие изначальные условия, как высокий уровень образования и профессиональной классификации, а также наличие стартового капитала. Но далеко не все фрилансеры включены в трудовые отношения на таких условиях. Более того, значительная их часть обладает признаками прекариата [11. С. 89]. Что касается самозанятых, то они зависимы от государственных контролирующих органов, им разрешено ограниченное количество видов экономической деятельности и объем доходов (не более 2 400 000 рублей в год) [11. С. 90]. Эти и другие особенности фриланса и самозанятости указывают на то, что НР могут быть фрилансерами или самозанятыми, но не всякий фрилансер и самозанятый может относиться к категории НР. Кроме того, появление таких экономических акторов, как платформенные работники и цифровые кочевники, приводит к увеличению разнообразия фрилансеров и самозанятых, а в конечном итоге к формированию дополнительных смешанных типов НР, сохраняющих соответствующие классификационные признаки.

В частности, все категории НР имеют общий признак – труд на условиях нестандартной занятости. Последнюю принято определять через отрицание характеристик стандартной занятости⁴. Однако с учетом того что нестандартная занятость стала глобальным, быстро увеличивающимся в масштабах явлением, ее не следует считать отклонением от нормы. Более того, наблюдаемая технологическая трансформация условий занятости способствовала росту разнообразия проявлений нестандартной занятости. В настоящее время можно выделить ее традиционные (неформальная, временная, неполная, надомная занятости, самозанятость) и нетрадиционные виды (удаленная работа на виртуальных трудовых платформах, предоставляющих рабочую силу третьими сторонами).

НР могут трудиться на условиях как традиционной нестандартной занятости, так и нетрадиционной нестандартной занятости. Так, если они являются зарегистрированными фрилансерами или самозанятыми, то должны быть включены в категорию работающих на условиях традиционной нестандартной занятости. Однако по мере совершенствования законодательства в области обеспечения прав трудящихся и налогообложения все большее количество работающих на условиях традиционной нестандартной занятости переходит в категорию трудящихся со стандартной занятостью. Как следствие, независимые работники, связанные с этим видом нестандартной занятости, постепенно утрачивают статус особого экономического актора.

Что касается нетрадиционной нестандартной занятости, то она, напротив, способствует развитию специфики НР. Отметим, что в настоящее время в чистом

виде нетрадиционная нестандартная занятость представлена в формате платформенной занятости⁵, поскольку она является наименее регламентированной, а следовательно, более свободной и привлекательной для НР сферой трудовых отношений. Гарантия ее «нетрадиционности» обусловлена тем, что «прокрустово ложе традиционного трудового законодательства может разрушить сложившуюся экосистему и нивелировать все преимущества платформ как для клиентов, так и для исполнителей» [13. С. 5]. Сложность нормативного ограничения независимости труда платформенных работников обусловлена тем, что цифровые платформы (ЦП) транснациональны, и это создает препятствия для применения отдельными государствами норм трудового, налогового и гражданского права для регулирования формируемого ими рынка труда. Так как цифровая платформа только сопровождает рабочий процесс веб-сайта и приложений, то она, строго говоря, не обеспечивает трудовые отношения, а следовательно, не несет ответственность за нарушение трудовых прав, не контролирует качество предоставляемых услуг и не отвечает за их ненадлежащее исполнение.

Думается, что по мере усиления степени влияния ЦП на экономику платформенные работники будут самым распространенным видом НР и составят основную эмпирическую базу их изучения. На данном этапе исследования независимых работников можно определить как экономических акторов, в большей мере ориентированных на нетрадиционную занятость, предоставляющую самостоятельный выбор способа регламентации экономических действий, а также значительную степень контроля над условиями, средствами и формами организации своего труда.

О месте независимых работников в социально-экономической структуре современного общества

Развитие новых форм занятости не может не оказывать влияния на состав экономических акторов. Поэтому следующая задача данного исследования будет состоять в определении места НР в социально-экономической структуре общества. В основе предполагаемого ее решения лежит допущение о том, что социальное пространство структурировано исторически сложившимися социальными общностями – классами и социальными слоями. Однако в 80-х гг. XX в. в социологии начинает формироваться сомнение относительно актуальности и познавательной значимости данного допущения. Последнее было основано на том, что «ослабление институциональных границ, дробление на все более мелкие и временные производственные единицы, между которыми необходимо поддерживать все более зыбкие связи, привело к разрушению возможности сопоставления условий труда, которые основывались на установленных классификациях» [8. С. 514].

При этом особой критики подвергалось наиболее теоретически и политически фундированное понятие класса (П. Бурдьё, У. Бек, З. Бауман). Так, например,

П. Бурдьё утверждал, что «класс как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами, и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций» [14. С. 59], существует как возможный класс, т.е. теоретически, «на бумаге». Следствием сомнения в объяснительном потенциале классового подхода стало появление в социологической литературе начала XXI в. различных версий новых классов: «креативный класс» (Р. Флорида, Д. Брукс), «праздный класс» (Т. Беблен), «мобилитет» (Дж. Урри), прекариат (Г. Стэндинг), «глобальный класс» (Р. Дарендорф) и др.

Сравнительный анализ этих новых элементов социально-экономической структуры показывает, что они выделяются на основании одного или нескольких из следующих признаков: уровень образования, причастность к творческим профессиям и инновационной деятельности, продуктивность досуга, доступность социальных гарантий, возможность совмещения труда с географическими перемещениями. Это позволяет предположить, что так называемые новые классы выделяются по принципам стратификации и являются социальными слоями⁶, а используемое при этом понятие класса тождественно понятию класса как элемента стратификационной классификации.

Можно ли считать НР социальным слоем, образованным отношением включенности в НФЗ? Или все-таки они сохраняют в себе признаки класса как такового? Сложность поиска ответов на эти вопросы обусловлена недостаточным количеством теорий, которые бы учитывали все аспекты социально-экономической структуры. Исключение составляет работа П. Штомпки «Понятие социальной структуры: попытка обобщения», в которой он выделяет четыре базовые измерения и доказывает, что в действительности они описывают социально-экономическую структуру как единое целое. Думается, что, опираясь на эти измерения, можно уточнить определение НР и идентифицировать их статус с позиций классового и стратификационного подходов.

Первое из четырех описываемых П. Штомпкой измерений – это нормативное измерение. Оно направлено на выявление внешних, принудительных для всех членов общества социальных фактов и коллективных представлений [16. С. 5]. Именно это измерение является основным предметом изучения теории структурного функционализма и этнометодологии, которые исходят из того, что обществу присущи механизмы распределения граждан по социальным позициям и формирования у них мотивации к выполнению тех обязанностей, которые эти позиции на них накладывают [17. С. 3]. В свою очередь, обязанности поддерживают другие механизмы, а именно легитимизацию или ценностное обоснование неравенства и подчинения, а также институционализацию или закрепление «комплекса норм и ценностей, сосредоточенных вокруг социально значимых функций: созидательной, воспитательной, производственной, религиозной, политической и т.п.» [16. С. 11].

Можно ли независимых работников – продукт трансформации старой социальной структуры и апогеев экономических инноваций – соотнести с нормативным измерением? Положительный ответ на него предусмотрен учением об аномии и девиантном поведении Р. Мертон. Придерживаясь тезиса структурного функционализма о стабильности социальной структуры, Мертон, тем не менее, понимал, что, когда равновесие в обществе нарушается, социальная структура начинает оказывать на индивидов давление, побуждающее их к принятию того или иного альтернативного способа поведения [18. С. 255]. Один из них – это инновация, т.е. акцентирование культурной цели успеха при полном или частичном неподчинении институциональным нормам и отказе от компенсационных социализированных вознаграждений. Думается, что специфика экономического поведения НР показывает, что им свойственна склонность к инновациям как условию предпринимательства.

Следующее измерение социальной структуры, которое выделил П. Штомпка, – это идеальное измерение, представленное совокупностью коллективных идей, убеждений, взглядов, образов. При этом «в отличие от норм и ценностей, они не обладают принудительной силой, но являются категорическими, устанавливающими» [16. С. 6]. Особый вклад в исследование этого измерения внесли представители социальной феноменологии (А. Шюц, М. Шелер), социологии знания (П. Бергер, Т. Лукман, К. Манхейм) и структуралистского конструктивизма (П. Бурдьё, Э. Гидденс). Несмотря на различия этих теоретических подходов, все они доказывают положение о том, что коллективные представления и индивидуальные интенции включены в процесс формирования социальных ассоциаций.

Что касается НР, то их отличают убеждения, определяющие выбор нестандартной формы занятости. В частности, особую значимость для них имеет отказ от формальностей, стремление получить дополнительные временные и финансовые ресурсы, самостоятельное принятие личных и трудовых обязательств. Кроме того, НР позиционируют себя акторами глобального рынка, которым, как пишет Н. Штер, присущи оптимизм и надежда, а также «указание на значимость таких личностных характеристик, как инициативность, креативность, гибкость, образованность и инновативность» [19. С. 331–332]. При этом на них оказывает влияние порожденная цифровой экономикой девальвация ценности частной собственности, неограниченного потребления и социального успеха. Как следствие, НР демонстрируют признание принципов кооперации, взаимопомощи, безвозмездного обмена и дарения. Думается, что достижение баланса между индивидуальным экономическим либерализмом и коллективизмом экономики совместного использования следует считать одним из условий обретения ими особого социального положения.

Третье измерение социальной структуры, по мнению П. Штомпки, образовано интеракционными формами, значение которых возрастает по мере расшире-

ния сети контактов, связей, коммуникаций между личностями. Данные формы связаны с определенной общностью и типичными для нее взаимно ориентированными действиями [16. С. 6]. Большой вклад в изучение природы и сущности интеракционных форм внесли представители теории социального взаимодействия (Г. Зиммель, Н. Элиас, Ю. Хабермас и др.), символического интеракционизма (Д.Г. Мид, И. Гофман и др.), теории сетевого общества (Дж. Урри, М. Кастельс и др.). Так, М. Кастельс, утверждал, что в современном обществе доминирующей формой социальности становится сетевой индивидуализм и личностная изоляция [20. С. 157–158]. Действительно, для НР формирование межгрупповых контактов является существенной проблемой. Преодолеть барьеры личностной изоляции, как правило, способны НР, имеющие возможность полностью контролировать свою занятость. Для НР, у которых такая возможность ограничена (или вообще исключается), образование групп сетевого взаимодействия производно от технических возможностей самой сети, условий функционирования цифровой платформы, соответствующего программного обеспечения и т.д.

Четвертое направление изучения социальной структуры представляет собой «измерение, касающееся различных и связанных интересов (или – для кого что предпочтительнее – жизненных возможностей)», а, следовательно, распределения доступа к общественным благам: к богатству, власти, престижу, знаниям и т.п.» [16. С. 6]. В контексте этого измерения социально-экономическая структура общества предстает как устойчивая связь классов и классовоподобных групп. При этом в классовой подходе (К. Маркс, В.И. Ленин, Э. Райт и др.) к спецификациям класса принято относить различия в экономических интересах, обусловленных местом в системе общественного производства, ролью в общественной организации труда, способом получения, размером общественного богатства и отношением к собственности. В теориях социальной стратификации (М. Вебер, П.А. Сорокин, Т. Парсонс и др.) эти различия дополняются еще и неравенством в распределении прав и привилегий социальных слоев.

Отдавая должное этому теоретическому наследию, нельзя учитывать распространение скепсиса в отношении его применимости к изучению дифференциации современных обществ. Разумеется, теоретические сомнения не могут «отменить» социальную дистанцию, неравенство или конфликты классовых интересов. Однако в отношении современной социально-экономической структуры важно учитывать тот факт, что «корпускулы, из которых складываются социальные формы, становятся на порядок более микроскопическими и независимыми. Связи между ними устанавливаются более гибкие и мобильные» [21. С. 70]. НР относятся именно к таким динамичным формообразованиям с неустоявшимися социальными связями, которые обусловлены особенностями их места в производственных отношениях и спецификой отношения к собственности.

Так, определяя позицию НР в системе производственных отношений, следует иметь в виду, что современное производство представлено как традиционным способом производства, характерным для промышленного капитализма, «ориентированного на использование больших объемов овеществленного постоянного капитала» [22. С. 21], так и нетрадиционным способом производства, представленным платформенным и смешенным способами производства цифровой экономики, для которого «главным является использование нематериального капитала. Его называют также «человеческим капиталом», «капиталом знаний» или «интеллектуальным капиталом» [22. С. 21]. Появление нетрадиционного способа производства повлекло за собой изменения в структуре занятости, в которой выделяются фиксированный штат – «ядро» и гибкая «периферия», состоящая из работников с нестандартной занятостью [4. С. 161]. При этом, помещая НР на «периферию» производственных отношений, не следует преуменьшать их вклад в развитие производственных отношений. Он состоит в том, что свобода «входа и выхода» НР в производственные отношения упрощает процесс отбора кадров, соответствующих требованиям работодателя. Благодаря НР возникли коллаборативные производства, в которых совмещаются роли производителя и потребителя. Так, НР могут самостоятельно решать новые технологические задачи, формировать запросы на создание сетевых приложений, контекстно зависимых систем и т.п. Они создают сетевой контент, сами потребляют его и этим самым создают новый контент.

НР стимулируют развитие сетевой структуры производства, которое характеризуется взаимодополняющими связями «со специфическими для социальной интеграции механизмами координации (статусная организация, взаимозависимость агентов, доверие, обязательство)» [23. С. 66]. Они способствуют распространению экологических средств контроля за производством (трекеры, онлайн-календари, мессенджеры, приложения, отслеживающие «следы» устной речи и переписки и т.д.), включая методы самоконтроля, поддерживаемые высоким уровнем конкуренции. НР являются катализаторами процесса исчезновения профессиональной специализации на производстве, на смену которой приходят мультифункциональность и готовность к быстрой перепрофилизации.

Представленные аргументы позволяют сделать вывод о том, что место НР в структуре производственных отношений определяется их ролью в трансформации традиционного способа производства. Однако это не является достаточным основанием для того, чтобы считать НР отдельным классом. Думается, что их можно определить в качестве нового социального слоя, протокласса, включенного в процесс классообразования⁷. Для того, чтобы окончательно утвердиться в этом предположении, обратимся к такой характеристике класса, как отношение к собственности, которое проявляется в экономических интересах владения вещами и получении дохода от него. До недавнего времени владение

собственностью, как писал М. Вебер, задавало количественное различие с возможными качественными последствиями [25. С. 298]. Последние чаще всего выражались в том, что неимущие исключались из конкурентной борьбы и пополняли ряды прекариата.

Однако в обществе с цифровой экономикой отношение к собственности меняется настолько, что перестает выполнять функцию классообразующего принципа: «Глобальное перераспределение прав собственности, похоже, идет в направлении дробления той прочной связи, которую, начиная с Локка, буржуазная собственность установила между *usus*, *fructus* и *abusus*, при гегемонии этого последнего... Новые технологии, развитие познания и интеллектуальной кооперации все больше ставят акцент на использовании и праве, вытекающем из их пользования, чем на голом праве собственности» [26. С. 223]. Следствием этих процессов является то, что отсутствие собственности перестало считаться однозначно негативной экономической характеристикой и предпосылкой прекаризации. Более того, в связи с развитием экономики совместного использования собственность все чаще оценивается как избыточная мощность, требующая «расходы, включая время, неудобство и фактические платежи, необходимые для использования вещи, а также проблемы, связанные с доверием к обещаниям других людей и их клятвам воздержаться от грабежа» [27. С. 15].

НР как оппоненты экономического либерализма склонны относиться к частной собственности именно таким образом. Для сокращения издержек на содержание собственности они используют программные продукты (AirBnB.com, Digitalnomadhouse.net и др.), виртуальные площадки обмена и дарения (Bookriver.ru, «Дарудар», Ebay, Avito). В их создании принимают участие сообщества независимых разработчиков, т.е. тех же НР. Как правило, они заняты в таких проектах на условиях краудсорсинга, поэтому произведенные ими приложения имеют статус общественного блага⁸, а не интеллектуальной собственности. Следует отметить, что в условиях цифровой экономики собственность все чаще предстает в виде информации (данных, экспертиз, прогнозов и др.), которая не имеет товарной стоимости, а следовательно, не является вещью-собственностью. Попытки ее капитализации всегда связаны с дополнительными расходами, которые влекут временные задержки в распространении знаний и последующую потерю стоимости. Независимым работникам, вовлеченным в производство знаний, приходится считаться с этим обстоятельством. Поэтому они не склонны к юридизации права интеллектуальной собственности, так как получают за свой труд «социальную валюту» в виде репутационного капитала (место в рейтингах, рекомендации, лайки и т.п.). Как видим, отношение к собственности НР не является выражением классовых интересов, а предстает в качестве идейного измерения социального положения.

Дополнительными аргументами в пользу того, что НР – это особый социальный слой, образованный экономическими акторами, которые имеют общие харак-

теристики и владеют схожими социально-экономическими практиками, но не являются отдельным классом, служат следующие доводы. Во-первых, понятие класса соответствует дискурсу структурного функционализма, который отличает акцентирование идеалов статичного общества с гомогенными связями и утверждение, что конечное количество факторов может управлять действиями людей и объединять их в определенные группы [28. С. 20–26].

Что касается НР, то они являются открытой формой группообразования, характеристики которой постоянно изменяются под влиянием экономического, профессионального, технологического и нормативно-ценностного аспектов организации труда современного общества с его тотальной неопределенностью.

Во-вторых, развитие современных способов производства привело к тому, что при дифференциации социальных позиций все чаще основополагающее значение имеет тип трудовой занятости как классифицирующий признак того или иного социального слоя. Именно это позволило А. Корсани метафорически определить НР как пятое сословие, «которое зиждется на независимом труде и представлено старыми и новыми профессиями (адвокаты, архитекторы, исследователи, консультанты, графисты, информатики, эксперты по сетевому маркетингу) в формах неиерархической, непостоянной, перменной трудовой деятельности» [1. С. 53].

Однако определяя НР с помощью понятия социального слоя, нельзя не обратить внимание на то, что присущие ему коннотации не в полном объеме отражают специфику независимых работников как социально-экономического явления. В частности, понятие социального слоя, фиксируя положение дел, сложившееся в социальном пространстве, характеризует статический аспект социальной структуры. В то время как НР нуждаются в таком определяющем понятии, которое бы отражало динамику развития и мобильность их экономической активности. Кроме того, понятие социального слоя включает в себя признаки неравенства, иерархии и престижа, которые противоречат выявленным ранее условиям включения НР в производственные отношения и специфике отношения к собственности.

Поскольку понятие социального слоя имеет определенные семантические ограничения, то это заставляет искать уточняющие его. Одним из возможных вариантов является понятие фигурации, которое было введено в научный оборот в 1967 г. Норбертом Элиасом в рамках развиваемого им фигуративного подхода⁹. По замыслу Элиаса это понятие должно служить созданию «понятийного инструмента, с его помощью можно ослабить социальное принуждение думать и говорить так, будто “индивид” и “общество” есть две различные и, более того, антагонистические фигуры» [29. С. 63]. Эвристические возможности понятия фигурации в разрешении этой проблемы определяются тем, что оно выражает подвижное равновесие, колебание сил, аналогичное распределению ролей в игре, участники которой должны восприниматься как самостоятельные субъекты. В соответствии с метафорой игры структура фигурации представлялась Н. Элиасом как реляционно-сетевая модель: «Люди

находятся в сети взаимозависимостей, которые прочно привязывают их друг к другу. Эта сеть обозначается здесь как фигурация – определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей... Речь здесь идет о сети взаимозависимостей, сплетенной самими индивидами» [30. С. 43].

Кроме того, познавательный потенциал понятия фигурации состоит в том, что оно интегрирует в своем содержании статический и динамический аспекты. Действительно, с одной стороны, данное понятие производно от понятий «формация» и «конфигурация», т.е. может трактоваться как то, что придает форму цепочкам взаимозависимостей между людьми. С другой стороны, «само понятие фигурации, образованное при помощи суффикса действия -tion (figuration), в этом отношении оказывается весьма характерным – оно указывает одновременно и на процесс, и на его результат...» [31. С. 45]. Таким образом, фигурация обладает свойствами структуры, внутри которой происходят процессы, изменяющие существующий порядок. Одновременно с этим она является процессом становления структурной устойчивости. Как следствие, фигурация обозначает одновременно и общность людей, и процесс ее формирования в масштабе исторического времени. Как пишет И.А. Шмерлина, «именно этот масштаб и позволяет различить фигурации как реальный феномен, реальность которого заключается прежде всего в его структурной устойчивости» [31. С. 46]. При этом динамическая сущность фигурации влечет за собой запрет на излишнее теоретизирование и предполагает признание открытости состава НР и эмерджентности их признаков.

Представленная экспозиция семантического пространства понятия фигурации дает право утверждать, что НР – это социальный слой, имеющий структуру и реализующийся по принципам фигурации. К последним следует отнести следующие положения:

1) сеть взаимодействий НР как экономических акторов функционирует по определенным правилам, имеющим смысл именно для данной фигурации;

2) принятие имманентных правил фигурации первично для НР, что позволяет им сохранять особое отношение к внешним условиям и, как следствие, функционировать как аутопозный социальный слой;

3) независимый работник, с одной стороны, является более или менее жестко фиксированным каркасом, матрицей взаимозависимостей, а с другой – постоянно меняющимся потоком взаимодействий [31. С. 44] между НР, а также между НР и внешними экономическими условиями;

4) состав НР открыт и постепенно пополняется новыми фигурациями (например, цифровыми кочевниками, платформенными работниками, краудсорсерами, дауншифтерами и др.), между которыми невозможно установление неравенства и иерархического порядка;

5) если исходить из того, что «группы должны создаваться и пересоздаваться заново с помощью других, не-социальных, средств...» [32. С. 55–56], то формообразующей силой фигурации НР является технологическая инфраструктура НФЗ.

Таким образом, НР – это новый социальный слой, конституирующийся по принципам фигурации в нормативном, идейном, интеграционном и экономическом аспектах. Несмотря на то что формирование этого социального слоя не завершено, можно утверждать, что НР имеют цивилизационное значение. Они развивают НФЗ, задают новые правила экономической практики и нормы взаимодействия в компьютеризированной экономической среде. Кроме того, нельзя не согласиться с утверждением

Э.О. Илларионовой о том, что «поддержание инновационных форм занятости населения, развитие инновационной инфраструктуры является необходимым для реализации стратегического преимущества страны на международной арене, обязательным атрибутом высококонкурентной экономики» [6. С. 28]. Принятие правовых и экономических мер в этом направлении требует дальнейшего исследования НР как нового социального слоя и особой категории экономических акторов.

Примечания

¹ В настоящее время отсутствует статистика, генерализирующая данные по всем категориям НР. Общая же тенденция их развития указывает на значительный прирост за последние годы. См. подробнее: [2–4 и др.].

² См., например, подобное деление видов НР в работе Т.Ш.-Ч. Пун [9].

Европейская экономическая комиссия ООН в 2015 г. разработала следующую классификацию НФЗ: совместное использование наемного работника, совместное рабочее место, временное управление, разовая работа, мобильная работа на основе ИКТ, работа по ваучерам, работа по портфолио, краудворк, коллаборативная занятость. В 2020 г. используется термин «платформенная работа» вместо «краудворк» [10. С. 6–7].

³ Под «стандартной» обычно считается занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров» [12. С. 52].

⁴ Европейская экономическая комиссия ООН в 2015 г. разработала следующую классификацию НФЗ: совместное использование наемного работника, совместное рабочее место, временное управление, разовая работа, мобильная работа на основе ИКТ, работа по ваучерам, работа по портфолио, краудворк, коллаборативная занятость. В 2020 г. используется термин «платформенная работа» вместо «краудворк» [10. С. 6–7].

⁵ Платформенная занятость – это форма доступа на рынок труда работодателей, исполнителей работ и потребителей, обеспечиваемая такими технологическими сервисами, как цифровые платформы, которые, как правило, не обладают собственными трудовыми ресурсами.

⁶ Социальный слой – это социальная общность, представляющая собой «более или менее четко отграниченную критериями высокого или низкого общественного положения от других групп, причем основа этого отграничения – некоторая дистанция, опирающаяся на критерии имущественного состояния, культурного уровня, стиля жизни, представления о “высоком рождении” или другие действительные либо мнимые критерии» [15. С. 174].

⁷ Неслучайно Э. Райт определял НР как полуавтономных работников и как противоречивый класс, который отличается тем, что несет признаки антагонистических классов – пролетариата и мелкой буржуазии [24. С. 43].

⁸ Объяснение причин того, почему для нематериального труда, к которому относится разработка программного обеспечения, преобладающей является сетевая организация труда и нестандартная занятость см. в исследовании Д.Г. Хумарян [23. С. 65–68].

⁹ В последующем понятие фигурации использовалось в акторно-сетевой теории Б. Латура, теории мобильностей Дж. Урри, в фигуративной социологии Н. Коулдри и А. Хеппа.

Список источников

1. Корсани А. Трансформации труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени // Логос. 2015. Т. 25, № 3 (105). С. 51–71.
2. COVID-19 and the Rise of the Digital Nomad. Excerpted from the 2020 State of Independence in America Report. URL: <https://www.mbpartists.com/state-of-independence/2020-digital-nomads-report>
3. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. 29.04.2022 // Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР). URL: <https://www.csr.ru/ru/publications/platformennaya-zanyatost-vyzovy-i-vozmozhnye-resheniya>
4. Зубков В.И. Влияние современных социально-экономических тенденций на развитие нестандартных форм занятости // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 2. С. 156–177.
5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
6. Илларионова Э.О. Новые формы занятости в контексте цифровизации рынка труда // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 21–32.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
8. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
9. Poon T.S.-C. Independent Workers: Growth Trends, Categories, and Employee Relations Implications in the Emerging Gig Economy // Employee Responsibilities and Rights Journal. 2019. № 31. P. 63–69.
10. Новые формы занятости и качество занятости: последствия для официальной статистики. Статистическое управление Канады // Серия рабочих документов по статистике Европейской экономической комиссии ООН. Женева, 2021. 27 с.
11. Пантыкина М.И. Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 83–92.
12. Нестандартная занятость в Российской экономике / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 398 с.
13. Платформенная занятость: определение и регулирование / авт. коллектив: О.В. Синявская и др. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 77 с.
14. Бурдь П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
15. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М. : Прогресс, 1969. 237 с.
16. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3–13.
17. Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социология. 2016. № 3. С. 3–7.
18. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ ; Хранитель, 2006. 873 с.
19. Штер Н. Информация, власть и знание. СПб. : Алетейя, 2019. 572 с.
20. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
21. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
22. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 208 с.

23. Хумарян Д.Г. Принуждение, когнитивный капитал, стоимость: к вопросу о принципах управления знанием // Социология власти. 2020. Т. 32, № 1. С. 55–88.
24. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. 2000. № 15. С. 36–85.
25. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. II. Общности. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 429 с.
26. Мулье Бутан Я. Новое огораживание: информационные и коммуникационные технологии, или Ползучая революция прав собственности // Логос. 2007. № 4. С. 199–229.
27. Мангер М. Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совместного использования. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.
28. Тощенко Ж.Т. Современное прочтение классовой структуры // Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. С. 16–33.
29. Элиас Н. Понятие фигурации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III, № 3. С. 62–65.
30. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. 332 с.
31. Шмерлина И.А. Социология социальных форм: пересборка теории. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 157 с.
32. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.

References

1. Corsani, A. (2015) Transformatsii truda i yego temporal'nostey. Khronologicheskaya dezoriyatsiya i kolonizatsiya nerabochego vremeni [Transformation of Labor and its Temporalities: Chronological Disorientation and the Colonization of Non-working Time]. *Logos*. 25:3 (105). pp. 51–71. (In Russian.)
2. Mbopartners. (2020) *COVID-19 and the Rise of the Digital Nomad. Excerpted from the 2020 State of Independence in America Report*. [Online] Available from: <https://www.mbopartners.com/state-of-independence/2020-digital-nomads-report>
3. Center for Strategic Research Foundation (CSR). (2022) *Platformennaya zanyatost': vyzovy i vozmozhnyye resheniya* [Platform employment: challenges and possible solutions]. 29 April 2022. [Online] Available from: <https://www.csr.ru/publications/platformennaya-zanyatost-vyzovy-i-vozmozhnye-resheniya>
4. Zubkov, V.I. (2020) Vliyaniye sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh tendentsiy na razvitiye nestandartnykh form zanyatosti [Influence of modern socio-economic trends on the development of non-standard forms of employment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 26 (2). pp. 156–177.
5. Buzgalin, A.V. & Kolganov, A.I. (2019) Transformatsii sotsial'noy struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuazii k prekariatu i kreativnomu klassu? [Transformations of the social structure of late capitalism: from the proletariat and the bourgeoisie to the precariat and the creative class?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 18–28.
6. Illarionova, E.O. (2021) Novyye formy zanyatosti v kontekste tsifrovizatsii rynka truda [New forms of employment in the context of digitalization of the labor market]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 27 (1). pp. 21–32.
7. Beck, U. (2000) *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russian).
8. Boltanski, L. & Chiapello, E. (2011) *Le nouvel esprit du capitalisme*. Moscow: NLO. (In Russian).
9. Poon, T.S.-C. (2019) Independent Workers: Growth Trends, Categories, and Employee Relations Implications in the Emerging Gig Economy. *Employee Responsibilities and Rights Journal*. 31. pp. 63–69.
10. UN. (2021) *Novyye formy zanyatosti i kachestvo zanyatosti: posledstviya dlya ofitsial'noy statistiki. Statisticheskoye upravleniye Kanady* [New forms of employment and the quality of employment: implications for official statistics. Statistics Canada]. In: *Seriya rabochikh dokumentov po statistike Yevropeyskoy ekonomicheskoy komissii OON* [United Nations Economic Commission for Europe Statistics Working Paper Series]. Geneva. (In Russian).
11. Pantykina, M.I. (2022) Digital nomads as economic actors: features of socio-economic practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 83–92. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/1
12. Gimpelson, V.E. & Kapelyushnikov, R.I. (eds) (2006) *Nestandartnaya zanyatost' v Rossiyskoy ekonomike* [Non-Standard Employment in the Russian Economy]. Moscow: HSE.
13. Sinyavskaya, O.V. et al. (2021) *Platformennaya zanyatost': opredeleniye i regulirovaniye* [Platform employment: definition and regulation]. Moscow: HSE.
14. Bourdieu, P. (1993) *Political sociology*. Moscow: Socio-Logos. (In Russian).
15. Shchepansky, Y. (1969) *Elementarnyye ponyatiya sotsiologii* [Elementary concepts of sociology]. Moscow: Progress.
16. Sztompka, P. (2001) Pojecie struktury spolecznej: Próba uogólnienia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 3–13. (In Russian).
17. Davis, K. & Moore, W. (2016) Some principles of stratification. *Sotsiologiya*. 3. pp. 3–7. (In Russian).
18. Merton, R. (2006) *Social theory and social structure*. Moscow: ACT: Khramitel. (In Russian).
19. Stehr, N. (2019) *Information, power and knowledge*. Saint-Petersburg: Aletyya. (In Russian).
20. Castells, M. (2004) *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Yekaterinburg: U-Faktoriya. (In Russian).
21. Nazarchuk, A.V. (2008) Setevoye obshchestvo i yego filosofskoye osmysleniye [Network society and its philosophical understanding]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 61–75.
22. Gorz, A. (2010) *L'immatériel. Connaissance, valeur et capital*. Moscow: HSE. (In Russian).
23. Khumaryan, D.G. (2020) Prinuzhdeniye, kognitivnyy kapital, stoimost': k voprosu o printsipakh upravleniya znaniyem [Coercion, cognitive capital, cost: on the principles of knowledge management]. *Sotsiologiya vlasti*. 32 (1). pp. 55–88.
24. Wright, E.O. (2000) Marxist concepts of class structure. *Frontier*. 15. pp. 36–85. (In Russian).
25. Weber, M. (2017) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Vol. II. Allgemeinheit. Moscow: HSE. (In Russian).
26. Mullier Bhutan, J. (2007) La nouvelle enceinte: les technologies de l'information et de la communication ou la révolution rampante des droits de propriété. *Logos*. 4. pp. 199–229. (In Russian).
27. Manger, M. (2021) *Tomorrow 3.0. Transaction costs and the sharing economy*. Moscow: HSE. (In Russian).
28. Toshchenko, Zh.T. (2020) Sovremennoye prochneniye klassovoy struktury [Modern reading of the class structure]. In: Toshchenko, Zh.T. (ed.) *Prekariat: stanovleniye novogo klassa* [Precariat: the formation of a new class]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
29. Elias, N. (2000) Begriff der Figuration. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. III (3). pp. 62–65. (In Russian).
30. Elias, N. (2001) *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Vol. I. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russian).
31. Shmerlina, I.A. (2022) *Sotsiologiya sotsial'nykh form: peresborka teorii* [The Sociology of Social Forms: A Reassembly of Theory]. Moscow: FNISs RAN.
32. Latour, B. (2020) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow: HSE. (In Russian).

Информация об авторе:

Пантыкина М.И. – д-р филос. наук, зам. директора гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия). E-mail: pantikina@tltsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.I. Pantykina, Dr. Sci. (Philosophy), deputy head of the Humanitarian and Pedagogical Institute of Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: pantikina@tltsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2023;
одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 16.01.2023;
approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.17223/15617793/491/9

Актуализация проблемы виртуального социального капитала: метаанализ публикаций

Екатерина Александровна Поддячая^{1, 2}

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

^{1, 2} katepo2d@mail.ru

Аннотация. Описывается состояние изученности феномена виртуального социального капитала. Метаанализ публикаций выявил этапы в изучении явления и факторы, усиливающие исследовательский интерес. Сетевой анализ сообщества авторов и их публикаций позволил определить перспективные направления исследований и сформировать представление о структуре сообщества исследователей виртуального социального капитала.

Ключевые слова: виртуальный социальный капитал, Интернет, метаанализ, базы научных публикаций

Для цитирования: Поддячая Е.А. Актуализация проблемы виртуального социального капитала: метаанализ публикаций // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 74–81. doi: 10.17223/15617793/491/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/9

Actualizing the virtual social capital phenomenon: A meta-analysis of science sources

Ekaterina A. Poddyachaya¹

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

^{1, 2} katepo2d@mail.ru

Abstract. The frequent use of the “social capital” concept has led to the emergence of many completely different conceptual views on its essence. The Internet became an actualizing factor that intensified studies of this phenomenon in a virtual communication environment and led to an even greater pluralism of concepts. The aim of the study is to identify the specifics of virtual social capital as an object of scientific research. A meta-analysis of publications on virtual social capital and a network analysis of the authors’ community of these publications were implemented in this article. The research base consists of 500 publications from the Web of Science Core Collection from 2001 till January 2022. The meta-analysis helped to describe the main stages in the study of virtual social capital, main discourses, perspective research vectors. Social capital on the Internet is a complex and interdisciplinary phenomenon, interconnected with many other phenomena and relatively young in terms of academic study. The research determined that there is an interdisciplinary isolation and a weak social capital of researchers who explore this phenomenon. It can be concluded that there is little interaction between researchers of virtual and real social capital. The study of social capital on the Internet is becoming more complicated due to the dynamic development of the Internet space, the presence of recognized leaders in the scientific community, whose works were the first; however, they lost their relevance and practically do not take into account the experience of colleagues. Social capital, being a general concept of human and social sciences, can form the basis of interdisciplinary research if scientists from various fields within the thematic community strengthen their cooperation. The findings should be taken into account in the further study of social capital on the Internet in order to fully explore this phenomenon on the basis of existing experience in various branches of scientific knowledge, established methodology and formed study vectors.

Keywords: virtual social capital, Internet, meta-analysis, bases of scientific publications

For citation: Poddyachaya, E.A. (2023) Actualizing the virtual social capital phenomenon: A meta-analysis of science sources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 74–81. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/9

С момента первого упоминания понятия «социальный капитал» Л.Дж. Ханифеном [1. Р. 132] и до настоящего времени количество использований этого термина в научных работах многократно возросло. Благо-

даря Интернету можно выделить два пространства существования социального капитала: виртуальное (сайты социальных сетей, мессенджеры, многопользовательские интернет-игры) и реальное. Концепция

виртуального социального капитала находится в процессе своего становления и переживает проблемы с несогласованностью понимания его сути, содержания и значимости. И если на сегодняшний день нельзя говорить о том, что теория офлайн социального капитала полностью сформирована, то ситуация с теорией онлайн социального капитала еще более неоднозначная, поскольку неопределенность детерминирована политическим и научным значением явления, социальными трансформациями и, самое главное, технологическими, нормативными изменениями Интернета как пространства его функционирования. Изучение понятия «виртуальный социальный капитал» или «онлайн социальный капитал» в исторической перспективе и отраслевой специализации важно для современной науки, поскольку в зависимости от интерпретации существуют различные взгляды на элементы этого капитала и методики его измерения [2].

Социальный капитал, формируемый в Интернете, по-разному концептуализируется различными исследовательскими сообществами. Большая часть ученых считает, что социальный капитал в реальной жизни (офлайн) и виртуальной жизни (онлайн) – это части единого явления. Это видение дает право заимствовать понимание виртуального социального капитала у таких авторов, как Р. Патнем [3], Дж. Коулман [4], П. Бурдьё [5], соглашаясь не только с дефинициями, но и традициями изучения и измерения. П. Бурдьё дает одно из ранних определений социального капитала, описывая его как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами с членством в группе» [5. С. 62]. Развивая идеи П. Бурдьё, в данной работе под виртуальным социальным капиталом будет подразумеваться совокупность реальных или потенциальных ресурсов, заложенных в сети отношений, которые формируются и поддерживаются индивидами на социотехнических интернет-платформах (сайтах социальных сетей, мессенджерах).

Другая часть современных исследователей (Р. Леушкин [6], S. Rafaeli, G. Ravid, V. Soroka [7]) рассматривают социальный капитал в Интернете как самостоятельную научную категорию с характерными дефинициями, традициями изучения и измерения. Для упоминания социального капитала, существующего в интернет-пространстве, часто используют понятие «онлайн-социальный капитал» («онлайн социальный капитал») или «виртуальный социальный капитал». К. Фоше определяет социальный капитал в онлайн-среде как капитал, существующий в рамках искусственной и измеряемой количеством лайков экономики, поддерживаемый социальными кнопками и управляемый сайтами социальных сетей для поощрения все большей активности со стороны интернет-пользователей [8. Р. 15].

Следует отметить, что «онлайн» в определениях социального капитала, функционирующего в интернет-среде, используют для противопоставления

офлайн-среде, пространству реального мира и коммуникаций. А под определением «виртуальный» понимают «многомерное, трансформируемое, разноректорное, смоделированное, нелинейное, организованное искусственными средствами, изменчивое и относительно самостоятельное информационное пространство образов и моделей» [9. С. 143].

Современный академический интерес к социальному капиталу в офлайн-среде проявляется в различных научных областях: экономике, менеджменте, медицине, социологии, политологии, психологии, образовании. Значительный вклад в систематизацию исследований и составление хронологии изучения социального капитала внесли такие ученые, как М. Фризен и С. Акчомак. Проведенный М. Фризеном метаанализ научных публикаций показал, что о социальном капитале пишут две категории авторов: небольшие по численности группы ученых, которые специализируются исключительно на изучении социального капитала в своей научной области (самыми активными являются сообщества социологов и экономистов) и активно ссылаются на работы друг друга, и многочисленные разрозненные авторы, которые интересуются социальным капиталом косвенно [10. Р. 10].

С. Акчомак выявил, что в разных научных областях ученые специализируются на определенных аспектах социального капитала [12. Р. 13]. В социологии акцент делается на социальных ресурсах, солидарности и ценностях. Экономисты сосредотачиваются на доверии, а другие элементы социального капитала им менее важны. С другой стороны, исследования в области здравоохранения расширяют такие элементы социального капитала, как симпатия, забота и солидарность. Экономисты подходят к социальному капиталу как исчисляемому явлению (путем измерения выгод, получаемых от отношений), тогда как для социологов, психологов и политологов социальный капитал не является исчисляемым, а скорее усвоен в социализации. Во всех научных областях преобладают публикации с выраженным акцентом на практическом применении полученных выводов.

Социальная сеть, построенная на основе соавторства ученых, показала, что внутри каждой дисциплины наблюдается высокая концентрация связей, а вот междисциплинарное соавторство является редкостью. В сети были обнаружены изолированные элементы (Н. Лин, Р. Патнем и М. Вулкок), которые создали влиятельные труды о социальном капитале, но не имеют соавторов.

В противоположность им работы Э. Фера имеют высокое значение для междисциплинарного взаимодействия исследователей социального капитала за связь через П. Зака с С. Нэком. Сеть данных авторов инициировала новое направление исследований социального поведения, доверия и взаимности людей, используя экспериментальные модели и сотрудиная не только с экономистами, но и с социологами и психологами. Но случаи такого успешного взаимодействия единичны.

Такие «междисциплинарные дистанции» и слабые связи внутри научного сообщества свидетельствуют об

упущенных возможностях для развития новых и систематизации уже сформированных подходов к пониманию социального капитала. Проведение междисциплинарных исследований в форме совместных проектов и соавторства является необходимым шагом для лучшего понимания сути социального капитала. Учитывая востребованность понятия «социальный капитал», можно

предположить, что социальный капитал, являясь общим понятием для наук о человеке и обществе, может лечь в основу междисциплинарных исследований при условии усиления сотрудничества ученых из различных областей науки. Необходимость в этом продиктована процессами, происходящими в обществе, развитием технологий цифрового взаимодействия.

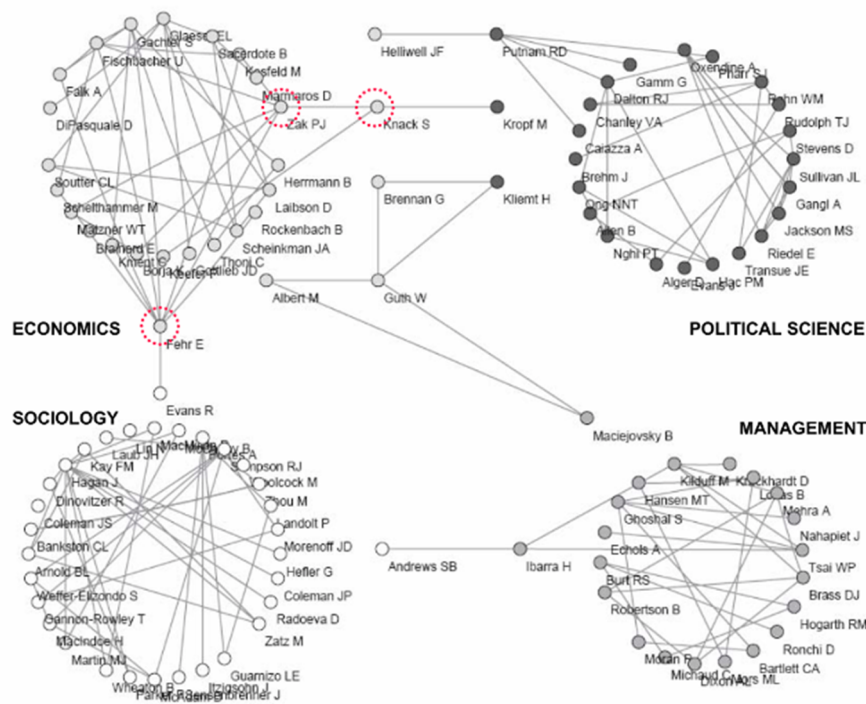

Рис. 1. Сеть соавторства исследователей социального капитала: междисциплинарные связи [11. С. 557]

В данной работе автором был реализован метаанализ публикаций о виртуальном социальном капитале и сетевой анализ сообщества авторов этих публикаций. Цель исследования – выявить специфику виртуального социального капитала как объекта научных исследований. Для этого было необходимо оценить стабильность феномена в науке, обозначить дискурсы, в которых сейчас проявляется феномен виртуального социального капитала, и выявить его дальнейшие исследовательские векторы и перспективы. Кроме этого, следует сформировать представление о структуре сообщества исследователей виртуального социального капитала.

Для сопоставления результатов исследования была выбрана исследовательская база и методы, аналогичные тем, что описали в своих статьях М. Фризен и С. Акчомак. В качестве исследуемой базы публикаций о социальном капитале в Интернете была взята базовая коллекция Web of Science (WoS), состоящая из более 57 миллионов записей. На начало 2022 г. база публикации о виртуальном социальном капитале представлена 500 записями, об офлайн-социальном капитале – 9 759. Методом изучения был выбран сетевой анализ публикаций, где в основе связей лежат исходящие и входящие цитирования работ, а в качестве узлов – авторы статей, тексты статей и аннотаций, годы публикаций,

географическая принадлежность авторов и изданий, в которых были опубликованы статьи. В качестве инструмента было выбрано программное обеспечение VosViewer, разработанное Nees Jan van Eck и Ludo Waltman. VOSviewer – это программный инструмент для создания карт на основе сетевых данных, а также для визуализации и изучения этих карт.

Анализ динамики появления публикаций о виртуальном социальном капитале позволил весь анализируемый период с 2001 по 2021 г. условно разделить на 3 этапа. Первый этап характеризуется постепенным ростом числа публикаций, начиная с 2000 г. В 2014 г. произошел скачок числа публикаций, что может быть связано и с ростом интернет-аудитории, и развитием возможностей, сервисов и инструментов для анализа социальных сетей в Интернете. Второй этап начался с резким увеличением числа публикаций о виртуальном социальном капитале в 2015 г. и затем перешел в период с незначительным изменением количества с 2016 по 2019 г. Такие данные можно объяснить прорывным ростом численности мировой интернет-аудитории, политическими событиями (цифровое управление революциями) и экономическими факторами (на основе анализа тем публикаций за данный период). Возникшую динамику сдержали процессы миграции аудитории из крупнейших социальных сетей в мессенджеры, ужесточение

законодательства в области регулирования распространения информации, сокращение возможностей веб-аналитики и рост интереса к защите персональных данных в Интернете.

Третий этап и скачок в количестве публикаций связан с эпидемией коронавирусной инфекции COVID-19. В период пандемии и вызванной ею необходимостью самоизоляции многие социальные процессы были перенесены из офлайн-среды в среду онлайн: переход на дистанционные формы обучения и работы, самоизоляция, запрет на массовые мероприятия и досуг в общественных местах. Интернет стал пространством реализации социальных практик, а значит, и пространством формирования социального капитала.

Периодизация позволила выявить факторы, обеспечивающие рост или спад научного внимания к феномену «виртуального социального капитала». Усилителями могут выступать такие факторы, как технологические прорывы, программные сдвиги для проведения исследований, общественно значимые события из сферы экономики, медицины, политики. Факторами, снижающими изучение социального капитала, считаются политические события, законодательные изменения и смена предпочтений и поведенческих паттернов интернет-аудитории.

Систематизация публикаций по дисциплинарной принадлежности показала, что опубликованные материалы можно распределить по 26 категориям WoS с тремя или более записями. Первые 20 категорий покрывают 70% всех публикаций. По данному параметру наблюдается расхождение результатов метаанализа социального капитала в онлайн-среде и аналогичного исследования социального капитала в среде офлайн. В отличие от данных, полученных М. Фризеном, по которым концепт социального капитала чаще всего рассматривается в социологии, менеджменте, медицине, экономике и бизнесе [10. Р. 20], в Интернете этот концепт чаще всего изучают в рамках коммуникационных, информационных категорий, ме-

неджмента, психологии, медицины, социологии. Объяснить такое распределение можно тем, что сейчас в психологии сформированы исследовательские направления по изучению особенностей поведения интернет-пользователей (аддикция, кибернасилие), самоидентификации, психоэмоционального состояния. В медицинских исследованиях изучают влияние виртуального социального капитала на распространение информации медицинского характера, доверие к медицинским организациям, возможности прогнозирования появления и распространения заболеваний через призму социального капитала. Так как Интернет является технически опосредованным средством коммуникации, то это определяет интерес к социальному капиталу со стороны информационных наук.

Издания, в которых опубликованы материалы о социальном капитале в Интернете, многочисленны и разнообразны по своей тематике. Можно выделить журнал «Computers in human behavior» как основное издание, специализирующееся на данной теме, так как в нем опубликовано 28 статей. Остальные издания имеют значительно меньше публикаций: New media society – 14, Information communication society и Journal of computer mediated communication – 11, Social science computer review – 8, Asian journal of communication, Sustainability, Behaviour information technology, Social Network – 6.

Географическое распределение авторов, пишущих о виртуальном социальном капитале, и изданий, в которых опубликованы материалы, выявило значительное численное преимущество авторов из США, Китая, Англии, Австралии, Канады, Бразилии, Германии и Испании. На рис. 2 количество публикаций из определенной страны связано с размером узла. Количество связей отражает интенсивность цитирования публикации. Заметно, как обособлено по данному показателю сообщество авторов из стран Азии. Однако поиск социального капитала в Интернете по базе WoS ведется только на английском языке, что является ограничением с точки зрения полного глобального анализа источников.

Рис. 2. Географическое распределение авторов, пишущих о виртуальном социальном капитале

В дальнейшем следует изучить региональные особенности изучения виртуального социального капитала на других национальных языках и научных базах публикаций.

Из всего числа авторов, составляющих научный ландшафт изучения социального капитала в Интернете, есть небольшая группа активных авторов (4–7 публикаций по данной теме), а основной массив составляют исследователи, у которых только 1–2 публикации. Далее необходимо оценить, сформирована ли сеть взаимодействий внутри сообщества авторов по различным основаниям: цитируемости ученых и отдельных публикаций, актуальности изучения отдельных аспектов социального капитала. Для данного анализа из всех найденных в базе WoS публикаций о социальном капитале в

Интернете для наглядности и ускорения обработки данных и визуализации в сеть было включено только 100 наиболее цитируемых статей.

В представленной сети цитирования вертикальное положение указывает на год выхода публикации. Цитируемая публикация всегда находится над цитирующей публикацией.

Ключевые публикации в данной сети имеют больше входящих связей (ученые цитируют их) и меньше исходящих связей (в этих статьях цитируются работы предшественников). Авторство ключевых публикаций о социальном капитале в Интернете принадлежит Н. Эллисон [13], Ч. Стейнфилд [14], Б. Велман [15]. Примечательно, что эти авторы попали в список наиболее цитируемых и в исследовании М. Фризена [10. Р. 17].

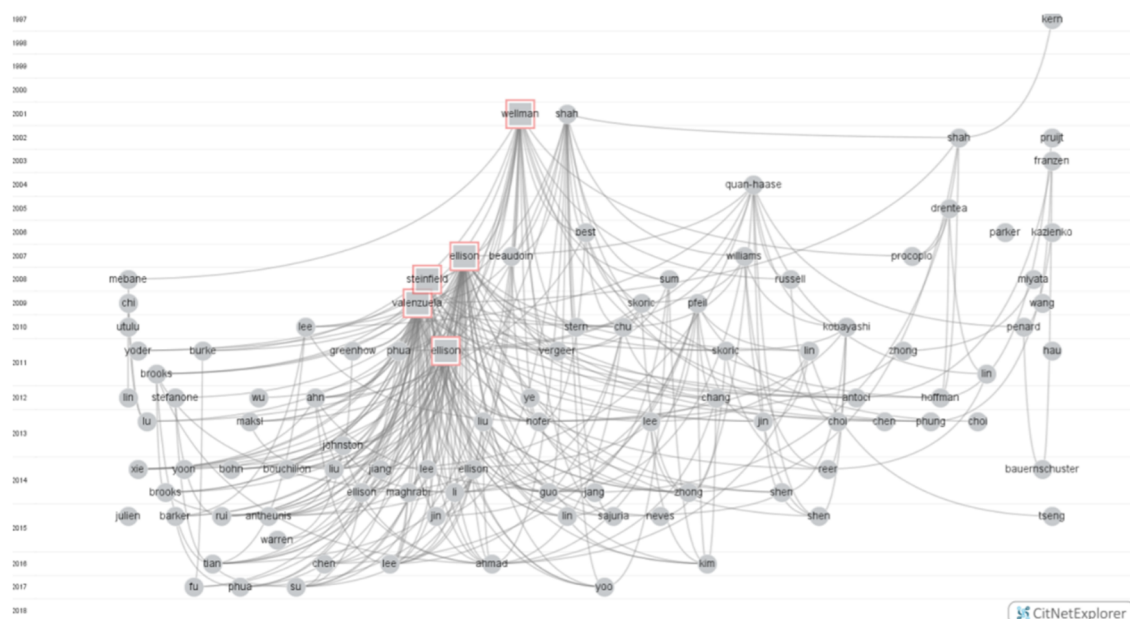

Рис. 3. Сетевой граф авторов публикаций о социальном капитале в Интернете

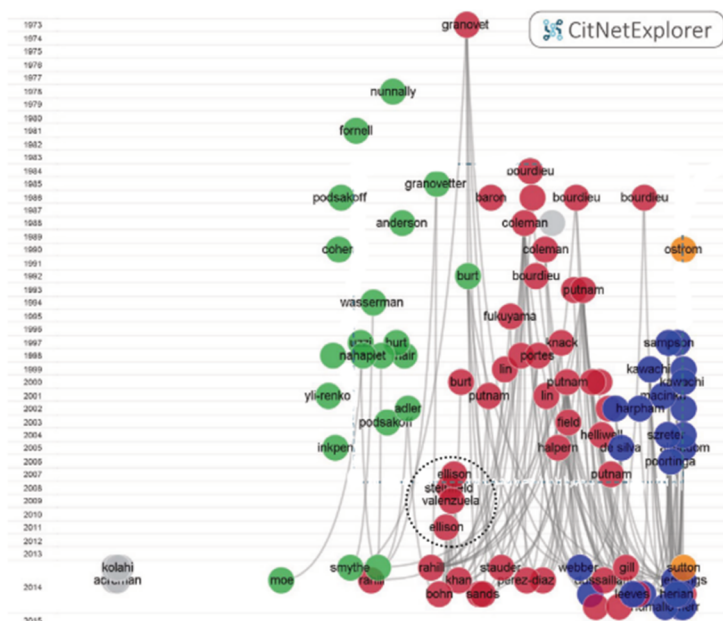

Рис. 4. Сеть авторов публикаций о социальном капитале и место в ней сообщества, изучающего виртуальный социальный капитал [10. Р. 16]

Но в обоих исследованиях показано, что данная группа авторов – экспертов в области виртуального социального капитала – демонстрирует одинаковое поведение внутри разных сообществ: ученые практически не ссылаются на коллег. Если в случае с социальным капиталом в Интернете это можно объяснить тем, что их работы одни из самых ранних, то в случае с социальным капиталом в офлайн-пространстве фундаментальные предшествующие труды проигнорированы при попытке разработать авторский подход и авторскую методологию изучения «нового» явления.

Это не является типичным поведением для менее популярных исследователей виртуального социального капитала. На основе списков цитирования во всех работах о виртуальном социальном капитале, найденных в базе WoS, был составлен сетевой граф, в котором узлом является автор, размер узла характеризует

частоту цитирования работ этого автора, ребро означает то, что связанные авторы упоминаются в статьях одновременно. Анализ показал, что существует четыре группы наиболее цитируемых авторов. Первый кластер включает публикации экономического характера (Патнем, Велман, Лин). Второй – социологического характера (Бурдые, Коулман, Грановеттер). Третий – управленческого характера (Адлер, Нахапиев). И четвертый кластер сформирован авторами, пишущими про различные проявления и области применения социального капитала в Интернете и на сайтах социальных сетей (Эллисон, Уильямс, Валенсуэлла, Бойд).

Для решения задачи по выявлению основных и потенциальных направлений изучения социального капитала в Интернете было принято решение проанализировать тексты аннотаций статей.

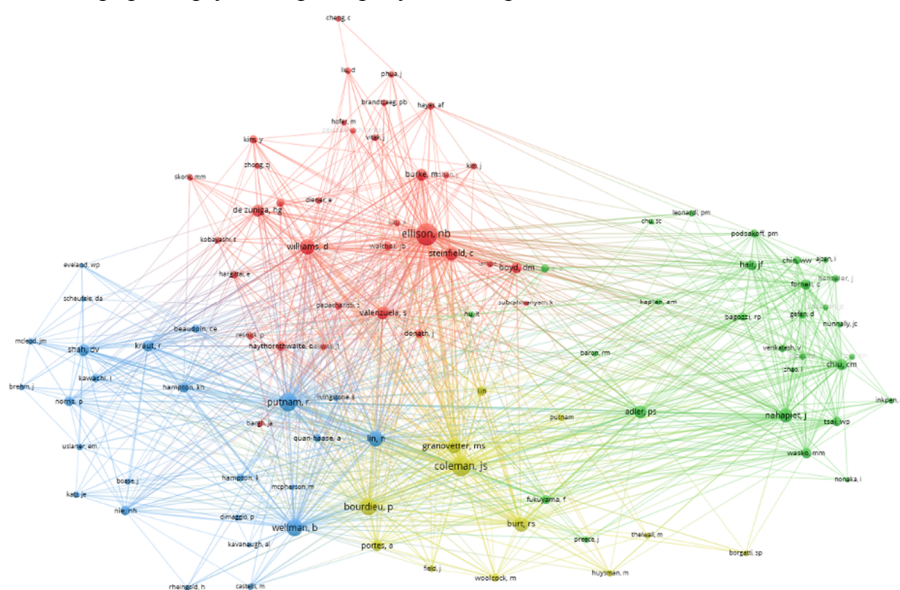

Рис. 5. Сетевой граф цитирования авторов, пишущих о социальном капитале

Рис. 6. Анализ аннотаций статей о социальном капитале в Интернете

Относительно объекта «социальный капитал в Интернете» было выявлено несколько тематических кластеров. Наибольший интерес в теме социального капитала в Интернете представляет направление, изучающее формирование и измеряющее социальный капитал разного вида на сайтах социальных сетей. Второй кластер формируют публикации, посвященные связи социального капитала в Интернете с человеческим и интеллектуальным капиталом, инновациями, цифровой экономикой, краудфандингом. Третий кластер объединяют публикации, рассматривающие теоретические аспекты формирования социального капитала в Интернете, связи с культурным капиталом, идентичностью, социальными коммуникациями. В четвертый кластер попали работы про доверие и участие внутри виртуальных сообществ. Относительно новым, но весьма актуальным является кластер с публикациями, изучающими влияние эпидемии коронавирусной инфекции на образование, туризм, социальное доверие, ментальное здоровье через призму социального капи-

Таким образом, проведенный в статье метаанализ и сопоставление его результатов с данными о социальном капитале в офлайн-пространстве позволили рассмотреть специфику виртуального социального капитала как объекта исследований современных ученых. Прежде всего, стало ясно, что социальный капитал в Интернете является сложным междисциплинарным объектом исследования, взаимосвязанным со многими другими явлениями и сравнительно молодым с точки зрения академического изучения. Можно сделать вывод о слабом взаимодействии исследователей виртуального и реального социального капитала. Изучение социального капитала в Интернете усложняется из-за динамичного развития интернет-пространства, наличия признанных лидеров в научном сообществе, чьи работы были первыми, но теряют свою актуальность и практически не учитывают опыт коллег, изучавших социальный капитал в офлайн-среде. Это негативно сказывается на понимании сути исследуемого явления. Полученные выводы необходимо учесть при дальнейшем изучении социального капитала в Интернете, чтобы полноценно исследовать это явление на основе уже существующего опыта в различных отраслях научного знания, наработанной методологии и сформированных векторах изучения.

7. Rafaeli S., Ravid G., Soroka V. De-lurking in virtual communities: A social communication network approach to measuring the effects of social and cultural capital // *Proceedings of the IEEE : 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. 2004. 10 p. doi: 10.1109/HICSS.2004.1265478
8. Faucher K.X. *Social Capital Online: Alienation and Accumulation*. London : University of Westminster Press, 2018. 195 p.
9. Моисеева А.П., Мазурина О.А., Перепелкин О.А. Виртуализация как социальная трансформация и коммуникация // *Известия ТПУ*. 2010. № 6. С. 141–145.
10. Friesen M.J. *Navigating social capital scholarship: A meta-review of 9164 web of science sources on social capital* Cardus Research Report. Hamilton : Cardus, 2018. 43 p.
11. Akcomak S.I. Social Capital of Social Capital Researchers // *Review of Economics and Institutions*. 2011. № 2 (2). P. 544–567.
12. Akcomak S.I. *Bridges in social capital: a review of the definitions and the social capital of social capital researchers*. Maastricht : UNU-MERIT, Maastricht Economic and Social Research and Training Centre on Innovation and Technology, 2009. 32 p.
13. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of facebook «friends»: Social capital and college students' use of online social network sites // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007. № 4 (12). P. 1143–1168.
14. Steinfield C., Ellison N.B., Lampe C. Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2008. № 6 (29). P. 434–445.
15. Wellman B. Does the Internet increase, decrease, or supplement social capital? Social networks, participation, and community commitment // *American Behavioral Scientist*. 2001. № 3. P. 436–455.

References

1. Hanifan, L.J. (1916) The Rural School Community Center. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 67. pp. 130–138.
2. Kharlamov, A.V., Bezrodnaya, L.V. & Poddyachaya, E.A. (2018) Metody izucheniya sotsial'nogo kapitala v internet-srede [Methods for studying social capital in the Internet environment]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 1. pp. 42–47.
3. Putnam, R. (1995) Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*. 6 (1). pp. 65–78.
4. Coleman, J.S. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. 94. pp. 94–120.
5. Bourdieu, P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. Translated from French. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 3 (5). pp. 60–74.
6. Leushkin, R.V. (2016) Virtual'nyy sotsial'nyy kapital: mesto i rol' v sisteme sovremennogo obshchestva [Virtual social capital: place and role in the system of modern society]. *Sotsiodinamika*. 2. pp. 67–76.
7. Rafaeli, S., Ravid, G. & Soroka, V. (2004) De-lurking in virtual communities: A social communication network approach to measuring the effects of social and cultural capital. *Proceedings of the IEEE: 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. doi: 10.1109/HICSSp.2004.1265478
8. Faucher, K.X. (2018) *Social Capital Online: Alienation and Accumulation*. London: University of Westminster Press.
9. Moiseeva, A.P., Mazurina, O.A. & Perepelkin, O.A. (2010) Virtualizatsiya kak sotsial'naya transformatsiya i kommunikatsiya [Virtualization as social transformation and communication]. *Izvestiya TPU*. 6. pp. 141–145.
10. Friesen, M.J. (2018) *Navigating social capital scholarship: A meta-review of 9164 web of science sources on social capital*. Cardus Research Report. Hamilton: Cardus, 43 p.
11. Akcomak, S.I. (2011) Social Capital of Social Capital Researchers. *Review of Economics and Institutions*. 2 (2). pp. 544–567.
12. Akcomak, S.I. (2009) *Bridges in social capital: a review of the definitions and the social capital of social capital researchers*. Maastricht: UNU-MERIT, Maastricht Economic and Social Research and Training Centre on Innovation and Technology.
13. Ellison, N.B., Steinfield, C. & Lampe, C. (2007) The benefits of facebook “friends.” Social capital and college students' use of online social network sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 4 (12). pp. 1143–1168.
14. Steinfield, C., Ellison, N.B. & Lampe, C. (2008) Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 6 (29). pp. 434–445.
15. Wellman, B. (2001) Does the Internet increase, decrease, or supplement social capital? Social networks, participation, and community commitment. *American Behavioral Scientist*. 3. pp. 436–455.

Информация об авторе:

Поддьячая Е.А. – старший преподаватель кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия); аспирант Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: katepo2d@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Poddyachaya, senior lecturer, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation); postgraduate student, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katepo2d@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2022;
одобрена после рецензирования 30.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 08.04.2022;
approved after reviewing 30.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 330.16+316.77
doi: 10.17223/15617793/491/10

Рекрутинг доноров в репродукции: институциональные ограничения и стратегии символической коммодификации

Дмитрий Владимирович Спиридонов¹, Ирина Геннадьевна Полякова²

^{1, 2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ Dmitry.Spiridonov@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-8263-5581

² irinapolykova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9619-2152

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению стратегий социальных коммуникаций, связанных с рекрутингом доноров половых клеток в репродуктивной медицине. Опираясь на концепцию телесной коммодификации, авторы предлагают рассматривать связанную с продвижением донорства рекламную риторику как механизм символической коммодификации донорского материала. На примере США, Великобритании и Франции показана корреляция между коммуникативными моделями коммодификации донорского материала и институциональными особенностями функционирования рынка услуг вспомогательных репродуктивных технологий.

Ключевые слова: экономическая социология, социальная коммуникация, репродуктивная медицина, донорство половых клеток, институциональные аспекты коммодификации, вспомогательные репродуктивные технологии

Для цитирования: Спиридонов Д.В., Полякова И.Г. Рекрутинг доноров в репродукции: институциональные ограничения и стратегии символической коммодификации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 82–91. doi: 10.17223/15617793/491/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/10

Donation advertising in reproductive medicine: Institutional constraints and symbolic commodification strategies

Dmitry V. Spiridonov¹, Irina G. Polyakova²

^{1, 2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ Dmitry.Spiridonov@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-8263-5581

² irinapolykova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9619-2152

Abstract. The development of assisted reproductive technologies (ART), including in vitro fertilization (IVF), is associated with a variety of legal, ethical, and marketing issues, some of which are closely related to the peculiarities of legal regulation of the ART sphere in a particular country. The present article focuses on the strategies of social communications aimed at recruiting sperm and egg donors in the USA, the UK, and France. As a theoretical framework, the study relies on the concept of *commodification* that is currently being actively developed in economic sociology and on the notion of *bodily commodification* that is widely used in sociological research of commercial organ and cell donation. The study shows that the concept of commodification may be convenient even in cases where donation has no signs of traditional commodity-money exchange. When addressing such cases, by contrast to the earlier suggested concept of *constrained commodification*, the article suggests the concept of *symbolic commodification*, i.e., commodification, in which money reward is substituted with a symbolic reward. The study is based on the analysis of promoting texts of the websites of clinics, cryobanks, advertising campaigns in three countries – the USA, the UK, and France – that represent three different institutional models of the ART market. The study focuses on (a) the channels of social communication with potential donors and (b) the rhetorical strategies of symbolic commodification used in advertising messages. When describing rhetorical strategies, the authors use the method of content analysis, as well as meta-analysis of previous publications. The article proposes a model of marketing communication in the field of ART. It shows that the most significant institutional parameters influencing donation advertising are the remuneration or gratuitousness of donation and the degree of involvement of commercial clinics in the field of IVF in general. On this basis, three institutional models of the functioning of the ART market were identified. The article demonstrates a correlation between the above-mentioned institutional conditions and the strategies of symbolic commodification chosen by clinics in their marketing communication. A cross-country analysis, however, proves that the anonymity/non-anonymity of donation does not have any significant impact on building a communication strategy of recruiting donors. The article identifies and describes specific discursive strategies used in

advertising messages of this type, showing how the symbolic valorization of the donor's personality is conveyed in advertising rhetoric. In the course of the study, the authors noted that in the countries under review there is a tendency to split the channels of communication through which clinics approach potential donors and future recipients. To explain this phenomenon, the authors propose the concept of the conflict of commodification strategies rooted in the differences displayed by recipients and donors in their perception of donor material.

Keywords: economic sociology, social communication, reproductive medicine, germ cells donation, institutional framework of commodification, assisted reproductive technologies

For citation: Spiridonov, D.V. & Polyakova, I.G. (2023) Donation advertising in reproductive medicine: Institutional constraints and symbolic commodification strategies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 82–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/10

Введение

По данным Европейского общества репродукции человека и эмбриологии (European Society of Human Reproduction and Embryology, ESHRE), начиная с 1978 г. более 10 млн детей во всем мире были рождены с помощью технологий экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). В 2017 г. (последний год, для которого ESHRE располагает полными данными) в 40 странах Европы было выполнено 940 503 цикла лечения с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), причем наибольшее число (ок. 137 тыс.) – в России. Наиболее активной страной в плане использования ВРТ является Япония (448 тыс. циклов в 2017 г.) [1].

Несмотря на постоянно возрастающее количество зачатий с помощью ВРТ, число проведенных циклов лечения не покрывает даже трети реальных потребностей [2. Р. 1606]. В Европе наибольшая доступность ВРТ отмечается в Чехии, Дании и Бельгии, где количество процедур искусственного оплодотворения превышает 2 500 на миллион жителей. В настоящее время в Бельгии, Чехии, Дании, Эстонии, Исландии, Словении и Швеции более 4% всех рожденных детей были зачаты с использованием ВРТ (ср.: в США эта цифра чуть более 1%). Услуги ВРТ сегодня составляют внушительный по своим масштабам рынок. В 2014 г. глобальный рынок ЭКО оценивался в 10 млрд долл. США, к 2022 г. его размер должен был достичь 27 млрд долл. Один только рынок донорства спермы в США к 2025 г., как ожидается, достигнет размера в 4,96 млрд долл. [3. Р. 21].

Коммерциализация услуг ВРТ влечет за собой целый ряд этических, юридических и маркетинговых проблем, все больше привлекающих внимание исследователей [4–7]. Одной из таких проблем является рекрутинг доноров половых клеток. Помимо медицинских, этических, юридических и экономических аспектов у этой проблемы есть и коммуникативная составляющая, заключающаяся в выстраивании эффективной коммуникативной стратегии с потенциальными донорами в ситуации массовой (рекламной, маркетинговой) коммуникации. Настоящая статья посвящена стратегиям продвижения донорства половых клеток в трех странах мира: США, Великобритании и Франции, представляющих три разные институциональные модели функционирования рынка ВРТ.

Донорство и проблема коммодификации

Проблема продвижения услуг ВРТ тесно связана с фундаментальной проблемой коммодификации тела и

«телесных благ» (bodily goods), т.е. с относительно новой ситуацией, когда тело (органы, ткани, отдельные клетки) становится «объектом коммерческой капитализации» [8. Р. 97]. Термин *коммодификация*, которым обозначается превращение некоторого объекта в товар, имеющий ту или иную измеримую стоимость, широко используется в научной литературе по отношению к широкому кругу объектов и явлений как материальных, так и нематериальных, и даже, как кажется, принципиально некоммодифицируемых (время, идеи, забота и т.д.). Концептуализация обмена/дарения/предоставления биологических тканей и органов в терминах теории коммодификации вызывает известное сопротивление, поскольку, в отличие от традиционных товаров, тело мыслится нами как нечто уникальное, сакральное и принципиально неотчуждаемое. В то же время медицинские практики последних десятилетий заставляют исследователей все активнее использовать этот концептуальный аппарат.

В рамках исследования телесной коммодификации можно выделить два основных направления. В рамках первого коммодификация рассматривается как универсальный процесс придания экономического измерения акту дарения, в результате чего возникает четкое противопоставление между дарением и покупкой, при этом не учитываются культурные, социальные, символические параметры объекта, коммодификация понимается как приведение объекта к некоторым параметрам товарности, общим для всех мыслимых товаров [9, 10]. В рамках второго подхода социокультурные параметры объекта коммодификации мыслятся как важнейшие характеристики его как товара, что стирает границы между экономическим и культурным, экономическим и социальным в осмыслении феномена коммодификации. В экономической социологии этот подход к пониманию рынка вторично коммодифицированных объектов восходит к модели рынка Вивиан Зелизер, в серии своих работ [11–14] показывающей, как сильно культурные и социальные паттерны, в которые вписаны объекты коммодификации, влияют на параметры коммодификации и на саму возможность коммодификации. В основе концепции Зелизер лежит исследование взаимодействия культурных ценностей и экономической ценности, в том числе понимание того, как культурные предписания влияют на формирование рыночных нормативных предписаний в соответствующей сфере, как социокультурные ценности помогают или, наоборот, препятствуют появлению у объекта экономической ценности, как возни-
кающая у объекта экономическая ценность влияет на

связанные с ним культурные ценности и социальные практики. Развивая этот подход, Рене Алмелинг [15] предлагает описывать рынок коммерческого донорства половых клеток, учитывая гендерную специфику донора, его социокультурные представления и модели поведения, то, как донор воспринимает свою связь с рожденным с помощью его биологического материала ребенком, как представление о родительстве влияет на его субъективное переживание рынка (*experiencing the market*), т.е. на его поведение как на участника рыночных отношений.

Коммодификация предполагает, что объект (в том числе нематериальный) может быть так или иначе преобразован для того, чтобы удовлетворять представлениям потребителя об этом объекте как предмете покупки, иначе говоря, он должен быть материализован, объективирован, реифицирован [16–18]. Именно по этой причине в рамках концепции «несвободной коммодификации» большое значение приобретают различные дискурсивные практики, позволяющие «оформить» то или иное явление в качестве приемлемого объекта товарного обмена и, как следствие, адаптировать сам процесс коммодификации к существующим социальным, культурным, когнитивным паттернам, в конечном счете определяющим поведение участников рынка. Во многих случаях именно дискурсивные модели и коммуникативные практики играют ведущую роль в формировании наших представлений о соответствующей сфере жизни как сфере товарного или квазитоварного обмена. И поскольку разные участники обмена могут иметь разные социальные, культурные, половозрастные и прочие установки в отношении такого обмена, у каждого из них формируется свое представление о характере этого обмена, его мотивах, его символической легитимности.

При исследовании рынка услуг ВРТ концепция коммодификации была опробована прежде всего для описания процессов, характерных для тех стран, в которых донорство гамет носит коммерческий характер. В то же время она может быть удобным теоретическим инструментом для понимания ситуации в тех странах, в которых взаимодействие донора, клиники и реципиента не имеет обычных признаков товарно-денежного обмена. В частности, для таких случаев было предложено использовать понятие «несвободная коммодификация» (*constrained commodification*), обозначающее ситуацию, при которой превращению объекта в полноценный товар мешают различные институциональные, нормативные, политические, культурные, когнитивные факторы, ограничивающие возможности по приобретению, трансформации, покупки или продажи соответствующего объекта, в том числе за счет «включения» тех или иных социальных и культурных мотивов и паттернов, не имеющих такого большого значения в случае рынков традиционных товаров [19]. Важно подчеркнуть, что невозможность получения донором денег, т.е. осуществления обычной транзакции, не делает возникающий в таких условиях обмен чем-то принципиально отличным от покупки. И по-

тому что донорство редко бывает совершенно безвозмездным, и потому что вознаграждение не обязательно должно иметь экономическое измерение. Даже в тех случаях, когда существуют ограничения на вознаграждения для донора, на количество донорского материала, когда коммерческое донорство законодательно запрещено, а услуги ВРТ разрешено предоставлять только государственным клиникам, *донорство возможно лишь в той мере, в какой символическая ценность акта дарения воспринимается донором как достойный субститут соответствующего денежного эквивалента*, иначе говоря, в той мере, в какой коммодификация обеспечивается символическим вознаграждением. В свою очередь, символическая коммодификация в гораздо большей мере, чем традиционная денежная коммодификация, зависит от различных социальных и культурных факторов, поскольку символическая ценность менее универсальна, чем экономическая, и требует более сложного и выверенного подхода к выстраиванию соответствующей риторики, которая в этом случае также имеет исключительное значение, поскольку именно в акте коммуникации формируется символическая логика, делающая такую транзакцию возможной [20]. Таким образом, понятие символической коммодификации позволяет, с одной стороны, осмысливать соответствующие обменные транзакции в терминах рынка, а с другой – более гибко подходить к понятию цены и ценности, в том числе в процессе изучения маркетинговых и рекламных сообщений.

Маркетинговая коммуникация в сфере ВРТ

Модель «множественного рынка» (*multiple market*), предложенная Зелизер [21], предполагает дифференцированный подход к анализу маркетинговой коммуникации и построению образа соответствующей транзакции в рекламном сообщении. Такая модель исходит из принципиальной значимости субъективных, культурных и институциональных факторов. Поскольку невозможно вести речь о субъективных установках конкретных индивидов, в рамках данной модели необходимо выделить хотя бы обобщенные роли участников маркетинговой коммуникации.

В рамках сферы ВРТ имеет смысл выделить три группы акторов, которые по-разному ведут себя в разных нормативных и социокультурных условиях, что существенно и для понимания принципов коммуникации между ними: реципиент, клиника, донор. Наименования акторов условны, и в разных ситуациях будут соотноситься с разными конкретными индивидуальными и институциональными участниками.

Наименее проблемной является фигура *реципиента*: в общем случае речь идет о женщине или паре, желающей родить ребенка с использованием ВРТ. Мотивация реципиента является наиболее универсальной, т.е. в наименьшей степени зависимой от социокультурных и гендерных различий. В то же время реальное поведение реципиента в значительной мере детерминировано институциональной рамкой – прежде всего, доступностью услуг ВРТ, а также культурной

приемлемостью использования вспомогательных технологий при решении проблемы деторождения.

Фигура *донора* более сложна и потому, что вопросы, связанные с деторождением, по-разному осмысляются и переживаются мужчинами и женщинами, и потому, что разные виды донорства сопряжены с разным уровнем риска, разными время- и трудозатратами. Так, донорство спермы отличается относительной простотой: мужчине-донору достаточно с определенной периодичностью посещать банк спермы в течение некоторого периода (например, в течение года), донор должен вести здоровый образ жизни и придерживаться определенных правил, обеспечивающих качество донорского материала, при этом сама донация почти не имеет никаких рисков для донора. Донорство яйцеклеток является технически более сложным и сопряжено с медицинскими рисками: донация предполагает прохождение женщиной курса гормональной терапии, постоянное наблюдение у врача, кроме того, извлечение яйцеклетки является инвазивной медицинской процедурой и может иметь существенные последствия для здоровья донора. Таким образом, можно предполагать, что в коммуникативном плане образ донации в глазах потенциального мужчины-донора и потенциальной женщины-донора должен различаться.

В нашей модели коммуникативного взаимодействия *клиника* – это условное наименование определенной группы акторов. Помимо собственно клиник (частных или государственных) в эту группу можно отнести криобанки, занимающиеся лишь хранением биоматериала, или, например, государственные агентства или структуры, продвигающие услуги ЭКО как часть национальной демографической политики. Деятельность этой группы акторов определяется преимущественно институциональными и нормативными факторами. С точки зрения социологического анализа учет неоднородности этой группы акторов и понимание механизмов их взаимодействия, несомненно, является полезным, однако для задач коммуникативного анализа эти обстоятельства не так существенны, гораздо важнее тот факт, что всех этих акторов объединяет функция инициации рекламной коммуникации с донорами и реципиентами. «Клиника» определяет, как сделать привлекательным участие в программах ВРТ, а значит, именно от нее зависит характер риторической стратегии продвижения донорства. Независимо от статуса конкретной организации, функционально «клиника» – это субъект рекламной коммуникации.

Взаимодействие этих трех групп акторов можно представить в виде треугольника:

Маркетинговое взаимодействие клиник и донора, клиники и реципиента носит открытый массовый ха-

рактер, в том числе в форме широкомасштабных рекламных кампаний. Помимо этого, необходимо выделить такой специфический тип коммуникации, как маркетинговое взаимодействие донора и реципиента: в ряде случаев реципиенты ищут доноров самостоятельно, например, с помощью специализированных форумов или через объявления в прессе или социальных сетях [22], кроме того, доноры могут самостоятельно продвигать свои услуги в сети Интернет.

В данной статье мы сфокусируемся лишь на одной составляющей этой схемы, а именно на коммуникативных стратегиях привлечения доноров со стороны клиник. На этот тип коммуникации оказывает влияние целый ряд факторов, из которых наибольшее значение имеют гендерные и институциональные (возмездность донорства, анонимность или неанонимность донора). Предметом нашего анализа являются способы маркетинговой коммуникации и риторические стратегии коммерческой или символической валоризации донации половых клеток в трех странах – США, Великобритании, Франции, представляющих три разные институциональные модели функционирования услуг ВРТ. Корпус данных составили информационные и мотивационные тексты на сайтах клиник, а также имеющиеся в сети Интернет материалы рекламных кампаний (баннеры, афиши), направленных на рекрутинг доноров. В нашем анализе мы сфокусируемся не столько на количественных, сколько на качественных аспектах риторического конструирования образа донации половых клеток и самой фигуры донора – в том числе как на элемент символической компенсации в ситуации ограниченной коммодификации.

США

В США разрешено коммерческое донорство как спермы, так и яйцеклеток, что определяет специфику маркетинговой коммуникации с потенциальными донорами.

Для целей данного исследования нами были изучены сайты десяти ведущих центров репродуктивного здоровья США: Pacific fertility center of Los Angeles, Las Vegas Fertility, Overlake Reproductive Health, Hatch Fertility, Dallas Fort Worth Fertility Associates, Extend Fertility, Wisconsin Fertility Institute, CCRM Fertility, Institute for Human Reproduction, San Diego Fertility. Кроме того, изучены сайты семи ведущих криобанков: Fairfax Cryobank, California Cryobank, Seattle Sperm Bank, Pittsburgh Cryobank, Xytex Cryo International, Egg Bank America, Donor Egg Bank USA.

Маркетинговые тексты, адресованные потенциальным донорам-мужчинам¹, в большинстве случаев выделяют три причины для участия в донорской программе: денежное вознаграждение; помощь другим в реализации их мечты; дополнительное медицинское обследование. В отношении мужчин-доноров преобладает особый тип риторики, представляющий донорство как выгодный способ заработка. Эта стратегия особенно характерна для коротких объявлений и баннеров, где часто делается акцент на сумме, которую

может заработать донор. Так, линейка баннеров Криобанка Фэрфакса (Fairfax Cryobank, FCB), одного из крупнейших криобанков США, имеет общий слоган: «Good cause. Great cash» (Доброе дело. Отличные деньги), – при этом на баннерах всегда крупно обозначена сумма, которую потенциально может получить донор, например: «Earn up to \$4000 in 6 months» (Заработай до 4 000 \$ за 6 месяцев). Баннеры, отсылающие на сайт donatesperm.com, принадлежащий криобанку Хутех, изображают руку, сложенную в кулак, из которого вылетают долларовые купюры. Калифорнийский криобанк (California Cryobank) некоторое время назад размещал в общественном транспорте баннеры, призывавшие «помочь будущим семьям реализовать свою мечту», большую часть площади которых занимала сумма потенциального ежемесячного вознаграждения [23]. В рекламных текстах также акцент делается на заработке: «get reimbursed for time and expenses» (получи компенсацию за потраченное время и иные затраты), «earn extra money» (заработай дополнительные деньги), «receive up to \$1,400/month» (получай до 1 400 \$ в месяц) и т.п.

В то же время для рекламы донорства спермы в США характерно и представление о донорстве как о помощи другим. Оно, в частности, транслируется посредством конструирования образа донора как героя, дающего новую жизнь или помогающего другим обрести полноценную семью. Так, на главной странице сайта донорской программы Калифорнийского криобанка посетителя встречает баннер с текстом: «BE A HERO. Seeking men of all ethnicities to help people realize their dreams of having a family» (БУДЬ ГЕРОЕМ. Ищем мужчин любой этнической принадлежности, чтобы помочь людям воплотить их мечту иметь семью). На главной странице сайта донорской программы Криобанка Фэрфакса размещен баннер, в котором, помимо указания на сумму потенциального заработка, сообщается: «When you become a sperm donor with Fairfax Cryobank, you help families worldwide achieve their dreams of creating a family, a lifechanging gift for prospective parents. Apply now to become a sperm donor in our win-win sperm donation program» (Становясь донором спермы в Криобанке Фэрфакса, вы помогаете семьям по всему миру реализовать мечту о создании семьи, судьбоносный дар будущим родителям. Подай заявку сейчас, чтобы стать донором в нашей взаимовыгодной донорской программе). Как видно из этих примеров, альтруистическая риторика имеет две цели: декоммерциализировать представление о донорстве спермы и представить сами клиники как прежде всего институты помощи, посреднические структуры, а не коммерческие организации.

Коммуникативные стратегии, применяемые американскими клиниками и реципиентами для рекрутинга доноров-женщин, становились предметом специальных исследований.

Так, в работе [24] было показано, что на сайтах 19 клиник в обращении к потенциальным донорам-женщинам делается акцент на эмоциональной составляющей донорства, которое чаще всего описывается как «дар жизни» (gift of life), как помощь бездетной паре в

реализации их мечты, как эмоционально приятный и навсегда меняющий жизнь поступок. В статье [25] приведены результаты большого качественного исследования 414 веб-сайтов клиник, которые в целом подтверждают основные черты «эмоционального языка», который используется в обращениях к потенциальным донорам. В частности, отмечается, что донорство представляется как акт доброты, а не просто коммерческая сделка, как нечто, что дает «эмоциональное удовлетворение» (emotional fulfillment).

Наши наблюдения подтверждают эти выводы: выражение «gift of life» встречается почти в каждом материале, адресованном потенциальной женщине-донору, донорство часто представляется как возможность участвовать в «чуде» (miracle) рождения ребенка. Другая стратегия мотивирования заключается в выстраивании «родительского нарратива», т.е. рассказе о несчастьях пары, которые желают, но не могут завести детей. Эта стратегия реализуется, например, в элементах прямой речи, в которой потенциальный реципиент (женщина, пара) рассказывает о своей мечте иметь ребенка и невозможности эту мечту реализовать. Такая стратегия нацелена на пробуждение чувства жалости и сострадания. Эмоциональный язык в обращении к донорам женских половых клеток не случаен и может объясняться особенностями женского восприятия ситуации деторождения и материнства, а именно необходимости для женщины быть эмоционально вовлеченной в процесс донорства [26].

Как и в случае коммуникации с донорами спермы, в текстах, обращенных к женщинам-донорам, альтруистическая риторика помогает приуменьшить коммерческую составляющую в мотивации самой клиники.

Великобритания

В отличие от США, где сфера ВРТ законодательно не регулируется и подчиняется лишь рекомендациям Американского общества репродуктивной медицины (American Society for Reproductive Medicine), в Великобритании законодательно запрещено коммерческое донорство (за каждый визит в клинику донор спермы получает символические 35 фунтов, донор яйцеклеток получает 750 фунтов за цикл в качестве «возмещения затрат»). Таким образом, рынок донорства половых клеток функционирует в Великобритании в условиях ограниченной коммодификации. Кроме того, если в США анонимность донора зависит от конкретной донорской программы, т.е. от условий договора с криобанком, то в Великобритании законодательно гарантировано право будущего ребенка получить данные о доноре, что является фактором, скорее демотивирующим донора² и, как следствие, предопределяющим существенный дефицит донорского материала.

В рамках исследования нами были изучены материалы сайта Национального совета по экстракорпоральному оплодотворению и эмбриологии (Humanity Fertilization and Embryology Authority), а также ведущих британских клиник и банков гамет: Whittington Health NHS Trust, Centre for Reproductive and Genetic Health (CRGH), London Egg Bank, London Sperm Bank,

CREATE Fertility (в том числе сайт программы донорства яйцеклеток The Egg Bank), Manchester Fertility (в том числе сайт программы донорства спермы Semovo), Harley Street Fertility Clinic, Complete Fertility Centre.

Независимо от целевой аудитории, для британских клиник характерна альтруистическая риторика: представление донорства как акта дарения (ср.: «Sperm donation is a generous act» (Донорство спермы – это акт щедрости); «Give the gift of life. Become the sperm donor» (Подари жизнь. Стань донором спермы); «Donor eggs are a very precious and important gift» (Донорские яйцеклетки – ценный и важный дар) и т.п.). При этом важным отличием британских рекламных материалов является подчеркивание того факта, что донорство – это также акт солидарности (что маркируется часто встречающимся в нашем корпусе выражением *make difference* ‘приносить пользу’) и социальной ответственности (ср.: «Donating your sperm is an incredible gift and a serious responsibility» (Донация спермы – это невероятный дар и серьезная ответственность))³, что нетипично для рекламных материалов американских клиник. Также заметным трендом в риторическом моделировании донорства является символическая валоризация личности донора как особенного человека – прежде всего это характерно для обращений к донорам-женщинам («It takes a very special person to give some of her eggs to another woman whose only hope of experiencing the joys of parenthood is by using donor eggs» (Требуется очень особенный человек, чтобы пожертвовать яйцеклетки женщине, чья единственная надежда испытать однажды радость материнства, это использование донорских клеток); «Be amazing. Apply to donate» (Будь потрясающей. Подай заявку на донорство)). В массовой рекламной кампании для мужчин-доноров этот же тренд проявляется в риторике героизма, в рамках которой донорство концептуализируется через метафору «донор – это герой, солдат, выполняющий свой долг». В 2015 г. Лондонский банк спермы использовал в качестве рекламы донорства плакат «Lord Kitchener Wants You», созданный Альфредом Литом в начале Первой мировой войны: плакат изображает министра обороны лорда Китчинера, указывающего пальцем на зрителя, лозунг гласит: «Твоя страна нуждается в тебе» [19].

Необходимо отметить тот факт, что тексты на сайтах британских клиник почти не обращаются к донору напрямую: мотивирующая информация часто представлена как ответ на вопрос о том, что мотивирует других доноров и при каких обстоятельствах реципиентам нужен донорский материал. Такая подача информации позволяет создать образ сообщества доноров, имеющих разную мотивацию (желание помочь другим, стремление передать гены, чувство социальной ответственности, сострадание к друзьям и знакомым, имеющим проблемы с зачатием), а также подчеркнуть социальный характер донорства. С этой же целью в информационных материалах для доноров неизменно подчеркивается дефицит донорского материала, что усиливает эффект риторики солидарности. Информирование о нехватке донорского материала не

раз становилось самостоятельной целью рекламных кампаний. Широкую известность получил плакат «Lend a hand. Demand for donor sperm in the UK is greater than supply» (Одолжи руку. Спрос на донорскую сперму в Великобритании больше, чем предложение). В 2016 г. Лондонский банк спермы заказал плакаты с изображением младенца и слоганом: «The real banking crisis» (Настоящий банковский кризис). Другой особенностью британских рекламных материалов является активное использование личных историй: на сайтах клиник и криобанков можно найти истории от первого лица, в которых доноры рассказывают о своих мотивах, о процессе донорства, о том, как этот опыт повлиял на их жизнь.

В целом для британских данных характерно использование сходных риторических моделей и принципов коммуникации в обращении к потенциальным донорам обоих полов. Исключение составляет риторическая стратегия героизации донора, характерная исключительно для коммуникации с донорами-мужчинами.

Франция

Французское законодательство активно защищает некоммерческий статус донорства гамет: донорство носит безвозмездный характер (получение донором вознаграждения является уголовным преступлением), причем легальным является только акт донации, совершенный в одном из 23 центров консервации половых клеток (Centres de Conservation des Œufs et du Sperme, CECOS) и еще трех государственных центрах репродуктивного здоровья, расположенных в крупнейших университетских клиниках страны. Таким образом, во Франции маркетинговая коммуникация в сфере ВРТ находится под давлением специфических институциональных условий: поскольку ВРТ полностью находятся под контролем государства, единственным субъектом рекламной коммуникации являются государственные структуры, прежде всего Агентство биомедицины (Agence de la biomédecine), в чью компетенцию входит ведение государственного реестра доноров и реципиентов половых клеток, а также организация информационных кампаний в сфере ВРТ, в том числе ведение информационных сайтов, ориентированных на потенциальных доноров (dondespermatozoides.fr и dondovocytes.fr). Рекламные материалы также можно найти на сайте Группы изучения донорства ооцитов (Groupe d'Etude pour le Don d'Ovocytes, GEDO) и на некоторых негосударственных сайтах, посвященных родителству.

Информация на сайтах Агентства биомедицины не содержит признаков какой-либо специфической риторической стратегии. Характерная особенность этих материалов – акцентирование внимания на дефиците доноров: подчеркивается, что из-за нехватки доноров очередь на получение донорского материала может составлять несколько месяцев и даже лет, эти данные сопровождаются прямой речью реципиентов, которые не могут дождаться проведения цикла ЭКО⁴.

Рекламные кампании, проводимые Агентством биомедицины, включают разнообразные материалы (плакаты, баннеры в социальных сетях, видеоролики, рекламные материалы для радио), но носят ограниченный характер. Риторические паттерны, которые обнаруживаются в этих материалах, аналогичны тем, которые характерны для Великобритании: представление донорства как дара⁵ (ср. слоган на плакате, изображающем яйцеклетку и сперматозоид: «Les plus beaux cadeaux ne sont pas forcément les plus gros» (Самые прекрасные подарки не обязательно самые большие)), использование в пространстве баннера высказываний от первого лица, в которых подчеркиваются альтруистические мотивы доноров («J'ai décidé de faire un don pour être solidaire auprès des personnes qui en ont besoin» (Я решил стать донором, чтобы проявить солидарность с теми, кто в этом нуждается); «Je me suis lancé dans une démarche de don pour offrir du bonheur» (Я решился на донорство, чтобы дарить счастье)). В рамках одной из последних рекламных кампаний, запущенных Агентством биомедицины, была подготовлена серия баннеров со слоганом: «Vous ne voulez pas faire d'enfants? Faites de parents» (Не хотите делать детей? Делайте родителей!) – этот слоган также фокусируется на мотивах солидарности, заключающейся в помощи тем, кто хочет иметь детей, но не может, от тех, кто может, но не хочет.

Выводы

Анализ стратегий продвижения донорства половых клеток демонстрирует корреляцию между риторическими моделями и каналами продвижения, с одной стороны, и существующей в конкретной стране нормативно-институциональной рамкой – с другой. Наиболее существенные институциональные параметры, влияющие на рекламу донорства, это возмездность или безвозмездность сдачи донорского материала и степень вовлеченности коммерческих клиник в сфере ЭКО в целом. США, Великобритания и Франция представляют три типа институциональных моделей.

Первый тип характеризуется низким уровнем государственной регуляции донорства и услуг ВРТ, что делает возможным донорство на возмездной основе и повышает роль частных клиник и криобанков в привлечении потенциальных доноров. Поскольку основными субъектами рекламной коммуникации в такой ситуации оказываются частные структуры, рекламные стратегии отличаются разнообразием каналов коммуникации и креативностью риторических моделей.

Второй тип – страны с законодательно установленным ограничением на размер компенсации донорства⁶, но развитым коммерческим сектором услуг ВРТ. Частные клиники и криобанки в такой ситуации сохраняют значительную роль в продвижении донорства, наряду с государственными структурами (в Великобритании это NHS), что определяет относительно разнообразие коммуникативных стратегий и каналов продвижения. Безвозмездный характер донорства, в свою очередь, объясняет преобладание альтруистических риторических моделей.

Третий тип – страны, в которых не только донорство носит безвозмездный характер, но и услуги ВРТ предоставляются только в государственных клиниках за счет государственного бюджета. В таком случае субъектом рекламной коммуникации являются государственные структуры, имеющие ограниченное финансирование и не имеющие существенной мотивации, что определяет довольно скудный объем рекламных материалов, их относительное однообразие и использование не самых эффективных каналов коммуникации.

Анализ материалов показывает, что анонимность/неанонимность донорства не имеет большого значения для выстраивания стратегии рекламной коммуникации. В то же время отсутствие анонимности оказывает косвенное влияние, так как подобная законодательная норма приводит к дефициту донорского материала, что, в свою очередь, является одним из аргументов, используемых в мотивирующих обращениях к донорам.

Риторические модели, используемые в коммуникации с донорами, разнообразны. Модели, непосредственно коммодифицирующие донорский материал, характерны для стран типа США и почти исключительно для коммуникации с донорами спермы – для такой модели характерно представление о донорстве как о выгодном способе заработка. В остальных случаях в конструировании образа донорства преобладает альтруистическая риторика, нацеленная преимущественно на символическую валоризацию фигуры самого донора. Наиболее универсальной является модель «донорство – это дар», которая может по-разному преломляться (дар как помощь, дар как проявление сострадания, дар как проявление солидарности), при этом сам донор представляется как щедрый и особенный человек. Эту же линию развивает модель, характерная для продвижения донорства спермы, в рамках которой мужчина-донор предстает как герой. Реализация этой стратегии более типична для нормативно-институциональной модели второго типа, и, по всей видимости, степень ее востребованности коррелирует с дефицитом донорского материала.

В научной литературе не раз обращалось внимание на то, что большое значение в качестве ресурса коммодификации половых клеток имеют гендерные стереотипы [15, 19, 24, 29–31]. Исследованный нами материал подтверждает эти выводы, особенно применительно к донорству яйцеклеток. В то же время наш анализ показывает, что эта тенденция не является ни универсальной, ни доминирующей. Более того, возможна обратная, гендерно нейтральная стратегия продвижения донорства, основанная на модели «донорство – это дар» или на представлении об универсальности донорства в целом⁷.

Следует отметить, что для рекламы в сфере ЭКО характерно разделение каналов коммуникации: основные сайты клиник и криобанков ориентированы на потенциальных реципиентов, для коммуникации с потенциальными донорами клиники создают отдельные сайты. Эта тенденция не зависит от нормативно-институциональной ситуации в стране, хотя особенно

ярко она проявляется в странах типа США, Великобритании, Испании, видимо, просто в силу большого числа и разнообразия информационных площадок. Одной из причин такого разделения, как нам представляется, является то, что можно было бы назвать *конфликтом коммодификационных стратегий*: в маркетинговой коммуникации с донорами объектом коммодификации (в том числе символической) является часть его собственного тела, тогда как в коммуникации с реципиентом объектом коммодификации является донорский материал чужого человека. В первом случае, даже если речь идет о возмездном донорстве, как в США, в рекламных сообщениях все равно присутствует альтруистическая риторика, которая явно доминирует в построении коммуникации с донорами яйцеклеток, но проявляется и в сообщениях, адресованных потенциальным донорам спермы: донорство представляется как помощь другому человеку, как проявление сострадания, солидарности. Во втором случае предметом обсуждения становится донорский материал, его безопасность и его «качество», т.е. характеристики донора, причем не только генетически детерминированные (раса, рост, цвет глаз, волос и т.д.), но и его личностные качества

(например, для доноров спермы, как правило, указываются черты характера, уровень интеллекта – в частности, характерно указание на то, какой университет донор окончил, какова его квалификация). Таким образом, в коммуникации клиники и донора акт донорства максимально гуманизируется, символически валоризируется фигура донора как особенного человека, что и является основной стратегией компенсации в условиях ограниченной коммодификации; вместе с тем в коммуникации с реципиентом фигура донора не только анонимизируется, но и в некотором смысле дегуманизируется, предстает как набор «товарных» характеристик, подлежащих продаже в буквальном смысле слова. Таким образом, коммодификации тела как риторическая стратегия более явно проявляется не в коммуникации клиники и донора, а в коммуникации клиники и будущего реципиента. Этот конфликт коммуникативных стратегий и стоящих за ними транзакционных моделей взаимодействия особенно ярко проявляется в странах с безвозмездным донорством, но с хорошо развитым частным рынком ЭКО, где наблюдается серьезный разрыв между символическим (в прямом и переносном смысле) вознаграждением, получаемым донором, и стоимостью этого же донорского материала для конечного реципиента⁸.

Примечания

¹ Сайты клиник и криобанков ориентированы прежде всего на реципиента, а не на потенциального донора. При этом рекламная информация для потенциальных доноров яйцеклеток встречается на основных сайтах клиник чаще, чем информация для потенциальных доноров спермы. Для рекламы донорства спермы криобанки чаще всего создают отдельные информационные сайты, например: spermbank.com (California Cryobank), donatesperm.com (Xytex), seattlespermdonor.com (Seattle Sperm Bank). Таким образом, для коммуникации с разной целевой аудиторией используются разные информационные площадки.

² Фактор анонимности играет значительную роль в мотивации: по данным исследования [27], около 29% американских доноров спермы отказались бы участвовать в донорской программе, если бы законодательство предусматривало, что по достижении совершеннолетия ребенок, зачатый с помощью донорского материала, может узнать личность донора, при этом было экспериментально показано, что стоимость донорского материала в этом случае существенно возросла бы. Ср. также анализ: [28].

³ В недавнем исследовании [29. Р. 4–5] также подчеркивается акцентирование социальной ответственности донора в текстах, размещенных на сайтах британских клиник. К сожалению, авторы этого исследования не делают различий между текстами, адресованным потенциальным донорам и потенциальным реципиентам, однако их выводы подтверждают наши наблюдения.

⁴ С 1 сентября 2022 г. режим анонимности, принятый во Франции, подобен британскому: ребенок, родившийся в результате использования донорского материала, по достижении им совершеннолетия имеет право получить информацию о доноре. С учетом нормативных ограничений и специфики механизмов продвижения донорства, можно ожидать, что в ближайшее время дефицит донорского материала во Франции увеличится.

⁵ Впрочем, не всегда явные примеры реализации этой модели стоит считать проявлением какой-то сознательной маркетинговой стратегии, так как во французском языке понятия ‘дар’ и ‘донорство’ обозначаются одним словом.

⁶ Нормативно установленный размер максимальной выплаты донору существует во многих европейских странах (Греция, Бельгия, Португалия, Испания, Чехия, Великобритания, Дания, Финляндия, Швеция). Помимо этого, в ряде стран выплата символическая и лишь компенсирует расходы, которые может понести донор (такова ситуация в Австрии, Франции, Ирландии, Нидерландах, Польше). Например, фиксированный уровень компенсации донорам яйцеклеток варьирует от 250 евро в Финляндии до 1200 евро в Греции [32].

⁷ В частности, в Германии, где разрешено только безвозмездное донорство спермы, расположенный в Гамбурге Европейский банк спермы (European Sperm Bank) заказал плакат, на котором изображены две капли красного и белого цвета и текст «Ein Spender ist ein Spender» (Донор есть донор), тем самым подчеркивая отсутствие принципиальной разницы между донором крови и донором спермы.

⁸ Так, в Великобритании сдача донорского материала происходит на безвозмездной основе, однако частные криобанки, получающие донорский материал за символическую компенсацию расходов донора, зарабатывают на том, что продают его реципиентам и клиникам. Лондонский банк спермы даже запустил собственное мобильное приложение, позволяющее подобрать донора по заданным характеристикам, которое во многом напоминает интернет-магазин (доноров можно сравнивать по различным параметрам, донорский материал можно «положить в корзину» и т.д.). Донор получает компенсацию в 35 фунтов, тогда как стоимость его материала для пользователя приложения составляет 950 фунтов.

Список источников

1. ESHRE ART Fact Sheet 2022. URL: <https://www.eshre.eu/Europe/Factsheets-and-infographics>
2. Dyer S., Chambers G.M., de Mouzon J., Nygren K.G., Zegers-Hochschild F., Mansour R., Ishihara O., Banker M., Adamson G.D., International Committee for Monitoring Assisted Reproductive Technologies world report: Assisted Reproductive Technology 2008, 2009 and 2010 // Human Reproduction. 2016. Vol. 31, № 7. P. 1588–1609. doi: 10.1093/humrep/dew082
3. Werner-Felmayer G. Globalisation and market orientation: a challenge within reproductive medicine // Cross-cultural comparisons on surrogacy and egg donation: interdisciplinary perspectives from India, Germany and Israel / ed. by S. Mitra, S. Schickel, T. Patel. Cham : Palgrave Macmillan, 2018. P. 13–34.

4. Богомыякова Е.С., Ломоносова М.В. Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 3. С. 180–198. doi: 10.31119/jssa.2017.20.3.9
5. Ксенофонтowa Д.С. Правовое и биоэтическое изменение коммодификации человеческих, в том числе биопринтных, органов и тканей // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 9. С. 100–107. doi: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.100-107
6. Hawkins J. Selling ART: an empirical assessment of advertising on fertility clinics' websites // Indiana Law Journal. 2013. Vol. 88. P. 1147–1179.
7. Yu S., Ghosh M., Viswanathan M. Money-back guarantees and service quality: the marketing of in vitro fertilization services // Journal of Marketing Research. 2022. Vol. 59, № 3. P. 659–673.
8. Brown N. Contradictions of value: between use and exchange in cord blood bioeconomy // Sociology of Health & Illness. 2013. Vol. 35, № 1. P. 97–112.
9. Murray T. New reproductive technologies and the family // New ways of making babies: the case of egg donation / ed. by C. Cohen. Bloomington : Indiana University Press, 1996. P. 51–69.
10. Titmuss R. The gift relationship: from human blood to social policy. New York : Pantheon Books, 1971. 339 p.
11. Zelizer V. Morals and markets: the development of life insurance in the United States. New Brunswick, NJ : Transaction Books, 1979. 264 p.
12. Zelizer V. Pricing the priceless child. New York : Basic Books, 1985. 296 p.
13. Zelizer V. The purchase of intimacy. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2005. 368 p.
14. Zelizer V. The social meaning of money. New York : Basic Books, 1994. 320 p.
15. Almeling R. Sex Cells: The medical market for eggs and sperm. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 2011. 228 p.
16. Brownlie D., Saren M. On the commodification of marketing knowledge // Journal of Marketing Management. 1995. Vol. 11, № 7. P. 619–628.
17. Drummond K. The migration of art from museum to market: consuming Caravaggio // Marketing Theory. 2006. Vol. 6, № 1. P. 65–105.
18. Peñaloza L. The commodification of the American West: marketers' production of cultural meanings at the trade show // Journal of Marketing. 2000. Vol. 64, № 4. P. 82–109.
19. Sobande F., Mimoun L., Trujillo Torres L. Soldiers and superheroes needed! Masculine archetypes and constrained commodification in the sperm donation market // Marketing Theory. 2020. Vol. 20, № 1. P. 65–84. doi: 10.1177/1470593119847250
20. Курленкова А. Когда язык имеет значение: от донорства яйцеклеток к рынкам ооцитов // Социология власти. 2016. Т. 28, № 1. С. 107–140.
21. Zelizer V. Beyond the polemics on the market: establishing a theoretical and empirical agenda // Sociological Forum. 1988. Vol. 3, № 4. P. 614–634.
22. Hobbs P. Miracles of love: the use of metaphor in egg donor ads // Journal of Sociolinguistics. 2007. Vol. 11, № 1. P. 24–52.
23. Almeling R. Sex cells: the gender divided market for eggs and sperm // PBS NewsHour [online]. 29 November 2013. URL: <https://www.pbs.org/newshour/economy/sex-cells-the-gender-divided-market-for-eggs-and-sperm>
24. Gezinski L.B., Karandikar S., Carter J.R. The use of emotional imagery and language in egg donation websites // Journal of Consumer Health on the Internet. 2012. Vol. 16, № 4. P. 390–402. doi: 10.1080/15398285.2012.701174
25. Keehn J., Howell E., Sauer M.V., Kilitzman R. How agencies market egg donation on the Internet: a qualitative study // Journal of Law, Medicine & Ethics. 2015. Vol. 43, № 3. P. 610–618. doi: 10.1111/jlme.12303
26. Kirkman M. Egg and embryo donation and the meaning of motherhood // Women & Health. 2003. Vol. 38, № 2. P. 1–18. doi: 10.1300/J013v38n02_01
27. Cohen G., Coan T., Ottey M., Boyd C. Sperm donor anonymity and compensation: an experiment with American sperm donors // Journal of Law and the Biosciences. 2016. Vol. 3, № 3. P. 468–488. doi: 10.1093/jlb/lsw052
28. Riggs D.W., Russell L. Characteristics of men willing to act as sperm donors in the context of identity-release legislation // Human Reproduction. 2011. Vol. 26, № 1. P. 266–272. doi: 10.1093/humrep/deq314
29. Coveney C., Hudson N., Lafuente-Funes S., Jacksens L., Provoost V. From scarcity to sisterhood: the framing of egg donation on fertility clinic websites in the UK, Belgium and Spain // Social Science & Medicine. 2022. № 296. 114785. doi: 10.1016/j.socscimed.2022.114785
30. Almeling R. Why do you want to be a donor? Gender and the production of altruism in egg and sperm donation // New Genetics and Society. 2006. Vol. 25. P. 143–157.
31. Moore L.J. Extracting men from semen: masculinity in scientific representations of sperm // Social Text. 2002. Vol. 20, № 4. P. 91–119.
32. Bernardo A., Hernandez A. Las donantes de óvulos en España reciben más dinero que en Dinamarca, Reino Unido o Finlandia // CIVIO. 7 marzo 2022. URL: <https://civio.es/medicamentalia/2022/03/07/donar-ovulos-esperma-compensacion-economica>

References

1. ESHRE ART. (2022) *Fact Sheet*. [Online] Available from: <https://www.eshre.eu/Europe/Factsheets-and-infographics>
2. Dyer, S. et al. (2016) International Committee for Monitoring Assisted Reproductive Technologies world report: Assisted Reproductive Technology 2008, 2009 and 2010. *Human Reproduction*. 31 (7). pp. 1588–1609. doi: 10.1093/humrep/dew082
3. Werner-Felmayer, G. (2018) Globalisation and market orientation: a challenge within reproductive medicine. In: Mitra, S., Schick Tanz, S. & Patel, T. (eds) *Cross-cultural comparisons on surrogacy and egg donation: interdisciplinary perspectives from India, Germany and Israel*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 13–34.
4. Bogomyaykova, E.S. & Lomonosova, M.V. (2017) Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii: k voprosu o novykh formakh sotsial'nogo neravenstva [Assisted reproductive technologies: on the issue of new forms of social inequality]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 20 (3). pp. 180–198. doi: 10.31119/jssa.2017.20.3.9
5. Ksenofontova, D.S. (2020) Pravovoe i bioeticheskoe izmenenie kommodifikatsii chelovecheskikh, v tom chisle bioprintnykh, organov i tkanei [Legal and bioethical change in the commodification of human, including bioprinted, organs and tissues]. *Lex Russica*. 73 (9). pp. 100–107. doi: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.100-107
6. Hawkins, J. (2013) Selling ART: an empirical assessment of advertising on fertility clinics' websites. *Indiana Law Journal*. 88. pp. 1147–1179.
7. Yu, S., Ghosh, M. & Viswanathan, M. (2022) Money-back guarantees and service quality: the marketing of in vitro fertilization services. *Journal of Marketing Research*. 59 (3). pp. 659–673.
8. Brown, N. (2013) Contradictions of value: between use and exchange in cord blood bioeconomy. *Sociology of Health & Illness*. 35 (1). pp. 97–112.
9. Murray, T. (1996) New reproductive technologies and the family. In: Cohen, C. (ed.) *New ways of making babies: the case of egg donation*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 51–69.
10. Titmuss, R. (1971) *The gift relationship: from human blood to social policy*. New York: Pantheon Books.
11. Zelizer, V. (1979) *Morals and markets: the development of life insurance in the United States*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
12. Zelizer, V. (1985) *Pricing the priceless child*. New York: Basic Books.
13. Zelizer, V. (2005) *The purchase of intimacy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
14. Zelizer V. (1994) *The social meaning of money*. New York: Basic Books.
15. Almeling R. (2011) *Sex Cells: The medical market for eggs and sperm*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
16. Brownlie, D. & Saren, M. (1995) On the commodification of marketing knowledge. *Journal of Marketing Management*. 11 (7). pp. 619–628.

17. Drummond, K. (2006) The migration of art from museum to market: consuming Caravaggio. *Marketing Theory*. 6 (1). pp. 65–105.
18. Peñaloza, L. (2000) The commodification of the American West: marketers' production of cultural meanings at the trade show. *Journal of Marketing*. 64 (4). pp. 82–109.
19. Sobande, F., Mimoun, L. & Trujillo Torres, L. (2020) Soldiers and superheroes needed! Masculine archetypes and constrained commodification in the sperm donation market. *Marketing Theory*. 20 (1). pp. 65–84. doi: 10.1177/1470593119847250
20. Kurlenkova, A. (2016) Kogda yazyk imeet znachenie: ot donorstva yaitsekletok k rynkam ootsitov [When language matters: from egg donation to oocyte markets]. *Sotsiologiya vlasti*. 28 (1). pp. 107–140.
21. Zelizer, V. (1988) Beyond the polemics on the market: establishing a theoretical and empirical agenda. *Sociological Forum*. 3 (4). pp. 614–634.
22. Hobbs, P. (2007) Miracles of love: the use of metaphor in egg donor ads. *Journal of Sociolinguistics*. 11 (1). pp. 24–52.
23. Almeling, R. (2013) Sex cells: the gender divided market for eggs and sperm. *PBS NewsHour [online]*. 29 November [Online] Available from: <<https://www.pbs.org/newshour/economy/sex-cells-the-gender-divided-market-for-eggs-and-sperm>>
24. Gezinski, L.B., Karandikar, S. & Carter, J.R. (2012) The use of emotional imagery and language in egg donation websites. *Journal of Consumer Health on the Internet*. 16 (4). pp. 390–402. doi: 10.1080/15398285.2012.701174
25. Keehn, J., Howell, E., Sauer, M.V. & Kilitzman, R. (2015) How agencies market egg donation on the Internet: a qualitative study. *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 43 (3). pp. 610–618. doi: 10.1111/jlme.12303
26. Kirkman, M. (2003) Egg and embryo donation and the meaning of motherhood. *Women & Health*. 38 (2). pp. 1–18. doi: 10.1300/J013v38n02_01
27. Cohen, G., Coan, T., Ottey, M. & Boyd, C. (2016) Sperm donor anonymity and compensation: an experiment with American sperm donors. *Journal of Law and the Biosciences*. 3 (3). pp. 468–488. doi: 10.1093/jlb/lsw052
28. Riggs, D.W. & Russell, L. (2011) Characteristics of men willing to act as sperm donors in the context of identity-release legislation. *Human Reproduction*. 26 (1). pp. 266–272. doi: 10.1093/humrep/deq314
29. Coveney, C. et al. (2022) From scarcity to sisterhood: the framing of egg donation on fertility clinic websites in the UK, Belgium and Spain. *Social Science & Medicine*. 296 (114785). doi: 10.1016/j.socscimed.2022.114785
30. Bernardo, A. & Hernandez, A. (2022) Las donantes de óvulos en España reciben más dinero que en Dinamarca, Reino Unido o Finlandia. *CIVIO [online]*. 7 marzo. [Online] Available from: <<https://civio.es/medicamentalia/2022/03/07/donar-ovulos-esperma-compensacion-economica>>
31. Almeling, R. (2006) Why do you want to be a donor? Gender and the production of altruism in egg and sperm donation. *New Genetics and Society*. 25. pp. 143–157.
32. Moore, L.J. (2002) Extracting men from semen: masculinity in scientific representations of sperm. *Social Text*. 20 (4). pp. 91–119.

Информация об авторах:

Спиридонов Д.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры германской филологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: Dmitry.Spiridonov@urfu.ru. ORCID: 0000-0002-8263-5581

Полякова И.Г. – канд. социол. наук, научный сотрудник Уральского межрегионального института общественных наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: irinapolykova@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9619-2152

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.V. Spiridonov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Department of Germanic Philology, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Dmitry.Spiridonov@urfu.ru. ORCID 0000-0002-8263-5581

I.G. Polyakova, Cand. Sci. (Sociology), research fellow, Ural Center for Advanced Studies and Education (UCASE), Institute for the Humanities, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: irinapolykova@yandex.ru. ORCID 0000-0002-9619-2152

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2023;
одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 17.02.2023;
approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94 (47).083; 282
doi: 10.17223/15617793/491/11

Златоустовские католики – специалисты социально значимых профессий в конце XIX – начале XX в.

Александр Николаевич Андреев¹

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия, alxand@yandex.ru

Аннотация. Разрабатывается малоизученный религиозно-институциональный аспект участия нерусских диаспор в жизни социума. Изучен вопрос об участии прихожан римско-католической церкви города Златоуста в работе организаций социальной сферы (здравоохранения, образования, юстиции) на Южном Урале рубежа XIX–XX вв., дана оценка вовлеченности католиков в процессы социального развития региона. Выяснено, что наибольший вклад златоустовские католики внесли в работу медицинских и судебных учреждений.

Ключевые слова: католики Златоуста, поляки, немцы, социально-экономическое развитие России, Южный Урал, здравоохранение, образование, судебная система

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20029, <https://rscf.ru/project/22-28-20029/>

Для цитирования: Андреев А.Н. Златоустовские католики – специалисты социально значимых профессий в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 92–102. doi: 10.17223/15617793/491/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/11

Zlatoust Catholics – specialists of socially important professions during the late 19th and early 20th centuries

Aleksandr N. Andreev¹

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, alxand@yandex.ru

Abstract. The article formulates the problem of the tight-knit religious (non-Orthodox) communities' influence on the social development and social modernization of Russian regions in the late empire era. It is aimed at a systematic solution to the issue of the Zlatoust Roman Catholic Church parishioners' participation in the work of social significant organizations (healthcare and educational institutions, judicial and law enforcement authorities) in the South Ural region at the turn of the 20th century. On the basis of reference issuances (reference books) published by the Ufa and Orenburg provincial statistical committees and of parish registers of the Zlatoust Church, the author consistently identifies Catholic faith persons among employees of medical and educational institutions, as well as officials of the judicial and legal system in the city Zlatoust and its district. The article also appreciates Catholics' and their parish organization's role in the life support and development of these sectors. In fact, the conducted research serves to develop a little-studied religious-institutional (parish) aspect of non-Russian Diasporas' (mainly Polish and German) involvement in the society's life. The most important theoretical premise of the study is the idea that it is the Church parishes that should be considered as the basic social institutions of "Russian foreigners" when assessing their impact on socio-economic processes in Russia. Using statistical and biographical methods, as well as the method of restoring family history, the author exposed the Catholic segment in the job market of the so-called "social professions" in Zlatoust city and Zlatoust district, and traced the professional biographies of many Catholic specialists. The author concludes that local Catholics made the greatest contribution to the work of medical institutions (especially veterinary medicine) and judicial and law enforcement agencies. The parishioners of the Catholic Church in Zlatoust, possessing valuable professional skills and a rather rare higher education at that time, were actively involved in the work of the zemstvos, forming a new post-serf social reality in this region. Many of them – zemstvo physicians, paramedics, pharmacists, examining magistrates – made up the intelligentsia stratum in the South Ural region. The Roman Catholic parish in Zlatoust, which contributed to the social adaptation of Poles, Germans and persons of other nationalities, ensured their existence in their native cultural and confessional environment, and thus simultaneously facilitated the attraction of

qualified personnel of non-Russian origin to the South Ural region and their use in the social sphere. In this sense, the history of the Catholic community of Zlatoust – the oldest non-Orthodox association in the Urals – represents one facet of the socio-economic modernization history of the region at the turn of the 20th century.

Keywords: Catholics of Zlatoust, Poles, Germans, social and economic development of Russia, South Ural region, healthcare, education sector, legal and judicial frameworks

Financial support: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project № 22-28-20029, <https://rscf.ru/en/project/22-28-20029/>

For citation: Andreev, A.N. (2023) Zlatoust Catholics – specialists of socially important professions during the late 19th and early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 92–102. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/11

Исследование истории инославных общин в России имеет богатые традиции и обладает непреходящей актуальностью, поскольку дает необходимые знания об этноконфессиональной структуре российского общества, детерминирует способы межрелигиозного взаимодействия в нем, оттеняет специфику особого «русского» пути [1. С. 101–160]. Однако история инославных общин до недавнего времени воспринималась преимущественно как составная часть истории религии: специалисты видели в общинных коллективах прежде всего носителей тех или иных религиозных идей или культурных ценностей и редко усматривали в «иноверцах» непосредственно социальных акторов. Предлагаемое исследование, выполненное в русле социальной истории, напротив, разрабатывает тему влияния замкнутых конфессиональных групп населения на социальное развитие российских регионов. Целью статьи является решение вопроса об участии прихожан златоустовской католической церкви в работе организаций социальной сферы на Южном Урале рубежа XIX–XX вв. Достижению цели подчинены основные задачи исследования – выявление лиц католической веры и особенно членов прихода среди работников здравоохранения, образования и судебно-правовой системы Златоуста и Златоустовского уезда, а также осуществление приблизительной оценки их роли в жизнеобеспечении указанных отраслей. Решение задач производится с опорой на справочные издания Уфимского и Оренбургского губернских статистических комитетов (адрес-календари) и метрические документы златоустовского католического прихода.

В исторической науке *de facto* нет исследований, посвященных функциональным взаимосвязям между развитием конфессиональных объединений и социально-экономическими процессами в России и ее отдельных регионах. Гораздо лучше разработана смежная проблематика, состоящая в изучении истории национальных диаспор (главным образом, польской и немецкой) на Урале и в Сибири. Имеются обобщающие труды по истории поляков в Пермском крае, Екатеринбурге, Уфе, Оренбуржье, Курганском уезде, авторы которых так или иначе прослеживают вклад поляков (в большинстве случаев католиков) в хозяйственное, социальное и культурное развитие регионов [2–4]. Существуют и специальные статьи на тему участия тех или иных этнических групп (не только поляков и немцев, но и шведов, латышей, эстонцев) в работе различных отраслей хозяйства на Урале – транспортной, горно-металлургической, аграрной [5–9].

Службе врачей иностранного происхождения (поляков и немцев) на горных заводах Урала в хронологических рамках в XIX в. посвятил ряд своих исследований Э.А. Черноухов [10–12]. Участие поляков в создании социальной сферы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. оценил Л.К. Островский [13, 14]. Однако авторы отмеченных публикаций никак не связывают удовлетворение потребностей региональной экономики с функционированием религиозных общин тех же поляков или немцев, оставляя в стороне религиозно-институциональный аспект участия нерусских диаспор в жизни социума. Думается, это неправильно, поскольку в большинстве случаев поляки, немцы, литовцы и прочие не существовали изолированно друг от друга, т.е. вовсе не составляли замкнутых диаспор, а входили в мультинациональные церковные приходы или общины. И именно эти приходы следует рассматривать в качестве базовых социальных институтов «русских иноземцев» при оценке их влияния на социально-экономические процессы «глубинной» России.

С другой стороны, специалисты по истории католической традиции на Урале тоже не спешат комплексно решать вопросы, связанные с вовлеченностью католиков в социально-экономическую жизнь региона. В основном исследуются процессы распространения католичества и социально-политические условия их протекания, место католиков в религиозном ландшафте Урала, история появления церквей и состав причтов, социальный и национальный состав католического населения [15–17]. Разработка истории католичества конкретно на Южном Урале вообще находится в начальной стадии развития. В немногочисленных публикациях пока представлена общая история появления католичества в Оренбуржье, Уфе и Челябинске, причем, в силу четко очерченных территориальных рамок, в них крайне мало внимания уделяется златоустовскому приходу – старейшему на уральской земле [18. С. 76–78; 19. С. 5–6, 31–36; 20]. Таким образом, данная статья обладает новизной не только в теоретическом отношении, но и в фактологическом, впервые раскрывая социoproфессиональный состав католической общины Златоуста и фокусируя внимание на возможностях отдельных его членов влиять на ход социальной модернизации края.

Исследование осуществлено в междисциплинарном поле социальной истории и социологии религии. Теоретический инструментарий последней позволил сосредоточиться на изучении церковного прихода как социального организма.

Решение собственно исторических задач произведено с помощью статистического и биографического методов. Широко применялся и новейший метод восстановления истории семей, послуживший определению социальных и родственных связей между католиками и обеспечивший возможность реконструкции в составе церковного прихода его базовых ячеек (семей).

Российский рынок труда, несмотря на его существенное укрепление и стабилизацию, произошедшие к концу XIX столетия, продолжал остро нуждаться в квалифицированных специалистах [21. С. 8]. В целом, его развитие определялось расширением промышленного сектора экономики, который резко повышал доходность от применения кадрового потенциала, делал рынок труда «полноценным» (конкурентным) и повышал степень мобильности его субъектов [21. С. 118–124].

Формирование рынка труда на Урале происходило в русле общероссийских тенденций: движущей силой этого процесса также выступала промышленность, которая, справившись с упадком, вызванным крестьянской реформой, тем не менее, так и не смогла преодолеть свою отсталость «на фоне стабильно растущей промышленной базы юга России» [22. С. 65]. Для повышения конкурентоспособности уральской индустрии тем более были нужны квалифицированные кадры, что резко увеличивало на них спрос. На рубеже XIX–XX вв. в горно-металлургической отрасли и на предприятиях железнодорожного транспорта Южного Урала, помимо русских, были широко задействованы поляки, немцы, бельгийцы, обычно имевшие высокий уровень грамотности и стремившиеся к получению специального образования [23]. Как правило, они были прихожанами католических церквей Златоуста и Челябинска, за исключением части немцев, исповедовавших лютеранство. Эти же приходы вбирали в себя немало лиц, обладавших профессиями высокой социальной значимости – врачей, педагогов, работников правоохранительной сферы. Их активно привлекали на службу горная администрация и администрация управления железных дорог, которые, таким образом, напрямую обеспечивали социальное развитие региона.

Поляки и немцы (католики и лютеране) составляли сравнительно небольшую, но функционально значимую часть дипломированных медицинских работников на Урале и в Западной Сибири [14. С. 91–92; 24. С. 77; 25. С. 297–299]. Согласно алфавитному перечню лиц, имеющих право врачебной практики в России, в 1914 г. на долю представителей этих национальностей приходилось не менее 10% врачей и фармацевтов [26. С. 12–552]. Образ доктора-немца вообще был стереотипным для российского общественного сознания, однако в том же качестве на горнозаводском Урале нередко предстал и поляк. Среди выпускников медицинских факультетов университетов (Московского, Петербургского, Казанского, Томского, Варшавского, Киевского, Харьковского, Одесского) «...довольно солидную долю составляли поляки» [27. С. 83]. В начале XX в. поляки из числа прихожан златоустовского костела трудились в госпиталях, амбулаториях и аптеках при казенных и частных заводах – например, фармацевт Белорецкого завода Бронислав Осипович Пашкевич

[28. С. 66], врач Миньярского железоделательного завода Эрнест Эрнестович Пенский (1887–1921) [29. С. 55], врач Демаринского винокуренного завода Александр Дмитриевич Гуминский [30. Л. 10]. Еще в 1840-х гг. младшим лекарем Артинского завода, входившего в Златоустовский горный округ, служил выпускник Виленского университета Михаил Стржалковский [31. С. 63]. Оставаясь католиком, он был женат на протестантке, а его дети частью исповедовали лютеранство, частью – православие. В начале 1870-х гг. в Златоусте в должностях уездного врача и одновременно младшего лекаря заводского госпиталя состоял его сын Александр Михайлович Стржалковский [32. С. 66, 68]. Старшим лекарем госпиталя в эти же годы служил поляк Феликс Михайлович Калиновский, а аптекарем – немец-католик Даниель (Данило Иванович) Поль [32. С. 68].

Самым известным врачом католического вероисповедания на горных заводах Южного Урала был Эдуард Альбертович (Адальбертович) Шлипер (Шлиппер, Schlieper), происходивший из семьи златоустовских немцев-оружейников. Его отец, Альберт Шлипер, большой специалист по отливке пушек, помогал управителю Златоустовской фабрики Павлу Матвеевичу Обухову в его опытах по созданию литых орудий [33. С. 34]. Эдуард Шлипер, 1853 года рождения, получил высшее медицинское образование за счет казенных средств Горного ведомства и, вернувшись в родные места, в 1881 г. поступил на службу в Златоустовский горный округ [28. С. 393; 34. С. 8]. Его карьера поначалу складывалась непросто – долгое время доктору приходилось служить в глуши. Так, в 1881–1890 гг. он был земским врачом западного врачебного участка в селе Богородском Пермской губернии, где возглавлял «приемный покой на 4 кровати» [35. С. 385; 36]. В 1896–1906 гг. Э. Шлипер, уже в чине коллежского советника, служил врачом Саткинского завода [37. С. 259; 38. С. 79]. В 1910 г. он был назначен старшим врачом и инспектором по медицинской части Златоустовского горного округа и менее чем через год получил чин статского советника [39. С. 81; 40. С. 84]. В течение 1910–1915 гг., совмещая обязанности старшего окружного врача и заведующего горнозаводским госпиталем в Златоусте, Э. Шлипер входил в Управление Златоустовским горным округом, пока в 1916 г. на этих должностях его не сменил Ф.В. Симонов [41. С. 136; 42. С. 147, 156; 43. С. 132, 140; 44. С. 134; 45. С. 134, 142]. После отставки Э. Шлипер продолжал заниматься частной врачебной практикой в Златоусте, которую начал не позднее 1912 г. [29. С. 139; 42. С. 157].

Э. Шлипер представлял собой типичного интеллигента – был человеком творческим, одаренным, социально активным, с разносторонними интересами и высокими духовными запросами [46. С. 156–173]. Провинция обычно бедна на такого рода людей, и потому так важен их вклад в культурное развитие небольших городов. Он прекрасно играл на скрипке и много лет (по меньшей мере, в 1912–1917 гг.) являлся товарищем председателя местного музыкально-драматического кружка [41. С. 135; 29. С. 138], организатором театральной самодеятельности [47]. В эти же годы достигла апогея его общественная и благотворительная

деятельность – Э. Шлипер был одним из директоров уездного отделения Попечительного о тюрьмах общества, а также членом Златоустовского комитета попечительства о народной трезвости [41. С. 123–124; 44. С. 130–131]. В революционном 1917 г. он вошел в правление Уфимского отдела Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом [29. С. 76]. Еще служа в Сатке, Э. Шлипер духовно породнился с семьей заводского служащего Франца Лаубмана – австрийского подданного, чей сын был назван Эдуардом в честь уважаемого немецкого доктора, ставшего крестным [48. Л. 10 об.].

Помимо поляков и немцев, приход костела в Златоусте включал в себя медицинских и фармацевтических работников разных национальностей – украинца Адольфа Коломееца, заведовавшего больницей Юрюзанского завода [42. С. 156], провизора-литовца Михаила-Эмилиана Буйневича (1865–1909), с 1897 по 1909 г. управлявшего Златоустовской земской аптекой, и других [28. С. 100; 49. Л. 1, 15 об.; 50. Л. 3 об.; 51. С. 235; 52. С. 77; 53. С. 51]. С католическим приходом был связан дом православных французов Бейвелей, перешедших в российское подданство: брат знаменитого челябинского городского головы Константин Францевич Бейвель, православного вероисповедания, был женат на католичке. К.Ф. Бейвель, выпускник оренбургской классической гимназии, в 1896 г. поступил учеником в вольную аптеку Карла Карловича Капеллера в Оренбурге – именно в ведомости о штатных служащих аптеки указаны его национальность и вероисповедание [54]. К.Ф. Бейвель в качестве провизора упоминается в документах златоустовского костела за 1904 г. вместе со своей супругой Евгенией Авраамовной, которая стала крестной для мальчика-поляка Ромуальда Огинского [55. Л. 5]. В 1914 г. К.Ф. Бейвель служил аптекарским помощником в вольной аптеке при земстве в Набережных Челнах [26. С. 501].

Имена католиков златоустовского прихода прочно вписаны в историю земской медицины Южного Урала, несмотря на то, что, согласно адрес-календарям, доля католиков среди врачей и фельдшеров Златоустовского уездного земства в первое десятилетие XX в. не превышала 10% (лиц католического исповедания, как правило, было не более двух человек из двадцати с лишним специалистов). Между тем речь идет о ветеранах медицинской службы. Например, много лет, с конца XIX в. до начала Первой мировой войны, земским врачом в селе Тастуба, тогда относившемся к Златоустовскому уезду, служил Болеслав Болеславович Свенцицкий (1872 года рождения, окончил курс в 1897 г.) [56. С. 285]. В Тастубе фельдшерницей-акушеркой работала его жена Ольга Петровна, сам же он, помимо заведования земской больницей, занимался еще и частной практикой [41. С. 121, 136; 42. С. 141, 156–157; 52. С. 77–78]. Эта семья была весьма уважаемой в уезде – Свенцицкий состоял в дружеских отношениях с известным на Урале общественным и политическим деятелем Петром Флегонтовичем Коропачинским, в 1898–1901 гг. возглавлявшим Златоустовскую уездную земскую управу [57]. Накануне войны Б.Б. Свен-

цицкий входил в общество вспомоществования нуждающимся ученицам Месягутовской женской прогимназии [41. С. 135; 42. С. 155].

В Юрюзанской больнице земским врачом в 1916–1917 гг. служила Люция Антоновна Тараткевич-Заборовская, тоже занимавшаяся частной практикой [29. С. 139; 45. С. 128, 143]. Кроме нее церковные документы упоминают сельского врача челябинского участка Николая-Аполлинария (Николая Леонардовича) Кимбара (Кимбера), белоруса по происхождению, работавшего в селе Куртамыш [48. Л. 13; 58. С. 6]. На станции Кропачево, находясь в ведении Министерства путей сообщения, на исходе XIX в. пользовал пациентов врач Викентий Ксаверьевич Бржозовский [37. С. 207; 59. С. 42; 60. С. 44].

Весьма характерной для поляков и литовцев в России формой активности в сфере здравоохранения выступало «их участие в создании аптечной сети и распределении фармакологических средств» [27. С. 89]. Эту инициативу в начале столетия в Златоусте подхватили и реализовали провизоры-католики – уже упоминавшийся Михаил-Эмилиан Буйневич и Константин Николаевич Каниовский [26. С. 523], в Кипельской волости Челябинского уезда (участок Горохово) – аптекарский помощник Людовик Якуц-Якучевский [30. Л. 38 об.; 61. Л. 91 об.–92, 112], непосредственно в Челябинске – провизоры фармации Сигизмунд-Михаил Курчевский [62. Л. 50] и Бронислав Снежко [63. С. 120, 127, 144]. Еще больший вес поляки-католики имели в области местной ветеринарной медицины. На рубеже веков (в 1900–1902 гг.) земское ветеринарное дело в Златоустовском уезде фактически находилось в их руках: существовали два ветеринарных округа, возглавляемых врачами Иосифом Павловичем Шимановским (в Златоусте) и Людвигом Максимилиановичем Карвовским (в селе Месягутово) [53. С. 54; 64. С. 57]. И.П. Шимановский (Шиманский) был патриархом златоустовской ветеринарии – в должность земского врача он вступил не позднее 1883 г., к 1894 г. дослужился до чина надворного советника, много лет входил состав уездной земской управы [40. С. 80; 65. С. 172; 66. С. 33; 67. С. 200]. В дальнейшем, до 1915 г., он заведовал златоустовской ветеринарной амбулаторией [41. С. 121, 136; 42. С. 141, 156; 43. С. 126, 140]. Доктор Шимановский и его супруга Эмилия не раз становились крестными родителями для детей южноуральских католиков, причем, судя по церковным документам, входили в круг общения местной польской интеллигенции [30. Л. 3; 48. Л. 7 об.; 49. Л. 14; 68. Л. 5 об.]. Например, семья Шимановских состояла в дружбе с семьей Станислава Францевича Задарновского – безвременно ушедшего из жизни талантливого ветеринарного врача из поселка Николаевского (Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии), умершего от хронического ревматизма в 35-летнем возрасте [48. Л. 7 об.; 69. Л. 24].

В меньшем числе католики златоустовского прихода оказались задействованы в образовании – по крайней мере, среди педагогов и служащих в этой сфере только у двоих достоверно установлен факт

принадлежности к общине. Во-первых, это Люция Николаевна Ибах, урожденная Эслингер, происходившая из известной семьи немецких оружейников, в 1913–1917 гг. служившая классной надзирательницей в женской гимназии Златоуста [29. С. 134; 42. С. 150]. За два года до поступления на работу в гимназию, в 1911 г., будучи восемнадцати лет от роду, она вышла замуж за Виктора-Вальдемара Ибаха, тоже происходившего из семьи златоустовских оружейников, но лютеранской веры [70. Л. 4 об.; 71. Л. 1 об.]. Во-вторых, несомненным католиком был Антон Бонифатьевич Матусевич, учитель приготовительных классов, в 1912–1915 гг. исполнявший обязанности председателя педагогического совета в Месягутовской женской прогимназии [41. С. 130; 44. С. 137]. А.Б. Матусевич, начавший карьеру еще в 1880 г. учителем Могилевской мужской гимназии, имел большой педагогический опыт, звание учителя уездных училищ и чин коллежского асессора [72. С. 31]. Кроме упомянутых лиц, весьма вероятно, католичество исповедовали поляки Роман Казимирович Закржевский (учитель женской гимназии и преподаватель среднего технического училища в Златоусте) [73. С. 75], Антон Антонович Тржцинский (учитель четырехклассного училища в Симе, затем городского четырехклассного училища и высшего начального училища в Златоусте) [42. С. 63, 149; 43. С. 135; 44. С. 136] и Александр Юлианович Бельский (преподаватель Дуванской ремесленной школы) [29. С. 134]. Эти три фамилии упоминаются в базе данных участников Польского восстания 1863–1864 гг., однако, за исключением Бельских, не отмечены в метриках златоустовского костела [74; 75. Л. 11 об.–12].

Перечни служащих педагогов по Златоусту и Златоустовскому уезду, публиковавшиеся в адрес-календарях с 1889 по 1917 г., в целом содержат свыше двадцати фамилий польского и литовского происхождения (Нимвицкие, Чаевские, Ольсевич, Довгвилло, Лаппо и др.), однако установить вероисповедный статус их носителей пока не удалось. Так, осталась не выясненной конфессиональная принадлежность Иосифа Модестовича Каменского (ум. в 1914 г.) – крупного деятеля на ниве южно-уральского просвещения, в конце 1890-х гг. бывшего инспектором народных училищ в Златоусте, а затем директором реального училища в Оренбурге [37. С. 256; 67. С. 201]. И.М. Каменский дослужился до чина действительного статского советника, опубликовал несколько трудов по педагогике [76. С. 281; 77]. Впрочем, если он и имел отношение к приходу в Златоусте, то весьма недолгое время, вскоре став оренбургским жителем.

Гораздо более ощутимый след златоустовские католики оставили в истории правоохранительной системы Южного Урала. В Златоустовском уезде в конце XIX – начале XX в. одних только судебных следователей «римской веры» можно было насчитать более десятка. В этой должности состояли следующие лица: Иосиф Станиславович Сидорович – судебный следователь по городу Златоусту в 1873 г., затем член Палаты уголовного и гражданского суда в Уфе в 1883 г. (за неимением точных сведений о сроках службы на том или ином месте указаны годы упоминания лиц в

источниках); Густав Иосифович Рачинский, исполнявший должность судебного следователя 1-го участка Златоустовского уезда (1883 г.); Фаддей Северинович Ярошевский (Ярушевский) – судебный следователь 2-го и 3-го участков (1891–1905 гг.); Люциан Оскарович Свиртун – следователь 4-го участка с центром в Саткинском заводе (1894–1895 гг.), позднее директор уездного тюремного отделения (1899 г.); Мечислав Мечиславович Свенцицкий – следователь в поселке Благовещенского завода (1895–1896 гг.); Ярослав Станиславович Щавинский – судебный следователь 2-го участка (село Тастуба и его окрестности) (1910 г.) [32. С. 66; 37. С. 204; 39. С. 80; 52. С. 99; 65. С. 30, 32; 67. С. 201; 78. С. 46; 79. С. 91]. Следователем в Тастубе (1911–1914 гг.), а затем в Златоусте (1915–1917 гг.) служил Эдгар Альбертович Монкевич, по всей видимости, принадлежавший к известной в Челябинске шляхетской семье из Минской губернии [29. С. 126; 40. С. 83; 43. С. 127; 44. С. 22].

Биографии католиков, служивших в судебной системе, проясненные с опорой на делопроизводственные документы церковных и гражданских властей, в ряде случаев способны весьма точно охарактеризовать их социальный облик, религиозную позицию, быт и нравы. Имея высшее юридическое образование и будучи людьми практического склада, они вряд ли могли показать другим пример набожности. Их связи с католическим приходом во многом оставались формальными, они явно находились в тесном взаимодействии с православной средой. Такие люди целенаправленно делали чиновничью карьеру.

В данном отношении весьма характерны судьбы членов шляхетской фамилии Маковских. Петр Феликсович Маковский (1850 года рождения), дворянин из Ровенского уезда Волынской губернии, окончивший Нежинский юридический лицей имени князя А.А. Безбородко, 10 сентября 1879 г. был назначен судебным следователем 2-го участка Златоустовского уезда. В этой должности он пребывал до осени 1885 г., пройдя путь от губернского секретаря до коллежского асессора [65. С. 32; 66. С. 95; 80. Л. 38–49, 61–62]. 8 октября 1885 г. П.Ф. Маковский был переведен на должность судебного следователя при Уфимской палате уголовного и гражданского суда, а впоследствии стал членом Пермского окружного суда, к 1913 г. дослужившись до чина действительного статского советника [81. Л. 1–7]. Женатый на православной женщине, Марии Константиновне Харитоновой, П.Ф. Маковский в полном согласии с буквой закона воспитывал своих детей в православии. Его однофамилец, Александр-Казтан Юлианович Маковский (1869 года рождения), состоял судебным следователем 5-го участка (в городе Златоусте) в 1908–1917 гг. [29. С. 22, 126; 41. С. 10, 122; 82. С. 79]. Он женился в 41 год на молодой девице Юзефе Штахельской, своей родственнице, для чего потребовалось специальное разрешение католического митрополита [83. Л. 4 об.]. Однако вступление в законный брак, по-видимому, не изменило привычки А.Ю. Маковского иметь случайные связи: церковные книги зафиксировали ребенка от его «гражданской жены» – Розалии Целей, крестьянки из Седлецкой губернии [70. Л. 2 об., 11 об.]. В ближайший круг общения и духовного родства

А.Ю. Маковского входили коллеги по службе – уездный исправник Ипполит Любовицкий (католик), а также товарищи прокурора Капитон Агеев и Сергей Анатольевич Римский-Корсаков (православные).

История Казимира Богдановича Бури (возможно, из католической семьи) показывает, что не всегда работники юстиции являлись безаветно преданными слугами царского режима. К.Б. Бури, учившийся на юридическом факультете Московского университета, свыше двадцати лет (с 1882 г. как минимум по 1904 г.) находился под негласным надзором полиции по причине своей политической неблагонадежности [84. Л. 3]. Однако это не помешало ему в 1910–1912 гг. исполнять обязанности судебного следователя в Златоустовском уезде, а после служить товарищем прокурора в губернском центре – Уфе [39. С. 80; 41. С. 10, 119, 122; 43. С. 22].

К числу старейших и опытных юристов Златоуста относился Иван Данилович Поль (1839–1904), сын уже упоминавшегося аптекаря Даниеля Поля, начинавший свою профессиональную деятельность в Уфимском городском полицейском управлении в качестве пристава еще в 1870-е гг. [32. С. 44]. Впоследствии он исполнял обязанности судебного следователя в Белебеевском уезде [65. С. 33], а в конце 1880-х и начале 1890-х гг. работал судебным следователем 1-го участка Златоустовского уезда [66. С. 96; 78. С. 46]. Будучи больным, И.Д. Поль завершил свою карьеру в 1897 г. в должности городского судьи Златоуста [51. С. 239; 67. С. 202]. Он был холостым и умер от астмы 11 апреля 1904 г., приобщившись Святым Тайн [55. Л. 13].

Специалисты-католики работали практически во всех звеньях уездного аппарата юстиции – в прокуратуре, судах, пенитенциарных учреждениях. Среди них, например, – товарищи губернского прокурора по Златоустовскому уезду Донат Иванович Дашкевич (1882–1883 гг.) [65. С. 34] и Ричард-Вильгельм Раковский (1908–1911 гг.) [40. С. 83; 82. С. 78]; уездный член окружного суда статский советник Михаил Антонович Жарский (1899–1905 гг.) [48. Л. 30; 69. Л. 18 об.; 79. С. 91; 85. С. 108]; судебный пристав Фаддей Феликсович Куклинский (1894–1895 гг.) [67. С. 202]. Их социальные связи выходили далеко за пределы католической общины, хотя они и поддерживали близкие отношения с единоверцами: Жарские состояли в кровном и духовном родстве с семьей инженера-технолога Иосифа-Казимира Свионтецкого [69. Л. 18 об.]; Раковские в 1909 г. пригласили на крещение своей дочери Елены-Богумилы православных свидетелей – уфимского прокурора Сергея Дмитриевича Тверского (будущего Саратовского губернатора) и некую Серафиму Ивановну Пономареву [50. Л. 2]. Возможно, католиками были городской судья в Златоусте Б.А. Павлович и начальник тюрьмы В.П. Силецкий (Салицкий, Салецкий), так как в метриках костела неоднократно упоминаются различные представители этих фамилий [29. С. 126; 43. С. 127; 45. С. 129].

Из служащих полицейского ведомства к католикам с уверенностью можно отнести штаб-ротмистра Вацлава-Франца Томкевича – станового пристава в Златоусте (1891 г.), впоследствии помощника исправника в

уездном полицейском управлении (1896 г.) [37. С. 253; 78. С. 14]. Прихожанином златоустовского костела являлся Ипполит Иванович Любовицкий – уездный исправник, директор попечительного о тюрьмах общества в 1911–1913 гг., обосновавшийся в Златоусте еще в конце XIX в. [30. Л. 43; 40. С. 80; 42. С. 139, 142]. Кроме того, в адрес-календарях имеются сведения о других лицах с «польскими» фамилиями, однако судить об их конфессиональной принадлежности не позволяют источники, – это становой пристав в Златоусте Д.И. Коховский (1891–1899 гг.) [52. С. 70; 78. С. 14], исправник А.В. Крживицкий (1878–1891 гг.) [78. С. 13; 86. С. 44], полицейский надзиратель И.Ф. Ксенович (1916–1917 гг.), ранее служивший околоточным надзирателем в Хаапсалу (Гапсаль, Эстляндская губерния) [29. С. 123; 45. С. 126].

Отдельную категорию работников Министерства внутренних дел в исследуемое время составляли земские начальники – особые чиновники, имевшие административную и судебную власть в отношении крестьянских обществ. Работу по управлению крестьянами Златоустовского уезда в начале XX в. осуществляли прихожане костела Казимир Яковлевич Домбровский [40. С. 79; 42. С. 139; 50. Л. 2; 87. Л. 3 об.], Аполлинарий Станиславович Рацкевич [40. С. 79] и Адам Лукашевич [44. С. 126; 45. С. 126; 88. Л. 4]. Вообще католический приход в Златоусте объединял людей самых разных профессий и социoproфессиональных групп. Например, Владислав Александрович Буржинский (Буржимский) (1864–1913) был помощником бухгалтера, а впоследствии уездным казначеем [37. С. 255; 40. С. 81; 71. Л. 5]. Владислав Адольфович Ковалевский – помощником начальника почтово-телеграфной конторы в Златоусте [85. С. 100]. Фридрих Пиотровский возглавлял эту же самую контору в 1904–1914 гг. Массово католики служили по акцизному ведомству: Витольд Францевич Трусколяевский и Владислав Генрихович Новаковский – контролерами; Антон Рудольфович Войцеховский и Виктор Теофилович Менчинский – помощниками акцизного надзирателя; Стефан Вацлович Ковалевский – машинистом винного склада. Будучи профессионалами в разных областях, католики златоустовского прихода активно участвовали в жизни южно-уральского региона, обеспечивая стабильное существование и развитие социальной сферы горнозаводского социума.

Произведенная реконструкция католического сегмента на рынке труда так называемых социальных профессий в Златоусте и Златоустовском уезде рубежа XIX–XX вв. позволяет утверждать, что наибольший вклад местные католики внесли в работу медицинских учреждений (особенно ветеринарной медицины) и судебно-правоохранительных органов. Прихожане костела в Златоусте, обладая ценными профессиональными навыками и довольно редким по тем временам высшим образованием, деятельно включались в работу земств, формируя в регионе новую посткрепостническую социальную реальность. Многие из них – земские врачи, фельдшеры, провизоры, судебные следователи – составляли цвет южно-

уральской интеллигенции. Римско-католический приход в Златоусте, способствовавший социальной адаптации поляков, немцев и представителей других национальностей, обеспечивавший им бытование в родной

культурной и конфессиональной среде, таким образом, одновременно содействовал привлечению на Южный Урал квалифицированных кадров нерусского происхождения и их использованию в социальной сфере.

Список источников

- Алакшин А.Э. Иностранцы в Петербурге XVIII века: Опыт историографического исследования. СПб. : Петрополис, 2014. 240 с.
- Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / под ред. А.В. Черных. СПб. : Маматов, 2009. 304 с.
- Латыпова В.В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1996. 308 с.
- Жарова А.С. Возникновение и развитие польской общины в Курганском уезде Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2015. 185 с.
- Наумова Н.И. Поляки-железнодорожники в освоении Транссибирской магистрали (первая четверть XX в.) // Человек – текст – эпоха : сб. науч. ст. и мат. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2008. С. 142–159.
- Стародубова О.Ю. Шведы на горно-металлургических заводах Урала: к проблеме источниковой базы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1 (39). С. 116–121.
- Фролова Н.С. Специалисты – «на экспорт»: шведы на уральских заводах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1 (39). С. 130–136.
- Чегодаев Е.А. Вклад латышских и эстонских колонистов Уфимской губернии в хозяйственное развитие региона // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 40, № 3 (103). С. 91–99.
- Бахарева О.Я., Алексеенко В.П. Вклад немецких специалистов в развитие горного дела в Оренбургском крае (XIX в.) // Этнические меньшинства в истории России : мат. конф. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 174–180.
- Черноухов Э.А. Иностранные врачи на Урале в первой четверти XIX в. // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 157–161.
- Черноухов Э.А. Врачи-поляки на горных заводах Урала XIX в. // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 148–152.
- Черноухов Э.А. Врачи немецкого происхождения на горных заводах Урала в первой половине XIX века // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31, № 1. С. 131–137.
- Островский Л.К. Вклад поляков в развитие образования, науки и искусства Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. Т. 6, № 2. С. 92–97.
- Островский Л.К. Вклад поляков в развитие здравоохранения Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 91–96.
- Glavatskaya E. Catholic Immigrants in Nineteenth- to Twentieth-Century Urals: Scenarios of Establishing and Maintaining Connectedness // *Senri Ethnological Studies*. 2016. № 93. P. 231–239.
- Главацкая Е.М. «...В весьма изыщном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. Т. 33, № 2. С. 218–237.
- Главацкая Е.М., Боровик Ю.В., Бобицкий А.В. Католики Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. по материалам переписей и метрических книг // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3 (154). С. 68–84.
- Слободенюк И.О. Католические общины в Челябинском крае в XIX–XXI веках // Католицизм в конфессиональном пространстве Уральского региона: мат. межрегион. круглого стола. Оренбург : Университет, 2015. С. 76–88.
- Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Религии Оренбургского края: Систематическое описание. Т. 2: Западное христианство. Оренбург : Типография «Южный Урал», 2020. 404 с.
- Симонов В.В. Католическая Церковь в Башкирии: История и современность. Уфа : Орел, 2003. 64 с.
- Сачук Т.В. Рынок труда в России последней трети XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. экон. наук. СПб. : СПбГУ, 1998. 168 с.
- Шведов И.В. Социальный облик рабочих Урала накануне революции 1917 года: вызревание конфликта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 1. С. 65–68.
- Андреев А.Н., Притчин К.Г. Специалисты католической общины Златоуста в промышленности и на железнодорожном транспорте Южного Урала в конце XIX и начале XX в. // Вопросы истории. 2023. № 7 (в печати).
- Чижова Е.А., Светозарский С.Н. Немецкие имена в российской медицине // Архив внутренней медицины. 2014. № 2 (16). С. 74–77.
- Черноухов Э.А. Врачи польского происхождения в Пермской губернии в последней трети XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (44). С. 297–306.
- Российский медицинский список на 1914 год, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел. СПб. : Типография МВД, 1914. 558 с.
- Лятваец К. Врачи польской национальности в структурах администрации и самоуправления Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Поляки в России: Вехи истории. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2008. С. 78–89.
- Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом МВД на 1904 год. СПб. : Типография МВД, 1904. 681 с.
- Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа : Губернская типография, 1917. 172, 96 с.
- ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 54: Метрические выписи Златоустовского костела за 1902 г. 47 л.
- Черноухов Э.А. Архивные документы о польских врачах на горных заводах Урала в XIX в. // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 61–68.
- Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. Уфа : Губернская типография, 1873. 72, XI с.
- Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М. : Вече, 2011. 256 с.
- Окунцов Ю.П. Иностранные мастера Златоустовской оружейной фабрики // Золотые россыпи былого : сб. мат. краевед. конф. Златоуст : АБРИС, 2016. С. 5–10.
- Родионова В.В. Земские врачи Красноуфимского уезда в 1870–1890 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2020. Т. 1. С. 382–386.
- Старинное село. URL: <https://muzeum-okt.perm.muzkult.ru/publikacii> (дата обращения: 12.04.2023).
- Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1896 год. Уфа : Типография Губернского правления, 1895. 260, 18 с.
- Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год. Уфа : Губернская типография, 1905. [4], III, 81, XXI, 66, [39] с.
- Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1910 год. Уфа : Губернская электрическая типография, 1910. [3], III, 83, 89, XX, [39] с.
- Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа : Губернская электрическая типография, 1911. III, 87, 91, XXII, [44] с.
- Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа : Электрическая губернская типография, 1912. [3], 4, [12], 184, 33, 62, [68] с.
- Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год. Уфа : Электрическая губернская типография, 1913. [4], 4, 208, 34, 65, [49] с.
- Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа : Электрическая губернская типография, 1914. [3], 6, 184, 33, 52, [51] с.
- Адрес-календарь Уфимской губернии на 1915 год. Уфа : Электрическая губернская типография, 1915. [4], 6, 184, 34, 50, [54] с.

45. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1916 год. Уфа : Электрическая губернская типография, 1916. [4], 8, 187, 80, [41] с.
46. Санникова Т.О. Интеллигенция российской провинции XIX века: Мировоззрение и образ жизни (на материалах Урала) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. 194 с.
47. Окунцов Ю.П. Немецкие страницы истории Златоуста. URL: <https://zlatmuseum.ru/science/articles/c010620150458> (дата обращения: 18.03.2023).
48. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 6: Метрические выписи Златоустовского римско-католического приходского костела за 1899 г. (Уфимской филиальной церкви). 40 л.
49. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 77: Метрические выписи Златоустовского костела о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1903 г. 16 л.
50. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 212: Экстракты Златоустовского костела о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1909 г. 5 л.
51. Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа : Типография Губернского Правления, 1896. [17], 243, 34, [61] с.
52. Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. Уфа : Губернская типография, 1899. [4], VI, [52], 236, XX с.
53. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа : Электрическая типо-литография В.П. Колмацкого и Ко, 1900. [63], IV, 169 с.
54. Вольная аптека К. Капеллера – старейшая в Оренбурге. URL: <https://berdskasloboda.ru/volnaja-apteka-k-kapellera-starejshaja-v-orenburge/> (дата обращения: 01.04.2023).
55. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 104: Экстракты Златоустовского костела за 1904 г. 14 л.
56. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом МВД на 1900 год. СПб. : Типография МВД, 1900. 612 с.
57. Чечуха А. Два автографа // Уфа: ежемесячный столичный журнал. 2020. № 3 (220). URL: <https://journal-ufa.ru/index.php?id=55282&num=220> (дата обращения: 03.04.2023).
58. Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1897 год. Оренбург : Губернская типо-литография, 1897. V, 71, 67, VI с.
59. Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1896 год. Оренбург : Губернская типо-литография, 1895. V, 66, 25, 120 с.
60. Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1898 год. Оренбург : Губернская типо-литография, 1897. 41, 60 с.
61. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 232: Экстракты Челябинского римско-католического приходского костела о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1909 г. 118 л.
62. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 237: Экстракты по всем метрическим статьям Челябинской римско-католической церкви за 1910 г. 55 л.
63. Теплоухов К.Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск : Центр историко-культ. наследия, 2001. 512 с.
64. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 год. Уфа : Типо-литография А.П. Зайкова, 1900. [3], IV, [16], 157, XXVIII с.
65. Справочная книжка Уфимской губернии: сведения числовые и описательные, относящиеся к 1882–1883 гг. Уфа : Печатня Н. Блохина, 1883. 227, 37, LXIV, 136, 389 с.
66. Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Уфа : Губернская типография, 1889. [9], 192, 100 с.
67. Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895 год. Уфа : Типография Губернского правления, 1894. [2], V, 204, 16 с.
68. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 49: Метрические выписи Златоустовского и Уфимского костелов о родившихся, венчанных и умерших за 1901 г. 63 л.
69. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 30: Экстракты Златоустовского костела о родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1900 г. 26 л.
70. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 276: Экстракты или копии метрических записей о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Златоустовского римско-католического приходского костела за 1911 и 1912 г. 13 л.
71. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 354: Метрические экстракты Златоустовского костела о родившихся, повенчанных и умерших за 1913 г. 6 л.
72. Левин Д.Э. Некролог могилевского историка, журналиста и педагога М.Ф. Фурсова как биографический источник: факты и фигуры умолчания // Клио. 2015. № 8 (104). С. 16–33.
73. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909 год. Уфа : Электрическая губернская типография, 1909. [3], III, 80, XLIV, 56, XIX, [38] с.
74. Сводный список участников восстания 1863–1864 годов. URL: <https://kdkv.narod.ru/1864/Spis-A.htm> (дата обращения: 18.04.2023).
75. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 428: Метрические экстракты Златоустовского костела о родившихся, повенчанных и умерших за 1916 г. 21 л.
76. Волков С.В. Высшее чиновничество Российской империи: Краткий словарь. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 800 с.
77. Каменский И.М. Педагогические этюды: Отметки и родительские комитеты. Репетиции в средней школе как некоторый корректив в школьном деле. Ч. 1. Оренбург : Типо-литография Б.А. Бреслина, 1907. 38 с.
78. Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год. Уфа : Губернская типография, 1891. [10], XLII, 154, 108 с.
79. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1905 год. Уфа : Типография Губернского правления, 1904. [26], III, 94, XXIII, 72, [26] с.
80. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 1 (Пермский окружной суд). Оп. 2. Д. 264: Маковский Петр Феликсович, член Пермского окружного суда. 87 л.
81. ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 265: Маковский Петр Феликсович, член Пермского окружного суда (1913 г.) 7 л.
82. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год. Уфа : Типография Губернского правления, 1908. [4], III, 82, 67, XVIII, [26] с.
83. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 253: Экстракты или копии метрических записей о родившихся, бракосочетавшихся и умерших в Златоустовском приходе за 1910 г. 8 л.
84. ГАРФ. Ф. 58 (Московское губернское жандармское управление). Оп. 8. Д. 631: Дело по наблюдению за бывшим студентом Московского университета Казимиром Богдановичем Бури, он же Бурого, состоявшим под негласным надзором полиции с апреля 1882 года (1903–1904 гг.). 12 л.
85. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год. Уфа : Типография Губернского правления, 1904. [21], III, 108, 96, XX, [17] с.
86. Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа : Губернская типография, 1878. [3], 177, 46 с.
87. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 187: Метрические экстракты Златоустовского костела за 1908 г. 5 л.
88. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 128: Экстракты Златоустовского костела за 1905 г. 5 л.

References

1. Alakshin, A.E. (2014) *Inostrantsy v Peterburge XVIII veka: Opyt istoriograficheskogo issledovaniya* [Foreigners in 18th century Petersburg: An experience in historiography investigation]. St. Petersburg: Petropolis.
2. Chernykh, A.V. (2009) *Polyaki v Permskom krae: Ocherki istorii i etnografii* [Poles in the Perm region: Essays on history and ethnography]. St. Petersburg: Mamatov.

3. Latypova, V.V. (1996) *Polyaki na Yuzhnom Urale (XVII – nachalo XX vv.)* [Poles in the South Ural region (17th – early 20th centuries)]. History Cand. Diss. Ufa.
4. Zharova, A.S. (2015) *Vozniknoveniye i razvitie pol'skoy obshchiny v Kurganskom uyezde Tobol'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Genesis and development of the Polish community in the Kurgan district of Tobolsk Province in the second half of the 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Kurgan.
5. Naumova, N.I. (2008) Polyaki-zheleznodorozhniki v osvoenii Transsibirskoy magistrali (pervaya chetvert' XX veka) [Poles-railway workers in the development of the Trans-Siberian railway (the first quarter of the 20th century)]. In: *Chelovek – tekst – epokha* [Human – text – epoch]. Tomsk: Tomsk University. pp. 142–159.
6. Starodubova, O.Yu. (2013) Shvedy na gorno-metallurgicheskikh zavodakh Urala: k probleme istochnikovoy bazy [Swedes at Mining and Metallurgical plants of the Urals: to the problem of the source base]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 1 (39). pp. 116–121.
7. Frolova, N.S. (2013) Spetsialisty – “na eksport”: shvedy na ural'skikh zavodakh [‘Import’ Experts: Swedes at the Ural Plants]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 1 (39). pp. 130–136.
8. Chegodaev, E.A. (2021) Vklad latyshskikh i estonskikh kolonistov Ufimskoy gubernii v khozyaystvennoye razvitiye regiona [Contribution of Latvian and Estonian colonists of the Ufa Province to the economic development of the region]. *Vestnik Akademii nauk respubliki Bashkortostan*. 40 (3). pp. 91–99.
9. Bakhareva, O.Ya. & Alekseenko, V.P. (2021) Vklad nemetskikh spetsialistov v razvitiye gornogo dela v Orenburgskom kraye (XIX vek) [German miner's contribution in Orenburg area's 19th century mining developing]. In: *Etnicheskiye men'shinstva v istorii Rossii* [Ethnic minorities in the history of Russia]. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin. pp. 174–180.
10. Chernoukhov, E.A. (2010) Inostrannye vrachi na Urale v pervoy chetverti XIX v. [Foreign doctors in the Urals in the first quarter of the 19th century]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 157–161.
11. Chernoukhov, E.A. (2014) Vrachy-polyaki na gornykh zavodakh Urala XIX veka [Polish doctors at the Ural mining plants in the 19th century]. *Voprosy istorii*. 4. pp. 148–152.
12. Chernoukhov, E.A. (2021) Vrachy nemetskogo proiskhozhdeniya na gomykh zavodakh Urala v pervoy polovine XIX veka [The physicians of German origin in Mining works of the Urals in the 1st half of the 19th century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”*. 31 (1). pp. 131–137.
13. Ostrovskiy L.K. (2013) Vklad polyakov v razvitiye obrazovaniya, nauki i iskusstva Zapadnoy Sibiri na rubezhe XIX–XX vekov [The contribution of Poles to the development of education, science and art of Western Siberia in the 19–20th centuries]. *Interexpo Geo-Sibir*. 6 (2). pp. 92–97.
14. Ostrovskiy L.K. (2013) The contribution of the Poles to the development of Health service of Western Siberia (1890–1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 375. pp. 91–96.
15. Glavatskaya, E. (2016) Catholic Immigrants in Nineteenth- to Twentieth-Century Urals: Scenarios of Establishing and Maintaining Connectedness. *Senri Ethnological Studies*. 93. pp. 231–239.
16. Glavatskaya, E.M. (2015) “...V ves'ma izyashchnom, goticheskom stile”: istoriya katolicheskoy traditsii na Srednem Urale do serediny 1930-kh godov [“In a very elegant gothic style”: A history of the Catholic tradition in the Middle Urals from late 1600s until the late 1930s]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 33 (2). pp. 218–237.
17. Glavatskaya, E.M., Borovik, Yu.V. & Bobitskiy, A.V. (2016) Katoliki Yekaterinburga v kontse XIX – nachale XX veka po materialam perepisey i metricheskikh knig [The Catholic community of Yekaterinburg between the late 19th and early 20th centuries according to the 1897 census and Church records]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki”*. 18 (3). pp. 68–84.
18. Slobodenyuk, I.O. (2015) Katolicheskiye obshchiny v Chelyabinskoy oblasti v XIX–XXI vekakh [Catholic communities in the Chelyabinsk region in the 19th–21st centuries]. In: *Katolitsizm v konfessional'nom prostranstve Ural'skogo regiona* [Catholicism in the Confessional space of the Ural region]. Orenburg: IPK “Universitet”. pp. 76–88.
19. Amelin, V.V., Denisov, D.N. & Morgunov, K.A. (2020) *Religii Orenburgskogo kraja: sistematicheskoe opisaniye* [Religions of the Orenburg Region: a systematic description]. Vol. 2. Orenburg: Tipografiya “Yuzhnyy Ural”.
20. Simonov, V.V. (2003) *Katolicheskaya Tserkov' v Bashkirii: Istoriya i sovremennost'* [The Catholic Church in Bashkiria: History and Present day]. Ufa: Oryol.
21. Sachuk, T.V. (1998) *Rynok truda v Rossii posledney trety XIX – nachale XX vekov* [The job market in Russia in the last third of the 19th – early 20th centuries]. Economics Cand. Diss. St. Petersburg.
22. Shvedov, I.V. (2016) Sotsial'nyi oblik rabochikh Urala nakanune revolyutsii 1917 goda: vyzrevaniye konflikta [Social workers face in Ural before the Revolution 1917: Maturing conflict]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Sotsial'no-Gumanitarnye nauki”*. 16 (1). pp. 65–68.
23. Andreev, A.N. & Pritchin, K.G. (2023) Spetsialisty katolicheskoy obshchiny Zlatoust v promyshlennosti i na zheleznodorozhnom transporte Yuzhnogo Urala v kontse XIX i nachale XX veka [Specialists of the Zlatoust Catholic community in the South Ural industry and railway transport in the late 19th and early 20th centuries]. *Voprosy istorii*. 7.
24. Chizhova, E.A. & Svetozarskiy, S.N. (2014) Nemetskiye imena v rossiyskoy meditsine [German names in Russian medicine]. *Arkhiv vnutrenney meditsiny*. 2 (16). pp. 74–77.
25. Chernoukhov, E.A. (2022) Vrachy pol'skogo proiskhozhdeniya v Permskoy gubernii v posledney trety XIX veka [Physicians of Polish origin in the Perm Province in the last third of the 19th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (44). pp. 297–306.
26. Interior Ministry. (1914) *Rossiyskiy meditsinskiy spisok na 1914 god* [Russian medical list for 1914]. St. Petersburg: Printing House of the Interior Ministry.
27. Lyatavets, K. (2008) Vrachy pol'skoy natsional'nosti v strukturakh administratsii i samoupravleniya Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX–XX vv. [Physicians of Polish nationality in the structures of administration and self-government of the Russian Empire at the turn of the 20th century]. In: *Polyaki v Rossii: Vekhi istorii* [Poles in Russia: Milestones of History]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 78–89.
28. Interior Ministry. (1904) *Rossiyskiy meditsinskiy spisok na 1904 god* [Russian medical list for 1904]. St. Petersburg: Printing House of the Interior Ministry.
29. Ufa Statistical Committee. (1917) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii i spravochaya knizhka na 1917 god* [Address-calendar of the Ufa Province and the Reference Book for 1917]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
30. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 54. *Metricheskiye vypisi Zlatoustovskogo kostyola za 1902 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church for 1902].
31. Chernoukhov, E.A. (2013) Arkhivnye dokumenty o pol'skikh vrachakh na gornykh zavodakh Urala v XIX veke [Archival documents about Polish physicians at the Ural Mining plants in the 19th century]. In: *Arkhivy Rossii i Pol'shi: Istoriya, problemy i perspektivy razvitiya* [Archives of Russia and Poland: History, problems and prospects of developing]. Yekaterinburg: UFU. pp. 61–68.
32. Ufa Statistical Committee. (1873) *Adres-kalendar' lits, sluzhashchikh v Ufimskoy gubernii* [Address-calendar of persons serving in the Ufa Province]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
33. Okuntsov, Yu.P. (2011) *Zlatoustovskaya oruzheynaya fabrika* [Zlatoust Arms Factory]. Moscow: Veche.
34. Okuntsov, Yu.P. (2016) Inostrannye masters Zlatoustovskoy oruzheynoy fabрики [Foreign masters of the Zlatoust Arms Factory]. In: *Zolotyie rossypi bylogo* [Gold placers of the past]. Zlatoust: ABRIS. pp. 5–10.

35. Rodionova, V.V. (2020) Zemskiye vrachi Krasnoufimskogo uyezda v 1870–1890 gg. [Zemstvo doctors in Krasnoufimsk district in 1870–1890]. In: *Ural industrial'nyi: Bakuninskiye chteniya* [Industrial Ural: Bakunin readings]. Vol. 1. Yekaterinburg: UPI, pp. 382–386.
36. Regional museum of Oktyabrsky. (2021) *Starinnoye selo* [Ancient Village]. [Online] Available from: <https://muzeum-okt.perm.muzkult.ru/publikacii> (Accessed: 12.04.2023).
37. Ufa Statistical Committee. (1895) *Spravochnaya knizhka i Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1896 god* [Reference book and Address-calendar of the Ufa Province for 1896]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
38. Ufa Statistical Committee. (1905) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1906 god* [Address-calendar of the Ufa Province and the Reference book for 1906]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
39. Ufa Statistical Committee. (1910) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1910 god* [Address-calendar of the Ufa Province and the Reference book for 1910]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
40. Ufa Statistical Committee. (1911) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1911 god* [Address-calendar of the Ufa Province and the Reference book for 1911]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
41. Ufa Statistical Committee. (1912) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1912 god* [Address-calendar of the Ufa Province for 1912]. Ufa: Elektricheskaya gubernskaya tipografiya.
42. Ufa Statistical Committee. (1913) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1913 god* [Address-calendar of the Ufa Province for 1913]. Ufa: Elektricheskaya gubernskaya tipografiya.
43. Ufa Statistical Committee. (1914) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1914 god* [Address-calendar of the Ufa Province for 1914]. Ufa: Elektricheskaya gubernskaya tipografiya.
44. Ufa Statistical Committee. (1915) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1915 god* [Address-calendar of the Ufa Province for 1915]. Ufa: Elektricheskaya gubernskaya tipografiya.
45. Ufa Statistical Committee. (1916) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1916 god* [Address-calendar of the Ufa Province for 1916]. Ufa: Elektricheskaya gubernskaya tipografiya.
46. Sannikova, T.O. (2002) *Intelligentsiya rossiyskoy provintsii XIX veka: Mirovozzreniye i obraz zhizni (na materialakh Urala)* [The intelligentsia of the Russian province of the 19th century: Worldview and way of life (based on the Ural materials)]. History Cand. Diss. Yekaterinburg.
47. Okuntsov, Yu.P. (2018) *Nemetskiye stranitsy istorii Zlatousty* [German pages of Zlatoust history]. [Online] Available from: <https://zlatmuseum.ru/science/articles/c010620150458> (Accessed: 18.03.2023).
48. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 6. *Metricheskiye vypisi Zlatoustovskogo kostyola za 1899 god* [Parish extracts of the Zlatoust Roman Catholic Church for 1899].
49. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 77. *Metricheskiye vypisi Zlatoustovskogo kostyola o rodivshikh, brakosochetavshikh i umershikh za 1903 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church about those born, married and dead in 1903].
50. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 212. *Ekstrakty Zlatoustovskogo kostyola o rodivshikh, brakosochetavshikh i umershikh za 1909 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church about those born, married and dead in 1909].
51. Ufa Statistical Committee. (1896) *Kalendar' i spravochnaya knizhka Ufimskoy gubernii na 1897 god* [Calendar and the Reference book of the Ufa Province for 1897]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
52. Ufa Statistical Committee. (1899) *Adres-kalendar' i spravochnaya knizhka Ufimskoy gubernii na 1899 god* [Address-calendar and the Reference book of the Ufa Province for 1899]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
53. Ufa Statistical Committee. (1900) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1901 god* [Address-calendar of the Ufa Province for 1901]. Ufa: Elektricheskaya tipo-litografiya V.P. Kolmatskogo i Ko.
54. Berdskaya Sloboda. (2022) *Vol'naya apteka K. Kapellera – stareyshaya v Orenburge* [K. Kapeller's free pharmacy is the oldest in Orenburg]. [Online] Available from: <https://berdskasloboda.ru/volnaya-apteka-k-kapellera-stareyshaya-v-orenburge> (Accessed: 01.04.2023).
55. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 104. *Ekstrakty Zlatoustovskogo kostyola za 1904 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church for 1904].
56. Interior Ministry. (1900) *Rossiyskiy meditsinskiy spisok na 1900 god* [Russian medical list for 1900]. St. Petersburg: Printing House of the Interior Ministry.
57. Chechukha, A. (2020) *Dva avtografa* [Two autographs]. Ufa: Monthly Metropolitan Magazine. 3 (220) [Online] Available from: <https://journal-ufa.ru/index.php?id=55282&num=220> (Accessed: 03.04.2023).
58. Orenburg Statistical Committee. (1897) *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Orenburgskoy gubernii na 1897 god* [Address-calendar and Memorandum book of the Orenburg Province for 1897]. Orenburg: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
59. Orenburg Statistical Committee. (1895) *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Orenburgskoy gubernii na 1896 god* [Address-calendar and Memorandum book of the Orenburg Province for 1896]. Orenburg: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
60. Orenburg Statistical Committee. (1897) *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Orenburgskoy gubernii na 1898 god* [Address-calendar and Memorandum book of the Orenburg Province for 1898]. Orenburg: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
61. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 232. *Ekstrakty Chelyabinskogo rimsko-katolicheskogo kostyola o rodivshikh, brakosochetavshikh i umershikh za 1909 god* [Parish extracts of the Chelyabinsk Catholic Church about those born, married and dead in 1909].
62. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 237. *Ekstrakty po vsem metricheskim stat'yam Chelyabinskoy rimsko-katolicheskoy tserkvi za 1910 god* [Extracts from all records of the Chelyabinsk Roman Catholic Church for 1910].
63. Teploukhov, K.N. (2001) *Chelyabinskiye khroniki: 1899–1924 gg.* [Chelyabinsk Chronicles: 1899–1924]. Chelyabinsk: Tsentr istoriko-kul't. naslediya.
64. Ufa Statistical Committee. (1900) *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1900 god* [Address-calendar of the Ufa Province for 1900]. Ufa: Tipo-litografiya A.P. Zaykova.
65. Ufa Statistical Committee. (1883) *Spravochnaya knizhka Ufimskoy gubernii: svedeniya chislovye i opisatel'nye, odnosyashchiyesya k 1882–1883 gg.* [Reference book of the Ufa Province: numerical and descriptive information for 1882–1883]. Ufa: Pechatnya N. Blokhina.
66. Ufa Statistical Committee. (1889) *Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii 1889 goda* [Memorandum book of the Ufa Province for 1889]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
67. Ufa Statistical Committee. (1894) *Spravochnaya knizhka i Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1895 god* [Reference book and Address-calendar of the Ufa Province for 1895]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
68. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 49. *Metricheskiye vypisi Zlatoustovskogo i Ufimskogo kostyolov o rodivshikh, venchannykh i umershikh za 1901 god* [Parish extracts of the Zlatoust and Ufa Catholic Churches about those born, married and dead in 1901].
69. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 30. *Ekstrakty Zlatoustovskogo kostyola o rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1900 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church about those born, married and dead in 1900].
70. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 276. *Ekstrakty ili kopii metricheskikh zapisey o rodivshikh, brakosochetavshikh i umershikh Zlatoustovskogo rimsko-katolicheskogo prikhodskogo kostyola za 1911 i 1912 gody* [Parish extracts or copies of the Zlatoust Catholic Church about those born, married and dead in 1911 and 1912].

71. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 354. *Metricheskiye ekstrakty Zlatoustovskogo kostyola o rodivshikh, povenchannykh i umershih za 1913 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church about those born, married and dead in 1913].
72. Levin, D.E. (2015) Nekrolog mogilyovskogo istorika, zhurnalista i pedagoga M.F. Fursova kak biograficheskiy istochnik: fakty i figury umolchaniya [Obituary of Mogilev historian, journalist and teacher M.F. Fursov as a biographical source: facts and figures of silence]. *Clio*. 8 (104). pp. 16–33.
73. Ufa Statistical Committee. (1909) *Adres-kalendar' Ufmskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1909 god* [Address-calendar of the Ufa Province and the Reference book for 1909]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
74. Lykov, I.P. (2005) *Svodnyi spisok uchastnikov vosstaniya 1863–1864 godov* [Summary list of participants in the Polish uprising of 1863–1864]. [Online] Available from: <https://kdkv.narod.ru/1864/Spis-A.htm> (Accessed: 18.04.2023).
75. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 428. *Metricheskiye ekstrakty Zlatoustovskogo kostyola o rodivshikh, povenchannykh i umershih za 1916 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church about those born, married and dead in 1916].
76. Volkov, S.V. (2016) *Vyssheye chinovnichestvo Rossiyskoy imperii: Kratkiy slovar'* [The highest bureaucracy of the Russian Empire: A Short Dictionary]. Moscow: Russian Foundation for Education and Science.
77. Kamenskiy, I.M. (1907) *Pedagogicheskiye etyudy: Ometki i roditel'skie komitety. Repetitsii v sredney shkole kak nekotorye korrektyv v shkol'nom dele* [Pedagogical Studies: School grades and parent committees. Scholl repetitions are a kind of correction in school business.]. Part 1. Orenburg: Typo-lithography of B.A. Breslin.
78. Ufa Statistical Committee. (1891) *Pamyatnaya knizhka Ufmskoy gubernii na 1891 god* [Memorandum book of the Ufa Province for 1891]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
79. Ufa Statistical Committee. (1904) *Adres-kalendar' Ufmskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1905 god* [Address-calendar and the Reference book of the Ufa Province for 1905]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
80. State Archive of the Perm region (GAPK). Fund 1. List 2. File 264. *Makovsky Pyotr Feliksovich, chlen Permskogo okruzhnogo suda* [Pyotr Feliksovich Makovsky, member of the Perm District Court]. (1908).
81. State Archive of the Perm region (GAPK). Fund 1. List 2. File 265. *Makovsky Pyotr Feliksovich, chlen Permskogo okruzhnogo suda* [Pyotr Feliksovich Makovsky, member of the Perm District Court]. (1913).
82. Ufa Statistical Committee. (1908) *Adres-kalendar' Ufmskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1908 god* [Address-calendar and the Reference book of the Ufa Province for 1908]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
83. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 253. *Ekstrakty ili kopii metricheskikh zapisey o rodivshikh, brakosochetavshykh i umershih v Zlatoustovskom prikhode za 1910 god* [Parish extracts or copies of the Zlatoust Catholic Church about those born, married and dead in 1910].
84. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 58. List 8. File 631. *Delo po nablyudeniyu za byvshim studentom Moskovskogo universiteta Kazimirom Bogdanovichem Buri, on zhe Burago, sostoyavshim pod neglasnym nadzorom politzii s aprelya 1882 goda* [File concerning the surveillance of a former student of Moscow University Kazimir Bogdanovich Buri, aka Burago, who was under the secret supervision of the police since April 1882]. (1903–1904).
85. Ufa Statistical Committee. (1904) *Adres-kalendar' Ufmskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1904 god* [Address-calendar and the Reference book of the Ufa Province for 1904]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
86. Ufa Statistical Committee. (1878) *Pamyatnaya knizhka Ufmskoy gubernii na 1878 god* [Memorandum book of the Ufa Province for 1878]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
87. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 187. *Metricheskiye ekstrakty Zlatoustovskogo kostyola za 1908 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church for 1908].
88. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2292. List 1. File 128. *Ekstrakty Zlatoustovskogo kostyola za 1905 god* [Parish extracts of the Zlatoust Catholic Church for 1905].

Информация об авторе:

Андреев А.Н. — д-р ист. наук, профессор кафедры теологии, культуры и искусства Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск, Россия). E-mail: alxand@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Andreev, Dr. Sci. (History), professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: alxand@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023;
одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 07.06.2023;
approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/491/12

Детская беспризорность и безнадзорность в 1940-е гг. (на материалах Горьковской области): социальный аспект проблемы

Елена Дмитриевна Гордина¹

¹ Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия, gordinelena@yandex.ru

Аннотация. На материалах архивных документов Горьковской области реконструированы основные направления работы по ликвидации беспризорности и безнадзорности на протяжении 1940-х гг., а также сформирован собирательный образ ребенка, ведущего «уличный» образ жизни, прослежены возможные варианты устройства его судьбы. Цифровые данные иллюстрируют и конкретизируют теоретические выводы исследования.

Ключевые слова: детская беспризорность и безнадзорность, советское общество, война, сиротство, правонарушения несовершеннолетних

Для цитирования: Гордина Е.Д. Детская беспризорность и безнадзорность в 1940-е гг. (на материалах Горьковской области): социальный аспект проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 103–108. doi: 10.17223/15617793/491/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/12

Child homelessness and neglect in the 1940s (on the materials of Gorky Oblast): The social aspect of the problem

Elena D. Gordina¹

¹ Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, gordinelena@yandex.ru

Abstract. Child homelessness and neglect became one of the grave consequences of the Great Patriotic War. The aim of this article is a comprehensive consideration of the problem of child homelessness and neglect in the 1940s on the basis of archival materials from Gorky Oblast, in the aggregate of its various social aspects. Numerical and statistical data reflecting the features and dynamics of the development of certain processes are presented in the form of graphs and diagrams. The information is presented chronologically, that is, from the beginning till the end of the 1940s. The main methods of the work are historical-comparative, historical-chronological, and the method of historical reconstruction. The source base for the study is the recently declassified documents of the State Socio-Political Archive of Nizhny Novgorod Oblast, most of which are being introduced into scholarly discourse for the first time. The information contained in the archival documents of Gorky Oblast allows reconstructing the main areas of work to eliminate child homelessness and neglect during the 1940s, as well as to form a collective image of a child leading a “street” lifestyle, to trace possible options for arranging his/her fate. The main stages of work to combat child homelessness and neglect can be considered the identification of children on the streets, the clarification of their family circumstances, if necessary, the establishment of guardianship, patronage of relatives, placement in orphanages or employment at enterprises with the provision of a hostel. The aggravation of the problem of child homelessness and neglect was undoubtedly accompanied by an increase in juvenile delinquency. At the same time, the fight against juvenile delinquency was completely insufficient without eliminating the causes of homelessness and neglect of children. Neither placement in an orphanage, nor employment often excluded the problems of a child’s “street” lifestyle and his/her involvement in dysfunctional companies and illegal behavior. The real way to avoid such a scenario was to organize the maximum employment of children and adolescents during extracurricular time, manage their leisure time, engage them in circles and sections that work free of charge on the basis of schools and other children’s institutions. This is an important area of work, which was given the closest attention, together with an increase in the number of orphanages, upbringing the “children of war” and leaving them in an independent life, and made it possible to solve the problem of child homelessness and neglect in general terms over the following decade (1950s).

Keywords: child homelessness and neglect, Soviet society, war, orphanhood, juvenile delinquency

For citation: Gordina, E.D. (2023) Child homelessness and neglect in the 1940s (on the materials of Gorky Oblast): The social aspect of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 103–108. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/12

Проблема детской беспризорности и безнадзорности стала одной из самых тяжелых социальных последствий Великой Отечественной войны, ее «демографическим эхом». К моменту окончания Великой Отечественной войны на учете находилось около двух с половиной миллионов детей, оставшихся без попечения родителей. В данную цифру «не включены дети, сданные матерями-одиночками или многодетными родителями в детские учреждения, сироты, сохранившие связи с родными, и ряд других категорий» [1. С. 60], т.е., она далеко не полна. Представляется важным и актуальным анализ опыта решения этой проблемы в трудных военных и послевоенных условиях. Общественная актуальность темы исследования обусловлена значимостью изучения опыта борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью для ее эффективной организации в современном обществе. Говоря о научной актуальности, следует отметить достаточно слабую изученность конкретно этой темы, особенно на региональном уровне. Можно отметить работы таких отечественных ученых, как В.Б. Жиромская [2, 3], Е.Ю. Зубкова [4], Н.А. Араловец [5, 6], В.Ф. Зима [7], М.Р. Зезина [8] и др., где в числе прочих последствий Великой Отечественной войны обозначена социальная проблема детского сиротства и беспризорности. При этом специальных работ, посвященных исследованию опыта борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в различных регионах нашей страны в 1940-е гг., крайне мало, как и работ обобщающего плана [9].

Целью данной статьи является комплексное рассмотрение на базе архивных материалов Горьковской области проблемы детской беспризорности и безнадзорности в 1940-е гг. в совокупности ее различных социальных аспектов. Цифровые и статистические данные, отражающие особенности и динамику развития тех или иных процессов, представлены в форме рисунков. Изложение информации осуществляется хронологически, т.е. с начала и до конца 1940-х гг.

Справка о состоянии детской преступности и безнадзорности за период войны с 1941 по 1943 г. по Горьковской области дает возможность реконструировать ряд важных социальных аспектов проблемы детской беспризорности и безнадзорности в первой половине Великой Отечественной войны. Документ констатирует: «С началом войны, в особенности в 1-й половине 1942 года, резко возросла детская беспризорность и безнадзорность. Этот рост объясняется тем, что многие дети остались без родителей в связи с эвакуацией из временно занятых немцами районов, а часть детей с уходом родителей на фронт и большой занятостью на производстве остались без надлежащего надзора и предоставлены сами себе» [10. Л. 86].

Динамика численности беспризорных и безнадзорных детей в Горьковской области, задержанных на протяжении 1941–1943 гг., видна на рис. 1.

Рисунок 2 дает представление о соотношении среди этих ребят безнадзорных, беспризорных, заблудившихся, подкинутых. Очевидно, что лидировали

среди этих категорий с огромным отрывом от остальных безнадзорные дети, т.е. дети, имеющие родителей или близких родственников и проживающие у них.

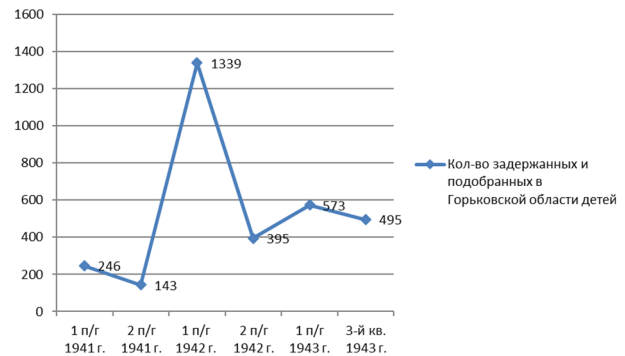

Рис. 1. Количество беспризорных и безнадзорных детей в Горьковской области в 1941–1943 гг.

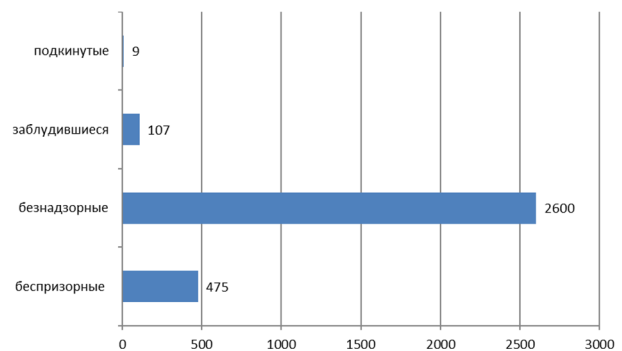

Рис. 2. Категории задержанных и подобранных детей в Горьковской области (1941 – 3-й квартал 1943 г.)

Основной формой наказания родителей и опекунов за безнадзорность их детей являлись штрафы [10. Л. 87] (рис. 3).

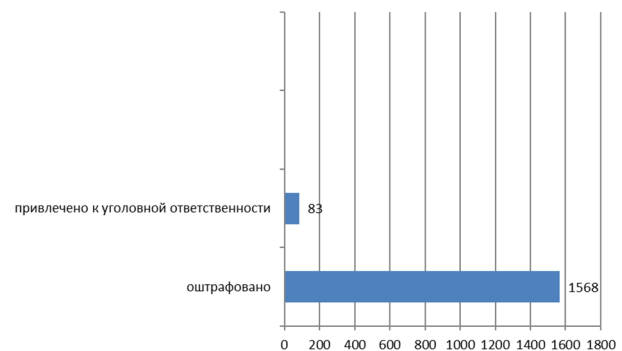

Рис. 3. Привлечено к ответственности за безнадзорность детей родителей и опекунов в Горьковской области (1941 – 3-й квартал 1943 г.)

Следствием роста количества безнадзорных и беспризорных детей стало и обострение преступности среди несовершеннолетних в Горьковской области. Общее число преступлений, совершенных несовершеннолетними за период с начала 1942 до 3-го квартала 1943 г., составило 2 729. Привлечено к уголовной ответственности было 3 683 человека. Как видно из рис. 4, в течение 1942 г. детская преступность продолжала расти, макси-

мально тяжелое положение с преступностью несовершеннолетних наблюдалось в первой половине 1943 г. При этом количество преступлений было меньше количества преступников, т.е. некоторые преступления совершались группой несовершеннолетних, но периоды роста и снижения обоих показателей совпадают.

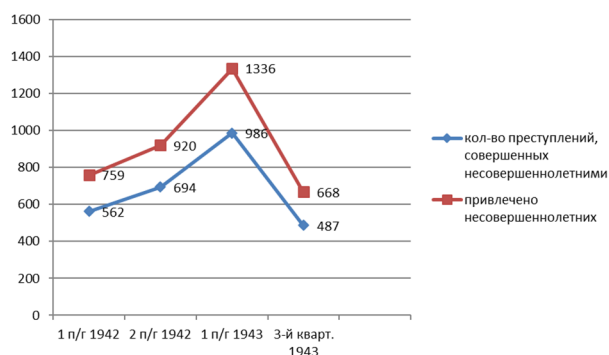

Рис. 4. Преступность несовершеннолетних в Горьковской области в 1942–1943 гг.

Как показывает рис. 5, наиболее часто совершаемым детьми и подростками видом преступлений являлись кражи [10. Л. 88]. Иногда по делам о преступлениях несовершеннолетних привлекались к ответственности взрослые люди, но это явление не носит массового характера. Так, за тот же период времени привлечено по делам несовершеннолетних 178 взрослых лиц, из них арестовано 73 чел.

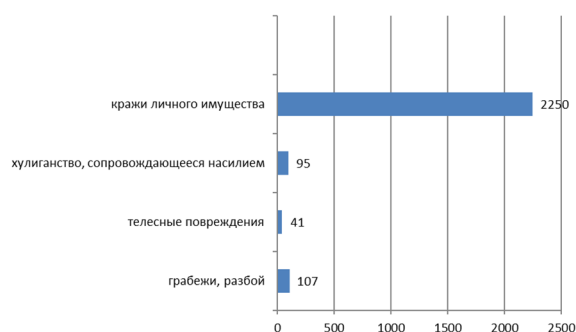

Рис. 5. Категории преступлений, к которым привлекались несовершеннолетние в Горьковской области (1942 – 3-й квартал 1943 г.)

По своему возрастному составу привлеченные к уголовной ответственности несовершеннолетние являлись подростками старше 12 лет, преимущественно 15-летними (рис. 6).

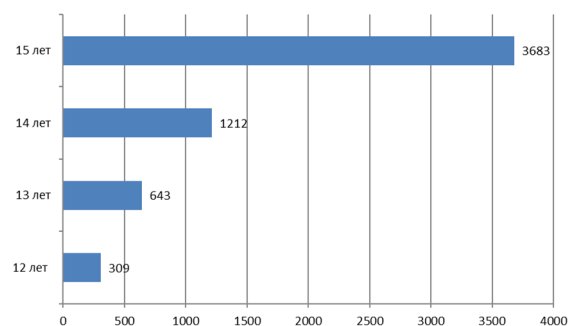

Рис. 6. Возраст несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности в Горьковской области (1942 – 3-й квартал 1943 г.)

Анализ социального происхождения привлеченных к уголовной ответственности детей показывает, что проблема детской безнадзорности была общей для многих социальных групп, но прежде всего затрагивала семьи рабочих (рис. 7).

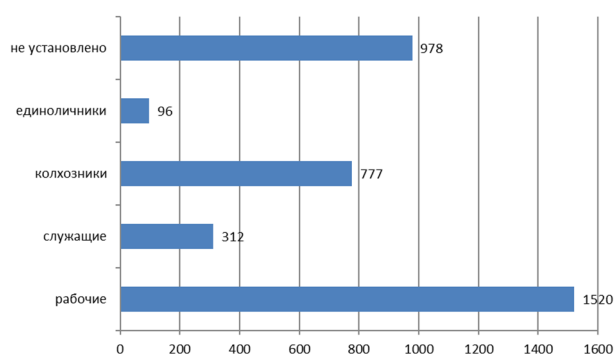

Рис. 7. Социальное положение родителей детей, привлеченных к уголовной ответственности в Горьковской области (1942 – 3-й квартал 1943 г.)

Большую ценность для изучения проблемы борьбы с беспризорностью и безнадзорностью имеют сводные по районам и по городу данные по устройству детей, оставшихся без родителей, за определенный период. Такие документы составлялись работниками сектора детдомов ГОРОНО (заведующим, заместителем заведующего). В частности, по состоянию на 1.01.1946 г. было учтено в целом по г. Горькому 2 294 ребенка, из них 1 375 человек – дети фронтовиков. Судьба 2 271 ребенка была устроена (подробнее на рис. 8) [11. Л. 64].

Рис. 8. Формы устройства беспризорных детей, оставшихся без родителей, в Горьковской области (1946 г.)

Патронат был наиболее удобной формой, так как в этом случае (в отличие от опекуна и усыновления) семья заключала договор с государственными органами попечительства и получала небольшое (50 рублей) ежемесячное пособие на ребенка. В детские дома отправлялись дети от 3 до 14 лет, если не было желающих забрать их в семью. Старшие по возрасту дети устраивались в ремесленные, железнодорожные училища или на предприятия с предоставлением места в общежитии. Дети с отклонениями в развитии, замеченные в бегстве из детских домов или училищ, направлялись в специальные воспитательные учреждения, дети, длительное время проживавшие на улице, ведущие асоциальный образ жизни, совершившие мелкие проступки – в воспитательные колонии,

беспризорники, вовлеченные в преступную деятельность, отправлялись в детские трудовые колонии. «Лидерами» по количеству детей, оставшихся после войны без родителей, были Свердловский и Автозаводский (с большим отрывом от остальных) районы [11. Л. 64].

Как показывают сохранившиеся в архивах статистические данные 1948–1949 гг. (отражены на рис. 9, 10), более 90% задержанных на улицах детей были не беспризорными, а безнадзорными [12. Л. 45], т.е. проблема заключалась прежде всего в занятости родителей, в том, что дети были предоставлены сами себе.

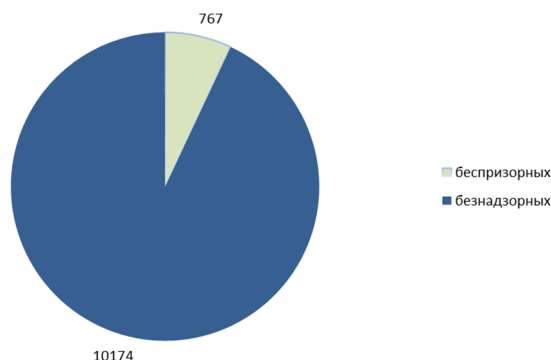

Рис. 9. Соотношение беспризорных и безнадзорных детей по отношению к общему числу задержанных на улицах (1948 г., на материалах Горьковской области)

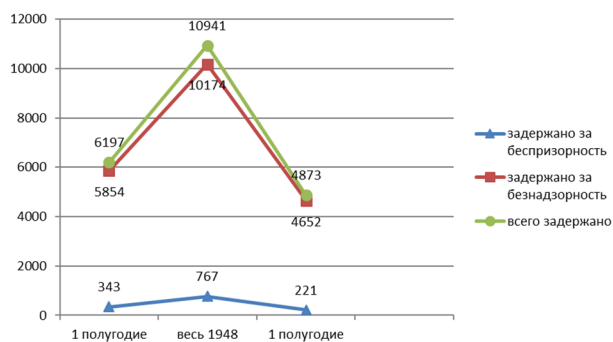

Рис. 10. Соотношение и динамика детской беспризорности и безнадзорности в 1948 – первой половине 1949 г. в Горьковской области

Из анализа приведенных цифр видно, что по сравнительным данным полугодий имеется некоторое незначительное снижение количества задержаний в 1-й половине 1949 г. по сравнению с 1-й половиной 1948 г., но в целом количество задержанных остается стабильным и вызывает необходимость принятия более эффективных мер, главным образом за счет усиления воспитательной работы среди детей, выяснения и устранения причин, порождающих безнадзорность.

Основные виды нарушений, на основании которых задерживались на улицах дети в 1948 – 1-м полугодии 1949 г., показаны на рис. 11 [12. Л. 46].

Подавляющее большинство задержанных детей были учащимися школ, меньшее количество – учащимися ФЗУ или работающими. При этом значительное число ребят, почти совпадающее с показателем рабо-

тающих, не работали и не учились (рис. 12). Если сравнить два аналогичных по продолжительности периода, первую половину 1948 и первую половину 1949 г., то видно, что ситуация 1948 г. заметно хуже – во-первых, больше количество задержанных в целом (6 217) по сравнению с 1949 (4 873), во-вторых, в 1949 г. значительно (в 2,5 раза) снизился показатель уклоняющихся от учебы несовершеннолетних.

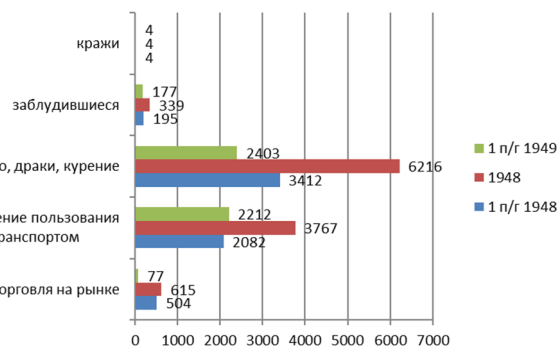

Рис. 11. Нарушения, на основании которых задерживались на улицах Горьковской области дети в 1948 – 1-м полугодии 1949 г.

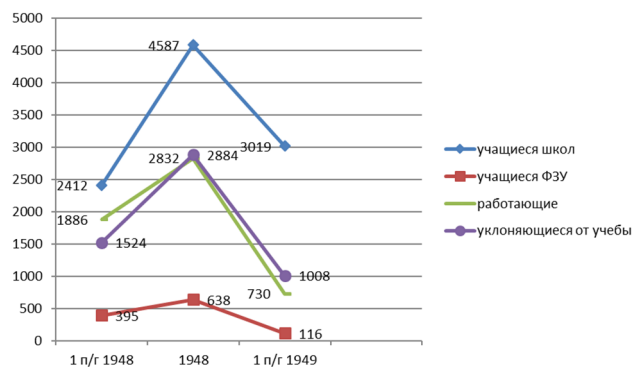

Рис. 12. Род занятий задержанных на улицах детей и подростков в 1948 – 1-й половине 1949 гг. (на материалах Горьковской области)

При анализе данных рис. 5, 10 очевидно изменение характера преступности несовершеннолетних в 1948–1949 гг. по сравнению с 1942–1943 гг. В конце 1940-х гг. преобладают «драки, курение, озорство», в отличие от начала 1940-х гг., когда почти единственным видом преступлений были кражи личного имущества, с помощью которых зачастую дети и подростки пытались выжить, добыть себе пропитание. В конце 1940-х гг., к сожалению, правонарушения приобрели более выраженный антиобщественный характер, и краж среди них немного.

В отношении родителей и опекунов задержанных детей предпринимались меры, преимущественно дисциплинарные и информирующие, реже – административные [12. Л. 47, 48]. Для предупреждения детской безнадзорности Управлением милиции г. Горького посылались письма в школы и по месту работы родителей и родственников задержанных детей – руководителям предприятий, учреждений.

По просьбе Управления милиции г. Горького перед горкомом и райкомами ВЛКСМ были поставлены задачи об участии комсомольцев (комсомольских орга-

низаций) в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью с обсуждением вопроса и конкретных направлений деятельности на собраниях городских и районных активов комсомола.

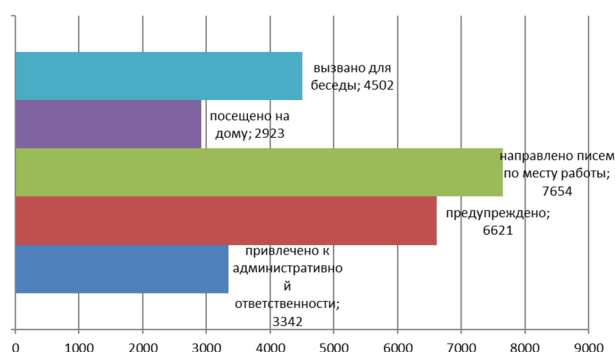

Рис. 13. Меры, принимаемые в отношении родителей и опекунов задержанных на улицах детей в Горьковской области в 1948 – первой половине 1949 г.

Опираясь на представленные количественные и статистические данные, попытаемся сконструировать в общих чертах социальный портрет несовершеннолетнего 1940-х гг., ведущего «уличный» образ жизни. Понятно, что это будет несколько усредненный и условно типичный образ, не учитывающий многие индивидуальные в каждом конкретном случае нюансы, но это неизбежный удел любого социального портрета. Итак, типичный советский беспризорник

1940-х гг. – это подросток из рабочей семьи, имевший одного из родителей, школьник или уклоняющийся от учебы в школе. Милиция информировала родных о его безнадзорности и правонарушениях (мелкие кражи, хулиганство, курение, «прицепление» к трамваям), но это не решало проблему, поскольку ребенок был предоставлен сам себе. В случае утраты обоих родителей, если у осиротевшего подростка не было родственников, желающих забрать его на воспитание, он определялся в детский дом, по достижении 14 лет – трудоустраивался на предприятие, где ему предоставлялось место в общежитии. Так он начинал самостоятельную жизнь. К сожалению, ни определение в детский дом, ни трудоустройство зачастую не исключали проблемы «уличного» образа жизни ребенка и его вовлеченности в неблагополучные компании, противоправного поведения. Реальным выходом, позволяющим избежать такого сценария, была организация максимальной занятости детей и подростков во внеучебное время, организация их досуга, увлечение их кружками и секциями, работающими бесплатно на базе школ и других детских учреждений. Это важное направление работы, которому уделялось самое пристальное внимание, в совокупности с увеличением количества детских домов, а также подрастание и трудоустройство «детей войны» позволило в общих чертах решить проблему детской беспризорности и безнадзорности на протяжении следующего десятилетия (1950-х гг.).

Список источников

1. Зезина М.Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3. С. 60.
2. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект (1946–1960). М. : ИД РГТУ, 2009. 277 с.
3. Население России в XX веке: исторические очерки : в 3 т. Т. 2: 1940–1959 / отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М. : РОССПЭН, 2001. 416 с.
4. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность (1945–1953). М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.
5. Араловец Н.А. Городская семья в России во второй половине XX в. М. : ИРИ РАН, 2015. 360 с.
6. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. М. : Гриф и Ко, 2009. 304 с.
7. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М. : ИРИ РАН, 1996. 265 с.
8. Зезина М.Р. Без семьи. Сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 80–83.
9. Семина Н.В. Борьба с детской беспризорностью в 1920-е–1940-е годы в России : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Пенза, 2007.
10. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 810. Оп. 7. Д. 16. Особый сектор Обкома ВЛКСМ. Совершенно секретная переписка по области 1943 г. 88 л.
11. ГОПАНО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3182. Л. 64.
12. ГОПАНО. Ф. 810. Оп. 14. Д. 30. 69 л. 1949 г. Горьковский обком ВЛКСМ. Особый сектор. Входящая секретная переписка (рассекречено в 2016 г.).

References

1. Zezina, M.R. (2000) Sistema sotsial'noy zashchity detey-sirot v SSSR [The system of social protection of orphans in the USSR]. *Pedagogika*. 3. p. 60.
2. Zhiromskaya, V.B. (2009) *Zhiznennyi potentsial poslevoennykh pokoleniy v Rossii: istoriko-demograficheskiy aspekt (1946–1960)* [Life potential of post-war generations in Russia: historical and demographic aspect (1946–1960)]. Moscow: RSUH.
3. Polyakov, Yu.A. & Zhiromskaya, V.B. (eds) (2001) *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki: v 3 t.* [The population of Russia in the 20th century: historical essays: in 3 volumes]. Vol. 2: 1940–1959. Moscow: ROSSPEN.
4. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: Politika i povsednevnost' (1945–1953)* [Post-war Soviet society: Politics and everyday life (1945–1953)]. Moscow: ROSSPEN.
5. Aralovets, N.A. (2015) *Gorodskaya sem'ya v Rossii vo vtoroy polovine XX v.* [Urban family in Russia in the second half of the 20th century]. Moscow: IRI RAN.
6. Aralovets, N.A. (2009) *Gorodskaya sem'ya v Rossii, 1927–1959 gg.* [Urban family in Russia, 1927–1959]. Moscow: Grif i Ko.
7. Zima, V.F. (1996) *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine of 1946–1947 in the USSR: origins and consequences]. Moscow: IRI RAN.
8. Zezina, M.R. (2001) Bez sem'i. Sirotы poslevoennoy pory [Without family. Orphans of the post-war era]. *Rodina*. 9. pp. 80–83.
9. Semina, N.V. (2007) *Bor'ba s detskoй besprizornost'yu v 1920-e–1940-e gody v Rossii* [The fight against child homelessness in the 1920s–1940s in Russia]. Abstract of History Cand. Diss. Penza.

10. State Socio-Political Archive of Nizhny Novgorod Oblast (GOPANO). Fund 810. List 7. File 16. *Osobyi sektor Obkoma VLKSM. Sovershenno sekretnaya perepiska po oblasti 1943 g.* [Special sector of the Regional Committee of the Komsomol. Top secret correspondence in the region, 1943]. 88 p.
11. State Socio-Political Archive of Nizhny Novgorod Oblast (GOPANO). Fund 30. List 1. File 3182. Page 64.
12. State Socio-Political Archive of Nizhny Novgorod Oblast (GOPANO). Fund 810. List 14. File 30. 69 p. *1949 g. Gor'kovskiy obkom VLKSM. Osobyi sektor. Vkhodyashchaya sekretnaya perepiska (rassekrecheno v 2016 g.)* [1949. Gorky Regional Committee of the Komsomol. Special sector. Incoming secret correspondence (declassified in 2016)].

Информация об авторе:

Гордина Е.Д. – д-р ист. наук, зав. кафедрой методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия). E-mail: gordinelena@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.D. Gordina, Dr. Sci. (History), head of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University (Nizhny Novgorod). E-mail: gordinelena@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.04.2023;
одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 20.04.2023;
approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

Научная статья
УДК 94:086(571.16)
doi: 10.17223/15617793/491/13

Первые профессора Императорского Томского университета: проект штатов физико-математического и историко-филологического факультетов (1883–1887)

Илья Александрович Дунбинский¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, dunbinskiy@mail.ru*

Аннотация. На основании архивной документации, хранящейся в Национальном музее Республики Татарстан в фонде В.М. Флоринского, Национальном архиве Республики Татарстан, а также Государственном архиве Томской области, определяется роль В.М. Флоринского в подборе первого профессорско-преподавательского состава Императорского Томского университета. Раскрываются механизмы подбора преподавателей В.М. Флоринским, изучаются основные проблемы, с которыми он сталкивался в ходе этого процесса, а также впервые в истории высшего образования освещается список лиц, которых В.М. Флоринский планировал пригласить для замещения вакантных должностей в готовящемся к открытию университете.

Ключевые слова: В.М. Флоринский, И.Д. Делянов, Императорский Томский университет, Сибирский университет, профессорско-преподавательский состав

Для цитирования: Дунбинский И.А. Первые профессора Императорского Томского университета: проект штатов физико-математического и историко-филологического факультетов (1883–1887) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 109–114. doi: 10.17223/15617793/491/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/13

The first professors of the Imperial University of Tomsk: A project of the staff of the Physical-Mathematical and Historical-Philological Faculties (1883–1887)

Ilya A. Dunbinskiy¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, dunbinskiy@mail.ru*

Abstract. The aim of this article is to study the projects of the states of the Imperial Tomsk University, which were prepared by Vasily Florinsky for the Minister of Public Education Ivan Delyanov. The object of the research is the history of the organization of the Imperial Tomsk University, and the focus is Florinsky's contribution to the selection of teaching staff for the university. To reach the aim, the author of the article analyzed draft versions of Florinsky's draft annual reports to the Minister of Public Education Delyanov. Based on the analysis, the author identified the main persons, whom Florinsky considered for filling vacant positions at the university. Then the author studied the correspondence between Florinsky and Delyanov, in which the former not only gave exhaustive characteristics of persons applying for a position at the university, but also described the difficulties he encountered when inviting them to work in Siberia. In the final part of the study, the author considered a list of persons who were eventually hired by the Imperial Tomsk University. The source base for the study included, firstly, rough drafts of reports by Florinsky on the progress of the organization of the Siberian University, stored in the National Museum of the Republic of Tatarstan in Florinsky's fund. These documents reflect the process of selecting teachers for the future university and reveal the methods that Florinsky used when inviting scientists to Siberia. Secondly, it was the correspondence with the Minister of Public Education Delyanov and the diary entries of Florinsky, which are also stored in the National Museum of the Republic of Tatarstan in Florinsky's fund. These sources made it possible to highlight Florinsky's personal attitude to the teachers he considered, as well as to expand the understanding of the motivation for his decisions. Thirdly, it was the documents stored in the National Archive of the Republic of Tatarstan, on the basis of which the official part of the transfer of teachers to new positions was reconstructed. In the course of the study, the author of the article came to the conclusion that, despite the fact that Florinsky, by virtue of his education and his position, was closest to the medical industry, he, understanding the responsibility entrusted to him, throughout almost the entire period organization of the university, was engaged in the formation of the teaching staff for each of the faculty planned for the opening. The surviving draft sketches by Florinsky illustrate this statement and reveal the names of persons whom he planned to invite to work at Tomsk University. Moreover, many of the teachers he considered later became prominent figures in science and education in the country. In addition, the author of the article notes that largely thanks to the efforts of Florinsky, the vacant positions of professors were filled by young and talented scientists who saw their mission not only in teaching, but also in cultivating science at the university, thereby laying the foundations of many Siberian scientific schools.

Keywords: Vasily Florinsky, Ivan Delyanov, Imperial University of Tomsk, Siberian University, faculty

For citation: Dunbinskiy, I.A. (2023) The first professors of the Imperial University of Tomsk: A project of the staff of the Physical-Mathematical and Historical-Philological Faculties (1883–1887). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 109–114. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/13

Одним из центральных аспектов университетской жизни всегда оставался вопрос о принципе замещения преподавательских и административных должностей. На протяжении XIX в. этот вопрос решался по-разному, отражая различные периоды университетской истории. Волнообразная смена университетских уставов 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. сопровождалась то усилением выборного начала, то утверждением принципа централизованного назначения профессоров на их должности [1. С. 71].

В исследовательской литературе указанная тема, как правило, рассматривалась либо в контексте локальных историй отдельных университетов [2, 3], либо в контексте проблемы научно-педагогической аттестации [4, 5], либо с оценки профессорско-преподавательского корпуса в целом [6]. Зачастую исследователи рассматривают вопрос об изменениях в профессорско-преподавательском составе университета уже в рамках сложившейся организационной модели университета. В данной статье на основе ранее не опубликованных материалов рассматривается вопрос формирования штатов физико-математического и историко-филологического факультетов Сибирского университета, которые в ходе борьбы за открытие университета будут заменены медицинским факультетом. Тем не менее сохранившиеся документы позволяют реконструировать и проанализировать ключевые маркеры, на которые ориентировался попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский при разработке проекта профессорско-преподавательского корпуса Сибирского университета.

Как известно, Томский университет был учрежден указом императора Александра II 16 (28) мая 1878 г. [7]. Около двух лет потребовалось на разработку проекта постройки первого университета в азиатской части России. 14 (26) марта 1880 г. был учрежден Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета, который возглавил томский губернатор В.И. Мерцалов. От Министерства народного просвещения в его состав был делегирован В.М. Флоринский [8. Л. 1].

Сохранившиеся документы свидетельствуют не только об огромном вкладе В.М. Флоринского в организацию строительства первого за Уралом высшего учебного заведения, но и о том, что он одновременно с этой работой неоднократно поднимал вопрос о формировании профессорско-преподавательского состава университета перед министром народного просвещения И.Д. Деляновым.

Так, еще 1883 г. В.М. Флоринский, понимая значение правильного подбора кадров для университета, писал в своем письме министру народного просвещения И.Д. Делянову: «Если качество профессоров имеет первенствующее значение в жизни каждого универси-

тета, то для вновь открывающегося учебного заведения это имеет сугубую важность, ибо удачный подбор преподавателей с первых шагов может поставить университет на подобающую ему высоту, внушить к нему должное доверие и привлечь слушателей; водворить и укрепить в нем дух науки и порядка; между тем как при неудачном выборе университет может ослабить свою репутацию и подорвать к себе доверие.

Выбор опытных и энергичных профессоров по естественному разряду физико-математического факультета важен еще и потому, что им в Сибирском университете предстоит вновь организовать музеи, кабинеты и лаборатории, причем деятельный и опытный человек в два-три года может сделать более, чем человек неподвижный. Хорошего профессора, особенно у нас в России, надо искать с Диогеновым фонарем. Желающих может явиться много, но в большинстве случаев это не та сила, которая желательна. Вполне пригодного профессора обыкновенно приходится искать, и чем менее поспешна будет эта попытка, тем более осмотрительны выборы. Поэтому желательно было бы начать приискание преподавателей для Сибирского университета, к чему серьезно можно приступить только по утверждению устава и штатов, не менее как за год до его открытия» [9. Л. 89].

Отметим, что на протяжении всего периода организации университета (1878–1888) В.М. Флоринскому постоянно приходили письма с просьбой о назначении в Сибирский университет. В настоящее время в архиве В. М. Флоринского сохранилось только за вышеобозначенное десятилетие 33 письма от 18 адресатов. Подчеркнем, что самое первое письмо от соискателя должности в Сибирском университете пришло 7 августа 1878 г. из Варшавы от члена-корреспондента Петербургской академии наук В.В. Макушева с просьбой о назначении ординарным профессором кафедры славянской филологии. В дальнейшем В. М. Флоринскому постоянно приходили письма с подобного рода просьбами.

Однако большинство преподавателей, которые готовы были приехать в Сибирь, ориентировались на то, что открытие университета произойдет к 1884 г., в то время как оно было отложено в связи со студенческими волнениями, которые прокатились по европейской части России. Поэтому многие преподаватели, которые претендовали на вакантные должности в Сибирском университете, к моменту его открытия уже нашли место в других университетах Российской империи. К тому же 25 мая 1888 г. университет был открыт в составе не четырех факультетов, как планировалось, а в составе всего одного – медицинского [10. С. 138].

Тем не менее В.М. Флоринский подошел к выбору будущего профессорско-преподавательского состава

крайне ответственно. Так, например, только для замещения кафедры астрономии он рассматривал трех кандидатов: астронома-наблюдателя Московского университета В.К. Цераского (будущий ординарный профессор Московского университета, директор астрономической обсерватории), астронома-наблюдателя Пулковской обсерватории Г.О. Струве (будущий профессор Берлинского университета) и Порицкого.

После того как В.М. Флоринский получил от В.К. Цераского отказ от предложения занять вакантную кафедру, он вынужден был делать выбор между оставшимися двумя. В этой связи он обратился к астроному, ординарному профессору Казанского университета Д.И. Дубяго, который порекомендовал ему Г.О. Струве как специалиста «с наибольшей опытностью и также пытливостью».

Однако Г.О. Струве на приглашение от В.М. Флоринского приехать в Томск не дал сразу однозначного ответа, поскольку стал колебаться «между тем нынешним и весьма благоприятным научным и служебным положением при Пулковской обсерватории <...> и званием экстраординарного профессора в Томске при неимении на первое время способов (инструмента. — И.Д.) для астрономических работ».

В этой связи В.М. Флоринский был вынужден обратиться к товарищу министра народного просвещения Н.Н. Аничкову с просьбой предоставить Г.О. Струве дополнительные льготы. «Во-первых, — писал В.М. Флоринский Н.Н. Аничкову, — обещать ему место и. д. ординарного профессора, во-вторых, ходатайствовать о командировании его в звание профессора за границу в будущем 1886 г. для заказа там необходимых для Сибирского университета астрономических инструментов. Средства для приобретения их могут быть получены из капитала Сибирякова» [11. С. 521].

К сожалению, Г.О. Струве так и не приехал в Томск, так как должен был занять вакантную кафедру астрономии на физико-математическом факультете, в то время как на «Особом совещании по делу об открытии Сибирского университета», которое прошло в 1887 г., было принято решение открыть «на первое время» Императорский Томский университет лишь в составе медицинского факультета [12. Л. 154–156]. Однако приведенный пример демонстрирует, с какой вдумчивостью подходил В.М. Флоринский к выбору профессорско-преподавательского состава и как много он прилагал усилий, чтобы пригласить лучшего, по его мнению, преподавателя в Томск.

К настоящему времени сохранились черновые наброски В.М. Флоринского с фамилиями преподавателей, которых он хотел пригласить на историко-филологический и физико-математический факультеты. Например, на физико-математический факультет он планировал пригласить 10 ординарных и 5 экстраординарных профессоров.

Так, на кафедру органической химии по рекомендации профессоров А.М. Бутлерова, А.М. Зайцева и А.Я. Щербакова В.М. Флоринский предлагал взять магистра химии, профессора Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства Е.Е. Ва-

гнера. На кафедру неорганической химии по рекомендации профессора А.М. Бутлерова планировал пригласить магистра химии, приват-доцента Военно-медицинской академии А.А. Загуменного. Кроме того, на замещение этой кафедры претендовал приват-доцент Императорского Харьковского университета Черный, однако В.М. Флоринский в своем письме министру народного просвещения И.Д. Делянову писал, что у него нет сведений о нем [13. Л. 2–2 об.].

На замещение должности экстраординарного профессора по кафедре геологии с палеонтологией рассматривались сразу два кандидата: магистр геологии, приват-доцент Казанского университета П.И. Кретов и магистр геологии, приват-доцент Харьковского университета А.В. Гуров. Однако В.М. Флоринский отдавал предпочтение П.И. Кретову, объясняя это И.Д. Делянову следующим образом: «[П.И. Кретьова] я знаю лично и считаю его вполне достойным кандидатом на занятие на первое время должности экстраординарного профессора, до получения им степени доктора геологии, что должно последовать в непродолжительном времени».

Экстраординарным профессором по кафедре минералогии В.М. Флоринский предлагал назначить магистра минералогии, приват-доцента Казанского университета А.М. Зайцева. Ординарным профессором по кафедре минералогии планировалось назначить доктора ботаники, экстраординарного профессора Казанского университета Н.В. Сорокина, а в качестве приват-доцента по той же кафедре и ученого садовника Ботанического сада Сибирского университета В.М. Флоринский в своем письме министру народного просвещения «определял» окончившего магистерское испытание и готовящегося защитить магистерскую диссертацию П.Н. Крылова [13. Л. 3].

На кафедру зоологии, сравнительной анатомии и эмбриологии с физиологией В.М. Флоринский планировал пригласить доктора зоологии, профессора Варшавского университета В.Н. Ульянина, магистра зоологии, приват-доцента Московского университета А.А. Тихомирова, а хранителем зоологического музея Сибирского университета планировалось назначить хранителя зоологического музея Казанского университета Э.Д. Пельцама [13. Л. 3 об. — 4].

На должность ординарного профессора физиологии претендовал доктор медицины, ординарный профессор Казанского университета А.Я. Данилевский, а на должность экстраординарного профессора по кафедре физики В.М. Флоринский рекомендовал И.Д. Делянову назначить доктора физики, преподавателя Московского технического училища Н.П. Слугинова [13. Л. 4].

В качестве кандидатов на должность профессора по кафедре астрономии В.М. Флоринский рассматривал трех человек: В.К. Цераского, Г.О. Струве и Порицкого. Подробнее о них написано выше.

На кафедру математики В. М. Флоринский так же, как и на кафедру зоологии, планировал пригласить трех преподавателей. Так, на должность ординарного профессора Сибирского университета было подано прошение о переводе от доктора математики, ординар-

ного профессора Казанского университета В.П. Максимовича. Кроме того, сам В.М. Флоринский планировал пригласить на эту должность магистра математики, учителя 4-й московской гимназии Н.А. Шапошникову, которого ему рекомендовали как «отличного преподавателя и человека, имеющего известное имя в науке». Кроме того, В.М. Флоринский рассматривал в качестве возможных кандидатов на эту кафедру «московских математиков» П.С. Назимова, П.М. Покровского и Б.К. Млодзиевского [13. Л. 4 об.].

В качестве преподавателя по кафедре механики В.М. Флоринский предлагал взять магистранта И.И. Занчевского, окончившего Императорский Новороссийский университет. Объяснял В.М. Флоринский свое решение министру народного просвещения следующим образом: «Преподавание этого предмета может быть начато не с первого, а со второго года по открытии университета, [поэтому] Занчевского было бы весьма полезно командировать на год за границу, после чего он должен защитить магистерскую диссертацию, если не успел еще исполнить этого в настоящее время» [13. Л. 4 об. – 5].

Наконец, на должность экстраординарного профессора по кафедре технической и агрономической химии В.М. Флоринский рассматривал подавшего прошение о работе в Сибирском университете приват-доцент Новороссийского университета И.М. Пономарева: «...человека вполне подготовленного, талантливого и способного вести преподавание указанных предметов и практические лабораторные по ним занятия».

Отметим, что, даже занимаясь подбором профессорско-преподавательского состава будущего университета, В.М. Флоринский старался экономить средства казны. В связи с этим на 15 профессоров физико-математического факультета предполагалось выделить 10 ординарных и 5 экстраординарных окладов. Он рекомендовал предоставить ординарные оклады лишь Е.Е. Вагнеру, Н.В. Сорокину, В.Н. Ульянину, А.Я. Данилевскому, Н.П. Слугинову, В.П. Максимовичу, Н.А. Шапошникову и профессору астрономии, «прочие лица могли бы удовлетвориться экстраординарным окладом или быть перечислены в ординарные по старшинству службы по мере освобожденных вакансий» [13. Л. 5].

Аналогичная тщательность действий В.М. Флоринского прослеживается и в комплектации историко-филологического факультета, в составе которого предполагалось выделить штатные оклады для 14 профессоров (10 ординарных и 4 экстраординарных), не считая профессора богословия. Однако в отличие от физико-математического факультета, где на большинстве кафедр на замещение вакантных должностей было подобрано несколько кандидатов, кафедры богословия, философии и всеобщей истории, истории западноевропейской литературы, а также географии и этнографии к концу 1884 г. оставались без кандидатов.

Тем не менее в качестве экстраординарного профессора по кафедре классической филологии (направление греческая филология) В.М. Флоринский по рекомендации А.И. Георгиевского предлагал рассмотреть магистра, преподавателя 6-й московской гимназии Томазину. На должность экстраординарного профессора

по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка он предлагал назначить магистра, бывшего доцента Казанского университета В.А. Богородицкого [13. Л. 5 об.].

Экстраординарным профессором по кафедре русского языка и русской литературы В.М. Флоринский предлагал назначить магистра, учителя Екатеринбургского реального училища П.В. Владимирова. Последнего он характеризовал И.Д. Делянову следующим образом: «Зная лично Владимирова и его служебную деятельность, а равно руководствуясь прекрасными отзывами о нем профессоров Казанского университета (Булича, Петровского, Беляева и Корсакова), знавших его со студенческой скамьи и потом во время пребывания при университете по окончании курса, я позволяю себе рекомендовать этого кандидата как вполне достойного» [13. Л. 5 об. – 6].

В качестве руководителя кафедры церковной истории В.М. Флоринский планировал пригласить магистра богословия, ординарного профессора Московского университета А.С. Павлова. На кафедру русской истории он предлагал назначить профессорского стипендиата Казанского университета Н.П. Лихачева, а на кафедру истории искусства – также профессорского стипендиата Петербургского университета А.А. Павловского [13. Л. 6].

Таким образом, планируя профессорско-преподавательский состав будущего университета, В.М. Флоринский старался подбирать кадры с осторожностью, делая ставку в первую очередь на яркие личности, которые зачастую в силу возраста еще не достигли высоких должностей, но имели огромный потенциал в научно-образовательной сфере. В связи с этим не является таким удивительным тот факт, что большинство рекомендованных им преподавателей становились не только заслуженными профессорами, но и основоположниками новых научных направлений.

Например, Н.П. Слугинов стал профессором физики в Императорском Казанском университете, А.Я. Данилевский – начальником Императорской Военно-медицинской академии, одним из основоположников биохимии, А.А. Тихомиров – ректором Московского университета, С.И. Коржинский – академиком Петербургской Академии наук, основоположником фитоценологии и т.д.

Однако после того, как на «Особом совещании по делу об открытии Сибирского университета» было принято решение об открытии Сибирского университета в составе одного медицинского факультета, большинство кадровых решений В.М. Флоринского утратило актуальность [12. Л. 164–165].

В этой связи В.М. Флоринский, являясь с 1885 г. попечителем Западно-Сибирского учебного округа, был вынужден заняться формированием профессорско-преподавательского состава данного факультета.

Временным штатом медицинского факультета предусматривалось иметь 25 профессоров, из которых 13 должны были быть ординарными, а 11 экстраординарными, а также профессора богословия. Помимо этого, по учебной части временным штатом полагалось иметь 4 прозекторов и 1 помощника прозектора

по кафедре судебной медицины, 2 ассистентов, 6 ординаторов факультетских и 2 ординатора госпитальных клиник, провизора, библиотекаря с помощником, 4 лаборантов, консерватора зоологического музея, 3 хранителей кабинета и ученого садовника [14. С. 3–4].

В этих новых условиях в кратчайшие сроки В.М. Флоринский был вынужден заняться комплектованием профессорско-преподавательского состава университета. Первым ректором был назначен Н.А. Гезехус – профессор физики. Надо отметить, что изначально на этот пост в Министерстве народного просвещения предлагалось назначить уроженца Томска, профессора кафедры церковного права Московского университета А.С. Павлова, но он отказался, сославшись на недостаточность оклада ректора в Сибирском университете. Также были приглашены А.С. Догель – профессор гистологии, А.М. Зайцев – профессор минералогии и геологии, С.И. Залесский – профессор химии, С.И. Коржинский – профессор ботаники, Н.М. Малиев – профессор анатомии, Д.Н. Беликов – профессор богословия и Э.А. Леман – профессор фармации [15. С. 65–74].

Вот как охарактеризовала первых профессоров газета «Сибирская жизнь»: «Состав преподавателей для провинциального университета был блестящий. Почти все профессора молодые ученые (самому младшему – С.И. Коржинскому 27 л[ет], самому старшему Н.М. Малиеву – 47 л[ет]), уже успевшие приобрести высокие ученые степени и известные своими научными трудами. Четверо из них имели степень доктора медицины (А.С. Догель, Н.М. Малиев, С.И. Залеский, Н.Ф. Кашенко), один – доктора ботаники (С.И. Коржинский), один – доктора физики (Н.А. Гезехус), один – доктора минералогии (А.М. Зайцев), один – доктора богословия (Д.Н. Беликов) и один – магистра фармации (Э.А. Леман). Самый старший, проф. Н.М. Малиев, уже имел 32 печатных работы; проф. Гезехус – 28; остальные от 10 до 20 каждый» [16].

Кроме того, В.М. Флоринским были приглашены упомянутые ранее первый библиотекарь С.К. Кузнецов, ученый садовник П.Н. Крылов, а также смотритель за газовым заводом и водопроводом С.М. Глейхенгауз [17. Л. 1–8]. В последующие после открытия

Императорского Томского университета годы профессорско-преподавательский состав продолжил пополняться.

Таким образом, несмотря на то что В.М. Флоринский, в силу своего образования и занимаемой им должности, ближе всего был к медицинской отрасли, он, понимая возложенную на него ответственность, на протяжении практически всего периода организации университета занимался формированием профессорско-преподавательского состава для каждого из планируемых к открытию факультета. Сохранившиеся черновые наброски В. М. Флоринского не только иллюстрируют данное утверждение, но и раскрывают фамилии тех лиц, которых он планировал пригласить на работу в Томский университет. Более того, многие из рассматриваемых им преподавателей впоследствии стали выдающимися деятелями науки и просвещения в стране.

Отметим также, что во многом благодаря стараниям В.М. Флоринского вакантные должности профессоров были заняты молодыми и талантливыми учеными, которые видели свое предназначение не только в преподавании, но и в культивировании в университете науки, тем самым заложив основы многих сибирских научных школ. В.М. Флоринскому удалось добиться от Министерства народного просвещения ежегодного выделения 3 тыс. руб. на изучение Сибири и издание научных трудов, что стало прочным финансовым фундаментом для научно-исследовательской деятельности молодых преподавателей первого в азиатской части России университета.

В заключение стоит подчеркнуть, что с первых дней, работая над организацией Сибирского университета, В.М. Флоринский выступал именно с позиции попечителя над учебным округом, так как он в равной степени и с равным энтузиазмом включался во все процессы создания университета, стремясь максимизировать эффективность реализации проекта, выполняя своеобразную связующую роль между строящимся университетом и Министерством народного просвещения. Во многом благодаря такой самоотверженной работе в 1885 г. был утвержден Западно-Сибирский учебный округ, первым попечителем которого и стал В.М. Флоринский.

Список источников

1. Грибовский М.В. Замещение профессорских должностей в российском дореволюционном университете: назначение vs выборы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 71–76. doi: 10.17223/15617793/423/9
2. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 300 с.
3. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОСПЭН, 2017. 903 с.
4. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г.. М. : ИРИ, 1994. 195 с.
5. Матушанский Г.У., Завада Г.С. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Экономика образования. 2008. № 4. С. 123–130.
6. Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус Императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
7. Об учреждении Сибирского университета : Высочайше учрежденное мнение Государственного Совета // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Отд. 1. 1878. СПб., 1880. Т. 53. Ст. 58527.
8. Распоряжения, инструкции Министерства народного просвещения, главного управления Западной Сибири, Томского губернатора об учреждении Строительного комитета по возведению здания Сибирского университета в г. Томске. 14 марта 1880 г. – 23 марта 1884 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. 47 л.
9. Флоринский В.М. Отчет за лето 1880 г. по Сибирскому университету, управляющему Министерством народного просвещения // Национальный музей республики Татарстан (НМРТ). Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/216. 189 л.

10. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
11. Подшивка писем и черновых набросков В.М. Флоринского // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/823.
12. Флоринский В. М. Дневниковые записи. 1887 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/107.
13. Письма В.М. Флоринского И.Д. Делянову. 1883–1894 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/875.
14. Сведения о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие его существования // Известия Томского университета. 1889. Кн. 1. С. 1–71.
15. Первый университет в Сибири. Томск : Тип. «Сибирского вестника», 1889. 93 с.
16. Сибирская жизнь : газета политическая, литературная и экономическая выходит в г. Томске ежедневно, за исключением дней после праздничных. Томск, 1913. 22 окт.
17. Документ о выдаче подъемных денег приват-доценту Кузнецову, ученому садовнику Крылову и проф. Флоринскому // Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. Правления университета. Д. 7026. 8 л.

References

1. Gribovskiy, M.V. (2017) Filling Professorial Positions in the Russian Pre-revolutionary University: Appointment vs Elections. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 71–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/423/9
2. Nekrylov, S.A. (1999) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Imperatorskogo Tomskogo universiteta (1888 – fevral' 1917 gg.)* [Faculty of the Imperial Tomsk University (1888 - February 1917)]. History Cand. Diss. Tomsk.
3. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: Uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Capital University of the Russian Empire: Academic class, society and government (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
4. Ivanov, A.E. (1994) *Uchenye stepeni v Rossiyskoy imperii XVIII v. – 1917 g.* [Academic degrees in the Russian Empire of the 18th century – 1917]. Moscow: IRI RAN.
5. Matushanskiy, G.U. & Zavada, G.S. (2008) Poslevuzovskaya podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov v Rossii: retrospektivnyy vzglyad [Postgraduate training of scientific and pedagogical personnel in Russia: a retrospective view]. *Ekonomika obrazovaniya*. 4. pp. 123–130.
6. Gribovskiy, M.V. (2018) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppа rossiyskogo obshchestva. 1884 g. – fevral' 1917 g.* [The teaching corps of the Imperial Universities as a socio-professional group of Russian society. 1884 – February 1917]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
7. Russian Empire. (1880) Ob uchrezhdenii Sibirskogo universiteta: Vysochayshe uchrezhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta [On the establishment of the Siberian University: The highest established opinion of the State Council]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Part 1. 1878. Vol. 53. Art. 58527. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 103. List 1. File 1. 47 p. *Rasporyazheniya, instruktsii Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, glavnogo upravleniya Zapadnoy Sibiri, Tomskogo gubernatora ob uchrezhdenii Stroitel'nogo komiteta po vozvedeniyu zdaniya Sibirskogo universiteta v g. Tomske. 14 marta 1880 g. – 23 marta 1884 g.* [Orders, instructions of the Ministry of Public Education, the Main Department of Western Siberia, the Tomsk governor on the establishment of the Construction Committee for the construction of the building of the Siberian University in Tomsk. March 14, 1880 – March 23, 1884].
9. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Department for Storing Visual and Documentary Source. Item KPPi-117959/216. 189 p. Florinskiy, V.M. *Otchet za leto 1880 g. po Sibirskomu universitetu, upravlyayushchemu Ministerstvom narodnogo prosveshcheniya* [Report for the summer of 1880 on the Siberian University to the manager of the Ministry of Public Education].
10. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University: the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s–1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
11. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Department for Storing Visual and Documentary Source. Item KPPi-117959/823. Pages 532–750. *Podshivka pisem i chernovykh nabroskov V.M. Florinskogo* [Letters and rough sketches of V.M. Florinsky].
12. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Department for Storing Visual and Documentary Source. Item KPPi-117959/107. 50 p. Florinskiy, V.M. (1887) *Dnevnikovyie zapisi* [Diary entries].
13. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Department for Storing Visual and Documentary Source. Item KPPi-117959/875. *Pis'ma V.M. Florinskogo I.D. Delyanovu. 1883–1894 gg.* [Letters from V.M. Florinsky to I.D. Delyanov. 1883–1894].
14. *Izvestiya Tomskogo universiteta* (1889) Svedeniya o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za pervoe polugodie ego sushchestvovaniya [Information on the state of the Imperial Tomsk University for the first six months of its existence]. 1. pp. 1–71.
15. Anon. (1889) *Pervyy universitet v Sibiri* [The first university in Siberia]. Tomsk: Tip. “Sibirskogo vestnika”.
16. *Sibirskaya zhizn'*. (1913) 22 October.
17. National Archive of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List *Pravleniya universiteta* [University Board]. File 7026. 8 p. Dokumenty o vydache pod'emnykh deneg privat-dotsentu Kuznetsovu, uchenomu sadovniku Krylovu i prof. Florinskomu [Documents on the Issuance of Raise Money to Privatedozent Kuznetsov, Learned Gardener Krylov, and Professor Florinsky].

Информация об авторе:

Дунбинский И.А. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Dunbinskiy, Cand. Sci. (History), senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2021;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 11.01.2021;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 314.72.044(571.1/6)(091)
doi: 10.17223/15617793/491/14

Документы федеральных архивов как источник изучения добровольных миграций сельского населения в Сибирь и на Дальний Восток в 1930-е гг.

Лариса Викторовна Занданова¹, Яна Викторовна Кулакова²

^{1, 2}Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

¹ zadanova@mail.ru

² yanikk1989@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются познавательные возможности документов, хранящихся в РГВА, РГАЭ и ГАРФ и повествующих о переселенческих процессах в СССР в довоенный период. На основании изученных источников авторы приходят к выводу о том, что в период коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания крестьянства параллельно с принудительными миграциями проводились и организованные добровольные переселения целых колхозов и отдельных семей в разные регионы, в том числе в Сибирь и на Дальний Восток.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, плановое переселение, добровольные миграции, сельское население

Для цитирования: Занданова Л.В., Кулакова Я.В. Документы федеральных архивов как источник изучения добровольных миграций сельского населения в Сибирь и на Дальний Восток в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 115–124. doi: 10.17223/15617793/491/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/14

Documents of federal archives as a source for studying rural population's voluntary migrations to Siberia and the Far East in the 1930s

Larisa V. Zadanova¹, Yana V. Kulakova²

^{1, 2} Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

¹ zadanova@mail.ru

² yanikk1989@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to present the cognitive capabilities of documents stored in the Russian State Military Archive, the Russian State Archive of Economics and the State Archive of the Russian Federation, which became available in connection with their publication in the collection Eastern Vector of Resettlement Policy in the USSR in the Late 1920s – Late 1930s and the publication of a collection of documents *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession* in the study of resettlement processes in the USSR in the pre-war period, planned, regulated and supported by the state. Previously, documents relating to this period were kept secret, which is why this stage in the history of organized migrations to the eastern regions was not studied enough, while these “voluntary-forced” migrations played an important role in the settlement, agrarian and industrial development of Siberia and the Far East. Published sources are of different years and places of origin, differ in types (mostly they are office materials of various departments), require verification, in connection with which we used special methods: the historical-genetic method made it possible to restore the chronological sequence of events, highlight the main stages; the historical-comparative method helped to reveal common and special features in the process of implementing the resettlement policy; the statistical method contributed to the work with digital material. In the course of the study, documents related to the 1930s were studied, which showed that in the country during the period of collectivization of agriculture and the dispossession of the peasantry, in parallel with forced migrations, organized voluntary resettlements of entire collective farms and individual families were carried out in different regions, including Siberia and the Far East. These regions were traditionally the main recipients of the labor force due to the need for their settlement and economic development. The modernization of the country during the years of the first five-year plans required the intensification of the development of the eastern territories, the strengthening of the defense capability of the borders, and the creation of their own food base. The study showed that the central archives contain documents on voluntary Red Army and “kolkhoz” migrations, previously secret and inaccessible to researchers. Despite the fact that their number is limited, in combination with materials from the archives of individual regions, they can help to recreate a concrete historical picture of the mass resettlement in the 1930s, determine its effectiveness, identify the main forms, methods, organizational technologies, and directions of the resettlement movement and its approximate dimensions. The information contained in the

documents makes it possible to better understand not only the complexity and inconsistency of the state's resettlement policy in these years, but also the social, political and economic situation in the country as a whole.

Keywords: Siberia, Far East, planned resettlement, voluntary migration, rural population

For citation: Zandanova, L.V. & Kulakova, Ya.V. (2023) Documents of federal archives as a source for studying rural population's voluntary migrations to Siberia and the Far East in the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 115–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/14

В предисловии к сборнику научных трудов «Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв.» отмечено, что его выход в свет – одна из попыток сибирских и дальневосточных исследователей «рассмотреть некоторые проблемы территориального движения населения Азиатской России в прошлом как сложный феномен общественной, социальной, экономической, в определенной степени и политической жизни.

Перекося в современной историографии в “депортационную” тематику немало способствует формированию у неискушенного читателя ошибочного впечатления, что на протяжении так называемого “советского” периода насильственные перемещения населения по территории страны являлись чуть ли не основной формой миграций. На самом деле это не так. На протяжении всего XX столетия в России преобладали добровольные миграции (правильнее называть их добровольно-вынужденными).

...Парадокс современной историографической ситуации в том, что добровольно-вынужденные миграции, сыгравшие определяющую роль в заселении, аграрном и промышленном освоении Азиатской России... пребывали за рамками внимания исследователей. Поэтому сегодня настоятельной необходимостью выступает изучение миграционных процессов в прошлом» [1. С. 3–4].

Мнение авторов цитаты справедливо: исследователям было сложно воссоздать весь процесс плановых переселений в стране в XX в., так как из него выпадало одно звено – регулируемое государством переселение крестьянства на восточные окраины в 1930-е гг. Предпринимаемые ранее попытки восполнить этот пробел чаще всего не были успешными, так как «архивы молчали». Возможность для исследования этого периода появилась в связи с выходом в свет сборника документов из фондов ГАРФ, РГАЭ, РГВА, над которым работал Институт истории СО РАН, «Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг.», где впервые были опубликованы материалы, посвященные миграционным процессам, а также собрания документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание», куда вошла и часть материалов о переселенческой политике государства в тридцатые годы [2, 3].

Дальневосточный край (ДВК), куда велось переселение бывших красноармейцев, был образован в 1926 г. Переселение семей в сельскую местность Сибири во второй половине 1930-х гг. было ограничено Восточно-Сибирским краем (ВСК), который был выделен в 1930 г. из Сибирского края.

В 1930-е гг. экономика Сибири и Дальнего Востока переживала бурный рост. Процесс коллективизации нанес значительный урон в области сельского хозяй-

ства, и только со второй половины десятилетия началось восстановление и подъем, чем и была обусловлена необходимость возвращения к плановому переселению.

В фондах федеральных архивов за 1930-е гг. отложилось ограниченное количество материала, к тому же секретного, поскольку в эти годы переселенческие органы были привлечены к осуществлению принудительных переселений и несколько лет находились в ведении НКВД. Недоступность источниковой базы привела к тому, что в советский период проследить процесс сельскохозяйственных переселений тех лет не представлялось возможным. Исключением был ряд работ авторов, которые ознакомились с источниками в период «оттепели» [4–6]. Ограниченные сведения представлены и в обобщающих трудах [7, 8]. Попытку рассмотреть проблемы аграрных переселений в России и СССР предпринимали и зарубежные авторы, а мнение Д. Тредголда о том, что «наиболее яркие главы о заселении Сибири могут быть написаны в будущем» является актуальным [9–11].

Действительно, в последние десятилетия появились исследования, проведенные на материалах региональных архивов, что в какой-то мере восполняет недостающие страницы в истории переселений [12–15]. При написании статьи была поставлена цель: выявить информативные возможности фондов федеральных архивов в воссоздании конкретно-исторической характеристики одного из периодов в процессе добровольных переселений за Урал, который должен был стать новым этапом сельскохозяйственных переселений в стране, но был прерван Великой Отечественной войной и возобновлен только после ее окончания.

После Гражданской войны формирование советской переселенческой политики стало ответом на стихийные переселения крестьянства в поисках земли. В 1925 г. было официально объявлено об открытии организованного переселения в районы Сибири и Дальнего Востока, что одновременно являлось способом усиления экономической мощи России. Однако регулируемые советской властью сельскохозяйственные переселения приостановили с началом социалистической модернизации: был порожден особый вид миграции – выселение «кулаков» в отдаленные районы, тем не менее властям было понятно, что без массовых добровольных перемещений населения реализация планов социалистического развития страны и усиление ее обороноспособности невозможно. С 1929 г. начался набор (вербовка) демобилизованных красноармейцев на Дальний Восток с целью создания там сельскохозяйственной базы и укрепления границ кадрами, подготовленными в военно-политическом отношении. В директиве ВПК, Реввоенсовета СССР и Всесоюзного

Совета колхозников подчеркивалось, что «мощным резервуаром, из которого уже в настоящее время при соответствующей подготовке можно получать значительные кадры работников для колхозного движения, является наша рабоче-крестьянская армия» [16. С. 106].

В РГВА хранится секретная справка Политуправления Красной армии о ходе переселения демобилизованных красноармейцев на Дальний Восток в 1930–1931 гг., из которой становится известно, что в 1930 г. в ДВК было завербовано 9 540 красноармейцев, а также 3 303 члена их семей. На 1931 г. было запланировано переселение 40 тыс. красноармейцев [17. С. 110].

В РГАЭ также отложились документы с информацией о порядке создания и кредитования красноармейских колхозов, письма военнослужащих в Колхозцентр и редакцию газеты «Красный воин» с просьбой разъяснить условия переселения. В докладных записках работников советских и военных органов имеются некоторые сведения об обеспечении переселенцев землей и скотом, о технической и культурно-бытовой базе колхозов и т.д. [18. С. 113, 118]. Первоначально красноармейцев набирали из Украинского военного округа, в связи с чем представляет интерес отчет уполномоченного наркомата земледелия УССР «О состоянии переселенческого дела на Дальнем Востоке в 1929/1930 г.» как с точки зрения статистических данных, так и в плане лингвистического дискурса. Так, приведены данные о наличии красноармейцев в колхозах (коммунах) вселения: им. Реввоенсовета – 12%, «Пограничник» – 2,5%, им. Ленина – 9,0%, «3-го полка связи» – 4,8%, им. Сталина – 16%, «Червоное казачество» – 63%, «Индустрия» – 12%, «Красный пахарь» – 72% и т.д. Отмечено, что красноармейский состав «оказался и физически и морально поглощенным местной крестьянской массой». В отчете имеются сведения о выполнении плана переселения в 1930 г. [19. С. 152, 155]. Итоги переселения следующего года отражены в «Краткой информации о выполнении плана красноармейского переселения 1931 г. ...» от 13 января 1932 г., подготовленной инспектором земельного управления ДВК [20. С. 186].

26 июня 1934 г. СНК СССР было принято секретное постановление «О строительстве красноармейских колхозов в пограничной полосе», утвердившее решение о вселении в край 2 050 красноармейских семей, создании для них инфраструктуры и проведении землеустройства [21. С. 203]. Отчет о результатах приема переселенцев в 1933 г. содержится в докладной записке инспектора наркомата земледелия СССР Савелова «О состоянии красноармейских колхозов в ДВКрае» (не ранее 5 июля 1935 г.), в которой сообщается о проверке 30 колхозов, организованных в 1933 г. [22. С. 206].

Аналогичная информация была представлена бригадой наркомата земледелия, обследовавшей красноармейские колхозы в мае-июне 1935 г. Проверка показала, что большое число новоселов было переведено на работу в различные организации. Из колхозов для военных целей изымалось имущество и жилой фонд. Руководитель бригады пришел к выводу: «Считаю,

что вопрос о красколхозах в ДВК необходимо поставить в Правительстве на разрешении, т.к. многие красколхозы ДВК расположены на самой границе...» [23. С. 216]. 8 сентября 1935 г. вышло постановление СНК СССР «О мероприятиях по укреплению красноармейских колхозов», которым запрещалось строительство для переселенцев домов казарменного и барачного типа, был дан старт возведению многоквартирных домов с надворными постройками и приусадебными участками, а также предоставлению льгот и кредитов на строительство [24. С. 216].

Таким образом, хранящиеся в государственных архивах документы отражают новые подходы в переселенческой политике государства в связи с военной угрозой на дальневосточных рубежах страны, дают представление о маршрутах и масштабах переселения в первой половине 1930-х гг.

В эти же годы в стране начался масштабный процесс добровольного переселения населения с целью привлечения трудовых ресурсов в промышленность, а также заселения пустующих сельскохозяйственных площадей, в частности, разрабатывались планы переселения вновь созданных колхозов из центральной части страны в Сибирь под руководством Всесоюзного переселенческого комитета при СНК СССР (ВПКб).

Первоначально плановое сельскохозяйственное переселение осуществлялось в восточную часть Сибири. Поводом к его открытию стало письмо секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М.О. Разумова в правительство, судя по датировке, поступившее не позднее 11 июля 1934 г., в котором он просил разрешить организованное переселение в край, конкретно обозначив проблему: «За последние 3–4 года, в связи с ликвидацией кулацких хозяйств, уходом из деревни единоличников и колхозников, а также паспортизацией... в крае убыло не менее 50–60 тысяч крестьянских хозяйств. В селах имеется большое количество жилых и хозяйственных построек, которые... могут быть предоставлены переселяющимся» [25. С. 224]. В письме содержатся сведения о том, что сельское население края к концу второй пятилетки сократилось на треть, трудовая нагрузка на одного колхозника в 2–3 раза выше, чем в центре страны. Недостаток трудовых ресурсов, сдерживающий развитие сельскохозяйственного производства, промышленности и транспорта, может быть восполнен при переселении в край 25–30 тыс. крестьянских хозяйств в течение трех лет. 17 декабря 1934 г. был подготовлен проект постановления СНК СССР «О переселении в Восточную Сибирь 3 000 хозяйств». Предлагалось до конца апреля 1935 г. организовать переезд в Восточно-Сибирский край по одной тысяче хозяйств из Татарской АССР, Горьковского края и Воронежской области. В тексте проекта содержится информация о планах по организации набора, предоставления льгот, распределения новоселов по районам, их хозяйственному устройству и финансировании мероприятий [26. С. 227].

Следующий документ – доклад председателя ВПК(б) А.И. Муралова «Об итогах работы по переселению...», из которого видно, что план переселения в

Восточно-Сибирский край был перевыполнен, переселено 3 064 семьи (15 049 человек). Указано количество трудоспособных, краткая качественная характеристика и национальная принадлежность [27]. Муралов дал анализ организации переселения по областям выхода и перевозки переселенцев по железной дороге. О районах вселения и количестве вселенных семей можно узнать из отчета бригады из Горьковского края от 20 мая 1935 г., которые обследовали устройство своих земляков – 638 хозяйств в Усольском, Кировском, Заларинском, Зиминском, Тулунском, Куйтунском и Нижне-Удинском районах Прибайкалья [28].

10 июля 1935 г. Муралов направил в «директивные органы» – ЦК партии и правительство – обстоятельный доклад о завершении работ по переселению в Восточную Сибирь и дальнейших планах заселения края, в котором содержатся сведения о количестве переселенных семей, партийности, трудовой квалификации и национальном составе новоселов [29]. 17 марта 1936 г. он подал подробные сведения о переселении и размещении колхозников в районах Прибайкалья и Забайкалья [30]. Муралов отметил более организованную работу по вербовке колхозников, недостатки в организации переезда переселенцев по железной дороге. В докладе заявлено, что в край весной 1937 г. планируется вселить 800 хозяйств, в том числе в Киренский район 200 хозяйств из Ивановской области в период летней навигации по р. Лене. Письменные источники, в первую очередь письма переселенцев за этот период, показывают, что прием и устройство новоселов проходили в местах вселения по-разному [31, 32].

В начале 1930-х гг. всеми массовыми перемещениями людей в СССР и их использованием в экономике страны руководил НКВД. В 1936 г. в наркомате был создан Переселенческий отдел, ВПК при СНК был упразднен, таким образом, начиная с января 1937 г. вся делопроизводственная документация по организации планового сельскохозяйственного переселения стала поступать в адрес вновь созданного отдела. В РГАЭ сохранилось несколько документов, которые можно рассматривать как служебные записки, составленные для ознакомления нового ведомства с ходом переселений. Первый документ – таблица «Движение переселенцев, прибывших в Восточную Сибирь в 1935–1936 гг.» со сведениями о количестве вселенных по районам края и областям выхода [33]. Второй – «План организации переселений в Восточную Сибирь на 1937 г., представленный переселенческим отделением УНКВД по Восточно-Сибирскому краю...», которым начальник переселенческого отдела УНКВД по Восточно-Сибирскому краю Маненков доводил до сведения помощника начальника Переселенческого отдела майора госбезопасности Даубе, что план вселения составлен исходя из количества свободных домов, схожести «естественных, климатических и экономических условий районов вербовки и районов вселения», а также наличия «в тех или иных районах вселения переселенческого населения из отведенных для вербовки областей» [34. С. 260]. В документе имеется информация о районах Прибайкалья и Забайкалья, в которых

лучше всего шел процесс закрепления новоселов. Третий документ – «Справка № 1 о состоянии переселения в регион в 1935–1936 гг.», содержащая сведения о выполнении плана переселения в Забайкалье. Отмечено, что в этот период не прекратилось переселение в приграничные районы края и аймаки Бурят-Монголии, но, в отличие от предыдущих лет, в них стали вселять не семьи красноармейцев, а обычных колхозников. Также показано материальное положение переселенцев, затраты на переселенческие мероприятия, количество семей, покинувших места вселения. Имеются сведения о межнациональных браках в старожильской и переселенческой среде [35. С. 265]. В следующем документе – «Справке № 2» речь вновь идет о планах переселения на 1937 г., ее Маненков начинает словами: «так как переселением 9 000 семей свободный жилой фонд колхозов полностью исчерпывается, в 1936 г. б[ывшим] Уполномоченным Переселенческого Комитета был разработан 5 летний план заселения края в 25 тысяч семей с организацией нового жилого строительства, стоимостью переселения по 9–10 тыс. рублей в среднем на семью». Согласно справке, планировалось переселение в ВСК 2 650 семей в 25 районов, в том числе 600 из них – в приграничные районы [36. С. 265].

Один из наиболее значимых документов – «Справка о состоянии и перспективах переселения в Восточную Сибирь, подготовленная УНКВД по Восточно-Сибирскому краю» не ранее 1 апреля 1937 г. для наркома внутренних дел СССР Ежова за подписью начальника УНКВД по ВСК комиссара госбезопасности 3-го ранга Зирниса, обосновывающая необходимость переселения колхозников малоземельных районов в Восточную Сибирь: «Дальнейший рост сельского хозяйства Восточной Сибири еще на длительный период не ограничен размерами земельных фондов, которые могут быть пущены в полезный оборот с незначительными затратами на их освоение... Основной трудностью развития народного хозяйства Восточной Сибири является ее слабая заселенность, острый недостаток рабочих рук как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Наиболее остро недостаток рабочих рук ощущается в колхозах Забайкалья и особенно в приграничных районах, где при уборочной площади в среднем на одну семью от 6,5 до 10 гектар имеется от 17 до 58 голов общественного и 5,8 голов скота в индивидуальном пользовании» [37. С. 267–268]. Отмечено, что планирование мероприятий было напрямую связано с экономическим развитием страны и повышением в этом роли окраин: «освоение уже разведанных богатств края... строительство ГЭС на Ангаре и развитие вокруг нее новой крупной промышленности, очевидно по-новому и с еще большей остротой поставит вопрос об увеличении населения Восточной Сибири». В третьей пятилетке необходимо было в первую очередь удовлетворить потребности приграничной территории Забайкалья, во вторую очередь заселить район Иркутск-Черемхово – части края, прилегающей к будущей Ангарской ГЭС и строящейся вокруг нее промышленности, и затем приступить к заселению районов, являющихся сельскохозяйственной базой для Бодайбинского золотопромышленного района и Севера, а также районов, расположенных в

начале строящейся железной дороги Тайшет – Усть-Кут на р. Лене.

Это был план заселения Восточной Сибири, рассчитанный на 1938–1943 гг., предусматривавший переселение 25–30 тыс. семей. Было подсчитано, что реализация плана приведет к увеличению населения в восьми пограничных районах на 55–60%, в забайкальских районах – на 45%, а в целом колхозное население Восточно-Сибирской области должно было вырасти на 25% [37. С. 271].

Во второй половине 1930-х гг. с целью привлечения в переселенческие мероприятия широких масс населения малоземельных районов в Сибирь и на Дальний Восток в льготную систему были внесены дополнения: государство по-прежнему брало на себя часть расходов переселяющихся, однако акцент был сделан на поддержке тех, кто переселялся в составе уже созданных колхозов. В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. были подробно прописаны все льготы, предоставляемые как самим переселенческим семьям, так и принимающим их колхозам [3. С. 546]. По сути, правительство в вопросе добровольного переселения в конце 1930-х гг. возвращалось к мнению комиссии по вопросам переселения и колонизации, изложенному еще летом 1917 г., считавшей, что переселенческая политика должна осуществляться в условиях общего оживления экономики страны при активном участии окраин.

21 октября 1937 г. было принято постановление СНК СССР «О плане переселения в ДВК» в дополнение к постановлению СНК СССР от 3 сентября того же года «О плане переселения в 1937 г. осуществляемого НКВД СССР», согласно которому в течение двух лет намечалось переселить 2 250 хозяйств красноармейцев из частей Дальневосточного военного округа и погранохраны [3. С. 545].

Как становится известно из справки начальника Переселенческого отдела НКВД И.И. Плинера, при планировании переселенческих мероприятий руководство НКВД получило информацию о том, что в Восточно-Сибирской области смогут принять только половину от планового количества семей. В Иркутск был командирован помощник начальника Переселенческого отдела НКВД майор госбезопасности Даубэ, который доложил, что создавшаяся ситуация – «результат вредительской работы начальника переселенческого отдела УНКВД ВСО Маненкова, оказавшегося троцкистом, и ныне арестованным». Даубэ «установил возможности приема», в соответствии с чем план переселения был скорректирован [38. С. 284–285].

Ценным документом является «Информация начальника переселенческого отделения УНКВД Восточно-Сибирской области Муравьева (назначенного вместо арестованного Маненкова. – Л. З.) о результатах переселения и хозяйственного устройства в регионе» от 8 сентября 1937 г. на имя Даубэ, поскольку впервые содержит подробные сведения о количестве принятых новоселов по районам, колхозам и сельсоветам области весной того года, их обустройстве на новом месте, численности обратных выходов и т.д. [39].

В фонде № 5675 также имеются сводные таблицы о количестве переселенцев по различным направлениям вселения, включая Сибирь и Дальний Восток, за 1933–1937 гг., с указанием места выхода и мест вселения, которые в полной мере дают представление о векторной направленности переселенческих движений в стране, их масштабах и динамике [40].

Поскольку в 1938 г. окончательно завершился процесс деления ДВК и ВСК на самостоятельные административно-территориальные единицы, то авторами последующих документов – докладных записок о приеме переселенцев в 1938 г., в том числе и о «вербовке красноармейцев в забайкальские колхозы», являются руководители переселенческих отделов УНКВД по Иркутской, Читинской и Омской областям. В данном фонде имеется план приема переселенцев в колхозы Иркутской области в 1939 г. – это постановление Президиума Иркутского облисполкома № 405 «О подготовке к приему переселенцев в колхозы Иркутской области» [41]. В первом пункте речь идет о том, что областной «тройкой» по переселению решено вселить 940 семей в 12 районов. Очевидно, при реализации плановых мероприятий по переселению был использован опыт осуществления принудительных переселений. В отличие от «троек», создаваемых из числа сотрудников НКВД, «тройки» этого периода имели межведомственную принадлежность, к работе в них привлекали представителей органов здравоохранения, торговли, железнодорожников и др. Этот документ – свидетельство смены эпох в организации процессов переселения в стране. Как известно, в ноябре 1938 г. вместо Н.И. Ежова нарком НКВД стал Л.П. Берия. Возможно, с его приходом связано возвращение прежней структуры, возглавлявшей переселение в стране: по решению ЦК ВКП(б) и правительства от 27 мая 1939 г. было вновь создано Переселенческое управление при СНК СССР [3. С. 545]. В тот же день было принято и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». В нем отмечалось, что ввиду «недостатка земель для наделения колхозников приусадебными участками... в малоземельных колхозах считать необходимым переселение колхозников из таких колхозов в многоземельные районы», в числе которых были Сибирь и Дальний Восток [3. С. 545–546].

План мероприятий по переселению в 1939 г. 12 100 хозяйств был представлен замнаркомом внутренних дел СССР Г.В. Филаретовым председателю правительства В.М. Молотову 13 декабря 1938 г. с указанием количества финансов на организацию переселения [42].

Как видно из документов РГАЭ, накануне войны, в 1940 г., за Урал было переселено около 70 тыс. семей, в которых было 273,9 тыс. человек, в том числе 125,2 тыс. трудоспособных (60% от общего числа переселенных в общесоюзном масштабе), имеются данные и о направлениях движения, и о масштабах вселения по регионам на новом, но прерванном войной этапе в переселенческом движении.

Знакомство с фондами федеральных архивов показало, что документы, отражающие политику государства в вопросе добровольных переселений в Сибирь и на Дальний Восток в 1930-е гг., мероприятия по их реализации, сохранились в ограниченном количестве. Основная масса источников содержится в фонде 5675 РГАЭ, в нем представлены документы центральных органов, осуществлявших переселенческую политику в том числе в восточные районы. Материалы о красноармейских переселениях на Дальний Восток имеются в фонде 7486 Сектора земельных фондов и переселений, а также в фонде 9 Главного политуправления РККА, который хранится в РГВА. Некоторые материалы по данному периоду находятся в ГАРФ.

В основном источники относятся к группе делопроизводственных, наиболее многочисленные – исходящие из переселенческих органов, малочисленные, но ценные по содержанию – исходящие из переселенческой среды. Перманентные преобразования административно-территориального устройства Сибири и Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. отразились на источниках: зачастую они не совпадают по структуре и статистическим данным.

Не очень высокая степень концентрации источников компенсируется их репрезентативностью. Оригинальный источниковый материал может быть использован в качестве основы для локальных и обобщающих исследований по воссозданию полной картины добровольных переселений в совокупности с другими типами и видами источников.

Список источников

1. Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв. : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Исупова. Новосибирск : Параллель, 2009. 258 с.
2. Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание / сост. Н.Н. Аблажей и др. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. 357 с.
3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы : в 5 т. Т. 5, кн. 2: 1938–1939 / гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола и др. М. : РОССПЭН, 2004. 703 с.
4. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск : Том. ун-т, 1976. 283 с.
5. Билим Н.А. Переселение на Советский Дальний Восток в 1924–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. 22 с.
6. Обетковский Н.А. Плановое переселение на Дальний Восток в годы Советской власти. 1925–1940 гг. // Вопросы истории и социологии Дальнего Востока. Благовещенск : БГПУ, 1972. С. 158–172.
7. История Дальнего Востока СССР (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней). Кн. 7: Советский Дальний Восток в периоды восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922–1937 гг.): макет / под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток : Ин-т истории археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР, 1977. 292 с.
8. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. / под ред. В.А. Исупова. Новосибирск : Параллель, 2011. 391 с.
9. Shanin T. Russia as a «Developing Society». L., 1985. P. 82–98.
10. Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история: ежегодник. 2001. Т. 2000. С. 7–97.
11. Treadgold D.W. The great Soberian migration. Princeton, 1957.
12. Красильников С.А. Переселенческая политика в 1920–1930-е гг.: правовые нормы, условия и механизмы обеспечения массовых миграций // Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск, 2010. С. 83–120.
13. Пикалов Ю.В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск : Частн. коллекция, 2003. 211 с.
14. Вологодина Г.С. Сельскохозяйственное переселение на российский Дальний Восток в 30-х гг. XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10. С. 68–73.
15. Занданова Л.В. Красноармейские переселения 1929–1935 гг. как фактор укрепления дальневосточных границ: листовая документация архивов // Вестник Международного центра азиатских исследований. 2014. 19. С. 259–268.
16. Из директивы № 03/298/0706 ВПК при ЦИК СССР, РВС СССР и Всесоюзного Совета колхозов военным и земельным органам о формах вовлечения красноармейцев в колхозное движение // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 106–109.
17. Письмо Главного управления пограничной охраны ОГПУ в НКЗем СССР об организованном переселении военнослужащих и членов их семей на Камчатку // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 110–111.
18. Докладная записка председателя Владивостокского окрисполкома Крутова в НКЗем СССР о состоянии красноармейских колхозов в округе // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 112–119.
19. Из отчета уполномоченного НКЗем УССР «О состоянии переселенческого дела на Дальнем Востоке 1929/1930 г.» // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 151–160.
20. Краткая информация о выполнении плана красноармейского переселения 1931 года по линии передвижения, и о порядке обслуживания переселенцев в пути следования // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 185–194.
21. Постановление СНК СССР № 1518-257 с «О строительстве красноармейских колхозов в пограничной полосе» // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 203–206.
22. Докладная записка инспектора Главзерно НКЗем СССР Савелова «О состоянии красноармейских колхозов в ДВКрае» // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 206–214.
23. Информация бригады НКЗем СССР, обследовавшей красноармейские колхозы на Дальнем Востоке в мае-июне 1935 г. // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 214–216.
24. Постановление СНК СССР № 1017 «О мероприятиях по укреплению красноармейских колхозов» // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 216–217.

25. Письмо секретаря Восточно-Сибирского карйкома ВКП(б) М.О. Разумова И.В. Сталину и В.М. Молотову с просьбой разрешить организованное переселение в край из других территорий СССР // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 224.
26. Проект постановления СНК СССР «О переселении в Восточную Сибирь 3000 хозяйств», разработанный ВПК // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 225–227.
27. Доклад председателя ВПК А.И. Муралова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об итогах работы по переселению 3 000 колхозных и единоличных хозяйств из Татарской республики, Воронежской области и Горьковского края» // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 227–231.
28. Сводный отчет бригады Горьковского края по обследованию устройства переселенцев в районах Предбайкалья, направленный в ВПК // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 233–240.
29. Доклад председателя ВПК А.И. Муралова в директивные органы о завершении переселения в Восточную Сибирь в 1935 г. и перспективах дальнейшего переселения в край // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 241–245.
30. Докладная записка руководства ВПК в директивные органы о ходе переселения в Восточную Сибирь в начале 1936 г. // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 252–255.
31. Заявление группы переселенцев из Горьковского края в Бурят-Монголию в ВПК при СНК СССР об условиях хозяйственного устройства в месте вселения // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 233–234.
32. Письмо заместителя председателя ВПК при СНК СССР П. Зубистова председателю Акшинского райисполкома Восточно-Сибирского края о необходимости устранения недостатков в работе по устройству переселенцев // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 240–241.
33. Движение переселенцев, прибывших в Восточную Сибирь в 1935–1936 гг. // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 258–260.
34. План организации переселений в Восточную Сибирь, представленный переселенческим отделом УНКВД по Восточно-Сибирскому краю в НКВД СССР // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 260–262.
35. Справка № 1 Переселенческого отделения УНКВД по Восточно-Сибирской области о состоянии переселения в регион в 1935–1936 гг. // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 262–265.
36. Справка 2 Переселенческого отделения УНКВД по Восточно-Сибирскому краю о планах переселения в 1937 г. // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 265–267.
37. Справка о состоянии и перспективах переселения в Восточную Сибирь, подготовленная УНКВД по Восточно-Сибирскому краю // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 267–271.
38. Справка начальника Переселенческого отдела НКВД СССР И.И. Плинера заместителю наркома М.Д. Берману о результатах переселения в Восточно-Сибирскую обл. и Азово-Черноморский край весной 1937 г. // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 283–286.
39. Докладная записка начальника переселенческого отделения УНКВД по Восточно-Сибирской обл. Муравьева в Переселенческий отдел НКВД СССР о результатах переселения и хозяйственного устройства в регионе // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 293–304.
40. Справка Переселенческого отдела НКВД СССР о масштабах планового переселения в СССР за период 1933–1937 гг. // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2007. С. 306–308.
41. Постановление Президиума Иркутского облисполкома № 405 «О подготовке к приему переселенцев в колхозы Иркутской области» // Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сибирское науч. изд-во, 2006. С. 316–317.
42. Докладная записка зам. наркома внутренних дел СССР Г.В. Филаретова В.М. Молотову о плане мероприятий по переселению на 1939 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы : в 5 т. Т. 5, кн. 2: 1938–1939. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 322–323.

References

1. Isupov, V.A. (2009) *Migratsionnye protsessy v aziatskoy Rossii v kontse XIX – nachale XXI vv.* [Migration processes in Asian Russia in the late 19th – early 21st centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
2. Ablazhey, N.N. et al. (2007) *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo.
3. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (2004) *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy: v 5 t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials. In 5 vols]. Vol. 5. Book 2. Moscow: ROSSPEN.
4. Platonov, N.I. (1976) *Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.)* [The resettlement policy of the Soviet State and its implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk: Tomsk University.
5. Bilim, N.A. (1965) *Pereselenie na Sovetskiy Dal'niy Vostok v 1924–1941 gg.* [Resettlement to the Soviet Far East in 1924–1941]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
6. Obetkovskiy, N.A. (1972) *Planovoe pereselenie na Dal'niy Vostok v gody Sovetskoy vlasti. 1925–1940 gg.* [Planned relocation to the Far East during the Soviet era. 1925–1940]. In: *Voprosy istorii i sociologii Dal'nego Vostoka* [Questions of history and sociology of the Far East]. Blagoveshchensk: BSPU.
7. Krushanov, A.I. (1977) *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR (Ot epokhi pervobytnoobshchinnyykh otnosheniy do nashikh dney)* [The history of the Far East of the USSR (From the era of primitive communal relations to the present day)]. Book 7. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences.
8. Isupov, V.A. (2011) *Migratsii naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX – nachalo XXI vv.* [Migration of the population of Asian Russia: late 19th – early 21st centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
9. Shanin, T. (1985) *Russia as a "Developing Society"*. London: MacMillan. pp. 82–98.

10. Gregori, P. (2001) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: chto my o nej znaem i chego ne znaem. Ocenka ekonomista* [Economic History of Russia: what we know about it and what we don't know. Economist's assessment]. In: *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik* [Economic history: yearbook]. Moscow: ROSSPEN. pp. 7–97.
11. Treadgold, D.W. (1957) *The great Siberian migration*. Princeton UP.
12. Krasil'nikov, S.A. (2010) *Pereselencheskaya politika v 1920–1930-e gg.: pravovye normy, usloviya i mekhanizmy obespecheniya massovykh migratsiy* [Resettlement policy in the 1920s–1930s: legal norms, conditions and mechanisms for ensuring mass migration]. In: *Massovye agrarnye pereseleniya na vostok Rossii (konets XIX – sredina XX vv.)* [Mass agrarian migrations to the east of Russia (late 19th – mid-20th centuries)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 83–120.
13. Pikalov, Yu.V. (2003) *Pereselencheskaya politika i izmenenie sotsial'no-klassovogo sostava naseleniya Dal'nego Vostoka RSFSR (noyabr' 1922 – iyun' 1941 g.)* [Resettlement policy and changes in the socio-class composition of the population of the Far East of the RSFSR (November 1922 – June 1941)]. Khabarovsk: Chastn. kollektsiya.
14. Vologdina, G.S. (2009) Sel'skokhozyaystvennoe pereselenie na rossiyskiy Dal'niy Vostok v 30-kh gg. XX veka [Agricultural resettlement to the Russian Far East in the 1930s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta*. 10. pp. 68–73.
15. Zandanova, L.V. (2014) Krasnoarmeyskie pereseleniya 1929–1935 gg. kak faktor ukrepleniya dal'nevostochnykh granits: listaya dokumenty arkhivov [The Red Army migrations of 1929–1935 as a factor in strengthening the Far Eastern borders: flipping through the documents of the archives]. *Vestnik Mezhdunarodnogo tsentra aziatskikh issledovaniy*. 19/2014. pp. 259–268.
16. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Iz direktivy № 03/298/0706 VPK pri TsIK SSSR, RVS SSSR i Vsesoyuznogo Soveta kolkhozov voennym i zemel'nym organam o formakh vovlecheniya krasnoarmeytsev v kolkhoznoe dvizhenie [From Directive No. 03/298/0706 of the Military-Industrial Complex under the CEC of the USSR, the RVS of the USSR and the All-Union Council of Collective Farms to military and land authorities on the forms of involvement of Red Army soldiers in the collective farm movement]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 106–109.
17. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Pis'mo Glavnogo upravleniya pogranichnoy okhrany OGPU v NKZem SSSR ob organizovannom pereselenii voennosluzhashchikh i chlenov ikh semey na Kamchatku [Letter from the Main Directorate of the Border Guard of the OGPU to the NKZem of the USSR on the organized relocation of servicemen and their family members to Kamchatka]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 110–111.
18. Ablazhey, N.N. et al. (2007) *Dokladnaya zapiska predsedatelya Vladivostokskogo okrispolkoma Krutova v NKZem SSSR o sostoyanii krasnoarmeyskikh kolkhozov v okruge* [A memorandum by the chairman of the Vladivostok Regional Executive Committee Krutov in the NKZem of the USSR on the state of the Red Army collective farms in the district]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 112–117.
19. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Iz otcheta upolnomochennogo NKZem USSR “O sostoyanii pereselencheskogo dela na Dal'nem Vostoke 1929/1930 g.” [From the report of the Commissioner of the NKZem of the Ukrainian SSR “On the state of the resettlement case in the Far East 1929/1930”]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 151–160.
20. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Kratkaya informatsiya o vypolnenii plana krasnoarmeyskogo pereseleniya 1931 goda po linii peredvizheniya, i o poryadke obsluzhivaniya pereselentsv v puti sledovaniya [Brief information on the implementation of the plan of the Red Army resettlement of 1931 along the line of movement, and on the procedure for servicing migrants en route]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 185–194.
21. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Postanovlenie SNK SSSR № 1518-257 s “O stroitel'stve krasnoarmeyskikh kolkhozov v pogranichnoy polose” [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1518-257 s “On the construction of Red Army collective farms in the border zone”]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 203–206.
22. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Dokladnaya zapiska inspektora Glavzerno NKZem SSSR Savelova “O sostoyanii krasnoarmeyskikh kolkhozov v DVKrae” [Memo of the inspector of the Glavzerno NKZem of the USSR Savelov “On the state of the Red Army collective farms in DVKray”]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 206–214.
23. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Informatsiya brigady NKZem SSSR, obsledovavshey krasnoarmeyskie kolkhozy na Dal'nem Vostoke v mae-iyune 1935 g. [Information from the NKZem brigade of the USSR, which surveyed the Red Army collective farms in the Far East in May-June 1935]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 214–216.
24. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Postanovlenie SNK SSSR № 2017 “O meropriyatiyakh po ukrepleniyu krasnoarmeyskikh kolkhozov” [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 2017 “On measures to strengthen the Red Army collective farms”]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 216–217.
25. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Pis'mo sekretarya Vostochno-Sibirskogo karykoma VKP(b) M.O. Razumova I.V. Stalinu i V.M. Molotovu s pros'бой razreshit' organizovannoe pereselenie v kray iz drugih territoriy SSSR [Letter from the Secretary of the East Siberian Regional Committee of the CPSU(b) M.O. Razumov to I.V. Stalin and V.M. Molotov with a request to allow organized resettlement to the region from other territories of the USSR]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. p. 224.
26. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Proekt postanovleniya SNK SSSR “O pereselenii v Vostochnuyu Sibir' 3000 khozyaystv”, razrabotanny VPK [Draft resolution of the Council of People's Commissars of the USSR “On the relocation of 3000 farms to Eastern Siberia”, developed by the MIC]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 225–227.
27. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Doklad predsedatelya VPK A.I. Muralova v TsK VKP(b) i SNK SSSR “Ob itogakh raboty po pereseleniyu 3 000 kolkhoznnykh i edinolichnykh khozyaystv iz Tatarskoy respubliki, Voronezhskoy oblasti i Gor'kovskogo kraya” [Report of the Chairman of the Military Industrial Complex A.I. Muralov to the Central Committee of the CPSU (b) and the SNK of the USSR “On the results of work on the resettlement of 3,000 collective farms and individual farms from the Tatar Republic, Voronezh Region and Gorky Krai”]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 227–231.
28. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Svodnyy otchet brigady Gor'kovskogo kraja po obsledovaniyu ustroystva pereselentsv v rayonakh Predbaykal'ya, napravlenny VPK [Summary report of the Gorky Krai brigade on the survey of the resettlement of migrants in the Pre-Baikal regions, sent to the military-industrial complex]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 233–240.

29. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Doklad predsedatelya VPK A.I. Muralova v direktivnye organy o zavershenii pereseleniya v Vostochnuyu Sibir' v 1935 g. i perspektivakh dal'neyshego pereseleniya v kray [Report of the Chairman of the Military Industrial Complex A.I. Muralov to the decision-making bodies on the completion of resettlement to Eastern Siberia in 1935 and the prospects for further resettlement to the region]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 241–245.
30. Ablazhey, N.N. et al. (2007) *Dokladnaya zapiska rukovodstva VPK v direktivnye organy o khode pereseleniya v Vostochnuyu Sibir' v nachale 1936 g.* [The report of the military-industrial complex management to the decision-making bodies on the course of resettlement to Eastern Siberia in early 1936]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 252–255.
31. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Zayavlenie gruppy pereselentsev iz Gor'kovskogo kraya v Buryat-Mongoliyu v VPK pri SNK SSSR ob usloviyakh khozyaystvennogo ustroystva v meste vseleniya [Statement of a group of immigrants from the Gorky Region to Buryat-Mongolia in the military-industrial complex under the SNK of the USSR on the conditions of economic arrangement in the place of settlement]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 233–234.
32. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Pis'mo zamestitelya predsedatelya VPK pri SNK SSSR P. Zubistova predsedatelyu Akshinskogo rayispolkoma Vostochno-Sibirskogo kraya o neobkhodimosti ustraneniya nedostatkov v rabote po ustroystvu pereselentsev [A letter from the Deputy Chairman of the Military-Industrial Complex under the SNK of the USSR P. Zubistov to the chairman of the Oginsky District Executive Committee of the East Siberian Territory on the need to eliminate shortcomings in the work on the resettlement of migrants]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 240–241.
33. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Dvizhenie pereselentsev, pribyvshikh v Vostochnuyu Sibir' v 1935–1936 gg. [The movement of migrants who arrived in Eastern Siberia in 1935–1936]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 258–260.
34. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Plan organizatsii pereseleniy v Vostochnuyu Sibir', predstavlenyy pereselencheskim otdelom UNKVD po Vostochno-Sibirskomu krayu v NKVD SSSR [The plan for the organization of resettlement in Eastern Siberia, presented by the resettlement department of the NKVD for the East Siberian Region in the NKVD of the USSR]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 260–262.
35. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Spravka № 1 Pereselencheskogo otdeleniya UNKVD po Vostochno-Sibirskoy oblasti o sostoyanii pereseleniya v region v 1935–1936 gg. [Reference No. 1 of the Resettlement Department of the NKVD in the East Siberian region on the state of resettlement in the region in 1935–1936]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 262–265.
36. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Spravka 2 Pereselencheskogo otdeleniya UNKVD po Vostochno-Sibirskomu krayu o planakh pereseleniya v 1937 g. [Reference 2 of the Resettlement Department of the NKVD in the East Siberian Region on resettlement plans in 1937]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 265–267.
37. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Spravka o sostoyanii i perspektivakh pereseleniya v Vostochnuyu Sibir', podgotovlennaya UNKVD po Vostochno-Sibirskomu krayu [Certificate on the status and prospects of resettlement in Eastern Siberia, prepared by the NKVD for the East Siberian Region]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 267–271.
38. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Spravka nachal'nika Pereselencheskogo otdela NKVD SSSR I.I. Plinera zamestitelyu narkoma M.D. Bermanu o rezul'tatakh pereseleniya v Vostochno-Sibirskuyu obl. i Azovo-Chernomorskiy kray vesnoy 1937 g. [Certificate of the head of the Resettlement Department of the NKVD of the USSR I.I. Pliner to Deputy People's Commissar M.D. Berman on the results of resettlement to the East Siberian region and the Azov-Black Sea Region in the spring of 1937]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 283–286.
39. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Dokladnaya zapiska nachal'nika pereselencheskogo otdeleniya UNKVD po Vostochno-Sibirskoy obl. Murav'eva v Pereselencheskiy otdel NKVD SSSR o rezul'tatakh pereseleniya i khozyaystvennogo ustroystva v regione [Report of the head of the resettlement department of the NKVD in the East Siberian region. Muravyev to the Resettlement Department of the NKVD of the USSR on the results of resettlement and economic structure in the region]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 294–304.
40. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Spravka Pereselencheskogo otdela NKVD SSSR o masshtabakh planovogo pereseleniya v SSSR za period 1933–1937 gg. [Reference of the Resettlement Department of the NKVD of the USSR on the scale of planned resettlement in the USSR for the period 1933–1937]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 306–308.
41. Ablazhey, N.N. et al. (2007) Postanovlenie Prezidiuma Irkutskogo oblispolkoma № 405 "O podgotovke k priemu pereselentsev v kolkhozy Irkutskoy oblasti" [Resolution of the Presidium of the Irkutsk Regional Executive Committee No. 405 "On preparation for the reception of migrants to collective farms of the Irkutsk region"]. In: *Vostochnyy vektor pereselencheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [The Eastern vector of resettlement policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. pp. 316–317.
42. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (2004) Dokladnaya zapiska zam. narkoma vnutrennikh del SSSR G.V. Filaretova V.M. Molotovu o plane meropriyatiy po pereseleniyu na 1939 g. [Memo of the deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR G.V. Filaretova V.M. Molotov on the resettlement action plan for 1939]. In: *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy: v 5 t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials: in 5 volumes]. Vol. 5. Book 2. 1938–1939. Moscow: ROSSPEN. pp. 322–323.

Информация об авторах:

Занданова Л.В. – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и методики Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: zandanova@mail.ru

Кулакова Я.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и методики Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: yanikk1989@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.V. Zandanova, Dr. Sci. (History), head of the Department of History and Methodology, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: zandanova@mail.ru

Ya.V. Kulakova, Cand. Sci. (History), associate professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: yan-ikk1989@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

Научная статья
УДК 93/94+34.096
doi: 10.17223/15617793/491/15

Государственная политика, нормативное регулирование и идеология при подготовке юристов в первое десятилетие советской власти

Дмитрий Евгеньевич Середя¹, Дмитрий Викторович Хаминов^{2, 3}

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

¹ dmitrysereda01@yandex.ru

^{2, 3} khaminov@mail.ru

Аннотация. Выявляются особенности государственной политики и нормативного регулирования в сфере подготовки юридических кадров в высших учебных заведениях в первое десятилетие советской власти. Предпринимается попытка проанализировать смысловые разрывы, основные тенденции и этапы государственного регулирования системы высшего юридического образования в России указанного периода, а также определить общественно-политические и идеологические факторы, влиявшие на ее развитие. Делается вывод, что при наличии изначально рациональных мотивов в реформе высшего юридического образования этого периода был заложен ряд системных ошибок.

Ключевые слова: советская власть, государственная политика, юридическое образование, подготовка юристов, юриспруденция

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

Для цитирования: Середя Д.Е., Хаминов Д.В. Государственная политика, нормативное регулирование и идеология при подготовке юристов в первое десятилетие советской власти // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 125–131. doi: 10.17223/15617793/491/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/15

State policy, regulatory control and ideology in the training of lawyers in the first decade of the Soviet power

Dmitry E. Sereda¹, Dmitry V. Khaminov^{2, 3}

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

¹ dmitrysereda01@yandex.ru

^{2, 3} khaminov@mail.ru

Abstract. The article examines the features of state policy and regulatory control in the field of training lawyers in higher educational institutions in the first decade of the Soviet power. The authors note that today's modernization of the system of higher legal education requires, not least, a historical understanding of the Soviet experience of reforming this social institution. Of particular interest in this sense is one of the most controversial periods of the development of the state – the period of the first decade of the Soviet power, with its accelerated evolution of education and pedagogical thought. The authors emphasize that the problem of transitional periods in the history of state and law, which has been fruitfully comprehended in recent years, has not yet found a systematic reflection in studies on the history of legal personnel training in higher educational institutions. The aim of the article was to identify the features, general trends of the origin and development of higher legal education in the first decade of the Soviet power. For a comprehensive description of the subject of the study, the provisions of the main national normative legal acts of the designated period related to the organization of the system of higher legal education were considered. In addition, the work used a complex of periodicals presented by such journals as *Revolyutsiya prava* [Revolution of Law] and *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii* [Weekly of Soviet Justice]. The materials contained in these journals made it possible to track the reaction of the scientific and professional community of lawyers to the ongoing reforms. Relying on general scientific, specific scientific and special research methods, the authors briefly describe the main trends in the state regulation of the system of higher legal education, identify socio-political factors that influenced its special development. According to the authors, an unprecedented stage of modernization of higher legal education begins in the period under study: its foun-

dations are laid, and the basic ideological principles are formulated. On the one hand, these reforms ensure the accessibility and breadth of opportunities for obtaining legal education among the proletariat. On the other hand, if there are initially rational motives, systemic errors are laid in the reform, the most important of which is the substitution of classical legal education, which has a strategic function for the state, with ideologically conditioned social science knowledge.

Keywords: Soviet power, state policy, legal education, training of lawyers, jurisprudence

Financial support: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

For citation: Sereda, D.E. & Khaminov, D.V. (2023) State policy, regulatory regulation and ideology in the training of lawyers in the first decade of the Soviet power. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 125–131. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/15

В условиях проведения различных государственно-правовых преобразований, а также поиска оптимальных моделей взаимодействия общества и государства особую актуальность, как представляется, приобретают вопросы совершенствования системы высшего образования. В последние годы все чаще обращается внимание на неоднозначность и противоречивость интеграции отечественного образования в единую европейскую образовательную систему, обсуждается механизм выхода Российской Федерации из Болонской системы, необходимость перехода от образования академической направленности к практико-ориентированному обучению и т.д. Следствием подобных дискуссий даже стало утверждение пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования в шести российских вузах указом Президента РФ от 12 мая 2023 г. «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» [1].

Пристальное внимание со стороны государства уделяется также вопросам совершенствования юридического образования. В научной литературе можно обнаружить значительное количество статей, посвященных выявлению проблем в системе юридического образования [2, 3], решение большинства из которых связывается с проведением соответствующих реформ. Между тем очевидно, что модернизация высшего образования (в том числе юридического) предполагает в первую очередь историческое осмысление опыта реформирования этого важнейшего социального института, оказывающего влияние на общий социокультурный контекст на всех этапах общественного развития. Думается, что без учета предыдущего опыта (как положительного, так и негативного) практически невозможно участвовать в решении ряда проблем организации высшего юридического образования на современном и последующем этапах.

Актуализация подобных исследований приобретает особый смысл, когда с целью ретроспективного анализа определяются наиболее противоречивые периоды развития государства, каким, например, является первое десятилетие советской власти, что не в последнюю очередь связано с проходившей в этот период революцией системы образования. В определенной степени подготовка квалифицированных юридических кадров в высших учебных заведениях как особое социальное явление всегда привлекала внимание

со стороны научного сообщества. Вместе с тем проблема переходных периодов государства так и не получила внимания в исследованиях по истории высшего юридического образования, что и определило выбор темы данной работы.

Основной массив историографии, посвященной исследуемой проблематике, сложился в XX в. Однако большинство работ, посвященных истории советского юридического образования указанного периода, было основано исключительно на марксистско-ленинском подходе. К таким работам относятся, например, труды И.Б. Славина [4], М. Исаева [5]. Современные же исследования по данной тематике характеризуются в основном дескриптивностью изучаемого вопроса, зачастую в них не ставится задача комплексного исследования и установления политико-идеологических причин и факторов, обусловивших конкретные особенности развития высшего юридического образования в обозначенный период. В связи с этим крайне важно продолжить исследование данной темы в современных условиях с новых методологических позиций.

Цель данной статьи – выявить особенности, общие тенденции зарождения и развития высшего юридического образования в первое десятилетие советской власти (с момента Октябрьской революции 1917 г. и до закрытия факультетов общественных наук, а также появления факультетов советского права). Источниковая база исследования включает в себя главным образом общегосударственные нормативно-правовые акты того периода, относящиеся к вопросам организации высшего образования (в том числе юридического), а также периодические издания («Революция права», «Еженедельник советской юстиции» и т.д.).

Переходя непосредственно к рассмотрению особенностей государственной политики в области подготовки юристов в высших учебных заведениях, следует подчеркнуть, что революционные события 1917 г. повлекли за собой изменения абсолютно во всех направлениях государства и права. Приход к власти большевиков ознаменовал начало совершенно нового этапа в системе подготовки юридических кадров. Власть тяготела к тому, чтобы держать высшие учебные заведения под строгим идеологическим и административным контролем, что, впрочем, было вполне оправданно: именно здесь проходили обучение кадры, которые впоследствии шли на работу в различные государственные структуры и учреждения.

Декретом СНК РСФСР от 11 декабря 1917 г. учебные заведения РСФСР передавались в ведение Наркомпроса РСФСР [6], т.е. фактически именно с этого момента было положено начало контроля советской власти за деятельностью всех вузов.

Начался процесс формирования новой системы управления, а также правового регулирования. Возникла новая законодательная система, базировавшаяся на ином (в сравнении с дореволюционным) понятии о праве. В общественной жизни именно марксистско-ленинское мировоззрение стало решающим. Неудивительно, что в этот период активно декларировалось отрицание дореволюционного права как научной отрасли. Приверженность юриста ценностям частного права и естественных прав человека на первых порах становления советской власти перестала относиться к обязательным характеристикам идеала юриста. Подобный портрет профессионального юриста воспринимался как атавизм. Высшая школа в принципе стала восприниматься в качестве «достояния эксплуататорских классов». Н.И. Бухарин писал: «В буржуазном обществе школа на высших ступенях была достоянием эксплуататорских классов. Эта школа в лице бесконечных гимназий, реальных училищ, институтов, кадетских корпусов и т.д. должна быть уничтожена» [7. С. 181].

Задачи, решаемые высшим юридическим образованием, были существенно видоизменены. Важно отметить, что к предпосылкам таких изменений среди прочего стали относиться и антибольшевистские настроения дореволюционной профессуры: часть преподавателей университетских юрфаков и практикующих юристов, имевших досоветскую подготовку, воспринимали большевистские изменения в государственном аппарате и общественном устройстве преимущественно с негативной точки зрения, порой и вовсе переходя к открытой оппозиции к действующей власти. Например, политика советской власти подвергалась серьезной критике профессорами юридического факультета в Томске [8. С. 65]. Кроме того, антибольшевистские настроения профессуры, особенно гуманитарной, нашли свое выражение в резолюциях о непризнании советской власти, принимаемых на протяжении осени и зимы 1917–1918 гг. университетскими советами и профессиональными объединениями интеллигенции. Профессора Петроградского университета активно протестовали против начавшейся кампании арестов «контрреволюционных элементов» [9. С. 324]. По этой причине большевики видели в университетах угрозу политического и идеологического противоборства, преимущественно в юридических факультетах.

Большевики в целом не пользовались поддержкой со стороны университетских служащих. Радикальная политика большевиков (в том числе в научно-образовательной сфере) вызвала протест и противодействие со стороны профессуры, выступавшей против вооруженного захвата власти, против диктатуры и чрезвычайных мер управления, террора и иных мероприятий большевиков и возлагавшей свои надежды по нормализации ситуации на Учредительное собрание. Студенчество же в большинстве было эсеро-меньшевистским, в то время как служащие университетов скорее

придерживались либерально-демократических (кадетских) взглядов [10. С. 276]. Неким общероссийским срезом, политическим портретом университетских юристов того периода, может служить пример юридического факультета Петроградского университета, который показывает, что накануне Октябрьской революции большинство преподавателей, работающих в университете на юридических факультетах, являлись членами тех или иных политических партий [9. С. 203].

С каждым месяцем, особенно после разгона Учредительного собрания в январе 1918 г., власть большевиков «закручивала гайки», проходили аресты профессуры и т.п. Высшая школа стала реформироваться под нужды и видение большевиков. У оппозиционно настроенной профессуры оставалось всего два пути: уехать в города, в которых не было советской власти, или же постепенно сближаться с большевиками и принимать их правила игры, отчасти уже из-за материальных проблем и необходимости финансового обеспечения вузов.

В конечном счете готовность советской власти к экспериментам в образовательной сфере на фоне утраты гуманитарными науками своего особого статуса привела к искоренению юридических факультетов как таковых. «С первого удара коммунистической революции, – писал один из основоположников советской юстиции П.И. Стучка, – пал буржуазный юрист и буржуазное право» [11. С. 106]. Весной 1918 г. на съезде комиссаров народной юстиции Московской области было озвучено, что «нет особенной нужды в старых опытных юристах, на практике их помощь дает нехорошие результаты, они каждый декрет истолковывают по-своему, по юридическому и так, что спорить с ними не приходится, тогда как чувствуется, что декрет этот должен пониматься иначе. Таким образом, нам юристы не нужны – у них опыт для старых судов, для новых они не годны» [12. С. 18]. Но стоит обратить внимание и на то, что все же проблема отношения советской власти к юридическому образованию рассматривалась не только с позиции конфронтации. К примеру, Д.И. Курский, народный комиссар юстиции РСФСР, подчеркивал настоятельную необходимость юридического образования для работников юстиции [13. С. 31].

И все же постановлением Наркомпроса РСФСР № 859 от 12 февраля 1918 г. «Об упразднении юридических факультетов российских университетов» все юридические факультеты университетов были закрыты ввиду «совершенной устарелости учебных планов <...> полного несоответствия этих планов требованиям научной методологии» [14. С. 15–16]. В это же время правительство стремилось кардинальным образом изменить целостный социальный состав студентов, «напитать» высшие учебные заведения своей опорой – представителями пролетариата. Обращают на себя внимание положения следующих нормативно-правовых актов: Декрета СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения» и постановления СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Так, Декретом СНК РСФСР от

2 августа 1918 г. отменялись ранее действовавшие ограничения. В университеты открывался доступ каждому, независимо от гражданства, пола или национальности. Не требовалось предоставление дипломов, аттестатов или даже свидетельств об окончании средней или иной школы. Отменялась плата за обучение в вузах РСФСР [15]. В свою очередь, Постановлением СНК от 2 августа 1918 г. устанавливалось, что в высшие учебные заведения в первоочередном порядке принимались лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым предоставлялись в широком размере стипендии и иные меры социальной поддержки [16]. Представляется, что с принятием указанных актов советская власть одновременно решала задачу дефицита лояльных ей кадров в государственных структурах. Соответственно, классовый принцип отбора в такие учреждения становился одним из важнейших факторов, влиявших на модернизацию системы высшего юридического образования.

Впрочем, подобные принципы нормативного регулирования образовательной политики были выражены и в актах конституционного характера, а именно в Конституции РСФСР 1918 г. В ст. 17 Конституции РСФСР была емко сформулирована, пожалуй, главная основа системы всего советского образования: «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» [17].

Пролетаризация университетов производилась через рабфаки (рабочие факультеты), основной задачей которых было «широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены Высшей школы» [18]. Рабфаковцы по своему положению были приравнены к студентам. В то же время представители «эксплуататорских классов» практически не допускались к получению такого образования.

Анализ нормативно-правовых актов этого периода позволяет утверждать, что роль юридического факультета, по сути, была сведена исключительно к отделению. На смену юридическим факультетам были созданы ФОНЫ (факультеты общественных наук) [15. С. 15], на которых в рамках экономического, политико-юридического и исторического отделений шла разработка идей материалистического мировоззрения и научного социализма. Реорганизация факультетов проходила под руководством Наркомпроса РСФСР и специализированного органа по вопросам высшего образования – Главпрофобра. Профессор Всесоюзной правовой академии Московского юридического института М.М. Исаев отмечал: «Основным моментом при создании фонов являлось, прежде всего, введение в учебный план марксистской базы – исторического материализма, политической экономии, экономической политики, истории социализма и истории коммунистических партий. Курс фона был рассчитан на три года вместо прежних четырех лет. На основе общеобразовательных предметов студентам за 1,5–2 года давалась в известном объеме специализация, для чего они распределялись по

отделениям фона: экономическому, статистическому, правовому, общественно-педагогическому и некоторым другим» [19. С. 8].

Основной контингент данных факультетов состоял из работников различных партийных учреждений, осуществляющих трудовую деятельность параллельно с обучением [20. С. 41], что, разумеется, сразу же изменило «лицо» студенчества. Как было отмечено в резолюции Московского губернского съезда деятелей советской юстиции 1922 г., за последние годы была создана «целая школа в тысячи своих пролетарских правоведов, доселе не имевших понятия о юридических науках и даже малограмотных» [21. С. 47].

В этот период активно формировалась концепция «революционного правосознания», предполагающая в первую очередь наличие у юриста соответствующих политических взглядов, и только после этого – профессиональной юридической подготовки. Дискуссии вокруг данной концепции велись на протяжении долгих лет. Представитель Наркомюста РСФСР А.А. Лисицын в 1922 г. отмечал, что «упразднить <...> революционное правосознание как основу деятельности судов мы не собираемся и должны, наоборот, предъявить в этом направлении более повышенные требования, чем в эпоху открытой гражданской войны, когда невежественный относительно социалистического правосознания юрист не был опасен, ибо поле его деятельности по сравнению с эпохой НЭПа было слишком ничтожно» [22. С. 2].

Советское правительство все еще нуждалось в новых кадрах, которые не только бы придерживались концепции «революционного правосознания», но и были профессионалами в области правовой деятельности. Поэтому с уверенностью можно говорить о том, что профессия юриста в 1920-е гг. была вполне востребована. На этом фоне в 1923 г. было принято решение об открытии Высших юридических курсов в целях подготовки народных судей. Слушателями таких Курсов могли быть лица, прослужившие в судебных органах не менее 2 лет в должностях не ниже народного судьи или следователя. Отступления от этого требования в отдельных случаях допускались с разрешения Наркомюста [23. С. 118].

При назначении новых специалистов на должности в государственные структуры руководители в первую очередь обращали внимание на их социальное происхождение, а не на уровень образования. Представитель Наркомюста РСФСР И.А. Ростовский в 1922 г. справедливо заметил: «Когда кодекс уголовный (и гражданский) был заменен революционным правосознанием, то хорошим судьей был не юрист, а рабочий коммунист, либо рабочий беспартийный с высоко развитым классовым самосознанием» [24. С. 7].

Необходимость дальнейшего совершенствования системы подготовки юридических кадров была вызвана переходом государства к НЭПу. Стало очевидно, что лишь методами «революционного правосознания» регулирование экономических процессов на рассматриваемом историческом этапе уже не могло осуществляться. Отныне требовалось качественно новое правовое обеспечение ввиду введения элементов рыночной

экономики, частной собственности и товарно-денежного оборота. Как видится, и по этой причине началась ликвидация ФОНов.

В 1924 г. Декретом СНК РСФСР «Об изменениях сети высших учебных заведений» ликвидировались ФОНы в Саратовском и Ростовском университетах; факультеты общественных наук Иркутского и Среднеазиатского университетов были реорганизованы в факультеты права и хозяйства [25]. К концу 1920-х гг. ФОНы были полностью ликвидированы либо реорганизованы в иные гуманитарные подразделения, получившие свое развитие уже в 1930-е гг. То есть вместо ФОНов образовывались более дифференцированные и специализированные факультеты. К примеру, саратовский факультет общественных наук был преобразован в отделение социально-экономического факультета. Подобная ситуация обстояла и с университетами в Ташкенте, Иркутске и др. [26. С. 120].

Решение о закрытии ФОНов поддерживалось профессиональным сообществом. Подчеркивалось, что до создания факультетов советского права курсы ФОНов длились 3 года, причем приблизительно 1,5 года отводилось на общие для всех отделений предметы, составляющие научную базу марксистского обществоведения, и только 1–1,5 года отводилось на специализацию по избранному студентом отделению. Н.И. Челяпов обратил внимание, что подобная организация, «не имеющая четкой целевой установки, не дающая возможности выпустить из стен вуза достаточно подготовленного работника для той или другой отрасли государственного аппарата и культурного строительства, в конце концов не удовлетворяла – ни студентов ФОНа, ни те государственные органы, в которых должны были работать выпущенные с ФОНа специалисты, ни партию» [27. С. 96].

С одной стороны, переход к созданию факультетов советского права оказал более благотворное влияние на состояние юридического образования. Росло и количество студентов данных факультетов. Например, на факультете советского права МГУ в 1925/26 учебном году обучалось 999 студентов, в то время как в 1928/29 году их количество равнялось уже 1 937. Социальный состав студенчества после заметного ухудшения с переходом на свободный прием, с 1926/27 учебного года также значительно улучшился, повысился и процент рабочих и их детей (1925/26 г. –

30%) [28. С. 103]. С другой же стороны, многие недостатки действовавшей системы так и не были разрешены. О.П. Дзенис на этот счет отметил: «Низкий процент сдавших дипломные работы – серьезный показатель неблагополучного состояния учебного дела. Зачеты до сих пор сдаются совершенно формально. В результате – подготовка окончивших очень слаба. Это подтверждают и испытания окончивших факультет и желавших поступить в научно-исследовательские учреждения – ИКП (Институт красной профессуры. – *Прим авт.*) и ИСП <...> Факультет дает много разброшенных знаний, которые по существующей организации преподавания не увязываются в единую систему. В результате – оканчивающий не умеет владеть материалом и не умеет использовать полученные знания в практической работе» [28. С. 105].

Ограничиваясь изложенным, можно заключить, что в первое десятилетие советской власти был начат беспрецедентный этап модернизации высшего юридического образования. Руководство Советского государства за этот промежуток времени успело пройти путь от полного отрицания необходимости юридического образования к пониманию его значимости в качестве одного из важнейших институтов государственного устройства. По этой причине в ходе реформ были обеспечены доступность и широта возможностей при получении юридического образования среди пролетариата. Главным образом, новая система высшего юридического образования базировалась на марксистско-ленинской идеологии, соответственно основные тенденции ее развития определялись стремлением правящего режима к внедрению в сознание будущих юристов марксистского мировоззрения. На ликвидацию дореволюционных юридических норм влияла атмосфера революционного эксперимента.

В некоторой степени действия советского руководства по отношению к реформе высшего юридического образования были вполне оправданы. Вместе с тем, при наличии ряда изначально рациональных мотивов, в такой реформе был заложен ряд системных ошибок. Представляется, что важнейшей из них была подмена классического юридического образования, имеющего стратегическую для государства функцию, идеологически обусловленным обществоведческим знанием. В последующем это негативным образом сказалось на нехватке квалифицированных юридических кадров в стране.

Список источников

1. О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования : указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 343 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 20. Ст. 3535.
2. Чеговадзе Л.А., Демин А.А. Высшее юридическое образование России: проблемы и перспективы // Государственная служба. 2019. № 5 (121). С. 108–111.
3. Серебrenникова А.В., Зань В., Лебедев М.В. Реформа юридического образования в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 4. С. 195–199.
4. Славин И.Б. Страничка из истории Высших юридических курсов // Ежедневник Советской Юстиции. 1923. № 21. С. 7–11.
5. Исаев М. О высшем юридическом образовании в РСФСР // Советское право. 1927. № 6. С. 111–122.
6. Декрет СНК от 11 декабря 1917 г. «О передаче всех учебных заведений в ведение Наркомпроса» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 39. Ст. 507.
7. Бухарин Н.И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин, Е. Преображенский. Петербург : Гос. изд-во, 1920. 322 с.
8. Юридическое образование в Томском государственном университете: Очерк истории (1898–1998 гг.) / под ред. В.Ф. Воловича. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 248 с.

9. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917) : дис. ... д-ра ист. наук : в 2 т. СПб., 2016. 946 с.
10. Хаминов Д.В. Администрирование и нормативное регулирование советской системой общего, среднего и высшего образования в контексте государственной политики и идеологии в СССР (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 273–285. doi: 10.17223/15617793/479/29
11. Стучка П.И. Революционная роль советского права : хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право» / с предисл. П. Кузьмина. 3-е изд. М. : Сов. законодательство, 1934. 178 с.
12. Протоколы первого и второго съездов комиссаров юстиции Московской области: Прил.: Важнейшие декреты. Постановления и инструкции. М. : Нар. ком. юст. Моск. обл., 1918. 90 с.
13. Курский Д.И. Отчет Отдела судостроительства Народного комиссариата юстиции за апрель-июнь 1918 г. // Избранные статьи и речи. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. 197 с.
14. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. М. : НКП РСФСР, 1920. 236 с.
15. Декрет СНК РСФСР от 02.08.1918 «О правилах приема в высшие учебные заведения» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 57. Ст. 632 (Известия ВЦИК. 06.08.1918. № 166).
16. Постановление СНК РСФСР от 02.08.1918 «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» // Известия. 1918. № 165. 4 августа.
17. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 51. Ст. 582.
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 576.
19. Исаев М.М. О высшем юридическом образовании РСФСР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 11. С. 5–19.
20. Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения / под ред. А.Н. Горшенев. М. : Высшая школа, 1963. 221 с.
21. Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М. : Археографический центр, 1997. 452 с.
22. Лисицын А.А. Борьба за революционную законность // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 39/40. С. 2–3.
23. Ежедневник советской юстиции. 1923. № 4–5. С. 118.
24. Ростовский И. От правовой пропаганды к планомерному правовому воспитанию // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 3. С. 7–8.
25. Декрет СНК РСФСР от 08.08.1924 «Об изменениях сети высших учебных заведений» // Известия Ц.И.К. и В.Ц.И.К. от 9 августа 1924 г. № 181.
26. Ундревич В. Факультет права и местного хозяйства Саратовского университета // Революция права. 1928. № 5. С. 120–122.
27. Челябинов Н.И. Факультет советского права I Московского Госуниверситета // Революция права. 1928. № 3. С. 96–98.
28. Дезис О.П. О факультете советского права I МГУ // Революция права. 1929. № 3. С. 103–105.

References

1. Russian Federation. (2023) O nekotorykh voprosakh sovershenstvovaniya sistemy vysshego obrazovaniya: ukaz Prezidenta RF ot 12 maya 2023 g. № 343 [On some issues of improving the higher education system: Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2023, No. 343]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 20. Art. 3535.
2. Chegovaдзе, L.A. & Demin, A.A. (2019) Vysshee yuridicheskoe obrazovanie Rossii: problemy i perspektivy [Higher legal education in Russia: problems and prospects]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 5 (121). pp. 108–111.
3. Serebrennikova, A.V., Zan', V. & Lebedev, M.V. (2020) Reforma yuridicheskogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Reform of legal education in the Russian Federation]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 4. pp. 195–199.
4. Slavin, I.B. (1923) Stranichka iz istorii Vysshikh yuridicheskikh kursov [A page from the history of Higher Legal Courses]. *Ezhenedel'nik Sovetskoy Yustitsii*. 21. pp. 7–11.
5. Isaev, M. (1927) O vysshem yuridicheskom obrazovanii v RSFSR [On higher legal education in the RSFSR]. *Sovetskoe pravo*. 6. pp. 111–122.
6. Workers' and Peasants' Government. (1918) Dekret SNK ot 11 dekabrya 1917 g. "O peredache vseh uchebnykh zavedeniy v vedenie Narkomprosa" [Decree of the Council of People's Commissars of December 11, 1917: On the transfer of all educational institutions to the jurisdiction of the People's Commissariat for Education]. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva*. 39. Art. 507.
7. Bukharin, N.I. & Preobrazhenskiy, E. (1920) *Azbuka kommunizma: populyarnoe ob'yasnenie programmy Rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [The ABC of Communism: a popular explanation of the program of the Russian Communist Party of the Bolsheviks]. Peterburg: Gos. izd-vo.
8. Volovich, V.F. (ed.) (1998) *Yuridicheskoe obrazovanie v Tomskom gosudarstvennom universitete: Ocherk istorii (1898–1998 gg.)* [Legal education at Tomsk State University: Essay on history (1898–1998)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Rostovtsev, E.A. (2016) *Sankt-Peterburgskiy universitet v kontekste sotsial'no-politicheskoy istorii Rossii (1884–1917)* [St. Petersburg University in the context of the socio-political history of Russia (1884–1917)]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
10. Khaminov, D.V. (2022) Administration and Regulation of the Soviet System of General, Secondary and Higher Education in the Context of State Policy and Ideology in the USSR (A Historical and Legal Aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 273–285. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/29
11. Stuchka, P.I. (1934) *Revolutsionnaya rol' sovetskogo prava: khrestomatiya-posobie dlya kursa "Vvedenie v sovetskoe pravo"* [The revolutionary role of Soviet law: a textbook for the course "Introduction to Soviet Law"]. 3rd ed. Moscow: Sov. zakonodatel'stvo.
12. People's Commissariat of Justice for Moscow Oblast. (1918) *Protokoly pervogo i vtorogo s'ezdov komissarov yustitsii Moskovskoy oblasti. Pril.: Vazhneyshie dekrety. Postanovleniya i instruktsii* [Minutes of the first and second congresses of the commissioners of justice of Moscow Oblast: Appendix: The most important decrees. Regulations and instructions]. Moscow: People's Commissariat of Justice for Moscow Oblast.
13. Kurskiy, D.I. (1948) Otchet Otdela sudoustroystva Narodnogo komissariata yustitsii za april'-iyun' 1918 g. [Report of the Judicial Department of the People's Commissariat of Justice for April–June 1918]. In: *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow: Yurid. izd-vo M-va yustitsii SSSR.
14. NKP RSFSR. (1920) *Sbornik dekretov i postanovleniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva po narodnomu obrazovaniyu* [Collection of decrees and resolutions of the workers' and peasants' government on public education]. Vol. 2. Moscow: NKP RSFSR.
15. Workers' and Peasants' Government. (1918) Dekret SNK RSFSR ot 02.08.1918 "O pravilakh priema v vysshie uchebnye zavedeniya" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 02 August 1918 "On the rules of admission to higher educational institutions"]. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva*. 57. Art. 632.
16. *Izvestiya*. (1918) Postanovlenie SNK RSFSR ot 02.08.1918 "O preimushchestvennom prieme v vysshie uchebnye zavedeniya predstaviteley proletariata i bedneyshogo krest'yanstva" [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 02 August 1918 "On preferential admission to higher educational institutions of representatives of the proletariat and the poor peasantry"]. 165. 4 August.
17. Workers' and Peasants' Government. (1918) *Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki (prinyata V Vserossiyskim s'ezdom Sovetov 10.07.1918)* [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted

- by the V All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918)]. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva*. 51. Art. 582.
18. Administration of the Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. (1943) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1920 g.* [Collection of laws and government orders for 1920]. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma.
19. Isaev, M.M. (2015) O vysshem yuridicheskom obrazovanii RSFSR [On higher legal education of the RSFSR]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*. 11. pp. 5–19.
20. Shebanov, A.F. (1963) *Yuridicheskie vysshie uchebnye zavedeniya* [Legal higher educational institutions] Moscow: Vysshaya shkola.
21. Bukov, V.A. (1997) *Ot rossiyskogo suda prisyazhnykh k proletarskomu pravosudiyu: u istokov totalitarizma* [From the Russian jury trial to proletarian justice: at the origins of totalitarianism]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr.
22. Lisitsyn, A.A. (1922) Bor'ba za revolyutsionnuyu zakonnost' [The struggle for revolutionary legality]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 39/40. pp. 2–3.
23. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. (1923) 4–5. p. 118.
24. Rostovskiy, I. (1922) Ot pravovoy propagandy k planomernomu pravovomu vospitaniyu [From legal propaganda to systematic legal education]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 3. pp. 7–8.
25. *Izvestiya Ts.I.K. i V.Ts.I.K.* (1924) Dekret SNK RSFSR ot 08.08.1924 "Ob izmeneniyakh seti vysshikh uchebnykh zavedeniy" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 08.08.1924 "On changes in the network of higher educational institutions"]. 9 August 1924. 181.
26. Undrevich, V. (1928) Fakul'tet prava i mestnogo khozyaystva Saratovskogo universiteta [Faculty of Law and Local Economy of Saratov University]. *Revolutsiya prava*. 5. pp. 120–122.
27. Chelyapov, N.I. (1928) Fakul'tet sovetskogo prava I Moskovskogo Gosuniversiteta [Faculty of Soviet Law, First Moscow State University]. *Revolutsiya prava*. 3. pp. 96–98.
28. Dezis, O.P. (1929) O fakul'tete sovetskogo prava I MGU [On the Faculty of Soviet Law I Moscow State University]. *Revolutsiya prava*. 3. pp. 103–105.

Информация об авторах:

Серёда Д.Е. – аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dmitrysereda01@yandex.ru

Хаминов Д.В. – д-р. ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: khaminov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.E. Sereda, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dmitrysereda01@yandex.ru

D.V. Khaminov, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); head of the Department of State Legal Disciplines and Law Enforcement Activities, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Khaminov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2023;
одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 03.06.2023;
approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/491/16

Редакторский состав газеты «Сибирский вестник» (1885–1905 гг.)

Илья Денисович Филонов¹, Василий Павлович Зиновьев²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ filonov_ilya@yvk.com

² vpz@tsu.ru

Аннотация. Рассматривается динамика изменений редакторского состава газеты «Сибирский вестник». На примере материалов сибирской дореволюционной периодической печати и иных тематических исследований реконструируется последовательность участия в деятельности газеты «Сибирский вестник» представителей сибирской общечеловечности. Посредством изучения деятельности редакторов «Сибирского вестника» в статье прослеживаются взаимоотношения представителей газеты с представителями областного движения, власти, иными периодическими органами печати.

Ключевые слова: периодическая печать, Сибирь, Сибирский вестник, Е.В. Корш, В.П. Картамышев, М.Ф. Картамышева, М.Н. Загибалов, Г.В. Преисман

Для цитирования: Филонов И.Д., Зиновьев В.П. Редакторский состав газеты «Сибирский вестник» (1885–1905 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 132–137. doi: 10.17223/15617793/491/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/16

Editorial staff of the newspaper *Sibirskiy vestnik* (1885–1905)

Ilya D. Filonov¹, Vasilii P. Zinoviev²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ filonov_ilya@yvk.com

² vpz@tsu.ru

Abstract. This article examines the dynamics of changes in the editorial policy of the newspaper *Sibirskiy vestnik*. On the example of the materials of the Siberian pre-revolutionary periodical press and other case studies, the sequence of participation of representatives of the Siberian public in the activities of the *Sibirskiy vestnik* newspaper is reconstructed. By studying the activities of the editors of *Sibirskiy vestnik*, the article traces the relationship of the newspaper's representatives with representatives of the regional movement, the authorities, and other periodical press bodies. The authors of the study identify a sequence of successive stages in the history of the newspaper. The first stage is the period of Vasily Kartamyshev's participation in the newspaper's activities (1885–1894). The second stage is the period of Grigoriy Preisman's leadership of *Sibirskiy vestnik*. The third stage is the last years of *Sibirskiy vestnik*'s existence and relations with the authorities. Most of the article describes the personalities of the editors of the *Sibirskiy vestnik* newspaper: its founder Kartamyshev, who gave *Sibirskiy vestnik* its invariable scandalousness, and Evgeniy Korsch, a metropolitan lawyer who became one of the co-founders of the newspaper. The article also discusses the figures of Preisman and Maksimilian Zagibalov. Their brief biography is given, as well as their contribution to the development of the newspaper and to the newspaper's participation in polemics with other representatives of Siberian society. The authors of the study come to the conclusion that the editorial policy of *Sibirskiy vestnik* has undergone only minor changes throughout its existence and continued to maintain a conflict nature. Despite the change of the editorial staff, the newspaper still continued to participate in polemics with other representatives of Siberian society and with representatives of the authorities. The article provides examples of materials from the newspaper that show the nature of the relationship of *Sibirskiy vestnik* with other public figures of the Siberian region. The article uses materials of *Sibirskiy vestnik*, several materials of the regional newspaper *Vostochnoe obozrenie*, as well as some modern research on the topic.

Keywords: periodical press, Siberia, *Sibirskiy vestnik*, Evgeniy Korsh, Vasily Kartamyshev, Maria Kartamysheva, Maksimilian Zagibalov, Grigoriy Preisman

For citation: Filonov, I.D. & Zinoviev, V.P. (2023) Editorial staff of the newspaper *Sibirskiy vestnik* (1885–1905). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 132–137. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/16

Газета «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» издавалась в Томске с 16 мая 1885 г. по 30 декабря 1905 г. Она выделялась на общем областническом фоне сибирской частной печати своим либерализмом. Газете, ее редактору В.П. Картамышеву посвятили немало страниц исследователи истории томской журналистики. Здесь мало что можно добавить, а вот политическая деятельность редакторов газеты нуждается в дополнениях, так как именно политические выступления редакторов определяли судьбу газеты. В октябре 1905 г. на страницах газеты был опубликован материал, разоблачавший генерал-губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева в контексте его пособничества черносотенному погрому, произошедшему в Томске 20–22 октября 1905 г. После публикации этой статьи «Сибирский вестник» был закрыт. Представители газеты попытались возобновить ее работу под другим названием, однако в январе 1906 г. вышел только один номер новой газеты «Вестник Сибири» [1. С. 312]. «Сибирский вестник» заявлялся как противовес областническому движению. Уже в самом первом номере «Сибирского вестника» представители газеты пишут о том, что неразрывно связывают будущее Сибири с будущим всей России: «Мы идем далее и утверждаем, что, говоря о Сибири и России, нельзя называть первую колонией, а вторую метрополией». Антиобластнические идеи «Сибирский вестник» подкреплял аргументами о том, что Сибирь крепко связана с Россией культурно. Наперекор мнению областников, редактор и издатель газеты В.П. Картамышев пишет о незначительном влиянии аборигенного населения на Сибирский регион, чем парирует один из аргументов областников в пользу автономного положения Сибири [2. С. 1–3].

В издании «Сибирского вестника» принимали участие разные люди. С 16 мая 1885 по 22 октября 1886 г. главным издателем и редактором являлся томский адвокат Василий Петрович Картамышев. С 22 октября 1886 г. по 1892 г. обязанности В.П. Картамышева формально выполняла его жена М.Ф. Картамышева и ссыльный каракозовец Максимилиан Николаевич Загибалов, однако фактическим редактором газеты в указанный период являлся ссыльный адвокат Евгений Валерьевич Корш. В 1892 г. издателем-редактором «Сибирского вестника» вновь стал В.П. Картамышев, помощь в работе над газетой ему оказывал М.Н. Загибалов. С № 120 от того же года газету издавала М.Ф. Картамышева, ответственным редактором при этом числился В.П. Картамышев. С 1894 г. редактором был Г.В. Прейсман, с 1903 г. – Александр Алексеевич Грацианов, с 1 марта 1905 г. – М.Н. Загибалов и Н.Н. Соин [3. С. 6–11]. Необходимо отметить, что в научной литературе представлено несколько версий того, кто и в какие периоды занимал ключевые посты в редакции газеты. Историю редакторского состава газеты «Сибирский вестник» можно разделить на 3 периода:

1. Период участия в деятельности газеты В.П. Картамышева (1885–1894).

Данный период длился с возникновения газеты и до смерти ее основателя В.П. Картамышева. В указанный период В.П. Картамышев исполнял административные обязанности, спонсировал деятельность газеты

финансово благодаря высоким доходам от своей адвокатской деятельности, а также изредка публиковал статьи собственного сочинения [4].

2. «Сибирский вестник» в период руководства Г.В. Прейсмана (1894–1902). В это время М.Ф. Картамышева передала «Сибирский вестник» в аренду Г.В. Прейсману. Данный период характеризовался продолжением активной полемики с областническим движением и ее постепенным затуханием к концу последнего десятилетия XIX в.

3. Сибирский вестник в последние годы (1902–1905). В 1902 г. «Сибирский вестник» перешел в руки нового владельца – Н.Н. Соина. Данный период характеризовался усилением происходивших на страницах «Сибирского вестника» дискуссий. На общественно-политические темы, в частности, в одной из последних статей «Сибирского вестника» содержалась критика томского губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева за то, что он допустил черносотенный погром в октябре 1905 г. [5. С. 3].

Есть смысл познакомить читателей с составом редакторов «Сибирского вестника» подробнее, так как в справочниках информация о них чрезвычайно краткая [6. С. 108–109].

О первом главном редакторе и издателе газеты **Василии Петровиче Картамышеве** исследователи томской журналистики собрали наиболее полные сведения. Он был выходцем из дворянского рода, принадлежавшего к «пограничникам» – служилой аристократии южной России, защищавшей границы от набегов татар. Василий Петрович Картамышев родился в 1851 г. в Сульском уезде Курской губернии в имении отца. Позже семья Картамышевых продала землю в Курской губернии и переехала из соображений экономической выгоды в новоприобретенное имение, располагавшееся в Харьковской губернии. Большая часть источников по ранней жизни В.П. Картамышева представлена некрологом, написанным Н.А. Гурьевым, и автобиографией, написанной самим В.П. Картамышевым. До переезда в Сибирь В.П. Картамышев окончил юридический факультет Московского университета с квалификацией действительного студента, которая давалась выпускникам, окончившим российские университеты без отличия в знаниях. Эта квалификация была отменена новым университетским уставом 1884 г. Работал он в Киеве присяжным поверенным. Необходимо отметить, что В.П. Картамышев был успешным юристом, поскольку именно в таком ключе о нем отзывались на страницах киевского и харьковского «Юридического вестника». Картамышев приехал в Томск с женой Марией Федоровной и пятилетним сыном Петром 11 сентября 1881 г. По словам его друга Е.В. Корша, В.П. Картамышев принял решение перебраться в Сибирь, руководствуясь соображениями о большей перспективности Сибири в плане карьерного роста. Первоначально семья Картамышевых планировала остаться в Томске лишь на какое-то время, после чего перебраться в Иркутск. С первых дней пребывания в Томске В.П. Картамышев становится популярен из-за скандалов, инициаторами которых он являлся. В дальнейшем такая скандальная природа В.П. Картамышева

найдет отражение в полемике «Сибирского вестника» и представителей областнического движения. «Сибирский вестник» в период нахождения В.П. Картамышева на посту главного редактора и издателя газеты запомнится читателям вследствие конфликтов со многими общественными деятелями Сибири того периода. Например, по вине В.П. Картамышева в 1886 г. «Сибирскому вестнику» пришлось открывать собственную типографию из-за конфликта с партнером П.И. Макушиным В.В. Михайловым, который вместе с П.И. Макушиным содержал типографию, печатавшую «Сибирский вестник» [7. С. 111].

Газета «Сибирский вестник» была создана В.П. Картамышевым в г. Томске в 1885 г. при поддержке местной администрации и под финансовым покровительством томского губернатора И.И. Красовского. Целью создания газеты являлась стремление властей создать противовес областническим органам печати, в частности «Сибирской газете» [8]. Полемика В.П. Картамышева с областниками была представлена не только на страницах газеты «Сибирский вестник». В.П. Картамышев также писал отдельные труды на этот счет. В частности, в своем труде «Сибирская железная дорога» В.П. Картамышев отстаивал идею строительства Транссибирской железнодорожной магистрали: «Еще 16 мая 1885 года, в первом номере начинавшего тогда свое существование “Сибирского вестника”, в программной передовой статье, мы коренным сибирским вопросом поставили неотложную необходимость строить Сибирскую железную дорогу» [9. С. 2]. Такая позиция главного редактора газеты «Сибирский вестник» противоречила риторике областников, которые полагали, что существование Транссибирской магистрали приведет к усилению экономической эксплуатации Сибири [10. С. 106]. При этом, однако, областники благосклонно относились к владельцу газеты В.П. Картамышеву и подчеркивали, что полемизируют и считают своими оппонентами менее значимых представителей газеты (среди которых был Е.В. Корш). В № 6 «Восточного обозрения» от 1886 г. содержался тезис о том, что такие лица, как, например, В.П. Картамышев являются вполне здравомыслящими, однако остальной состав редакции газеты «Сибирский вестник» полон «темными и подлыми» людьми: «Томск, как, известно, кишит самыми темными людьми, здесь сосредоточены ссыльные игроки, люди, сосланные за подлоги, мошенничества, люди, способные только к преступлению, легкой наживе и шантажу. Мы имели сведения, что такие элементы вошли в редакцию “Сибирского вестника” и сгруппировались около нее», – писали областники о работниках «Сибирского вестника» [11. С. 1].

Участие В.П. Картамышева в издательской и редакторской деятельности «Сибирского вестника» было непостоянным. Так, он принимал активное участие в деятельности газеты лишь в начале ее существования (1885–1886) и в конце (1892–1894).

В.П. Картамышев помимо участия в издании газеты также владел типографией и фотомастерской в Томске. Фотомастерская была открыта в 1884 г. и продана в 1887 г. На посту редактора газеты «Сибирский

вестник» он занимался в первую очередь административной работой. Был гласным Томской городской думы, начальником отряда Вольной пожарной дружины. Натура деятельная, энергичная, но неуравновешенная – гуляка и скандалист, «местный Ноздрев», как назвал его А.П. Чехов [12]. Роль В.П. Картамышева, по словам Е.В. Корша, заключалась в спонсировании выпуска газеты деньгами [3. С. 7]. Незадолго до своей смерти В.П. Картамышев возвратился в редакторский состав газеты.

Реальным редактором газеты при начале выпуска «Сибирского вестника» был **Евгений Валентинович Корш**. Он родился и учился в Москве. В 1872 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Работал адвокатом в столице до 1880 г., когда был осужден за «растрату денег» и сослан в Сибирь. Во время нахождения в ссылке Е.В. Корш проживал в Томске. Деятельность редактора, издателя и журналиста для Е.В. Корша на момент совместного создания с В.П. Картамышевым «Сибирского вестника» была знакома. До ссылки Е.В. Корш занимался изданием столичной газеты «Северный вестник», а в 1882–1883 гг. являлся редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей». В ходе работы в редакции «Томских губернских ведомостей» Е.В. Корш успел принять участие в дискуссии с областническим «Восточным обозрением». Примечательно, что в самом начале отношения Е.В. Корша и областников были благоприятными. Имена Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина упоминались почти в каждом номере «Томских губернских ведомостей», а их работы рекламировались на страницах газеты от лица самого Е.В. Корша. Отношения Е.В. Корша и областников ухудшились в связи с так называемой кирпичной эпопеей. Областническое «Восточное обозрение» активно критиковало политику строительного комитета и лично З.М. Цибульского и П.В. Михайлова за их неспособность обеспечить кирпичом строительство зданий будущего университета: «Ведомости говорят: “уже в 1881 г. Цибульский и Михайлов заявили, что ранее июля месяца 1882 года они первой партии кирпича поставить не могут”. Все это только подтверждает, что условий о постройке и доставке материалов никаких не намечено, доставщики совершенно свободны, несмотря на то, что они играют, роль подрядчиков» [13. С. 6]. Е.В. Корш встал на защиту власти и ее представителей. После этого конфликта отношения Е.В. Корша и областников продолжили ухудшаться, о чем свидетельствует резкое сокращение числа положительных упоминаний Н.М. Ядринцева на страницах «Томских губернских ведомостей» [14]. Е.В. Корш активно участвовал в работе «Сибирского вестника» лишь в начале существования газеты, поскольку уже в 1888 г. он был помилован и получил право занимать государственные должности. После этого Е.В. Корш стал работать в качестве правителя дел на Уральской железной дороге и позже на Московско-Виндавской железной дороге. В дальнейшем занимался юридическим консультированием на различных железных дорогах.

Именно в период нахождения Е.В. Корша в составе редакторского совета газеты разворачивалась самая

горячая фаза ее конфликта с областниками. Можно с точностью утверждать, что областники рассматривали в качестве своего основного оппонента именно Е.В. Корша. Вот как его охарактеризовали областники в одном из номеров «Восточного обозрения»: «Корш, теперешний воротила одной сибирской газеты “патриотического” характера и правая рука местного помпадур» [15. С. 14]. По № 7 «Восточного обозрения» от 1886 г. можно судить, что областники ставили знак равенства между Е.В. Коршем и «Сибирским вестником», в издании которого он участвовал: «Агентом “Северного Агентства” состоит г. Е. Корш, между тем, ныне бюллетени его выходят исключительно под фирмою “Сибирского Вестника”, так что неизвестно – “Сибирский ли Вестник” нарядился на святках г. Коршем, или г. Корш – “Сиб. Вестником”» [16. С. 4]. По этой причине любой конфликт «Сибирского вестника» с областниками воспринимался последними как конфликт лично с Е.В. Коршем.

После смерти В.П. Картамышева главным редактором «Сибирского вестника» стал **Григорий Евсеевич Прейсман**. Он коренной томич, родился в Томске. Окончил томское Алексеевское реальное училище и Мюнхенскую королевскую техническую школу. Работал служащим Сибирского торгового банка. До своего вступления в должность полноправного владельца газеты «Сибирский вестник» Г.В. Прейсман уже давно играл роль ее неофициального редактора. Г.В. Прейсман получил в свое управление газету из рук вдовы прежнего издателя – М.Ф. Картамышевой. Он руководил газетой с 1894 до 1900 г. На период его руководства приходится череда критических материалов в адрес власти. Кроме того, Г.В. Прейсман допускал к публикации в газете запрещенные статьи Л. Толстого [17. С. 581–582]. Г.В. Прейсман в период своего руководства газетой продолжил ее праволиберальную риторику. На страницах газеты критиковалось невнимание местных сибирских властей к проблемам и запросам населения [18. С. 2], поднимался вопрос о нелегитимности происходящих городских выборов [19. С. 2], критиковалось состояние финансовой системы России [20. С. 1] и т.д. «Сибирский вестник» в годы руководства газетой Г.В. Прейсмана также продолжил свое участие в полемике с иными печатными органами Сибири. В частности, «Сибирский вестник» вступал в дискуссию с макушинским «Томским листком». Например, в одном из номеров «Сибирского вестника» критиковался подход «Томского листка» к некачественному подбору информации при подготовке своих материалов к печати, из-за чего, по словам представителей «Сибирского вестника», статьи «Томского листка» несли ложную информацию, причинившую ущерб престижу владельца тетра Милославского [21. С. 2]. Также примечателен вызывающий заголовок данного материала: «“С фиговым листком” или “безобразный” вопль о несуществующих безобразиях в театре Милославского». Ввиду перечисленных фактов можно утверждать, что газета «Сибирский вестник» под руководством Г.В. Прейсмана вовсе не сбавила накал своей скандальности. Несмотря на фактически

прекратившуюся полемику с областниками, «Сибирский вестник» в одностороннем порядке находил для себя новых «жертв», с которыми вступал в очередной конфликт явно для привлечения читателей.

Г.В. Прейсман не стал, вопреки соображениям властей, удобной фигурой, готовой пойти на уступки и снизить накал полемики на страницах «Сибирского вестника». По причине своего бойкого характера, ничем не уступавшего характеру В.П. Картамышева, Г.В. Прейсман был подвергнут давлению со стороны сибирской администрации и лишен права арендовать «Сибирский вестник».

Максимилиан Николаевич Загibalов был выходцем из потомственных дворян Пензенской губернии. После окончания пензенской гимназии стал студентом медицинского факультета Московского университета, из которого его позже исключили за участие в антиправительственной демонстрации студентов 1862 г. Являлся участником подпольных антиправительственных организаций. В частности, костяк революционного кружка ишутинцев составляли выходцы из пензенской губернии, среди которых был и М.Н. Загibalов. За участие в деятельности революционного подполья М.Н. Загibalов был приговорен судом к 12-летней каторге в Сибири. Работа М.Н. Загibalова над газетой «Сибирский вестник» началась с 1893 г. В начале своего участия в делах газеты М.Н. Загibalов помог с поиском и составлением материалов для публикации в «Сибирском вестнике». Таким образом, во время работы с «Сибирским вестником» М.Н. Загibalов занимался редакторской и журналистской деятельностью. Poleмика с областниками к моменту начала его деятельности в составе редакции газеты была фактически прекращена. Основной упор в деятельности «Сибирского вестника» М.Н. Загibalов ставил на разжигание оппозиционных настроений. С приходом М.Н. Загibalова в редакцию «Сибирского вестника» в газете все чаще стали печататься разоблачительные материалы в адрес властей. Особенно интенсивно критические статьи печатались в «Сибирском вестнике» в предреволюционные годы и в начале революции (1900–1905 гг.). В публикациях газеты делался акцент на большом количестве острых проблем, нерешенных властями, например проблеме массового голода в Сибири [22. С. 2; 23. С. 2]. В статьях также поднимался вопрос о развитии местного самоуправления и земств [24. С. 2], критиковались действия русских войск в Русско-японской войне [25. С. 2]. Итоговой точкой в печати подобных критических материалов стала одна из последних статей «Сибирского вестника», в которой содержалась критика томского губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева, за то что он допустил черносотенный погром в октябре 1905 г. [5. С. 3]. За ряд статей и фельетонов с подобными настроениями газета «Сибирский вестник» была подвергнута цензуре и запрещена. После закрытия газеты М.Н. Загibalов был арестован и приговорен к ссылке, однако наказания ему удалось избежать благодаря побегу.

В заключение надо сказать, что редакторская политика газеты «Сибирский вестник» несколько раз за

период существования периодического издания претерпевала изменения, связанные со сменой редакторского состава газеты. При этом отчетливо наблюдается тенденция на сохранение газетой ее скандальности. Несмотря на смену руководящих кадров, «Сибирский вестник», как и прежде, продолжал публиковать критические материалы в адрес других периодических изданий Сибири или известных общественных деятелей региона. Это свидетельство в пользу коммерческой версии стратегии редакторов газеты, в меньшей степени – ее идейной подоплеку. Однако,

помимо участия в полемике и скандалах с общественными деятелями Сибири, руководители газеты твердо отстаивали ряд либеральных идей о необходимости развития образования в Сибири, о продолжении развития экономики края и о необходимости внедрения на территории Сибири лучших практик общественной жизни и государственного управления из европейской части России. Редакторы газеты чаще всего стояли на праволиберальных позициях. Именно за свою оппозиционность газета была подвергнута цензуре и закрыта.

Список источников

1. Косых Е.Н. Сибирский вестник // Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. 440 с.
2. От редакции // Сибирский вестник. 1885. 16 мая. С. 1–3.
3. Бурматова Т.Г. Газета «Сибирский вестник» в Томске // Материалы годового отчета клуба «Старый Томск» за 2010 год. Томск, 2010. С. 6–11.
4. Сибирский вестник. URL: https://towiki.ru/view/Газета_«Сибирский_вестник» (дата обращения: 19.11.2022).
5. Еще о томских событиях // Сибирский вестник. 1905. 30 октября.
6. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск : Ветер, 2013. 376 с.
7. Жиликова Н.В. Издательская деятельность газеты «Сибирский вестник» (1885–1890 гг.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 22. С. 110–124.
8. Жиликова Н.В. Специфика цензурного дела об издании газеты «Сибирский вестник» (Томск, 1885–1905) // Коммуникативная культура: история и современность : III Международный научный форум «Наследие» : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., 29 октября 2021 г. Новосибирск, 2021. Ч. 1. С. 50–56.
9. Картамышев В.П. Сибирская железная дорога. Томск : Типография «Сибирского вестника», 1889. 38 с.
10. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX века : учеб. пособие. Новосибирск, 2013. 179 с.
11. Неудачная мистификация // Восточное обозрение. 1886. 6 февраля.
12. Исторический момент: «местный Ноздрев» и предреволюционный губернатор. URL: <https://news.vtomske.ru/news/79156-istoricheskii-moment-mestnyi-nozdrev-i-predrevolyucionnyi-gubernator> (дата обращения: 04.06.2022).
13. Хроника // Восточное обозрение. 1882. 1 июля.
14. Корш Евгений Валентинович. URL: http://wiki.lib.tsu.ru/wiki/Корш_Евгений_Валентинович (дата обращения: 22.11.2022).
15. Кому Масленица (Фельетон) // Восточное обозрение. 1886. 27 февраля.
16. Хроника // Восточное обозрение. 1886. 13 февраля.
17. Жиликова Н.В. «Отличается спокойным, объективным образом мыслей»: Г.В. Преисман как редактор «Сибирского вестника» (Томск, 1894–1900 гг.) // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 3–5 февраля 2022 г. М., 2022. С. 581–582.
18. Из Иркутска // Сибирский вестник. 1896. 13 марта.
19. К вопросу о городских выборах // Сибирский вестник. 1896. 19 июля.
20. Фиксация курса // Сибирский вестник. 1897. 19 января.
21. «С фиговым листком» или «безобразный» вопль о несуществующих безобразиях в театре Милославского // Сибирский вестник. 1897. 21 февраля.
22. Итоги сибирской жизни за 1900 г. // Сибирский вестник. 1901. 12 января.
23. Безымянная заметка // Сибирский вестник. 1901. 17 марта.
24. Наболевший вопрос // Сибирский вестник. 1902. 10 ноября.
25. Отступление за р. Хунхэ // Сибирский вестник. 1904. 7 сентября.

References

1. Kosykh, E.N. (2004) *Sibirskiy vestnik*. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Tomsk ot A do Ya: kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: a brief encyclopedia of the city]. Tomsk: NTL.
2. *Sibirskiy vestnik*. (1885) *От редакции* [From the editor]. 16 May. pp. 1–3.
3. Burmatova, T.G. (2010) *Gazeta “Sibirskiy vestnik” v Tomске* [Newspaper “Sibirsky vestnik” in Tomsk]. In: *Materialy godovogo otcheta kluba “Staryy Tomsk” za 2010 god* [Materials of the annual report of the club “Old Tomsk” for 2010]. Tomsk: [s.n.]. pp. 6–11.
4. *Sibirskiy vestnik*. [Online] Available from: https://towiki.ru/view/Gazeta_«Сибирский_вестник» (Accessed: 19.11.2022).
5. *Sibirskiy vestnik*. (1905) *Eshche o tomskikh sobytiyakh* [More on events in Tioms]. 30 October.
6. Kosykh, E.N. & Yakovenko, A.V. (2013) *Povremennaya pechat’ Sibiri (vtoraya polovina XIX v. – fevral’ 1917 g.). Svodnyy ukazatel’ periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Time-based printing in Siberia (second half of the 19th century – February 1917). Consolidated index of periodicals and ongoing publications]. Tomsk: Veter.
7. Zhilyakova, N.V. (2020) Publishing Activities of the Newspaper *Sibirskiy Vestnik* (1885–1890). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 22. pp. 110–124. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/22/7
8. Zhilyakova, N.V. (2021) [Specifics of the censorship case regarding the publication of the newspaper “Sibirsky Vestnik” (Tomsk, 1885–1905)]. *Kommunikativnaya kul’tura: istoriya i sovremennost’* [Communicative culture: history and modernity].: III International Forum “Heritage”: Proceedings of the XI International Conference. 29 October 2021. Part 1. Novosibirsk. pp. 50–56. (In Russian).
9. Kartamyshev, V.P. (1889) *Sibirskaya zheleznyaya doroga* [Siberian Railway]. Tomsk: Tipografiya “Sibirskogo vestnika”.
10. Shilovskiy, M.V. (2013) *Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: ucheb. posobie* [Socio-political movement in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: textbook]. Novosibirsk: NSU.
11. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) *Neudachnaya mistifikatsiya* [Unsuccessful hoax]. 6 February.
12. News.vtomske.ru. (2022) *Istoricheskii moment: “mesnyy Nozdrev” i predrevolyucionnyi gubernator* [Historical moment: the “local Nozdryov” and the pre-revolutionary governor]. [Online] Available from: <https://news.vtomske.ru/news/79156-istoricheskii-moment-mestnyi-nozdrev-i-predrevolyucionnyi-gubernator> (Accessed: 04.06.2022).

13. *Vostochnoe obozrenie*. (1882) Khronika [Chronicle]. 1 July.
14. Wiki.lib.tsu.ru. (2022) *Korsh, Evgeniy Valentinovich*. [Online] Available from: http://wiki.lib.tsu.ru/wiki/Korsh_Evgeniy_Valentinovich (Accessed: 22.11.2022).
15. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) Komu Maslenitsa (Fel'ton) [To whom Maslenitsa (Feuilleton)]. 27 February.
16. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) Khronika [Chronicle]. 13 February.
17. Zhilyakova, N.V. (2022) ["Has a calm, objective way of thinking": G.V. Preysman as editor of Sibirskiy vestnik]. *Zhurnalistska v 2021 godu: ivorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2021: creativity, profession, industry]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 3–5 February 2022. Moscow. pp. 581–582. (In Russian).
18. *Sibirskiy vestnik*. (1896) Iz Irkutska [From Irkutsk]. 13 March.
19. *Sibirskiy vestnik*. (1896) K voprosu o gorodskikh vyborakh [On the issue of city elections]. 19 July.
20. *Sibirskiy vestnik*. (1897) Fiksatsiya kursa [Fixing the course]. 19 January.
21. *Sibirskiy vestnik*. (1897) "S figovym listkom" ili "bezobraznyy" vopl' o nesushchestvuyushchikh bezobraznykh v teatre Miloslavskogo ["With a fig leaf" or an "ugly" cry about non-existent outrages in the Miloslavsky Theater]. 21 February.
22. *Sibirskiy vestnik*. (1901) Itogi sibirskoy zhizni za 1900 g. [Results of Siberian life for 1900]. 12 January.
23. *Sibirskiy vestnik*. (1901) Bezymyannaya zametka [Anonymous note]. 17 March.
24. *Sibirskiy vestnik*. (1902) Nabolevshiy vopros [A pressing issue]. 10 November.
25. *Sibirskiy vestnik*. (1904) Otstuplenie za r. Khun'khe [Retreat across the Honghe]. 7 September.

Информация об авторах:

Филонов И.Д. – студент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: filonov_ilya@vk.com

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.D. Filonov, student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: filonov_ilya@vk.com

V.P. Zinoviev, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 22.04.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 17.01.2023;
approved after reviewing 22.04.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378+159.955.4
doi: 10.17223/15617793/491/17

Психолого-образовательные возможности использования арт-терапевтических техник для формирования ресурсов адаптивного проживания стресса в условиях неопределенности

Ольга Михайловна Краснорядцева¹, Татьяна Анатольевна Ваулина², Ирина Владимировна Толмачева³

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Институт психотерапии и клинической психологии, Москва, Россия

¹ krasnoo@mail.ru

² tatvaulina@gmail.com

³ turbo2004@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются обобщенные результаты исследования проблемы формирования ресурсов адаптивного проживания студентами стресса в условиях неопределенности. Представлены эмпирические результаты взаимосвязи между толерантностью к неопределенности и показателями стрессовых состояний у студентов. Обосновывается целесообразность использования арт-терапевтических техник в образовательном процессе современного вуза с использованием критериев положительной динамики адаптивного проживания стресса.

Ключевые слова: арт-терапевтическое переживание, техники арт-терапии, адаптивный ресурс, стресс, ситуации неопределенности

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения НИР НУ 2.4.8.22 ОНГ.

Для цитирования: Краснорядцева О.М., Ваулина Т.А., Толмачева И.В. Психолого-образовательные возможности использования арт-терапевтических техник для формирования ресурсов адаптивного проживания стресса в условиях неопределенности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 138–145. doi: 10.17223/15617793/491/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/17

Psychological and educational possibilities of using art therapy techniques to form resources for an adaptive living of stress in conditions of uncertainty

Olga M. Krasnoryadtseva¹, Tatiana A. Vaulina², Irina V. Tolmacheva³

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology, Moscow, Russian Federation

¹ krasnoo@mail.ru

² tatvaulina@gmail.com

³ turbo2004@yandex.ru

Abstract. The article presents the foundation of the relevance of involving new psychodidactic opportunities for the development of students' special skills to work with their own psychophysiological, functional, emotional states. The article reveals main psychological indicators of maladaptive and adaptive forms of living of stress in conditions of uncertainty. The novelty of the study lies in determining the possibilities of using art therapy techniques directly in the educational process of a modern university to activate the resources of adaptive stress living of students who regularly find themselves in conditions of uncertainty. To collect the empirical data, we used standardized psychological tests (questionnaires) as follows: Questionnaire of Tolerance–Intolerance to Uncertainty (T.V. Kornilova); Scale of Reactive (Situational) and Personal Anxiety (Spielberger–Hanina); Beck Depression Inventory; Scale for Assessing the Impact of a Traumatic Event. Focus groups were organized to provide an analytical reflection of the experience of using art therapy techniques directly in the educational process. The article presents the empirical indicators of intensity of students' tolerance/intolerance. It reveals the specificity of manifestations of the relationship between the degree of intensity of students' tolerance/intolerance to uncertainty and stressful conditions such as anxiety, worry, and depression.

Important analytical fixations have been made to demonstrate positive psychological and educational effects of updating the resources of adaptive stress living as a result of the use of art therapy techniques. Psychological and educational criteria are proposed for assessing the positive dynamics of activating the resources of adaptive stress living after students have mastered art therapy techniques for working with themselves. We make research generalizations based on the empirical data obtained in the research and accumulated experience of productive teaching students to master art therapy techniques for working with their own stressful conditions both within the disciplines included in the main educational programs in the form of separate modules, and specially designed master classes offered outside the educational process. Particular attention is paid to the discussion of the use of the possibilities of art therapy techniques to work with stressful conditions within various educational formats.

Keywords: art therapy experience, art therapy techniques, adaptive resource, stress, situations of uncertainty

Financial support: The results were obtained as part of research work NIR NU 2.4.8.22 ONG.

For citation: Krasnoryadtseva, O.M., Vaulina, T.A. & Tolmacheva, I.V. (2023) Psychological and educational possibilities of using art therapy techniques to form resources for adaptive living of stress in conditions of uncertainty. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 138–145. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/17

Введение

В условиях нарастающей быстроты масштабных изменений современного мира все чаще одним из значимых маркеров жизненного мира человека становится неопределенность [1–9]. В качестве критериев, описывающих феномен неопределенности, выделяют: множественность суждений; неточность; наличие сомнения; отсутствие определенной структуры; сведение информации к минимуму; постоянные изменения суждений; наличие противоречий; отсутствие общего понимания проблемы [10]. Неопределенность предстоящего нередко связана с негативными переживаниями, напряжением; в психологическом тезаурусе появился термин «стрессовый промежуток мировой неопределенности» [11]. По мнению исследователей, факторами, вызывающими возникновение стресса в условиях неопределенности, выступают: ожидания отрицательных результатов и пугающих прогнозов; повышенная бдительности по отношению к угрозе; создание установки воспринимать неведомое как опасное; ложные выводы, делающиеся на базе прошедшего опыта; недостаток беспристрастной информации и недоверие к источникам информации, указывающим на отсутствие опасности; утрата способности к реалистичной оценке ситуации [12]. Деадаптивное проживание стресса проявляется в избегании ответственности; преобладании отрицательного эмоционального фона над рациональным (боязнь, фрустрация, тревога, страх, депрессивный настрой и т.д.); уходе от решения проблемной ситуации. В ряде специальных исследований установлено, что интолерантность к неопределенности неуклонно сопровождается расстройствами тревожно-депрессивного спектра (к примеру, посттравматический синдром) [13, 14].

Адаптивные же формы проживания стресса в условиях неопределенности характеризуются: преобладанием в поведении рационального компонента над эмоциональным; адекватным оцениванием ситуации; планированием решения проблемной/стрессовой ситуации; готовностью к принятию решения; толерантностью к неопределенности. Профессиональная подготовка современного специалиста предполагает в качестве одной из задач формирование таких компетенций, как способность поддерживать необходимый уровень

здоровья и физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности, способность к самоорганизации и саморазвитию. Создание условий для развития у студентов специальных навыков работы с собственными психофизиологическими, функциональными, эмоциональными состояниями предполагает привлечение новых методических возможностей, накопленных в смежных социальных практиках (психологическом консультировании, психотерапевтическом и психокоррекционном опыте работы с молодежью). В этой связи можно констатировать растущий в последние годы выраженный интерес к использованию возможностей арт-терапевтических техник для работы со стрессовыми состояниями в рамках различного рода образовательных проектов [15–19]. Традиционно важной частью арт-терапии считают актуализацию процессов творческого художественного самовыражения через активизацию тактильных, соматосенсорных, перцептивных, эмоциональных каналов обработки информации [20–25]. В специальной литературе можно найти множество описаний феноменов снижения психоэмоционального напряжения, стресса, тревожности после 15–20-минутного погружения учащихся школ, колледжей в организованные практики художественного творчества (раскрашивание структурированных мандал, клетчатых узоров и т.п.) [26–28]. В рамках позитивной психологии также нарабатан значительный опыт использования художественной деятельности (так называемых художественных интервенций) для улучшения самочувствия, активизации положительных эмоций, смягчения негативного настроения [29–35].

Целью данной статьи является определение возможностей использования арт-терапевтических техник непосредственно в образовательном процессе современного вуза для активизации ресурсов адаптивного проживания стресса у студенческой молодежи, регулярно оказывающейся в условиях неопределенности.

Методы и материалы исследования

Методом сбора эмпирических данных выступили следующие стандартизированные психологические тесты (опросники):

1. Опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (Т.В. Корнилова).

2. Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера–Ю.Л. Ханина.

3. Опросник депрессивности Бека (Beck Depression Inventory – BDI).

4. Шкала оценки влияния травматического события (сокр. ШОВТС, англ. Impact of Event Scale, сокр. IES-R).

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 85 студентов различных вузов г. Томска и г. Москвы в возрасте от 19 до 25 лет, из них 71 женщина и 14 мужчин. Исследование проводилось в период с 2020 по 2022 г., когда все респонденты достаточно остро переживали ситуацию нахождения в условиях пандемии и различного рода ограничений, связанных с COVID-19, поскольку либо сами переболели коронавирусом в тяжелой форме, либо утратили близких, смерть которых была вызвана осложнениями после COVID-19. Исследование проводилось с помощью сервиса GoogleForms.

Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась при помощи компьютерной программы IBM SPSS Statistics 23.0.

Результаты

В ходе проведения кластерного анализа эмпирических результатов, полученных с помощью опросника толерантности-интолерантности к неопределенности (Т.В. Корнилова), были выделены 2 группы респондентов общей выборки, представленные на рис. 1.

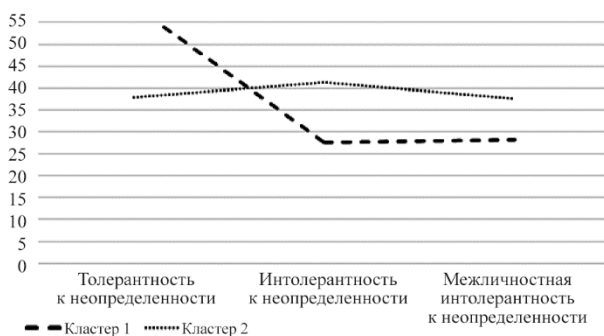

Рис. 1. Среднегрупповые значения показателей, соответствующих выделенным кластерам респондентов

Одна группа представлена респондентами с более высоким уровнем толерантности к неопределенности и более низким уровнем интолерантности к неопределенности, а вторая группа представлена респондентами с более низким уровнем толерантности к неопределенности и более высоким уровнем интолерантности к неопределенности.

Для оценки уровня тревожности были проанализированы результаты, полученные при тестировании выборки с помощью методики «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина. В результате проведенной дескриптивной статистики было обнаружено, что в исследуемой выборке

выявлен средний уровень ситуативной тревожности ($43,58 \pm 8,99$), причем данный показатель приближается к границе высокого уровня, а также выявлен высокий уровень личностной тревожности ($45,0 \pm 7,29$). Таким образом, данные респонденты проявляют достаточно выраженную тревожность, испытывают умеренные напряженность и беспокойство, при этом у них наблюдается выраженное появление состояния тревожности в разнообразных ситуациях, т.е. обнаруживается выраженная склонность воспринимать угрозу в широком диапазоне ситуаций. Однако при качественном анализе тревожности у респондентов, в зависимости от уровня выраженности толерантности к неопределенности, было выявлено, что показатели ситуативной ($41,3 \pm 7,83$) и личностной ($43,6 \pm 6,68$) тревожности у лиц с высоким уровнем выраженности толерантности к неопределенности имеют средневывраженное значение, а у лиц с низким уровнем толерантности к неопределенности выявлен высокий уровень показателей ситуативной ($51,6 \pm 8,31$) и личностной ($49,9 \pm 7,31$) тревожности. Зафиксированные тенденции позволяют констатировать, что именно в группе респондентов, проявляющих интолерантность к неопределенности, наблюдается выраженный уровень тревожности, при этом данные респонденты испытывают повышенный уровень напряженности и беспокойства, а также у них наблюдается выраженная склонность воспринимать угрозу в широком диапазоне ситуаций. У респондентов с диагностируемой толерантностью к неопределенности наблюдается умеренное проявление тревожности, не превышающее границ нормативных значений среднего уровня.

Для диагностики степени испытываемой депрессии у респондентов была использована методика «Шкала депрессии» А. Бека. В результате проведенной дескриптивной статистики в исследуемой выборке выявлен низкий уровень выраженности как общего показателя депрессии ($8,8 \pm 7,21$), так и его отдельных компонентов, когнитивно-аффективных проявлений депрессии ($5,41 \pm 4,6$).

При анализе среднегрупповых показателей депрессии (выявленных с помощью опросника депрессивности Бека) у респондентов данной выборки зафиксировано, что у лиц с высоким уровнем выраженности толерантности к неопределенности наблюдается низкий уровень как общего показателя депрессии ($7,55 \pm 5,62$), так и его отдельных компонентов, когнитивно-аффективных проявлений депрессии ($4,61 \pm 3,75$) и соматических проявлений депрессии ($3,39 \pm 3,18$), а у лиц с низким уровнем толерантности к неопределенности выявлена легкая депрессия, астено-субдепрессивная симптоматика ($13,16 \pm 10,14$), а также умеренно выраженные когнитивно-аффективные проявления депрессии ($8,21 \pm 6,12$) и низкий уровень соматических проявлений депрессии ($4,95 \pm 4,38$). То есть в группе респондентов, проявляющих большую интолерантность к неопределенности, наблюдаются признаки легкой депрессии, астено-субдепрессивная симптоматика при выраженных когнитивно-аффективных проявлениях депрессии.

Анализ среднегрупповых показателей эмоциональных переживаний у респондентов (по результатам использования методики «Шкала оценки влияния травматического события») показал, что в результате проведенной дескриптивной статистики в исследуемой выборке выявлен низкий уровень выраженности показателей вторжения ($6,31 \pm 6,27$), избегания ($8,25 \pm 7,55$) и физиологической возбудимости ($5,98 \pm 6,18$). У лиц с высоким уровнем выраженности толерантности к неопределенности наблюдается низкий уровень выраженности показателей вторжения ($5,2 \pm 5,38$), избегания ($7,03 \pm 6,75$) и физиологической возбудимости ($5,26 \pm 5,76$), а у лиц с низким уровнем толерантности к неопределенности выявлен несколько более выраженный уровень показателей вторжения

($10,16 \pm 7,68$), избегания ($12,47 \pm 8,8$) и физиологической возбудимости ($8,47 \pm 7,08$). Таким образом, в группе респондентов, проявляющих большую интолерантность к неопределенности, наблюдаются более выраженная склонность заново переживать все случившееся при любом напоминании о травматическом событии, в большей степени выражено ощущение того, что всего случившегося как будто не было на самом деле, а также склонность испытывать неприятные физические ощущения в ситуациях, чем-то напоминающих о случившихся событиях.

На рис. 2 представлены обобщенные результаты проведенного корреляционного анализа между толерантностью к неопределенности и показателями тревожности, беспокойства, депрессии.

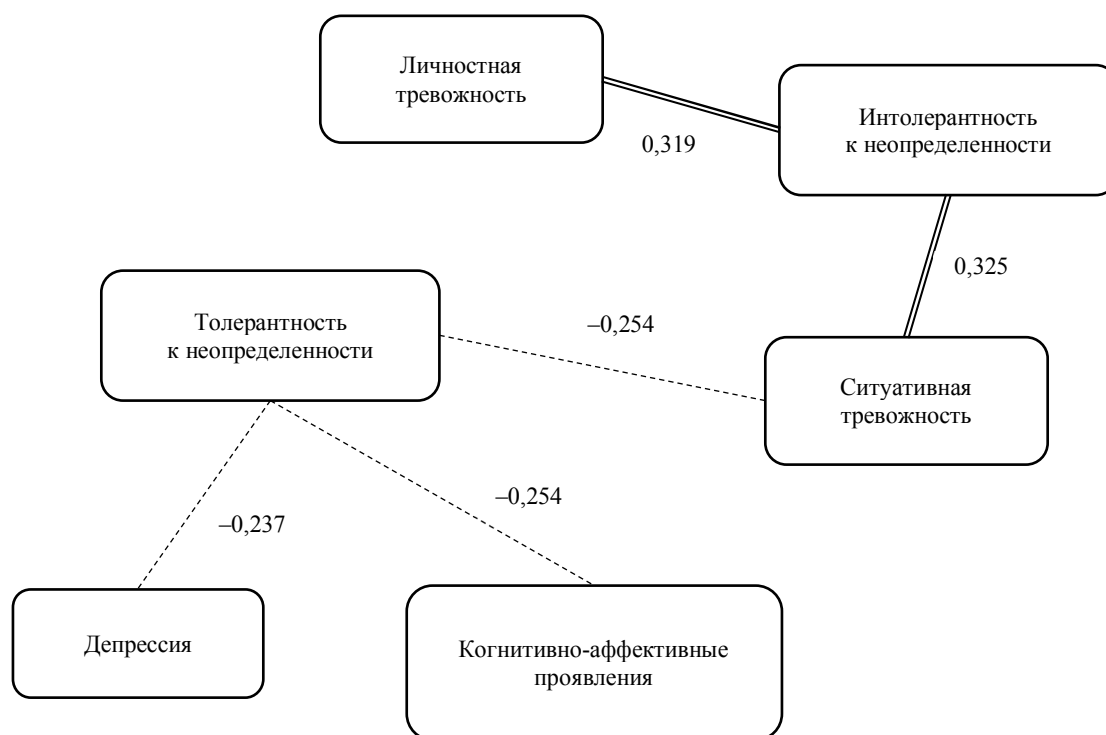

Рис. 2. Корреляционная плеяда значимых взаимосвязей:

----- отрицательные взаимосвязи при $p < 0,05$; ===== положительные взаимосвязи при $p < 0,01$

Так, положительные корреляционные связи были выявлены между интолерантностью к неопределенности и ситуативной ($r = 0,325$ при $p = 0,002$) и личностной ($r = 0,319$ при $p = 0,003$) тревожностью. Отрицательные корреляционные взаимосвязи были выявлены между толерантностью к неопределенности и ситуативной тревожностью ($r = -0,254$ при $p = 0,019$), депрессией ($r = -0,237$ при $p = 0,029$), а также когнитивно-аффективными проявлениями депрессии ($r = -0,254$ при $p = 0,019$).

Полученные данные позволяют сделать ряд важных исследовательских констатаций:

– чем более выражены у респондентов проявления стремления к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возмож-

ность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений, тем реже у них будут наблюдаться субъективный дискомфорт, напряженность, беспокойство и вегетативное возбуждение при попадании в стрессовую ситуацию, а также будут отсутствовать симптомы депрессии;

– для студентов с выраженностью стремления к ясности, упорядоченности и неприятию неопределенности, с доминированием дихотомического разделения правильных и неправильных способов, мнений и ценностей характерны субъективный дискомфорт, напряженность, беспокойство и вегетативное возбуждение при попадании в стрессовую ситуацию; любая сложная ситуация у будет вызывать у них выраженную тревогу.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование дает основание для обобщающего вывода о

том, что у студентов с явными признаками интолерантности к неопределенности, отражающей выраженную дефицитарность стремления к ясности, упорядоченности во всем, доминирование неприятия неопределенности, значимо проявляются признаки ситуативной и личностной тревожности, депрессии и ее когнитивно-аффективных проявлений; склонность заново переживать все случившееся при любом напоминании о травматическом событии с высокой степенью интенсивности; направленность на избегание всего, что могло бы напомнить о случившемся, склонность вытеснить травмирующие события и переживания из памяти. У молодых людей, обучающихся в вузе (независимо от гендерных особенностей и направления профессиональной подготовки), с явными признаками интолерантности к неопределенности более выражены признаки снижения жизненной активности, ограничения социальных контактов, снижения уровня общения в связи с ухудшением физического и эмоционального состояния, признаки депрессивных, тревожных переживаний. Особого внимания заслуживает, с нашей точки зрения, тот факт, что существуют значимые взаимосвязи между толерантностью к неопределенности и развитием хронического стрессового расстройства, сопровождающегося различными специфическими состояниями.

В этой связи чрезвычайно востребованным представляется поиск новых образовательных форматов содействия формированию ресурсов адаптивного проживания стресса в условиях неопределенности у студенческой молодежи.

Подготовка будущих специалистов работе с собственными функциональными и эмоциональными состояниями является актуальной задачей психолого-образовательного сопровождения современного процесса профессионального обучения. В этой связи востребованным является расширение психодидактического инструментария, позволяющего увеличить возможности содействия овладению приемами и способами активизации ресурсов адаптивного проживания стресса (в том числе и академического стресса). С нашей точки зрения, особого внимания заслуживает психолого-образовательный потенциал арт-терапевтических техник, широко используемый сегодня в различных сферах социальных практик.

Арт-терапия – это целенаправленная форма психологической терапии, представляющая собой разнообразный спектр действий человека (медитация, движение тела, искусство, танец, актерское мастерство, рисование, экспрессивное, кукольный театр, рассказывание историй и т.п.), применение которой облегчает депрессию, тревогу и стресс.

Анализ существующего в мировой психологической практике опыта использования арт-терапевтических техник позволяет сделать следующие важные фиксации, свидетельствующие о позитивных эффектах актуализации ресурсов адаптивного проживания стресса:

- творческие художественные задачи с конкретными темами способствовали самовыражению у пациентов с психологическими сложностями, такими как депрессия, беспокойство и стресс [36];

- выполнение арт-терапевтических заданий существенно помогает исследовать свои чувства и эмоции, предоставляя новые методы для личного понимания, развития и овладения навыками преодоления трудностей, дает возможность людям выразить себя вербально и невербально и служит катализатором вербального диалога [37];

- вследствие использования творческой арт-терапии в клинической практике отмечается не только улучшение художественных или музыкальных способностей людей как таковых, но и сосредоточение на невербальных и символических взаимодействиях и выражениях, а также на передаче невыразимых и сложных идей, реакций, эмоций и чувств, направленных на связь тела с разумом и себя другим [38];

- после арт-терапевтического вмешательства было выявлено снижение уровня академического стресса [39];

- арт-терапия помогает людям стать более самосознательными и стимулировать внутренний рост [40].

Таким образом, ставшие сегодня уже традиционными представления, что искусство является действенным средством для снижения испытываемой тревоги и имеет выраженный релаксационный эффект, существенно дополнены исследованиями в области арт-терапии. При сравнении подходов к коррекционной и профилактической работе с состояниями тревоги отмечается, что если когнитивно-поведенческое вмешательство направлено на решение проблемы «сверху вниз», через осознание и воображаемое воздействие, то арт-терапия, предполагающая деятельность с художественными материалами, предлагает подход «снизу вверх», работая с тревогой в невербальной, тактильной и зрительной форме.

На базе факультета психологии Томского государственного университета накоплен более чем 10-летний опыт продуктивного обучения студентов арт-терапевтическим приемам работы с собственными стрессовыми состояниями как в рамках дисциплин, входящих в основные образовательные программы в виде отдельных модулей (например, в курсах «Общий психологический практикум», «Тренинг самооэффективности», «Основы психосаморегуляции» и т.д.), так и специально разработанных мастер-классов, предлагаемых за рамками учебного процесса.

Форматы работы и продолжительность обучения различны – от 16 до 32 часов с периодичностью не менее одного раза в неделю. Особое значение для организации работы имеет правильный выбор материалов. Так, рекомендуется представлять ограниченный выбор материалов, особенно это касается тех студентов, которые могут чувствовать себя перегружены, дезорганизовано, либо тех, кого переполняет активность. Предложение на выбор для работы одного-двух видов (вариантов) творческих материалов позволяет придать структуру творческому процессу. Важно также в каждом отдельном случае понимать и индивидуализировать уровень представляемой студенту структуры, для того чтобы раскрыть его возможности самовыражения. После завершения курса для определения психолого-образовательных эффектов с

участниками обучения проводятся фокус-группы, на которых обсуждаются следующие вопросы:

– Какие навыки (арт-терапевтические техники) работы с переживаниями, вызванными стрессовыми факторами, вы получили в процессе нашей работы и какие из них используете или будете использовать для себя?

– Как вы оцениваете возможности использования арт-терапевтических методик для работы, направленной на активизацию ресурсов адаптивного проживания стресса?

– Можете ли вы зафиксировать, какого рода изменения в восприятии и реагировании на стрессовые факторы в вашей жизни произошли по итогам использования арт-терапевтических техник? Назовите 2–3 изменения.

– В чем лично для вас вы видите ресурс для адаптивного проживания стресса? Помогли ли вам наши занятия в поиске своего ресурса адаптивного проживания стрессовых ситуаций?

– Как вы понимаете адаптивное проживание стресса в противовес дезадаптивному проживанию? Приведите пример.

Заключение

Таким образом, анализ результатов проведенных многочисленных (более 30) фокус-групп со студентами, прошедшими специальные виды обучения с применением арт-терапевтических техник, позволяет сделать следующие обобщающие заключения.

1. Критериями положительной динамики активизации ресурсов адаптивного проживания стресса после овладения студентами арт-терапевтических техник работы с собой являются:

- адекватная оценка сложившейся ситуации;
- использование навыков планирования решения проблемной/стрессовой ситуации;
- демонстрация готовности к принятию решения в противовес уходу от ситуации, вызывающей дискомфорт;
- преобладание в поведении рационального компонента над эмоциональным;
- проявление большей лояльности, активности, терпимости по отношению к окружающим и близким людям;
- открытость новому опыту и проявление гибкости в поведении в противовес ригидности в поведении;
- толерантность к неопределенности.

2. Арттерапевтическое переживание представляет собой не только ситуативно возникающее эмоциональное состояние человека, но и результат специально организованного процесса проживания студентом своего внутреннего эмоционального состояния в условиях безопасного творческого процесса.

3. Создание обучающих ситуаций актуализации арт-терапевтических переживаний студентов можно рассматривать как психолого-образовательные возможности формирования ресурсов адаптивного проживания стресса в условиях неопределенности.

Список источников

1. Шевченко Ю.Л. Качество жизни населения Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова. 2021. Т. 16, № 1. С. 74–83.
2. Кондрашихина О.А. Толерантность к неопределенности как предиктор стратегии адаптации в условиях пандемии COVID-19 студентов-психологов // Гаудеамус. 2021. Т. 20, № 1 (47). С. 7–13.
3. Медведева И.А., Москвина О.И. Психологические исследования проблемы толерантности к ситуации неопределенности // Социальные практики в информационном обществе. 2020. С. 113–117.
4. Панова В.С. Взаимосвязь толерантности к неопределенности со смысложизненными и ценностными ориентациями // Психологические проблемы смысла жизни и акмеология. 2021. № 1. С. 78–80.
5. Скотникова И.Г., Егорова П.И. Устойчивость–изменчивость свойств индивидуальности и переживание неопределенности в условиях пандемии COVID-19 // Влияние пандемии на личность и общество : психологические механизмы и последствия : сб. ст. / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М. : Ин-т психологии РАН, 2021. С. 328–346.
6. Екимова В.И., Лучникова Е.П. Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 1. С. 506.
7. Norton R.W. Measurement of ambiguity tolerance // Journal of Personality Assessment. 2002. № 39 (6). P. 607–619.
8. Freeston M.H., Tiplady A., Mawn L., Botessi G., Thwaites S. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19) // The Cognitive Behaviour Therapist. 2020. Vol. 13. DOI: 10.1017/S1754470X2000029X
9. Spielberger C.D. (ed.). Anxiety: Current trends in theory and research. Elsevier, 2013.
10. Соловьева Н.В., Макарова Е.В., Кичук И.В. «Коронавирусный синдром»: профилактика психотравмы, вызванной COVID-19 // Российский медицинский журнал. 2020. Т. 28, № 9. С. 18–22.
11. Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 2 (18). С. 291–308.
12. Коваленко С.Р. Влияние хронического стресса на отношение человека к неопределенности // Университетская клиника. 2017. № 3-1. С. 118–122.
13. Корнилова Т.В. Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 3–12.
14. Быховец Ю.В., Падун М.А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 1. С. 78–89.
15. Carolan R. Models and paradigms of art therapy research // ArtTherapy. 2001. Vol. 18 (4). P. 190–206.
16. Stoll B. Growing pains: the international development of art therapy // The Arts in Psychotherapy. 2005. Vol. 32, № 3. P. 171–191.
17. Karkou V., Martinsone K., Nazarova N., Vaverniece I. Art therapy in the postmodern world: Findings from a comparative study across the UK, Russia and Latvia // The Arts in Psychotherapy. 2011. Vol. 38. P. 86–95.
18. Parker-Bell B., Vaulina T.A. Russian-American Collaboration in Art Therapy and Psychology: Methods and Outcomes // Global Partners in Education Journal. 2015. Vol. 5.
19. Ваулина Т.А., Паркер-Белл Б. Взгляд преподавателей на разработку и реализацию краткосрочной образовательной программы в области арт-терапии и психологии // Сибирский психологический журнал. 2014. № 54. С. 62–71.
20. Kaplan F.F. Scientific Art Therapy: An Integrative and Research-Based Approach // Art Therapy. 1998. Vol. 15 (2).

21. Malchiodi C.A. The Art Therapy Sourcebook. Lowell House, 1998.
22. McNiff S. Art-Based Research. London : Jessica Kingsley Publishers, 1998.
23. Kaplan F.F. Art, science and art therapy: Repainting the picture. London : Jessica Kingsley, 2000.
24. Malchiodi C.A. Art therapy and the brain // Handbook of Art Therapy. 2003. P. 16–24.
25. Menzen K.H. Grundlagen der Kunsttherapie. Munchen, Germany : Ernst Reinhardt Verlag, 2001.
26. DeLue C. Physiological effects of creating mandalas // Malchiodi C. (Ed.) Medical art therapy with children. Philadelphia, PA : Jessica Kingsley, 1999. P. 33–49.
27. Walsh S.M., Chang C.Y., Schmidt L.A., Yoepp J.H. Lowering stress while teaching research: A creative arts intervention in the classroom // Journal of Nursing Education. 2005. Vol. 44 (7). P. 330–333.
28. Curry N.A., Kasser T. Can coloring mandalas reduce anxiety? // Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association. 2005. Vol. 22 (2). P. 81–85.
29. Kurtz J.L., Lyubomirsky S. Happiness promotion: Using mindful photography to increase positive emotion and appreciation // Froh J.J., Parks A.C. (Eds.) Activities for teaching positive psychology: A guide for instructors. Washington, DC : American Psychological Association, 2013. P. 133–136.
30. Conner T.S., DeYoung C.G., Silvia P.J. Everyday creative activity as a path to flourishing // The Journal of Positive Psychology. 2017. Vol. 4. P. 1–9.
31. Forgeard M.J.C., Eichner K.V. Creativity as a target and tool for positive interventions // Parks A.C., Schueller S.M. (Eds.) Handbook of positive psychological interventions. Oxford : Wiley-Blackwell, 2014. P. 137–154.
32. Lomas T. Positive art: Artistic expression and appreciation as an exemplary vehicle for flourishing // Review of General Psychology. 2016. Vol. 20 (2). P. 171–182.
33. Chilton G., Wilkinson R. Positive Art Therapy: Envisioning The Intersection Of Art Therapy And Positive Psychology // Australia And New Zealand Journal Of Art Therapy. 2009. Vol. 4 (1). P. 27–35.
34. Bell C.E., Robbins S.J. Effect of art production on negative mood. A randomized, controlled trial // Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association. 2007. Vol. 24 (2). P. 71–75.
35. Wadson H. Art psychotherapy (2nd ed.). Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2010.
36. Blomdahl C., Gunnarsson B.A., Guregard S., Rusner M., Wijk H., Björklund A. Art therapy for patients with depression: Expert opinions on its main aspects for clinical practice // Journal of Mental Health. 2016. Vol. 25 (6). P. 527–535.
37. Malik S. Using neuroscience to explore creative media in art therapy: A systematic narrative review // International Journal of Art Therapy. 2021. Vol. 2. P. 1–13.
38. Newland P., Miller R., Bettencourt B.A., Hendricks-Ferguson V. Pilot study of videos to deliver mindfulness-based art therapy for adults with multiple sclerosis // Journal of Neuroscience Nursing. 2020. Vol. 52 (6). P. E19–E23.
39. Emery M.J. Art therapy as an intervention for autism // Art therapy. 2004. Vol. 21 (3). P. 143–147.
40. Gilroy A., Lee C. Art and music: therapy and research. Routledge, 2019.

References

1. Shevchenko, Yu.L. (2021) Kachestvo zhizni naseleniya Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh pandemii COVID-19 [Quality of life of the population of the Russian Federation in the context of the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Natsional'nogo mediko-khirurgicheskogo tsentra im. N.I. Pirogova*. 16 (1). pp. 74–83.
2. Kondrashikhina, O.A. (2021) Tolerantnost' k neopredelennosti kak prediktor strategii adaptatsii v usloviyakh pandemii COVID-19 studentov-psikhologov [Tolerance to uncertainty as a predictor of adaptation strategy in the context of the COVID-19 pandemic among psychology students]. *Gaudeamus*. 20:1 (47). pp. 7–13.
3. Medvedeva, I.A. & Moskvina, O.I. (2020) Psikhologicheskie issledovaniya problemy tolerantnosti k situatsii neopredelennosti [Psychological studies of the problem of tolerance to situations of uncertainty]. In: Lavrenova, T.I. (ed.) *Sotsial'nye praktiki v informatsionnom obshchestve* [Social practices in the information society]. Penza: PSU. pp. 113–117.
4. Panova, V.S. (2021) Vzaimosvyaz' tolerantnosti k neopredelennosti so smyslozhiznennymi i tsennostnymi orientatsiyami [The relationship of tolerance to uncertainty with life meaning and value orientations]. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akmeologiya*. 1. pp. 78–80.
5. Skotnikova, I.G. & Egorova, P.I. (2021) Ustoychivost'–izmenchivost' svoystv individual'nosti i perezhivanie neopredelennosti v usloviyakh pandemii COVID-19 [Stability–variability of individual properties and the experience of uncertainty in the context of the COVID-19 pandemic]. In: Nestik, T.A. et al. (eds) *Vliyaniye pandemii na lichnost' i obshchestvo: psikhologicheskie mekhanizmy i posledstviya* [The influence of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Moscow: In-t psikhologii RAN. pp. 328–346.
6. Ekimova, V.I. & Luchnikova, E.P. (2020) Kompleksnaya psikhologicheskaya travma kak posledstvie ekstremal'nogo stressa [Complex psychological trauma as a consequence of extreme stress]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. 9 (1). pp. 506.
7. Norton, R.W. (2002) Measurement of ambiguity tolerance. *Journal of Personality Assessment*. 39 (6). pp. 607–619.
8. Freeston, M.H. et al. (2020) Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19). *The Cognitive Behaviour Therapist*. 13. doi: 10.1017/S1754470X2000029X
9. Spielberger, C.D. (ed.) (2013) *Anxiety: Current trends in theory and research*. Elsevier.
10. Solov'eva, N.V., Makarova, E.V. & Kichuk, I.V. (2020) “Koronavirusnyy sindrom”: profilaktika psikhotraavy, vyzvannoy COVID-19 [“Coronavirus syndrome”: prevention of psychotrauma caused by COVID-19]. *Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal*. 28 (9). pp. 18–22.
11. Bykhovets, Yu.V. & Kogan-Lerner, L.B. (2020) Pandemiya COVID-19 kak mnogofaktornaya psikhotravmiruyushchaya situatsiya [The COVID-19 pandemic as a multifactorial psychotraumatic situation]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 5:2 (18). pp. 291–308.
12. Kovalenko, S.R. (2017) Vliyaniye khronicheskogo stressa na otnosheniye cheloveka k neopredelennosti [The influence of chronic stress on a person's attitude towards uncertainty]. *Universitetskaya klinika*. 3-1. pp. 118–122.
13. Kornilova, T.V. (2010) Tolerantnost' k neopredelennosti i intellekt kak predposylki kreativnosti [Tolerance to uncertainty and intelligence as prerequisites for creativity]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 3–12.
14. Bykhovets, Yu.V. & Padun, M.A. (2019) Lichnostnaya trevozhnost' i regulyatsiya emotsiy v kontekste izucheniya posttraumaticheskogo stressa [Personal anxiety and emotion regulation in the context of studying post-traumatic stress]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 8 (1). pp. 78–89.
15. Carolan, R. (2001) Models and paradigms of art therapy research. *Art Therapy*. 18 (4). pp. 190–206.
16. Stoll, B. (2005) Growing pains: the international development of art therapy. *The Arts in Psychotherapy*. 32 (3). pp. 171–191.
17. Karkou, V. et al. (2011) Art therapy in the postmodern world: Findings from a comparative study across the UK, Russia and Latvia. *The Arts in Psychotherapy*. 38. pp. 86–95.
18. Parker-Bell, B. & Vaulina, T.A. (2015) Russian-American Collaboration in Art Therapy and Psychology: Methods and Outcomes. *Global Partners in Education Journal*. 5.

19. Vaulina, T.A. & Parker-Bell, B. (2014) Vzglyad prepodavateley na razrabotku i realizatsiyu kratkosrochnoy obrazovatel'noy programmy v oblasti art-terapii i psikhologii [Teachers' views on the development and implementation of a short-term educational program in the field of art therapy and psychology]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*. 54. pp. 62–71.
20. Kaplan, F.F. (1998) Scientific Art Therapy: An Integrative and Research-Based Approach. *Art Therapy*. 15 (2).
21. Malchiodi, C.A. (1998) *The Art Therapy Sourcebook*. Lowell House.
22. McNiff, S. (1998) *Art-Based Research*. London: Jessica Kingsley Publishers.
23. Kaplan, F.F. (2000) *Art, science and art therapy: Repainting the picture*. London: Jessica Kingsley.
24. Malchiodi, C.A. (2003) *Handbook of Art Therapy*. The Guilford Press. pp. 16–24.
25. Menzen, K.H. (2001) *Grundlagen der Kunsttherapie*. Munchen, Germany: Ernst Reinhardt Verlag.
26. DeLue, C. (1999) Physiological effects of creating mandalas. In: Malchiodi, C. (ed.) *Medical art therapy with children*. Philadelphia, PA: Jessica Kingsley. pp. 33–49.
27. Walsh, S.M. et al. (2005) Lowering stress while teaching research: A creative arts intervention in the classroom. *Journal of Nursing Education*. 44 (7). pp. 330–333.
28. Curry, N.A. & Kasser, T. (2005) Can coloring mandalas reduce anxiety? *Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association*. 22 (2). pp. 81–85.
29. Kurtz, J.L. & Lyubomirsky, S. (2013) Happiness promotion: Using mindful photography to increase positive emotion and appreciation. In: Froh, J.J. & Parks, A.C. (Eds.) *Activities for teaching positive psychology: A guide for instructors*. Washington, DC: American Psychological Association. pp. 133–136.
30. Conner, T.S., DeYoung, C.G. & Silvia, P.J. (2017) Everyday creative activity as a path to flourishing. *The Journal of Positive Psychology*. 4. pp. 1–9.
31. Forgeard, M.J.C. & Eichner, K.V. (2014) Creativity as a target and tool for positive interventions. In: Parks A.C., Schueller S.M. (Eds.) *Handbook of positive psychological interventions*. Oxford: Wiley-Blackwell. pp. 137–154.
32. Lomas, T. (2016) Postive art: Artistic expression and appreciation as an exemplary vehicle for flourishing. *Review of General Psychology*. 20 (2). pp. 171–182.
33. Chilton, G. & Wilkinson, R. (2009) Positive Art Therapy: Envisioning The Intersection Of Art Therapy And Positive Psychology. *Australia and New Zealand Journal of Art Therapy*. 4 (1). pp. 27–35.
34. Bell, C.E. & Robbins, S.J. (2007) Effect of art production on negative mood. A randomized, controlled trial. *Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association*. 24 (2). pp. 71–75.
35. Wadeson, H. (2010) *Art psychotherapy*. 2nd ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
36. Blomdahl, C. et al. (2016) Art therapy for patients with depression: Expert opinions on its main aspects for clinical practice. *Journal of Mental Health*. 25 (6). pp. 527–535.
37. Malik, S. (2021) Using neuroscience to explore creative media in art therapy: A systematic narrative review. *International Journal of Art Therapy*. 2. pp. 1–13.
38. Newland, P. et al. (2020) Pilot study of videos to deliver mindfulness-based art therapy for adults with multiple sclerosis. *Journal of Neuroscience Nursing*. 52 (6). pp. E19–E23.
39. Emery, M.J. (2004) Art therapy as an intervention for autism. *Art therapy*. 21 (3). pp. 143–147.
40. Gilroy, A. & Lee, C. (2019) *Art and music: therapy and research*. Routledge.

Информация об авторах:

Красноярцева О.М. – д-р психол. наук, зав. кафедрой общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krasnoo@mail.ru

Ваулина Т.А. – канд. психол. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tatvaulina@gmail.com

Толмачева И.В. – преподаватель психологии Института психотерапии и клинической психологии (Москва, Россия). E-mail: turbo2004@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.M. Krasnoryadtseva, Dr. Sci. (Psychology), head of the Department of General and Pedagogical Psychology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krasnoo@mail.ru

T.A. Vaulina, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tat_vaulina79@mail.ru

I.V. Tolmacheva, lecturer, Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology (Moscow, Russian Federation). E-mail: turbo2004@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2023;
одобрена после рецензирования 23.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 04.06.2023;
approved after reviewing 23.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/491/18

Информационный криминалистический стенд: вопросы организации и использования

Рамиль Лианарович Ахмедшин¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, raist@sibmail.com

Аннотация. Раскрывается алгоритм использования в практике расследования тактических приемов визуализации информационных блоков в целях анализа информации о преступном событии. Диапазон проблем затрагивает методологический, исторический, криминалистический и психологический аспекты. Результатом проведенного исследования выступил комплекс рекомендаций по использованию в процессе расследования преступлений визуализированной специально структурированной криминалистически значимой информации.

Ключевые слова: расследование, информация, тактический прием, информационный криминалистический стенд

Для цитирования: Ахмедшин Р.Л. Информационный криминалистический стенд: вопросы организации и использования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 146–154. doi: 10.17223/15617793/491/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/18

An informational criminalistic stand: Issues of organization and use

Ramil L. Akhmedshin¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, raist@sibmail.com

Abstract. The article reveals an algorithm for using tactical techniques for visualizing information blocks in investigative practice for the purpose of analyzing information about a criminal event. The range of problems involves methodological, historical, criminalistic and psychological aspects. The subject of the study was a set of techniques for a visual organization of information blocks related to the crime under investigation on an informational criminalistic stand (ICS). The study employed general (analysis, synthesis, system-structural) and special (experiment, participant observation, modeling, expert assessment) scientific methods. The article obtained the following conclusions. The information displayed on the ICS must meet the following requirements: of efficiency; of updating, of confirmation. The requirement of completeness, legality of obtaining, and scientific character of the information presented can also be mentioned, but these requirements are of a pronounced theoretical and academic nature and do not have any particular value. Structurally, the ICS is divided into five parts (central, upper left, upper right, lower left, and lower right). Two ways of organizing information on the ICS are identified based on the idea of a symmetrical arrangement of information blocks of criminalistically significant information. The difference lies in the level of symmetry – the first way involves placing information blocks within the framework of obvious symmetry, the second within the framework of non-obvious symmetry. One of the most effective ways to emphasize information blocks on the ICS is color accentuation. Emphasis using color can occur in two forms: by emphasizing the color background of the sheet of paper that carries information and by accentuating the content of the sheet of paper with the color of the font. Emphasizing the color of the ICS itself seems ambiguous, since the ideal color, suggesting a high level of concentration, is white. The final conclusion is that, despite the complex of problems, the informational criminalistic stand is a highly effective tool for organizing the investigation process and its use is an integral attribute of the professionalism of a law enforcement officer. In general, the result of the study is a set of recommendations for the use of visualized specially structured criminalistically significant information in the process of investigating crimes.

Keywords: investigation, information, tactical technique, informational criminalistic stand

For citation: Akhmedshin, R.L. (2023) An informational criminalistic stand: Issues of organization and use. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 146–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/18

Расследование преступлений предполагает постоянное оперирование громадным количеством информации о событии преступления, логические взаимосвязи между которой без сомнения осознаются, но не могут быть эффективно проанализированы. Причины сказанного проистекают из следующих факторов:

- Разноплановость информации. Именно разноплановость криминалистически значимой информации долгое время не позволяла систематизировать ее даже на уровне такого теоретического понятия, как криминалистическая характеристика преступления. Несмотря на то, что основные формы систематизации криминалистически значимой информации о событии преступления давно известны научному сообществу [1. С. 35–41], дальнейшей систематизации это не способствует. В силу сказанного криминалистическая характеристика преступления является очень наглядной демонстрацией незначительной ценности хаотичной и неструктурированной информации.

- Различная степень доверия, которую та или иная информация заслуживает. Именно из факта вариативности степени доверия к имеющейся у следователя или оперативного работника информации в криминалистической науке возникло учение о следственной ситуации, т.е. о том фактическом информационном наполнении, которое характерно для конкретного этапа расследования.

- Затруднительность оперирования «в уме» всем известным объемом информации одновременно, ввиду его избыточности. Человеческое сознание стремится находиться в состоянии гомеостаза, т.е. в состоянии энергостатуса, поэтому разнопорядковую информацию пытается привести к какому-то единому системному образу, если же для этого информации не хватает, то информация, не укладывающаяся в эту системность, начинает игнорироваться.

- Отсутствие навыков работы с разнопорядковыми массивами информации, к тому же характеризующейся достаточным объемом. К сожалению, человеческий фактор до сих пор является наиболее значимым фактором низкой эффективности в криминалистическом познании, о чем ранее говорилось, в том числе и нами [2. С. 130–131].

Информационный криминалистический стенд (далее ИКС) выступает способом визуализации имеющейся криминалистически значимой информации о преступном событии как системы взаимосвязанных между собой данных о его элементах.

Традиционно ИКС называют «следственная детективная доска» («Detective crime investigation board»), однако в силу некоторого неблагозвучия и несвойственности для понятийного пространства отечественной криминалистики мы решили отойти от традиционного названия.

Практике расследования преступлений в англосаксонских странах пошла по пути использования ИКС при раскрытии сложных преступлений. С одной стороны, нельзя оспорить одно из базовых свойств тактического приема – его экономичность, с другой стороны, его свойство результативности следует при-

знавать более приоритетным. Следовательно, целесообразность составления ИКС не только по сложным делам видится труднооспоримой и избыточным шагом не является.

Возможность с помощью ИКС компактно и полно представить информацию о произошедшем преступном событии и связанных с ним лицах способствует оптимизации версионного мышления и аналитической способности в целом. ИКС в силу признания эффективности был популяризован в массовой культуре, и не только в детективных произведениях, но и в настольных играх.

Сейчас в продаже можно встретить много игровых ИКС, которые включают пробковый щит и набор листов с цветными веревочками, на которых помещается информация, важная для расследования. Однако необходимо понимать, что в ИКС значим не набор веревочек, а алгоритм подачи информации, с помощью которой возможно установление множественных связей между информационными блоками данных.

Визуализация криминалистически значимой информации способствует:

- Пониманию целостности имеющейся информации, осознанию того, какие информационные массивы необходимо сформировать, чтобы тот или иной момент преступного события был отражен на ИКС настолько, чтобы это позволяло сделать надежный вывод о событии преступления в целом или о его элементах.

- Стимулирует активное возникновение ассоциативных связей в системе мышления человека. Напомним, что механизм ассоциации – это механизм возникновения связи между отдельными информационными массивами (событиями, фактами, предметами или явлениями), существующими в сознании индивида и закрепленными в его памяти. Механизм ассоциации предопределяет высокую вероятность возникновения в сознании человека при использовании информационного массива А ассоциированного с ним информационного массива (массивов) Б.

- Осознанию надежности и внутренней непротиворечивости имеющейся информации.

Учитывая фактор визуализации, становится понятно, что ИКС и эвристические модули, позволяющие хранить и устанавливать корреляционные связи между группами данных (системы OSINT – Open Source INTelligence; SIUSS, Anacapa Sciences Inc., IBM i2 Analysts Notebook, а также перспективные нейросетевые аналоги этих модулей), имеют различную функциональную направленность. Можно сделать предположение, что возможно объединить их в рамках единого программного пакета, однако смысл такого объединения неочевиден.

Говоря об ИКС, необходимо затронуть вопрос о предпочтительности классических ИКС либо интерактивных ИКС. Интерактивность способствует более эффективному и оперативному внесению изменений в ИКС, вплоть до полного его переформатирования, возможности масштабирования и даже возможности задействования математических методов. Действительно, содержательно ИКС является графом связан-

ности, что предполагает возможность делать вычисления на графе: находить значимые узлы, пути и кластеры. Однако эффективность восприятия с плоской поверхности интерактивного ИКС и поверхности классического ИКС не может не быть различной, о чем будет отмечено ниже.

В целом же содержательно информационный криминалистический стенд – классический или интерактивный – представляет собой визуальное оформление массивов информации (фотографий, диаграмм, очень кратких текстов) с демонстрацией как факта наличия логических связей между элементами, так и характеристик этих связей.

Требования к информации ИКС. Информация, отображаемая на ИКС, должна соответствовать следующим требованиям:

– **Требованию экономичности.** В последнее время презентации стали постоянными атрибутами докладов (научных, производственных, финансовых и др.). Одновременно с этим культура презентаций прививается достаточно медленно. Часто презентации перегружены информацией (текстовыми и графическими сведениями), что уничтожает главную функцию презентаций – сопровождение доклада, с целью облегчения его восприятия. Если в финансовой сфере презентации часто несут функцию запутать слушающих, то ИКС, который, по сути, также является презентацией, такой цели не преследует. Таким образом, требование экономичности предопределяет включение в ИКС по возможности очень ограниченного объема информации.

– **Требованию обновляемости.** В контексте поступающей новой информации и понижения или потери актуальности информации имеющейся необходимо периодически заново структурировать информацию о преступном событии.

– **Требованию подтвержденности.** Информационные блоки в обязательном порядке должны включать информацию о том, насколько она подтверждена, кто ее подтвердил и каким способом это сделано. Информацию, обеспечивающую требование подтвержденности, целесообразно отражать небольшим шрифтом нейтрального цвета (темно-серого, если на ИКС недостаток информации, светло-серого, если на ИКС избыток информации).

– Можно, конечно, говорить также о требовании полноты, законности получения, научности представляемой информации, но данные особенности информационных блоков плохо формализуются и актуальны разве что в диссертационных исследованиях, ориентированных на академичность, как цель проведенного исследования, а не ценность этой информации для решения конкретных задач.

Структура ИКС. Расположение информации на ИКС не хаотично, а предельно системно и предопределяется особенностями восприятия, прежде всего внимания человека. К сожалению, благодаря средствам массовой информации и продукции кинематографа даже у криминалистов складывается неправильное впечатление о произвольности помещения на ИКС информационных блоков и некоторой театральности

(расположение в центре эмоционально окрашенной информации) подачи информации.

Структурно ИКС должен быть организован следующим образом:

– В центре внимания всегда должен находиться основной блок информации, определяемый как системообразующий. Под системообразующим понимается тот элемент криминалистической характеристики (личность потерпевших, личность преступника, способ совершения преступления и др.), на котором базируется комплекс частных версий, обрабатываемых в текущей ситуации расследования. Отсутствие системообразующего элемента формирует сложности восприятия ИКС в целом (рис. 1).

Рис. 1. Отсутствие центральной части на ИКС затрудняет восприятие содержания, так как не формирует исходную для восприятия точку. Данная точка способствует концентрации внимания, абстрагированию от второстепенного или непервостепенности, избыточно бросающейся в глаза

– В центре внимания также должны находиться основные блоки информации, определяемой как первостепенные.

– Малозначимая информация должна быть сконцентрирована в центральной верхней области ИКС.

– Спорная на предмет относимости к рассматриваемому событию информация должна быть сконцентрирована в нижней области ИКС.

– Актуальная для текущего момента проверяемая информация, а также информация, которая нуждается в радикальном увеличении своего объема, располагается диагонально в углах ИКС.

Структурно ИКС представляет из себя пространство, разделенное на пять частей (центральная, верхняя левая, верхняя правая, нижняя левая и нижняя правая часть).

Необходимость выделения центральной части ИКС проистекает из природы такого свойства внимания человека, как концентрация внимания (способность интенсивного сосредоточения сознания на объекте). Исходная точка мыслительных процессов осознанного характера предопределена именно концентрацией внимания, познающего на объекте.

Необходимость выделения периферийных частей в пространстве ИКС проистекает из природы такого

свойства внимания человека, как распределение внимания (способность удерживать в центре внимания несколько разнородных объектов). Распределение внимания способствует целостному восприятию реальности, но в силу достаточной энергозатратности предпочтительнее, чтобы уровень разнородности воспринимаемых объектов не был бы слишком велик. Озвученному требованию соответствует выделение в пространстве ИКС центральной и периферийных зон с незначительным уровнем разнородности.

Учитывая такое свойство восприятия человека, как избирательность, т.е. преимущественное выделение одного предмета на фоне остальных в силу невозможности объять их большое множество одновременно, наиболее важные информационные массивы помещаются в центр ИКС. С другой стороны, учитывая такое свойство внимания человека, как распределение (способность удерживать в центре внимания несколько разнородных объектов или субъектов), необходимо выделить границы (посредством группировки информационных блоков рядом друг с другом) помимо центральной еще и периферийных зон ИКС.

Можно говорить о двух способах разделения ИКС на центральную и периферийные зоны. Традиционно первый способ более экономичен, но менее продуктивен, второй более сложен, но более эффективен.

Оба способа исходят из идеи симметричности расположения информационных блоков криминалистически значимой информации, размещаемых на ИКС. Отличие заключается в уровне симметрии: первый способ предполагает размещение информационных блоков в рамках очевидной симметрии, второй – в рамках неочевидной. Сама симметричность расположения на ИКС информационных блоков проистекает из особенностей познавательных процессов человека, что нашло отражение в психологической литературе последнего времени [3, 4]. Говоря об особенностях познавательных процессов, мы имеем в виду тезис о том, что «предпочтение симметрии объясняется легкостью (незатратностью) обработки симметричного изображения» [5], а следовательно, их предпочтительностью [6].

Недостатком первого способа является формирование при восприятии установки на законченность, стабильность имеющегося массива информации. Чем проще симметрия расположения подаваемых материалов, тем более надежными и не нуждающимися в изменении воспринимаются наблюдателем информационные блоки. Геометрически простейшая форма симметричного деления поля ИКС на центральную и периферийные части (верхнюю левую, верхнюю правую, нижнюю левую и нижнюю правую) изображена на рис. 2.

Соблюдая правило симметричности, но уходя от идеи законченности имеющегося в распоряжении следствия материала, целесообразно использовать второй способ разделения ИКС на центральную и периферийные зоны, который изображен на рис. 3.

В целях определения более эффективного способа пространственной организации ИКС нами был проведен эксперимент.

Эксперимент проводился на ИКС, организованном по материалам серии убийств, совершенных Серебряковым Б.Е. в период с апреля 1969 г. по июнь 1970 г. в г. Куйбышеве (Самаре). Исследуемым предъявлялись три ИКС, на которых информационные блоки были структурированы согласно схемам, изложенным на рис. 2–4.

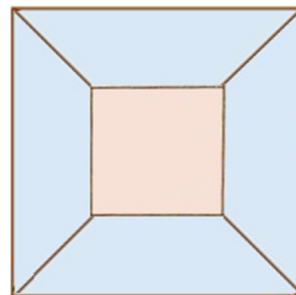

Рис. 2. Геометрически простейшая форма симметричного деления поля ИКС на центральную и периферийные части

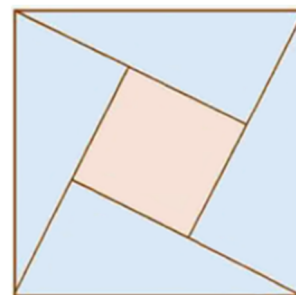

Рис. 3. Компромиссная между сложностью и открытостью для внесения новых идей форма симметричного деления поля ИКС на центральную и периферийные части

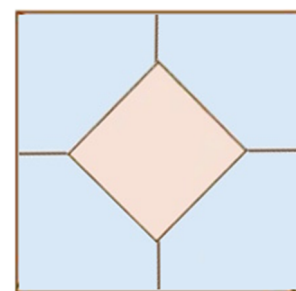

Рис. 4. Промежуточная между ранее рассмотренными форма симметричного деления поля ИКС на центральную и периферийные части

Все 45 испытуемых имели начальный опыт криминалистического профилирования и начальные навыки в работе с ИКС. Все, имея юридическое образование, прослушали учебные курсы по «Криминалистике» и «Правовой психологии».

На каждом ИКС в основных информационных блоках, организованных по определенным эпизодам, была отражена выявленная следствием криминалистически значимая информация (место и время преступления, личности жертв, *modus operandi*, основные следы пре-

ступления, показания свидетелей и мнения экспертов/специалистов). Напомним, что переломным этапом расследования рассматриваемой серии преступлений было установление факта перемещения преступника на велосипеде.

На все ИКС в рамках основных информационных блоков (рисунков, схем, стилизованных портретов, коротких записей, фотографий), каждый из которых относился к конкретному эпизоду преступной серии, была помещена фотография места преступления (спутниковый снимок места преступления), на котором по «правилу третей» была акцентирована пролегающая недалеко от места преступления дорога, по которой преступник попадал на место преступления и покидал его. «Правило третей» – одно из базовых правил формирования композиции, способствующее концентрации внимания наблюдателя на конкретном объекте изображения и определяющее с высокой вероятностью факт целостного восприятия изображения как самодостаточного. Согласно «правилу третей», при делении изображения на девять равных прямоугольных участков и помещении объекта в точки пересечения линий, возникающих при этом делении или вдоль этих линий, данный на данном объекте объект внимания человека характеризуется повышенной концентрацией и устойчивостью.

Рассматриваемые снимки места преступления находились в периферийных зонах ИКС. Спутниковый снимок по размеру был в два раза меньше, чем усредненные размеры иных элементов. В ходе формулировки вводной информации по рассматриваемой серии преступлений до испытуемого доводилась мысль о значимости установления способа перемещений преступника для последующего его розыска.

Испытуемые были разделены на три равных по объему группы.

В первой группе материал был предоставлен на ИКС, который структурно соответствовал схеме, рассмотренной на рис. 1, во второй группе – рассмотренной на рис. 2, в третьей группе – на рис. 3.

В первой группе количество лиц, обративших внимание на спутниковый снимок места преступления, составило 4 человека.

Во второй группе 7 человек обратили внимание на спутниковый снимок места преступления.

В третьей группе на спутниковый снимок места преступления обратили внимание 4 человека. Однако впоследствии выяснилось, что один из них выяснил некоторые обстоятельства расследуемого события, воспользовавшись доступом в Интернет, что естественно ставит под сомнение данные, полученные от него.

Как видно в ходе проведенных исследований, промежуточный вариант симметричного деления поля ИКС на центральную и периферийные части (см. рис. 4) между указанным на рис. 2, 3 не показал преимуществ, однако затребовал гораздо большее количество временных затрат у испытуемых, что ставит под сомнение его эффективность.

Таким образом, более простая форма симметричного деления поля ИКС на центральную и периферийные части (см. рис. 2) нам видится более предпочтительной разве что в условиях неизбыточного опыта у лиц, анализирующих содержание ИКС.

Форма симметричного деления поля ИКС на центральную и периферийные части (см. рис. 3) показала более высокий уровень результативности. Можно предположить, что такой уровень результативности будет увеличиваться при наличии у участников первоначальных навыков работы с ИКС.

Содержание ИКС. Не следует стремиться располагать на ИКС массивы информации, носящие выраженный эмоциональный подтекст (например, фотографию жертвы, выполненную в студии, переживающей какое-то сильное эмоциональное чувство). Скорее всего, при нарушении этого правила у аналитиков создается клишированное эмоциональное восприятие пострадавшей, что может войти в противоречие с реальным характером информации, отображенной на фотографии. В психологии это называется эмоциональный способ интерпретации воспринятого.

Кроме того, напомним и о существовании социально-ассоциативного способа интерпретации воспринятого, который предопределяет приписывание человеку социальных качеств, исходя из внешнего вида.

Цветовое акцентирование информации на ИКС.

В качестве аргумента в пользу обоснованности цветового акцентирования информации на ИКС мы сошлемся на тезис о том, что все возможные значения цвета как знака группируются вокруг «определенного архетипического ядра». «При этом значения различных цветов не пересекаются. Последний вывод находит подтверждение и в ряде экспериментальных исследований. Эта же идея формулируется как “психологическая структура цвета” в цветовом тесте М. Люшера» [7. С. 37].

Акцентирование с помощью цвета может быть в двух формах: в акцентировании цветовым фоном листка – носителя информации и акцентировании цветом шрифта содержания листков. Акцентирование цветом непосредственно самого ИКС представляется неоднозначным, так как идеальная цветовая окраска, предполагающая высокий уровень концентрации внимания, – белый цвет.

Приемы акцентирования цветом предполагают в первую очередь понимание, что применительно к каждому основному цвету спектра действует правило предпочтительности его светлых оттенков.

Акцентирование цветовым фоном листка – носителя информации. Для достижения рассматриваемой задачи необходимо руководствоваться правилом, что при определении цветовой гаммы для конкретного ИКС целесообразно выбрать только одну из двух – желто-красную и сине-зеленую. Дело в том, что еще Дж. Столпером был выявлен физиологический эффект «удаления» движения «от наблюдателя», характерный для объектов синего цвета, и приближения движения «к наблюдателю», характерный для объектов красного

цвета [8]. Говоря другими словами, нельзя использовать на ИКС одновременно желто-красную и сине-зеленую гамму. Дело в том, что цвета желто-красной гаммы воспринимаются как выступающие (выгнутые), а цвета сине-зеленой гаммы – как уходящие вглубь (вогнутые). Чтобы при восприятии не произошло естественного предпочтения информации, потому что она содержится на предпочитаемой для наблюдателя форме подачи информации, необходимо использовать или одну гамму, или другую.

Делая предпочтения одной гаммы (желто-красной и сине-зеленой) перед другой, необходимо учитывать результаты экспериментов К. Джекобса и Дж. Суесса. Данные эксперименты показали, что уровень тревожности воспринимающего после экспозиции желтого и красного значимо превышал таковой же уровень тревожности при экспозиции зеленого и синего [9]. Другими словами, желто-красная гамма способствует возбуждению и усилению тревожности, сине-зеленая гамма способствует торможению и уменьшению тревожности.

Вероятно, целесообразно на первоначальном этапе как способ стимулирования мыслительной деятельности воспринимающих акцентировать ИКС цветом желто-красной гаммы, а на последующих этапах переформировать ИКС в сине-зеленую гамму.

Акцентирование цветом шрифта содержания листков с информацией. Данный способ целесообразен, если не только пространство ИКС, но и сам листок, на котором находится информация, имеет белый цвет.

Еще после экспериментов Р. Джерарда большая часть исследователей признала тезис о том, что «автономная нервная система и кора» были значительно менее возбуждены во время подверженности синим освещением, по сравнению с красным и белым, а также тезис о том, что синий цвет вызывает субъективное ощущение расслабленности, меньшую тревогу и враждебность по сравнению с красным [10].

В рамках рассматриваемого способа акцентирования цветом содержания ИКС можно сформулировать две организационно-тактические рекомендации:

- информация с высокой степенью надежности подается в синих тонах;
- информация, для которой актуальна необходимость детальной проработки или переосмысления, оформляется в красных тонах.

Достаточным тактическим потенциалом обладает рекомендация выделения особенных логических связей между информационными блоками посредством использования нитей, чей цвет варьируется от серого до черного. Данные связи могут характеризовать параметры временных связей, надежности источника, от которого получены эти данные, противоречивости данных основным версиям, степень завершенности поиска данных для формирования целостного информационного блока.

Правила работы с ИКС. Как и любая структура, ИКС предполагает соблюдения небольшого количества правил работы с ним.

– Во избежание недоразумений необходимо руководствоваться правилом, что изменения в ИКС вносятся одним человеком либо под его присмотром. Сказанное касается как внесения новой информации, так и удаления информации неактуальной.

– В целях избежания огласки материалов, имеющих у следствия, необходимо обеспечить ее малодоступность. Сказанное достигается посредством ограниченного допуска в помещение, где располагается ИКС, и сокрытостью содержания ИКС. Последнее реализуется посредством шторного механизма, скрывающего пространство ИКС в то время, когда с информацией не работают. Хотя теоретически в последнем случае вероятность интуитивного понимания содержания связей между информационными блоками несколько уменьшается.

– Коллективное обсуждение информации, имеющейся на ИКС, предполагает использование техники «мозгового штурма».

– Оптимизация возникновения ассоциативных связей может произойти при анализе содержания ИКС с разных точек в пространстве. В значительной степени это связано с таким свойством внимания, как устойчивость. Устойчивость внимания – это длительность, в течение которой сохраняется на одном уровне концентрация внимания. Внимание устойчиво там, где мы можем в имеющейся информации раскрыть новые аспекты или как минимум создать условия, в которых психика будет полагать, что такие условия сформированы (перемещение в пространстве наблюдателя).

– Рядом с ИКС необходимо расположить объекты, на которые будет переключаться внимание, но которые новой информацией дать не могут. Например, дополнительный малый ИКС с газетными вырезками, посвященными расследуемому событию или состоянию преступности в регионе. Переключаемость внимания (изменение направления сознания с одного предмета на другой) в рассматриваемом случае будет достаточно небольшой по степени проявления. Дополнительный стенд обеспечивает срабатывание так называемого неполного (незавершенного) внимания, тем самым поддерживая высокую концентрацию внимания, так как переключение последнего происходит в достаточно узком диапазоне (восприятие информации о преступлении, пусть и малозначимой для следствия).

– ИКС должен быть хорошо освещен, так как при несоблюдении этого правила наблюдается так называемый эффект Пуркине (явление изменения цветового восприятия человеком при понижении освещенности объектов), что в значительной степени нейтрализует эффективность тактических приемов, базирующихся на использовании механизмов восприятия цветового компонента.

– Чем меньшей надежностью обладает доказательство, обстоятельство, мнение и др., тем удаленнее оно должно быть от центральной части ИКС и от центра периферийных зон.

– Количество информационных массивов (отрабатываемых версий, вариаций обстоятельств, основных элементов криминалистической характеристики, т.е.

любой проверяемой информации), представленных на ИКС, не должно противоречить природе такого свойства внимания, как объем внимания. Объем внимания – это количество объектов, которые охватываются вниманием одновременно. Говоря об объеме внимания, необходимо ориентироваться на так называемый кошелек Миллера [11] – закономерность, согласно которой кратковременная человеческая память, как правило, способна эффективно оперировать количеством объектов в диапазоне 7 ± 2 . Вопреки мнению ряда современных исследователей, полагающих, что в области визуализации отсутствует фиксированный предел емкости в отношении общего количества элементов, хранящихся в оперативной памяти [12, 13], мы склонны ориентироваться на классическое прочтение механизма кратковременной памяти.

– Уже упомянутый закон Миллера распространяется и на количество демонстрируемых связей между отдельными блоками информации. Если количество этих связей превышает число семь, необходимо их структурировать на основные и производные, выделяя своеобразные подпункты и формируя ветвистую структуру (рис. 5).

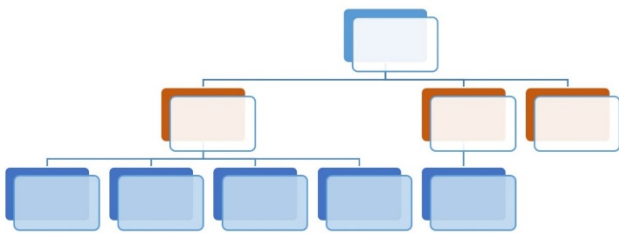

Рис. 5. Ветвистое структурирование

– Если возникает необходимость в дальнейшем структурировании, когда все или какой-либо из семи ранее выделенных подпунктов необходимо разделить на составные части (подподпункты), целесообразно прибегнуть к иному оформлению ветвистой структуры. Сказанное достигается не расположением на стенде объектов (листок, содержащих конкретный информационный массив данных), связанных нарисованными линиями или соединенных реальными нитями, а оформлением их в виде «гирлянды» листков, соединенных между собой скрепками. Сказанное целесообразно в силу того, что для достижения цели увеличения объема информации на ИКС нецелесообразно увеличение размера ИКС. Для этого необходимо нашивать листки друг на друга (увеличивая объем информации не напрямую, а введением уровней информации). Количество элементов на каждом уровне не должно быть больше семи. К тому же информационные блоки, организованные на разных уровнях, создают иллюзию объемного представления информации. Объемная организация ИКС способствует более эффективному восприятию информационных блоков, в частности акцентированию (концентрации) внимания воспринимающего. Отметим, что объемная форма организации информационных блоков имеет явное преимущество перед интерактивными ИКС.

– Помимо цветовой маркировки, группировка отдельных информационных блоков может происходить не только посредством расположения их в одной зоне или демонстрации связи между ними с помощью цветных нитей, но и (в случае избыточного количества этих связей, обозначенных нитями) посредством маркировки отдельных блоков какими-либо символами (оптимальнее геометрическими фигурами). Данные символы наносятся на листки с информационными блоками, связь между которыми мы хотим продемонстрировать.

– Информационные блоки в виде изображений воспринимаются эффективнее, чем блоки, содержащие неструктурированную информацию, в том числе информацию, структурированную в виде таблиц.

Проблемы использования ИКС. Одной из серьезных проблем организации информационных блоков на ИКС является дозирование познавательной нагрузки у воспринимающего. Теория когнитивной нагрузки была предложена в 1980-х гг. Д. Свеллером, который в познавательной нагрузке выделял внешнюю (фоновую), внутреннюю (объективную) и релевантную (перспективную). Для достижения эффективного усвоения материала целесообразно внешнюю познавательную нагрузку снизить, внутреннюю оптимизировать, релевантную увеличить [14]. В ситуации неизвестности человек склонен включать в анализируемое информационное пространство избыточное количество информации, увеличивая фоновую когнитивную нагрузку, тем самым усложняя и механизм формирования релевантной познавательной нагрузки (рис. 6). Именно в ограничении фоновой познавательной нагрузки мы видим одну из проблем организации ИКС.

Рис. 6. Пространственная неструктурированная информация способствует неадекватно большому объему внешней (фоновой) познавательной нагрузки

Немаловажной является проблема свободного пространства, приватного, где можно разместить ИКС.

Проблема особенно актуальна в контексте необходимости сохранения приватности в отношении информации, размещенной на ИКС.

К группе проблем использования в расследовании ИКС, без сомнения, можно отнести негибкость познавательных процессов у некоторых работников правоохранительных органов, консерватизм используемого ими инструментария. В отличие от стран англо-саксонской группы в отечественной криминалистике не выражена традиция системного анализа криминалистически значимой информации с помощью специальных алгоритмов с высоким уровнем конкретности или с использованием физического инструментария для этого. Когда мы говорили об отсутствии специальных алгоритмов, речь шла об алгоритмах с высокой степенью детализации, так как общих алгоритмов в отечественной криминалистике избыточно. Однако рассматриваемая проблема консервативности мышления корректируется достаточно эффективно повышением профессионального уровня на курсах повышения квалификации.

Самой серьезной нам видится проблема имиджа. Суть проблемы имиджа в том, что психологически неуверенные в себе лица стремятся отрицать актуальность игровых элементов, характеризующихся новизной [15. С. 96]. Конечно, можно говорить о том, что работники правоохранительных органов в большинстве случаев обладают высокоадаптивными способностями и не склонны к излишним сен-

тенциям и конформности в целом. Однако, напомним, именно такие, внешне маскулинные работники правоохранительных органов крайне озабочены восприятием окружающих своей фигуры. Специфический юмор, некоторая развязность, демонстративность и цинизм – это не показатель автономности личности, а свидетельство ее скрываемой закомплексованности. Именно эта закомплексованность и будет проявляться при необходимости генерирования оригинальных идей, формируя проблему имиджа. Именно эта закомплексованность радикально понижает эффективность использования ИКС в процессе «мозгового штурма».

К группе проблем, в основе которых лежат традиции, в том числе профессиональные, можно отнести недостаточные навыки коллективного труда у работников правоохранительных органов, что препятствует групповому взаимодействию с ИКС. Однако данная проблема не является системной, так как ИКС эффективен и для работы вне группы, хотя эффективность, вероятно, будет несколько ниже.

В завершение отметим, что несмотря на комплекс проблем, носящих достаточно широкий диапазон (от восприятия информации до эффективной коммуникации), при групповом взаимодействии информационный криминалистический стенд является высокоэффективным инструментом организации процесса расследования, и использование его является неотъемлемым атрибутом профессионализма работника правоохранительных органов.

Список источников

1. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск : Изд-во ТГУ, 2005. 210 с.
2. Ахмедшин Р.Л. Проблема тактико-криминалистической оптимизации расследования: человеческий фактор // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 70. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. С. 130–131
3. Нагдян Р.М. Принцип симметрии в психологии и образовании. Ереван : Издательский дом Лусабац, 2019. 268 с.
4. Артеменков С.Л., Шукова Г.В., Миронова К.В. Зрительное восприятие симметрии как фактор эстетического переживания // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11, № 1. С. 166–177.
5. Winkielman P., Halberstadt J., Fazendeiro T., Catty S. Prototypes are attractive because they are easy on the mind // Psychological Science. 2006. Vol. 17. P. 799–806.
6. Bertamini M., Makin A.D.J., Rampone G. Implicit association of symmetry with positive valence, high arousal and simplicity // i-Perception. 2013. Vol. 4. P. 317–327.
7. Психология воздействия цвета: краткий текст лекций : учеб. пособие / авт.-сост. С.Г. Литке. Челябинск : Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2022. 150 с.
8. Stolper J.H. Color induced psychological response // Man-Environment System. 1977. № 7 (2). P. 101–108.
9. Jacobs K.W., Suess J.F. Effects of four psychological primary colors on anxiety state // Perceptual and Motor Skills. 1975. № 41 (1). P. 207–210.
10. Gerard R.W. Concepts and principles of biology. Initial Working Paper // Behavioral Science. 1958. Vol. 3, Is. 2. P. 95–102.
11. Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information // The Psychological Review. 1956. Vol. 63. P. 81–97.
12. Brady T.F., Konkle T., Alvarez G.A. A review of visual memory capacity: Beyond individual items and toward structured representations // Journal of Vision. 2011. № 11 (5). P. 4.
13. Ma W.J., Husain M., Bays P.M. Changing concepts of working memory // Nature Neuroscience. 2014. № 17 (3). P. 347–356.
14. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Science. 1988. № 12 (2). P. 257–285.
15. Ахмедшин Р.Л. Тактика поисковых следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2016. 344 с.

References

1. Akhmedshin, R.L. (2005) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Forensic characteristics of the personality of a criminal]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Akhmedshin, R.L. (2016) Problema taktiko-kriminalisticheskoy optimizatsii rassledovaniya: chelovecheskiy faktor [The problem of tactical and forensic optimization of the investigation: the human factor]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Part 70. Tomsk: Tomsk State University. pp. 130–131
3. Nagdyan, R.M. (2019) *Printsip simmetrii v psikhologii i obrazovanii* [The principle of symmetry in psychology and education]. Yerevan: Izdatel'skiy dom Lusabats.
4. Artemenkov, S.L., Shukova, G.V. & Mironova, K.V. (2018) Zritel'noe vospriyatie simmetrii kak faktor esteticheskogo perezhivaniya [Visual perception of symmetry as a factor of aesthetic experience]. *Ekspperimental'naya psikhologiya*. 11 (1). pp. 166–177.
5. Winkielman, P. et al. (2006) Prototypes are attractive because they are easy on the mind. *Psychological Science*. 17. pp. 799–806.

6. Bertamini, M., Makin, A.D.J. & Rampone, G. (2013) Implicit association of symmetry with positive valence, high arousal and simplicity. *i-Perception*. 4. pp. 317–327.
7. Litke, S.G. (2022) *Psikhologiya vozdeystviya tsveta: kratkiy tekst lektsiy: ucheb. posobie* [Psychology of the effects of color: brief text of lectures: textbook]. Chelyabinsk: Izd-vo ZAO "Biblioteka A. Millera".
8. Stolper, J.H. (1977) Color induced psychological response. *Man-Environment System*. 7 (2). pp. 101–108.
9. Jacobs, K.W. & Suess, J.F. (1975) Effects of four psychological primary colors on anxiety state. *Perceptual and Motor Skills*. 41 (1). pp. 207–210.
10. Gerard, R.W. (1958) Concepts and principles of biology. Initial Working Paper. *Behavioral Science*. 3 (2). pp. 95–102.
11. Miller, G.A. (1956) The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information. *The Psychological Review*. 63. pp. 81–97.
12. Brady, T.F., Konkle, T. & Alvarez, G.A. (2011) A review of visual memory capacity: Beyond individual items and toward structured representations. *Journal of Vision*. 11 (5). pp. 4.
13. Ma, W.J., Husain, M. & Bays, P.M. (2014) Changing concepts of working memory. *Nature Neuroscience*. 17 (3). pp. 347–356.
14. Sweller, J. (1988) Cognitive load during problem solving: Effects on learning. *Cognitive Science*. 12 (2). pp. 257–285.
15. Akhmedshin, R.L. (2016) *Taktika poiskovykh sledstvennykh deystviy* [Tactic of search investigative actions]. Moscow: Yurlitinform.

Информация об авторе:

Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: raist@sibmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 06.05.2023;
approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/491/19

К вопросу о некоторых признаках понятия «заслуга» для реализации поощрительных норм в уголовном процессе

Мадина Таукеновна Аширбекова^{1, 2}, Нина Сергеевна Манова³, Дмитрий Сергеевич Устинов⁴

^{1, 3, 4} Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

² Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

^{1, 2} madina.55@mail.ru

³ n.manova@mail.ru

⁴ ustinov681@yahoo.com

Аннотация. На основе анализа высказанных в юридической науке суждений о понятии «заслуга» и его признаках, а также с использованием формально-юридического метода исследования действующих норм уголовно-процессуального закона выявлено, что достижение социально значимого результата как признак заслуженного поведения субъекта является обязательным и характеризует все формы реализации поощрительных норм в виде прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по основаниям ст. 25 и 28.1 УПК РФ.

Ключевые слова: поощрение, заслуга, прекращение уголовного дела, досудебное соглашение о сотрудничестве

Для цитирования: Аширбекова М.Т., Манова Н.С., Устинов Д.С. К вопросу о некоторых признаках понятия «заслуга» для реализации поощрительных норм в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 155–160. doi: 10.17223/15617793/491/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/19

On some features of the concept “merit” for the implementation of incentive norms in criminal procedure

Medina T. Ashirbekova^{1, 2}, Nina S. Manova³, Dmitry S. Ustinov⁴

^{1, 3, 4} Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

² Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

^{1, 2} madina.55@mail.ru

³ n.manova@mail.ru

⁴ ustinov681@yahoo.com

Abstract. At present, the problems of implementing the incentive norms of the criminal law are being updated, since in practice new forms of exemption from punishment are making their way, for example, in the form of the release of convicts from punishment in connection with their participation in the special military operation. The participation of such persons in the operation appears as a well-deserved behavior, for which the state “rewards” them with early release from punishment in the form of imprisonment. Such incentive legal relations are known in the criminal procedure in the form of termination of a criminal case (criminal prosecution) on non-rehabilitating grounds in the event that the accused (suspect) displays a positive post-criminal behavior. The problem posed in the article is related to the question of whether the criminal law and the criminal procedural law require that the positive post-criminal behavior of the accused (suspect) corresponds to such signs of the concept “merit” as the achievement of a socially significant result and “over-fulfillment” of certain obligations of the subject seeking encouragement. Based on the analysis of the judgments expressed in legal science about the concept of merit and its features, as well as using the formal legal method of studying the current norms of the criminal procedure law, the authors revealed that the achievement of a socially significant result as a sign of the subject’s deserved behavior is mandatory and characterizes a number of existing forms of implementation of incentive norms in the form of termination of a criminal case (criminal prosecution) on the grounds of Art. 25 and 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. At the same time, the authors substantiate the idea that such a sign of the concept “merit” as “over-fulfillment” reflects behavior that exceeds the usual requirements or the performance of what would not be required in the regular mode if the issue of rewarding the accused (suspect) was not resolved. It follows from the law that this feature is mandatory only for certain types of positive post-criminal behavior of the accused (suspect), namely for the provisions of Part 2 of Art. 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and for the norms of Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure

of the Russian Federation in terms of the nature of the obligations that a person who has concluded an agreement on pre-trial cooperation assumes.

Keywords: incentive, merit, termination of criminal case, pre-trial cooperation agreement

For citation: Ashirbekova, M.T., Manova, N.S. & Ustinov, D.S. (2023) On some features of the concept “merit” for the implementation of incentive norms in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 155–160. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/19

Порой те или иные события, происходящие в стране, заставляют задуматься о правовых проблемах с точки зрения потребности нормативного урегулирования новых видов общественных отношений, возникающих в связи с этими событиями. Так, в начале января 2022 г., судя по публикациям в средствах массовой информации, около двух десятков осужденных лиц были досрочно освобождены от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с их добровольным участием в специальной военной операции на Украине [1]. По сути, участие осужденных в боевых действиях по контракту в данном случае предстает как основание для досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы [2]. Очевидно, мероприятия, проведенные публичными органами по освобождению от наказания таковых лиц, имели некоторую нормативную основу. Однако понятно, что не на уровне закона. В публичном пространстве по этому поводу были заметны вопросы о законности подобного освобождения, поскольку по действующему уголовному закону освобождение от наказания возможно лишь в связи с помилованием, амнистией и судебным актом об условно-досрочном освобождении [3, 4]. Понятно, что действующий уголовный закон прямо не предусматривает досрочного освобождения от наказания осужденного лица в связи с его намерением принять участие в общественно и государственно значимых полезных действиях, которые совсем не связаны с возмещением ущерба, причиненного в свое время преступлением осужденного.

Однако законодательная основа для подобного освобождения стала готовиться, что выразилось в разработанном Советом Федерации законопроекте, о котором было объявлено осенью 2022 г. Сам проект полностью пока не обнародован, но со слов его разработчиков известно, что в нем предложено дополнить УК РФ новой ст. 82.2, допускающей отсрочку исполнения наказания в связи с направлением осужденных (но не по всем категориям дел) для участия в боевых действиях. Соответственно, по результатам выполнения боевых действий заслуги таких лиц должны быть оценены в соответствующем представлении прокурора суду, уполномоченному постановлять итоговое решение о досрочном освобождении от наказания [5].

Как видим, вполне возможно обновление уголовного закона, в котором пробивают себе дорогу поощрительные нормы в классическом виде их реализации по типу «заслуга – поощрение». Одновременно наблюдаются попытки укоренить поощрительные правоотношения и для уголовно-процессуального права. Подтверждением этому служит и законопроект № 329 181-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации», представленный 4 апреля 2023 г. в Государственную Думу РФ. В нем предлагается дополнить УПК РФ новой ст. 25.2 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с изменением обстановки» [6]. Суть проектируемой статьи заключается в установлении возможности прекращения уголовного преследования в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, если при этом будет установлено, что данными лицами принято решение о добровольном прохождении военной службы в воинских формированиях, что будет соответствовать политике государства в сфере уголовной юстиции в условиях проведения специальной военной операции. Решение лица о добровольном прохождении военной службы в указанных условиях предлагается оценивать как социально полезное действие, которое в юридической науке (в теории права, доктрине уголовного права) обозначают понятием «заслуга»: на нее государство отвечает желаемыми для лица преференциями. Пока неясно, будет ли этот законопроект одобрен, но во всяком случае попытку развивать идею поощрения именно в уголовно-процессуальном законодательстве не увидеть нельзя. На это обстоятельство стоит обратить внимание, поскольку известно, что так называемые поощрительные нормы для сферы уголовной юстиции содержатся именно в уголовном законе, предусматривая за определенные социально полезные действия со стороны привлекаемого к уголовной ответственности лица освобождение его от таковой либо снижение наказания для лиц, признанных виновными в тех или иных преступлениях. Потому таковые нормы изучаются и исследуются в науке уголовного права в горизонте разработки понятий «поощрение», «заслуженное поведение», поощрительных правоотношений, правового стимулирования. К примеру, А.П. Фильченко, отмечает, что поощрение – это форма прощения, реализуемого при наличии «...активного позитивного поведения преступника в направлении достижения целей уголовного наказания», «поощрение является категорией посткриминальной и от наказания производной...» [7. С. 77]. Иными словами, основанием для поощрения выступают действия лица, привлекаемого или уже привлеченного к уголовной ответственности, которые охватываются понятием «заслуга».

Надо отметить, что понятие «заслуга» в юридической науке получило достаточное освещение [8–10]. Так, А.В. Малько и Е.В. Типикина рассматривают «заслугу» как «добровольный, желательный, сознательно-волевой, добросовестный, социально-активный правомерный поступок, связанный со “сверхис-

полнением» субъектом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного полезного результата, превосходящего по своим масштабам результаты обычных действий, и выступающий основанием для применения поощрения» [10. С. 32–33].

Отметим, что тут заслуга трактуется не только как социально полезный поступок, связанный с превосходной степенью исполнения обязанностей субъекта, но и как деяние, которое позволило достичь полезного для общества, граждан и государства результата. При этом в любом случае понятие «заслуга» выступает как парная категория собственно «поощрению», некоему позитивному воздаянию лицу (наделение преференциями, привилегиями, наградами). Для начала обратим внимание, что авторы цитируемой статьи совершенно справедливо отмечают необходимость формирования «общеправовой теории заслуженного поведения как юридического основания для применения поощрения, которая послужит фундаментом и для отраслевых наук» [10. С. 38].

Надо заметить, что в науке уголовно-процессуального права (как отраслевой юриспруденции) тематика поощрения в парадигме «заслуга – поощрение» мало исследована, хотя вопросы прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в связи с позитивным посткриминальным поведением обвиняемого (подозреваемого), а также согласительные (упрощенные) процессуальные производства освещались. Иными словами, не было обращения к категориям «поощрение», «заслуга», к выявлению поощрительных уголовно-процессуальных правоотношений, их содержания и субъектного состава, которые, собственно, и определяют правовую природу вышеуказанных производств, их истоки. На этом фоне весьма своевременным и интересным выглядит исследование, проведенное Г.С. Русман по проблемам поощрительных форм уголовного судопроизводства. В частности, Г.С. Русман обосновано исходит из понимания того, что «заслуга» является ядром поощрительных уголовно-процессуальных отношений, дающим основу для генерации поощрительных форм уголовного судопроизводства в виде процедур освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям в связи с посткриминальным позитивным поведением обвиняемого (подозреваемого), а также упрощенных порядков досудебного производства и судебного разбирательства [11. С. 97–106]. При этом, как видится из рассуждений Г.С. Русман, все действия обвиняемого (подозреваемого), значимые для освобождения от уголовной ответственности по ряду нереабилитирующих оснований, понимаются как заслуженное поведение, или заслуга.

Возвратимся к признакам понятия «заслуга», выделенных А.В. Малько и Е.В. Типикиной [10. С. 32–33], но при этом сфокусируемся на двух из их числа: достижение социально значимого результата и «сверхисполнение» тех или иных обязательств субъекта, притязającego на поощрение.

Очевидно, что достижение социально значимого результата – постоянный и обязательный признак, обнаруживающий сам смысл заслуженного поведения:

оно таковым является, поскольку дает позитивный эффект в виде обретения пользы для общества, граждан и государства.

Однако, на наш взгляд, не все однозначно с таким признаком понятия «заслуга», как «сверхисполнение» («сверхправомерность», поведение, превосходящее обычные требования, исполнение того, что не требовалось бы в штатном режиме, если бы не решался вопрос о поощрении). Но все ли действия обвиняемого (подозреваемого) в рамках поощрительных (согласительных или упрощенных) процессуальных производств характеризуются признаком «сверхисполнения»?

Если говорить об имевших место случаях освобождения осужденных в связи с их участием в СВО, то можно согласиться, что данный признак проявлен: в самом деле, участие в боевых действиях не исключает ранения и гибели таких лиц, а потому высокая степень опасности напрямую обуславливает «сверхисполнение». Если же исходить из положений, которые действующий закон предусматривает (например, основания ст. 25, ст. 25.1 УПК РФ), то получается, что следует оценивать как заслугу позитивное посткриминальное поведение обвиняемого (подозреваемого), проявляемое им в собственных интересах с целью освобождения от уголовной ответственности по названным основаниям. Но это – действия, к исполнению которых эти субъекты в любом случае могли бы быть принуждены приговором суда, если бы не заявили ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). В этом смысле рассматривать такое поведение как заслуженное поведение вряд ли оправдано, поскольку такие действия не характеризуются «сверхисполнением». Да, это – позитивное поведение. С одной стороны, оно направлено на восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего, а с другой – разгружает органы предварительного расследования и суд от необходимости по всей процессуальной форме устанавливать обстоятельства преступления и разрешать уголовное дело по существу. Отсюда следует, что заслуга состоит не столько в том, что обвиняемый (подозреваемый) возместил или загладил вред потерпевшему, сколько в том, что он в принципе пошел на это и тем самым оказал услугу публичным субъектам, ведущим уголовный процесс. Понятно, что в противном случае была бы необходимость полномасштабно проводить расследование, выполнять все необходимые процессуальные действия, составлять обвинительное заключение или обвинительный акт, проводить судебное разбирательство с вызовом свидетелей и т.п.

Но нельзя не признать, что при прекращении по основаниям ст. 25, 25.1 УПК РФ допускаются элементы «сверхисполнения», например, «оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства» [12]. «Сверхисполнение» как признак заслуженного поведения, думается, проявляется тогда, когда обвиняемый (подозреваемый) не был обязан выполнять и не мог быть принужден к исполнению

тех или иных действий даже если был бы привлечен к уголовной ответственности за вмененное ему преступление. Например, при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ). Так, деятельное раскаяние, чтобы восприниматься как заслуженное поведение, должно проявляться не только в виде возмещения ущерба, причиненного потерпевшему (к этому подсудимый мог быть принужден приговором, разрешающим в том числе и гражданский иск), но и в виде реального способствования раскрытию и расследованию преступления, совершенного с его участием. В такой ситуации заслуга видится в том, что публичные субъекты, ведущие уголовный процесс, снижают ресурсные затраты на производство по уголовному делу. В данном случае можно согласиться с Г.С. Русман, обосновывающей, что заслуженное поведение обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) всегда избавляет органы расследования и суд от затрат и обременений на доказывание, в целом на производство по уголовному делу, что показывает взаимовыгодность реализации поощрительных норм в уголовном судопроизводстве [11. С. 61–62].

Иными словами, «сверхисполнение» усиливает заслуженность поведения обвиняемого (подозреваемого), поскольку такое его поведение в обычном режиме привлечения к уголовной ответственности (без притязаний на преференции) от него не ожидалось и не требовалось. Примером ситуации с возможностью проявить заслугу с признаком «сверхисполнения» могут служить положения ч. 2 ст. 28.1 УПК РФ во взаимосвязи с положениями ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Так, применительно к ряду указанных в них «беловоротничковых» преступлений (хозяйственно-экономических) закон допускает прекращение уголовного дела (уголовного преследования), если лицо не только возместило ущерб, причиненный преступлением потерпевшим, но и «перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба». Примечательно, что круг составов таких преступлений в приведенных нормах закона поступательно расширяется, что может служить показателем тенденции увеличения поощрительных правоприменительных технологий.

Думается, что о заслуге со «сверхисполнением» можно говорить и применительно к предмету досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке норм гл. 40.1 УПК РФ. Собственно, «сверхисполнение» по предмету такого соглашения выражается не в том, что обвиняемый выкажет содействие в доказывании своего участия в преступлении (строго говоря, оно по положению ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ не должно охватываться предметом соглашения), а обязуется совершить действия по изобличению соучастников, совершивших с ним вменное ему преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления и, что важно для фиксации признака «сверхисполнение», дать сведения об иных лицах, совершивших иные преступления, в которых он не принимал участия. Последнее – указание на содействие в изобличении иных лиц (не соучастников) – вытекает из смысла ч. 2.1

ст. 317.3 УПК РФ, регламентирующей порядок разъяснения прокурором обвиняемому (подозреваемому) последствий невыполнения соглашения.

В данном контексте «сверхисполнение» как признак заслуженного поведения обвиняемого (подозреваемого) просматривается в возможных рисках для данного субъекта, поскольку ему можно ожидать расправы и со стороны соучастников, и со стороны иных лиц, о преступной деятельности которых обвиняемый (подозреваемый) сообщил правоохранительным органам. Возникновение такой угрозы закон не исключает (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ). Потому то и прокурор в своем представлении суду, характеризуя, по сути, заслугу обвиняемого, должен указать на «степень угрозы личной безопасности, которой подвергались обвиняемый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица» (п. 4 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ).

Однако, как думается, в данном контексте «сверхисполнение» в любом случае должно быть увязано с результатом – достижением искомого результата: сведения помогли раскрыть и расследовать преступление, изобличить других соучастников преступления и иных лиц, совершивших иные преступления, разыскать имущество, добытое в результате преступления. Но если этого достичь не удалось, то при формально выказанном содействии последнее, по существу, окажется безрезультатным с точки зрения обеспечения публичного интереса [13. С. 89].

Иными словами, достижение социально значимого результата – постоянный и обязательный признак заслуги, оттеняющий признак «сверхисполнения», который, как видится, является обязательным лишь для отдельных форм поощрения, а именно для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по основаниям ч. 2 ст. 28.1 УПК РФ и для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке норм гл. 40.1 УПК РФ. Но между этими формами поощрительного производства есть разница в зримости достижения социально значимого результата. Так, при реализации положений ч. 2 ст. 28.1 УПК РФ такой результат очевиден и бесспорен в силу того, что перечисление двукратного размера суммы ущерба в федеральный бюджет объективируется платежными документами, отражающими движение денежных средств. А вот в случае с заключением досудебного соглашения по итогу могут быть три ситуации, когда действия обвиняемого по исполнению взятых обязательств: 1) признаются приведшими к реальному раскрытию преступлений; 2) не привели объективно к реальному раскрытию преступлений; 3) не признаны прокурором как достигшие цели соглашения, хотя обвиняемый полагает, что его содействие было результативным.

В целом с позиции двух рассмотренных признаков понятия «заслуга» (достижение социально значимого результата и «сверхисполнение») можно определить, является ли тот или иной порядок освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию проявлением действия поощрительных норм уголовного закона.

К примеру, Г.С. Русман считает, что при истечении сроков давности несовершение лицом новых преступлений, а также то, что он не скрывался от уголовного преследования, должно быть оценено как позитивное поведение, иначе говоря, как заслуга [11. С. 61]. Такой подход размывает значимость заслуги как социально-полезного действия, требующего неких сверхусилий. А что лицо не совершало преступлений и не скрывалось от розыска, еще не говорит о достижении полезного результата: это по определению должно поведение лица, равно такое же, которое обнаруживают все граждане, не совершая преступлений. И конечно же, тут нет признаков «сверхисполнения». Освобождение от уголовной ответственности по истечении срока давности – не

поощрение, а прощение, ровно такое же, как при амнистии или помиловании.

Подводя итог вышеизложенному, полагаем, что уяснение признаков понятия «заслуга» в контексте сложившихся поощрительных форм уголовного судопроизводства в виде прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям в связи с позитивным посткриминальным поведением обвиняемого (подозреваемого), а также соглашительных (упрощенных) порядков досудебного производства и судебного разбирательства позволяет определить, в каких случаях мы действительно имеем дело с поощрительными правоотношениями по классическому типу «заслуга – поощрение», а в каких – нет.

Список источников

1. Пригожин сообщил о помиловании первой группы воевавших бывших заключенных // РБК. 05.01.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2023/63b6692b9a79470c97936891>
2. Первые экс-заключенные завершили контракт и покидают зону спецоперации // РИА Новости. 05.01.2023. URL: <https://ria.ru/20230105/vagner-1843111082.html>
3. СПЧ объяснил помилование уголовников – участников СВО // ПРАВО.RU. 09.01.2023. URL: <https://pravo.ru/news/244743/>
4. В СПЧ попросили генпрокурора объяснить вербовку заключенных на Украину // РБК. 18.09.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2022/632716ad9a7947fb7d180499>
5. Совфед предложил отправлять на спецоперацию осужденных // ПРАВО.RU. 13.10.2022. URL: <https://pravo.ru/news/243373/>
6. Законопроект № 329 181-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/329181-8>
7. Фильченко А.П. К вопросу о соотношении прощения и поощрения в нормах уголовного права // Человек: преступление и наказание. 2009. № 2 (65). С. 75–77.
8. Волкова В.В. Заслуга как основание для правового поощрения государственных служащих // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 4. С. 50–55.
9. Титова Е.А. «Сверхправомерность» как критерий юридической оценки фактического основания поощрения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1 (40). С. 105–115.
10. Малько А.В., Типикина Е.В. Заслуженное поведение как основание для правового поощрения: необходимость формирования теории // Государство и право. 2019. № 11. С. 32–42.
11. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. 555 с.
12. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Российская газета. 2013. 4 июля; 2016. 7 декабря.
13. Аширбекова М.Т. О предмете досудебного соглашения о сотрудничестве и гармонизации публичного и частного интересов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 87–91.

References

1. RBK. (2013) *Prigozhin soobshchil o pomilovanii pervoy gruppy vovavshikh byvshikh zaklyuchennykh* [Prigozhin announced the pardon of the first group of former prisoners who fought]. 05 January 2023. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2023/63b6692b9a79470c97936891>
2. RIA Novosti. (2023) *Pervye eks-zaklyuchennye zavershili kontrakt i pokidayut zonu spetsoperatsii* [The first ex-prisoners completed their contract and are leaving the special operation zone]. 05 January 2023. [Online] Available from: <https://ria.ru/20230105/vagner-1843111082.html>
3. PRAVO.RU. (2023) *SPCh ob "yasnil pomilovanie ugolovnikov – uchastnikov SVO* [The HRC explained the pardon of criminals - participants of the special military operation]. 09 January 2023. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/244743/>
4. RBK. (2022) *V SPCh poprosili genprokurora ob "yasnit" verbovku zaklyuchennykh na Ukrainu* [The HRC asked the Prosecutor General to explain the recruitment of prisoners to Ukraine]. 18 September 2022. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2022/632716ad9a7947fb7d180499>
5. PRAVO.RU. (2022) *Sovfed predlozhit otpravlyat' na spetsoperatsiyu osuzhdennykh* [The Federation Council proposed sending convicts to the special operation]. 13 October 2022. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/243373/>
6. System for ensuring the legislative activity of the State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *Zakonoproekt № 329 181-8 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii"* [Bill No. 329 181-8 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/329181-8>
7. Fil'chenko, A.P. (2009) *K voprosu o sootnoshenii proshcheniya i pooshchreniya v normakh ugolovnogo prava* [On the relationship between forgiveness and encouragement in the norms of criminal law]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2 (65). pp. 75–77.
8. Volkova, V.V. (2012) *Zasluga kak osnovanie dlya pravovogo pooshchreniya gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Merit as a basis for legal incentives for civil servants]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 4. pp. 50–55.
9. Titova, E.A. (2020) *"Sverkhpravomernost'" kak kriteriy yuridicheskoy otsenki fakticheskogo osnovaniya pooshchreniya* ["Superlegality" as a criterion for legal evaluation of the actual basis for incentives]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 1 (40). pp. 105–115.
10. Mal'ko, A.V. & Tipikina, E.V. (2019) *Zasluzhennoe povedenie kak osnovanie dlya pravovogo pooshchreniya: neobkhodimost' formirovaniya teorii* [Good behavior as a basis for legal encouragement: the need to formulate a theory]. *Gosudarstvo i pravo*. 11. pp. 32–42.
11. Rusman, G.S. (2023) *Pooshchritel'nye formy ugolovnogo sudoproizvodstva* [Incentive forms of criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Chelyabinsk.
12. *Rossiyskaya gazeta*. (2016) *O primenении судами zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poriyadok osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016)* [On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2013, No. 19 (as amended on November 29, 2016)]. 4 July. 7 December.

13. Ashirbekova, M.T. (2014) O predmete dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve i garmonizatsii publichnogo i chastnogo interesov [On the subject of a pre-trial agreement on cooperation and harmonization of public and private interests]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 4 (31). pp. 87–91.

Информация об авторах:

Аширбекова М.Т. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия); профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России (Волгоград, Россия). E-mail: madina.55@mail.ru

Манова Н.С. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: n.manova@mail.ru

Устинов Д.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: ustinov681@yahoo.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.T. Ashirbekova, Dr. Sci. (Law), professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation); professor, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Volgograd, Russian Federation). E-mail: madina.55@mail.ru

N.S. Manova, Dr. Sci. (Law), professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: n.manova@mail.ru

D.S. Ustinov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: ustinov681@yahoo.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.05.2023;
одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 26.05.2023;
approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.17223/15617793/491/20

Сравнительно-правовое исследование судов с участием представителей народа в уголовном процессе России и Республики Казахстан

Роза Муслимовна Жамиева¹, Татьяна Кимовна Рябинина²,
Дарья Олеговна Чистилина³, Анна Сергеевна Воротникова⁴

¹ Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

^{2, 3, 4} Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

¹ roza_mus@mail.ru

² tatyana.kimovna-r@yandex.ru

³ darya-chistilina@yandex.ru

⁴ seamni46@mail.ru

Аннотация. Проведено сравнительно-правовое исследование порядка функционирования судов с участием народного элемента в России и Республике Казахстан. Последовательное развитие подобных правовых институтов привело к различным подходам к пониманию их сущности. Отмечается, что при всем различии оба производства имеют ряд общих черт, которые позволяют осуществить обмен опытом между данными странами с последующей имплементацией положительных черт в уголовно-процессуальное законодательство в этой сфере.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, суд шэффенов, председательствующий, подсудность, состязательность

Для цитирования: Жамиева Р.М., Рябинина Т.К., Чистилина Д.О., Воротникова А.С. Сравнительно-правовое исследование судов с участием представителей народа в уголовном процессе России и Республики Казахстан // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 161–170. doi: 10.17223/15617793/491/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/20

A comparative legal study of courts with the participation of representatives of the people in the criminal procedure of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

Roza M. Zhamiyeva¹, Tatyana K. Ryabinina², Daria O. Chistilina³, Anna S. Vorotnikova⁴

¹ Karaganda Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

^{2, 3, 4} Southwest State University, Kursk, Russian Federation

¹ roza_mus@mail.ru

² tatyana.kimovna-r@yandex.ru

³ darya-chistilina@yandex.ru

⁴ seamni46@mail.ru

Abstract. The article aims to compare the procedure of proceedings in courts with the participation of the people in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Based on the identified common and different features, the possibility of mutual implementation of the positive experience of the functioning of such institutions in the two countries is considered. The main methods the authors used were dialectical, historical, and systematic ones, analysis, synthesis, as well as the special legal methods of cognition. The result of the study is the systematization of existing law enforcement and legislative problems of the functioning of these legal institutions in Russia and Kazakhstan, as well as the search for ways to solve them through the exchange of practical experience. In the global legal space at the moment both the classical model of the jury trial and the lay judge trial exist. Moreover, each country has chosen for itself the model of the administration of justice by the court with the participation of the people, which most closely corresponds to the social, political, legal, moral and economic conditions within the state. It is important to describe in detail the procedure of such proceedings in order to clearly understand its structural features and avoid excessive discretion on the part of the law enforcement officer. It is indisputable that such a legal institution is based not only on legal, but also on moral foundations that ensure the effectiveness of its functioning. Russia uses a classical model of a jury trial, involving a separate meeting of two boards. The disadvantages of this model are the high risk that the conclusions of non-professional judges will be made under the influence of exclusively momentary emotions, so the whole procedure is aimed at objectifying the trial. Kazakhstan uses a model closer to the lay judge trial. Its main disadvantage is the inability to assess and control the degree of influence of a professional judge on citizens who are members of the

board. In this regard, it is worth providing more opportunities for jurors to act independently. Both models, in addition to disadvantages, contain positive features that cannot be denied. Moreover, the existence of courts with the participation of the people contributes to increasing the level of confidence in justice, as well as forming a rule of law state and civil society. In this regard, leveling the existing shortcomings and strengthening the positive elements of the functioning of these courts are possible through the exchange of experience and the adjustment of the current criminal procedure legislation in this area.

Keywords: court with participation of jurors, lay judge court, presiding judge, jurisdiction, adversarial principle

For citation: Zhamiyeva, R.M., Ryabinina, T.K., Chistilina, D.O. & Vorotnikova, A.S. (2023) A comparative legal study of courts with the participation of representatives of the people in the criminal procedure of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 161–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/20

Суды с участием народного элемента существуют в законодательстве многих стран, причем некоторые из них функционируют на протяжении нескольких веков. Таковыми, например, являются суды присяжных в Англии и США.

Однако менталитет граждан в странах, сложившаяся социальная, экономическая и политическая обстановка диктовали различные условия организации таких судов. В процессе трансформации классический суд присяжных, предполагающий раздельное решение вопросов факта и права двумя отдельными коллегиями (профессиональной и непрофессиональной), превратился в суд шеффенов, где все вопросы решаются объединенной коллегией профессиональных и непрофессиональных судей. Каждая подобная форма организации судебного разбирательства с участием народного элемента имеет свои достоинства и недостатки. Нередко складывались ситуации, когда в рамках истории развития такого суда в стране происходил постепенный переход от одной формы к другой (Франция, Германия и т.д.). Некоторые страны вовсе отказались от формы судопроизводства с участием народа, считая ее затратной и неэффективной (Нидерланды, Республика Беларусь и др.).

Не вдаваясь в полемику по поводу эффективности каждой из форм производства в судах с участием народного элемента, считаем необходимым проанализировать существенные отличия классического суда присяжных и суда шеффенов на примерах стран со схожей правовой системой – Казахстана и России.

В истории российского уголовного процесса суд с участием народных представителей сформировался относительно недавно. Безусловно, ранние правовые источники предусматривали возможность разрешения уголовно-правового конфликта с привлечением народа. Так, согласно положениям Русской Правды, решение вопроса о виновности лица принимали двенадцать мужей, которые рассматривали фактическую сторону дела. Аналогичный порядок упоминался и в договоре Смоленска с немецкими городами (1229 г.), и в Псковской судной грамоте (1467 г.). В Новгородской судной грамоте 1471 г. также имеется упоминание о некоем «суде одрин», в состав которого входили по одному боярину и свободному человеку от каждого города, а также по одному приставу с каждой стороны (обвиняемого и потерпевшего) [1. С. 34–37]. В Судебнике 1497 г. был предусмотрен суд областных кормленщиков (наместников и волостелей). В его состав включались земские выборные: сотские, старосты,

«добрые» и «случные» люди. Их основной задачей было разъяснение местных обычаев. Согласно Судебнику 1550 г., данный суд не претерпел особых изменений, за исключением того, что теперь главной целью данного суда было осуществления контроля со стороны населения за деятельностью властных структур [2].

В России суд присяжных был введен лишь благодаря Судебной реформе 1864 г. В основу функционирования российского суда присяжных были заложены положения, регламентирующие деятельность английского суда присяжных. Коллегия присяжных заседателей была правомочна решать вопрос о фактической стороне дела и виновности, а также о том, заслуживает ли обвиняемый снисхождения. Присяжные на протяжении всего судебного следствия располагались отдельно от председателя и двух его заместителей.

Процесс с участием присяжных назывался сессией, которая каждый раз открывалась публичным заседанием, в рамках которого оглашался список подлежащих слушанию дел, проверялось, кто из присяжных явился в заседание, присяжным разъяснялись их права, обязанности и ответственность [3. С. 46–49].

Судопроизводство с участием представителей народа предусматривало такой этап, как отбор присяжных заседателей. Стороны получали списки заседателей и могли отвести до шести заседателей. Из неотведенных присяжных по жребию председательствующий избирал двенадцать комплектных и двоих запасных присяжных заседателей [4. С. 74–77].

Судебное следствие начиналось с оглашения секретарем суда обвинительного акта, после чего председательствующий излагал существо обвинения и выяснял у подсудимого, признает ли он себя виновным. Порядок исследования доказательств четко регламентирован не был. Присяжные имели достаточно обширные права по исследованию доказательств. Так, они беспрепятственно могли получить информацию, характеризующую личность подсудимого, могли осматривать вещественные доказательства и задавать вопросы допрашиваемым лицам через председательствующего [5. С. 90–94].

После окончания судебного следствия начинался этап постановки вопросов присяжным заседателям, в котором последние не принимали участия, но могли ходатайствовать об изменении или дополнении представленных им вопросов, не мотивируя свою просьбу. Отметим, что в 1886 г. у присяжных заседателей появилось право вносить в вопросный лист коррективы уже в процессе совещания, ходатайствуя перед судом

о новом исправлении или дополнении уже сформулированного и врученного им вопросного листа. Измененные таким образом вопросы излагались на особом листе [6. С. 570–573]. Судья в письменном виде составлял вопросы, а затем прочитывал их вслух. Вопросы должны были устанавливать личность подсудимого и конкретный состав преступления, в совершении которого он обвинялся [7. С. 457–458]. Согласно ст. 760 УУС недопустимо было при формулировании вопросов оперировать сложной юридической терминологией, так как предполагалось, что вопросы должны были быть понятны присяжным, имеющим различный уровень образования. Стороны также участвовали в данном процессе. Они могли подать замечания на содержание вопросов, которые суд корректировал, если признавал аргументы сторон состоятельными, о чем выносил отдельное постановление [8. С. 93–95].

Вручая вопросный лист старшине присяжных, председательствующий был обязан произнести напутственную речь (ст. 801–804 УУС), в которой старался изложить наиболее важные аспекты для последующего обсуждения присяжными в совещательной комнате [9. С. 150–163].

После вынесения вердикта присяжными председательствующий зачитывал ответы вслух. В случае наличия противоречий он мог попросить присяжных вернуться в совещательную комнату для их устранения.

Оправдательный вердикт присяжных был обязательен для суда, который в этом случае постановлял оправдательный приговор. В случае вынесения обвинительного вердикта присяжные заседатели могли признать лицо заслуживающим снисхождения, тогда следующее ему по закону наказание должно было быть уменьшено не менее чем на одну степень. Однако обвинительный вердикт в отдельных случаях не влек постановления обвинительного приговора. Если суд приходил к убеждению, что вердикт присяжных не основан на материалах уголовного дела и присяжные осудили невиновного, то суд передавал дело на рассмотрение нового суда присяжных, решение которого было окончательным (ст. 818 УУС) [10].

Под воздействием совокупности юридических, ментальных и политических причин с 1878 по 1889 г. было принято более десяти временных и постоянных законов, значительно изменивших законодательство о присяжных заседателях (введение ценза грамотности, ограничение подсудности и т.д.). Фактически был создан новый суд присяжных, существенным образом отличавшийся от подобного института образца 1864 г. [11. С. 165–170].

Однако после прихода советской власти Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. [12] суды с участием присяжных заседателей были упразднены вместе со всей судебной системой, сложившейся до революции. Вместо суда присяжных был создан суд народных заседателей, в состав которого входили один народный судья, а также два или шесть очередных судей – народных заседателей.

Долгое время о суде присяжных не вспоминали. Лишь в ноябре 1989 г. были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве [13], где в ст. 11 говорилось о возможности решения виновности подсудимого в преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше 10 лет, судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей). Более того, Законом СССР от 10 апреля 1990 г. № 1423-1 были внесены изменения в данный нормативный правовой акт, согласно которым законодательством союзных республик могут быть установлены и иные категории дел, подсудных суду присяжных (расширенной коллегии народных заседателей) [14]. Однако отсутствовал механизм проведения подобных судебных разбирательств, поэтому данные положения оставались лишь на декларативном уровне.

Конституционное право на суд присяжных гражданам России получили лишь 1 ноября 1991 г. – с момента внесения изменений в часть 1 ст. 166 Конституции РСФСР 1978 г. [15] При этом только 16 июля 1993 г. был принят Закон РФ № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» [16], обеспечивший возможность рассмотрения дел судом присяжных. В результате УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. [17] был дополнен разделом X «Производство в суде присяжных» [18. С. 50].

Ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) вступил в силу с 1 июля 2002 г. В главе 42 установлен порядок производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей [19]. С тех пор он неоднократно подвергался реформированию. В 2016 г. был принят Федеральный закон [20], благодаря которому модернизированы некоторые положения, касающиеся функционирования этого правового института, в том числе его подсудность распространена на районные суды, уменьшено число присяжных заседателей в коллегии до 6 человек в районных судах и до 8 человек в судах субъектов РФ, что призвано способствовать укреплению демократических основ уголовного судопроизводства, повышению открытости правосудия и доверия общества к суду [21. С. 41–42].

Современный суд с участием присяжных заседателей представляет собой усложненную форму уголовного судопроизводства, имеющую несколько дополнительных этапов. Так, данное судопроизводство обязательно включает предварительное слушание, формирование коллегии присяжных заседателей, судебное следствие, прения сторон относительно фактических обстоятельств уголовного дела, постановку вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, напутственное слово председательствующего, совещание присяжных заседателей, вынесение и провозглашение вердикта, обсуждение последствий вердикта. В случае вынесения обвинительного вердикта

некоторые этапы проходят повторно (судебное следствие, прения сторон) для решения теперь уже правовых вопросов виновности и наказания лица.

Каждый из этапов отличается особенностями производства и требует обязательного соблюдения порядка его проведения. В противном случае судебное разбирательство будет признано незаконным и приговор, постановленный таким судом, подлежит отмене. Поэтому в суде с участием присяжных заседателей велика роль председательствующего, который обладает организационными полномочиями и должен вовремя пресекать попытки сторон нарушить процессуальный порядок и довести до сведения присяжных заседателей информацию, которую они не могут исследовать (характеристика личности подсудимого, если она не имеет непосредственного отношения к делу; вопросы недопустимости доказательств и т.д.) [22. С. 64–70].

Отметим, что присяжные заседатели совещаются отдельно от профессионального судьи, поэтому он не должен пытаться влиять на коллегию на протяжении всего судебного разбирательства, в то же время обязан разъяснить все необходимые организационные аспекты, чтобы коллегия смогла вынести действительно справедливое решение.

Судопроизводство с участием представителей народа в Казахстане ведется несколько иначе, несмотря на наличие общих исторических истоков данного правового института. Казахское обычное право – адат – устно передавалось из поколения в поколение. Нормы обычного права в первую очередь были приспособлены для защиты собственности, охраны привилегий казахской знати. После присоединения Казахстана к Российской империи на его территории судопроизводство осуществлялось по законам царской России. Подобием суда присяжных был суд биев, который рассматривал споры и преступления в рамках подвластных им родов и племен. Многие исследователи отмечают, что зачастую суд биев превышал свою компетенцию, продолжая рассматривать крупные уголовные дела, которые давно были изъяты из его ведения и переданы в общеимперский суд. После повсеместного введения судов присяжных в 1864 г. в Российской империи, одним из препятствий их полноценного функционирования на степных территориях была низкая плотность населения и территориальная разобщенность. Однако вопрос введения суда присяжных находился на государственном контроле, поэтому местные власти не оставляли попыток сформировать данный правовой институт. Для присяжных заседателей в степных областях даже был несколько занижен имущественный и образовательный ценз. Это объясняется тем, что в казахстанском регионе круг лиц, могущих отвечать требованиям, принятым в метрополии, был значительно уже. В итоге суд присяжных заседателей был введен в трех степных областях Казахстана, однако последующему его развитию помешала Первая мировая война [23. С. 51–60].

В советский период активно развивались суды с участием народных заседателей на всей территории

союзных республик. Различное отношение к суду присяжных у Казахстана и России начало формироваться после распада СССР.

В конце 1990-х гг. в Казахстане среди представителей общественности, ученых и практиков в сфере уголовного процесса развернулась широкая дискуссия о формах привлечения граждан к отправлению правосудия по уголовным делам.

Законом от 1998 г. были внесены изменения в Конституцию Республики Казахстан, которыми п. 2 ст. 75 был дополнен предложением: «В случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей» [24]. Однако факт принятия закона не привел к стремительному внедрению института присяжных заседателей в Казахстане. Спустя три года, в 2001 г., была поставлена задача введения в Казахстане суда присяжных, что будет способствовать повышению эффективности судебной системы. Изначально предполагалось, что такой суд будет рассматривать лишь уголовные дела о тяжких преступлениях, наказание за которые предусмотрено в виде смертной казни [25. С. 1]. Уже в 2002 г. в Концепции правовой политики Республики Казахстан была предусмотрена возможность осуществления уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей, т.е. идея получает закрепление на законодательном уровне.

Причиной столь длительного пути к формированию механизма реализации конституционной нормы стало то, что государство не определилось с моделью института судопроизводства с участием присяжных заседателей. Если общественность ожидала внедрения полноценного классического суда присяжных заседателей, по типу российского или англосаксонского, то государство приняло иное решение, которое было облечено в соответствующие разъяснения Конституционного совета республики.

По мнению Б.Х. Толеубековой, восприятие института присяжных заседателей требует отдельной проработки и сущностного осмысления некоторых процессуальных и организационных аспектов: статус присяжного заседателя; подсудность дел суду присяжных заседателей; процессуальный порядок и основания принятия решения о рассмотрении дела судом присяжных заседателей; судебное рассмотрение дела с участием присяжных заседателей; вынесение вердикта присяжных заседателей; решения, принимаемые судом после вынесения вердикта; постановление приговора [26].

Некоторые авторы единую коллегию, рассматривающую уголовные дела, совершенно справедливо не считали судом присяжных, как утверждал известный российский ученый И.Л. Петрухин, «...смешанные формы с большой натяжкой можно назвать судом присяжных» [27. С. 5].

Нами было отмечено, что государство, затягивая процесс внедрения института присяжных заседателей, склонялось к французской модели судопроизводства с участием непрофессиональных судей. Также высказаны были опасения, не станет ли данный институт

худшей копией участия народных заседателей, которые в недавнем прошлом, как правило, оказывались под влиянием судей [28. С. 494–496].

Вот как выглядели дискуссии перед введением института присяжных заседателей. Практикующие судьи предлагали подобие континентальной модели с единой коллегией профессиональных судей с непрофессиональными и обосновывали данный тезис следующими аргументами: «На современном этапе развития общества, когда еще не развиты демократические институты, наблюдается невысокий уровень правовой культуры, политической активности и социальной обеспеченности, для казахстанского судопроизводства более приемлема континентальная модель суда присяжных...» [29]. Судейский корпус придерживался паритетного соотношения внутри судебной коллегии, спор ведется лишь о количественном соотношении профессиональных и непрофессиональных судей – от четырех присяжных заседателей и трех профессиональных судей до состава судебной коллегии количеством 9–12 человек [30. С. 60]. Некоторые ученые считали, что «для нашего общества более подходит участие присяжных заседателей в рассмотрении дела в составе с тремя профессиональными судьями. В количественном плане было бы достаточно участие двух присяжных заседателей» [31. С. 38].

После вступления в силу законов Республики Казахстан от 16 января 2006 г. № 121 «О присяжных заседателях» и от 16 января 2006 г. № 122 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам введения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей» суд присяжных в Казахстане окончательно сформировался. 18 апреля 2007 г. было принято Нормативное постановление Конституционного совета Республики Казахстан № 4 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 12, пунктов 2 и 8 статьи 62, пункта 1 статьи 76, подпунктов 3) и 5) пункта 3 статьи 77 Конституции Республики Казахстан», чтобы окончательно разрешить все противоречия и споры в теории и на практике.

Таким образом, суд присяжных в Казахстане был введен для решения ряда принципиальных задач, связанных с исключением инквизиционного характера суда; большей объективизации решения суда; участием населения в судебной деятельности, что обеспечивает демократические ценности и самоуправление общественности в управлении государством; повышением качества расследования; обеспечением реализации прав участников уголовного процесса и соблюдением его принципов и т.д. [32. С. 35–42].

Раздел 14 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) регламентирует производство по делам с участием присяжных заседателей. Согласно ст. 631 УПК РК к подсудности суда присяжных отнесены уголовные дела о совершении наиболее тяжких преступлений, в том числе преступлений против мира и безопасности, против правосудия и др.

Производство в суде с участием присяжных заседателей осуществляется 10 присяжными заседателями и

одним судьей. Судопроизводство состоит из следующих частей: первая подготовительная часть, вторая подготовительная часть (отбор кандидатов в присяжные заседатели для участия в судебном разбирательстве), судебное следствие, прения сторон (две части), последнее слово подсудимого, постановка вопросов, вынесение вердикта, постановление приговора. Структурно производство в суде присяжных в Казахстане практически идентично подобному производству в России.

Процедура отбора присяжных заседателей в коллегию проходит в закрытом судебном заседании. Председательствующий участвует в процедуре отбора путем вычленения кандидатов в присяжные заседатели, не соответствующих требованиям закона. Отметим, что дополнительным требованием для присяжного заседателя, в отличие от положений российского законодательства, является наличие инвалидности у лица при отсутствии организационных либо технических возможностей по обеспечению его полноценного участия в судебном заседании (п. 3 ч. 2 ст. 640 УПК РК). Кроме того, самоотвод могут заявить и лица, которые в силу своих религиозных убеждений считают для себя невозможным участие в осуществлении правосудия (п. 3 ч. 3 ст. 640 УПК РК). Стороны могут заявлять как мотивированные, так и немотивированные отводы кандидатам в присяжные заседатели, причем право на отвод, помимо основных участников судебного разбирательства, имеют также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. Согласно ч. 4 ст. 643 УПК РК подсудимый может заявить три немотивированных отвода, а государственный обвинитель – 2. В данном случае принципиальным является то, чтобы по окончании процедуры отбора осталось 12 кандидатов в присяжные заседатели. Причем если подсудимый откажется от своего права на отвод кандидата в присяжные заседатели, то фактически отвод будет производиться председательствующим или секретарем судебного заседания путем жеребьевки.

В ходе судебного следствия присяжные заседатели исследуют фактические обстоятельства дела, могут задавать вопросы участникам судебного разбирательства после их допроса сторонами через председательствующего (последний может отклонить их вопросы, как не относящиеся к рассматриваемому уголовному делу), могут делать письменные заметки, однако до их сведения не доводится информация, характеризующая личность подсудимого.

Прения сторон состоят из двух частей. В рамках первой излагаются фактические обстоятельства дела, а вторая (без участия присяжных заседателей) посвящена вопросам квалификации действий подсудимого, назначения наказания, гражданского иска. Некоторые исследователи критикуют подобную схему построения прений сторон. Так, Х. Кушкалиев считает, что присяжные заседатели должны присутствовать в ходе вторых прений, ибо они также совместно с судьей решают вопросы, относящиеся к назначению наказания. Лишение их возможности выслушать доводы сторон по данному вопросу видится нерациональным, особенно в рамках смешанной, а не классической модели

суда присяжных [33. С. 23–29]. После этапа постановки вопросов присяжные заседатели и судья удаляются в совещательную комнату. Совместная коллегия сразу приступает к решению вопроса о виновности лица в совершении преступления путем тайного и письменного голосования. Судье запрещается выражать собственное мнение по разрешаемым вопросам. Несмотря на это, председательствующий обращается к присяжным заседателям, напоминая им исследованные доказательства, позиции сторон, а также разъясняя содержание уголовного закона и некоторые организационные моменты. Кроме того, присяжные заседатели могут обращаться к судье за разъяснениями по содержанию вопросов [34]. Присяжные заседатели голосуют тайно путем опускания бюллетеней с ответами в урну для голосования. Подсчет голосов ведет председательствующий. Решение принимается простым большинством голосов.

Если положительно решен вопрос о виновности лица в совершении преступления, то председательствующий самостоятельно квалифицирует деяние, а затем вместе с присяжными заседателями путем открытого голосования решает вопросы, относящиеся к назначению наказания. Причем наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет может быть назначено, если за такое решение проголосовало восемь и более голосующих. Пожизненное лишение свободы может быть назначено только при наличии единогласного решения судьи и присяжных заседателей.

Как видно из проведенного нами анализа процедурных особенностей производства в суде с участием присяжных заседателей в России и Казахстане, существуют некоторые отличия, обосновывающиеся тем, что суды с участием народного элемента в этих странах хоть и имеют общие истоки, однако на протяжении многих лет развивались различными путями, на что влияло множество факторов.

Структурно производство в российском и казахстанском судах с участием присяжных заседателей не имеет существенных отличий, за исключением того, что в Казахстане председательствующий не произносит напутственного слова перед удалением присяжных заседателей в совещательную комнату. Данное положение представляется вполне логичным, так как совещание осуществляется совместно, поэтому все необходимые пояснения присяжные заседатели могут получить непосредственно от судьи в процессе совещания. Однако в этом видятся и некоторые недостатки, так как велика вероятность влияния профессионального судьи на присяжных заседателей, не владеющих необходимыми юридическими знаниями. Кроме того, невозможно проконтролировать содержание того, что председательствующий доведет до сведения присяжных заседателей перед совещанием, хотя в ч. 1.1 ст. 656 УПК РК приведены обязательные составляющие информации, которые он должен сообщить присяжным заседателям. В данном случае преимуществом российского производства в суде с участием присяжных заседателей является то, что напутственное слово произносится председательствующим

в присутствии сторон, которые могут проконтролировать данный процесс и заявить возражения в связи с содержанием напутственной речи председательствующего, если сочтут ее необъективной и предвзятой (ст. 340 УПК РФ). Такое положение закона позволяет гарантировать то, что председательствующий своим авторитетом не будет оказывать влияние на мнение присяжных заседателей [35. С. 263–273], которые психологически все же воспринимают его как более авторитетного участника судебного разбирательства. В связи с этим проявление деликатности и осторожности в изложении обстоятельств произошедшего и позиций сторон крайне необходимо.

Еще одним существенным отличием является процесс принятия решения в таком суде. Так, согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству, присяжные заседатели удаляются в совещательную комнату после исследования всех обстоятельств дела без председательствующего, что объясняется самостоятельностью коллегии в принятии решения по фактическим вопросам. Руководство совещанием осуществляет старшина присяжных заседателей, он же ведет подсчет голосов и вписывает ответы в вопросный лист. Таким образом обеспечивается невозможность оказания внешнего влияния на процесс обсуждения присяжными заседателями.

Профессиональный судья лишь после вынесения вердикта постановляет приговор, который должен в целом соответствовать решению, принятому коллегией присяжных заседателей. Причем если вердикт обвинительный, то председательствующий самостоятельно принимает решение о назначении вида и размера наказания подсудимому.

В Казахстане данный процесс осуществляется иначе. Профессиональный судья вместе с присяжными заседателями удаляется в совещательную комнату, и путем совместного совещания принимается решение относительно виновности лица в совершении преступления. Более того, если вердикт обвинительный, то некоторые вопросы, относящиеся к назначению наказания, также решаются совместно путем открытого голосования большинством голосов.

Мнения по поводу данных моделей принятия решения в судах с участием народного элемента среди ученых и практиков разделились. Безусловно, существуют положительные и отрицательные моменты как в рамках одной, так и другой процедуры. Классическая модель предполагает полностью самостоятельное принятие решения представителями народа по фактическим вопросам. При этом мотивы принятого решения они не приводят, что и не требуется от них, так как они не обладают профессиональной юридической подготовкой. Существенным риском в данном случае является то, что зачастую непонятно, чем руководствовались присяжные заседатели при вынесении вердикта. Председательствующему приходится возвращать присяжных заседателей в совещательную комнату, указывая на неясность и противоречивость вердикта, что затягивает процесс и в итоге может привести к отрицательному результату, так как коллегия не будет до

конца понимать, что от нее хотят. Негативные примеры этого есть в мировой практике. Так, по делу сенатора США Боба Менендеса судья несколько раз давал время присяжным заседателям для повторного обсуждения, а затем вообще порекомендовал им вернуться домой, все обдумать и принять решение через несколько дней, несмотря на протесты сторон [36].

Однако и совместное совещание профессиональных и непрофессиональных судей подвергается критике. В данном случае велик риск влияния профессионального судьи своим авторитетом на представителей народа. Причем это влияние может не иметь явного характера, а выражаться, например, во введении в заблуждение присяжных о наказании, в убеждении их в некомпетентности по вопросам права, в манипулировании фактами для склонения присяжных к определенному решению и т.д. В казахстанской практике существуют подобные негативные примеры. Одним из них является карагандинское дело по обвинению несовершеннолетнего подсудимого. Тогда судья пытался ввести присяжных заседателей в заблуждение относительно содержания и толкования закона, а также открыто выражал свое предубеждение против стороны защиты, оказывал давление на присяжных в совещательной комнате с целью вынудить их признать виновным подсудимого. После отказа присяжных заседателей признать подсудимого виновным, судья распустил коллегию [37].

Очевидно, что обе процедуры имеют недостатки, которые можно нивелировать только путем повышения уровня профессиональной подготовки судей, рассматривающих уголовные дела с участием присяжных заседателей.

Также несколько отличается процедура отбора кандидатов в присяжные заседатели. Ранее мы упоминали о различии в требованиях, предъявляемых к кандидатам в присяжные заседатели. Однако существует еще значительное отличие в количестве немотивированных отводов. Отметим, что безмотивные отводы помогают сторонам при достаточно профессиональном подходе сформировать коллегию, которая наиболее восприимчива к ее позиции. При этом предоставление равных прав в этом аспекте обеим сторонам позволяет сформировать непредвзятую коллегию, а также соблюсти баланс интересов сторон. Так, в США даже используют фокус-группы при подготовке к отбору присяжных, что представляет собой нестрогое интервью с применением открытых вопросов, позволяющих давать опрашиваемым объяснение в широких пределах. Это помогает определить отношение большей части общества к тому или иному вопросу. Фокус-группы позволяют получить ценную и объективную информацию для подготовки к настоящему процессу [38. С. 31–35].

Ограничение же сторон в возможности заявлять немотивированные отводы препятствует формированию объективной коллегии. В данной ситуации разумным видится подход казахстанского законодателя, который позволил сторонам заявлять несколько отводов, пока не останется 12 кандидатов в присяжные заседатели.

И хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Судопроизводство с участием присяжных заседателей, независимо от формы внедрения, – это затратный, трудоемкий процесс. Поэтому на примере Казахстана можно наблюдать, как менялся состав уголовных правонарушений, по которым возможно рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей. Если на первых этапах внедрения этот круг дел был достаточно узким – из 17 составов исключались 12, то в 2015 г. было добавлено еще 4 состава преступлений, по которым не предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы в качестве меры наказания.

Последний оправдательный приговор суда с участием присяжных заседателей в Казахстане был вынесен в 2014 г., в 2015, 2016, 2018, 2019 гг. дела с участием присяжных заседателей не рассматривались. В 2017 и 2020 гг. рассмотрены по одному уголовному делу, по которым вынесены обвинительные приговоры [39].

В 2007–2009 гг. – на начальном этапе функционирования в компетенцию суда присяжных входили дела, за которые Уголовным кодексом предусматривались наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни.

В 2010–2013 гг. – период, который ознаменовался значительным расширением подсудности уголовных дел суду присяжных. Так, в этом промежутке все особо тяжкие преступления были доступны для рассмотрения присяжными заседателями.

В 2013–2015 гг. произошло сокращение подсудности уголовных дел суда присяжных до первоначального уровня (т.е. рассмотрение уголовных дел, за которые предусмотрена ответственность в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни) [40].

В 2019 г. был принят закон, по которому был значительно расширен состав уголовных правонарушений, по которым уголовные дела будут рассматривать с участием присяжных заседателей. Введение в действие этих норм было отсрочено на три года, ввиду необходимости подготовки кадрового состава судов и прокуратуры, бюджетной системы к резкому расширению производства с участием присяжных заседателей [41]. Факт отложенного действия статей закона послужил основанием конституционного производства [42].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) постепенное развитие уголовно-процессуального законодательства в России и Казахстане привело к пониманию того, что суд с участием представителей народа необходим как обязательный элемент правового демократического государства;

2) влияние различных факторов на правовую систему привело к формированию в этих странах разных моделей судов с участием народного элемента. В России сформировался более классический суд присяжных, а в Казахстане – суд шеффенов. Обе модели имеют как достоинства, так и недостатки;

3) в Казахстане наблюдается цикличный процесс сужения – расширения категорий уголовных дел, подсудных рассмотрению суда с участием присяжных заседателей, что обусловлено изменением социально-

политической ситуации в стране, расширением демократизации судебной системы;

4) ретроспективное исследование судов с участием присяжных заседателей в России позволяет сделать вывод о непоследовательном реформировании данного уголовно-процессуального института, которое не обеспечивалось преемственностью правовых норм, обеспечивающих его функционирование, однако существование судов с участием народного элемента на каждом

этапе развития российского уголовно-процессуального законодательства способствовало становлению правового государства и гражданского общества;

5) существенные отличия в производстве при структурной идентичности таких судов позволяют размышлять об имплементации положительного опыта функционирования судов присяжных в той и другой стране для повышения эффективности функционирования данных правовых институтов.

Список источников

1. Ильюхов А.А. Суд присяжных в России: история его становления и развития // История государства и права. 2015. № 23. С. 34–41.
2. Пашин С.А. Суд присяжных: проблемы и тенденции. URL: http://www.biblioteka.freepress.ru/doc/sud_pacshin.html (дата обращения: 13.02.2023).
3. Шахбанова Х.М. Исторические аспекты развития суда присяжных в России // История государства и права. 2015. № 23. С. 46–49.
4. Громикова О.Е. Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей по Судебным уставам 1864 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 5 (11), ч. I. С. 74–78.
5. Ткачева Н.В. Полномочия суда при рассмотрении и разрешении уголовного дела судом первой инстанции (стадия назначения судебного заседания) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 40 (257). С. 90–94.
6. Маркова Т.Ю. Постановка вопросов присяжным заседателям по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 570–576.
7. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. СПб. : Право, 1914. 546 с.
8. Сахапов Р.Р. Реализация принципов состязательности и социального равенства в суде с участием присяжных заседателей на различных стадиях судебного процесса в дореволюционной России (на примере уголовных дел, рассмотренных Казанским окружным судом) // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1. С. 93–95.
9. Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. Воспоминания о деле Веры Засулич / под общ. ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. М. : Юридическая литература, 1966. 224 с.
10. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // СПС Гарант (дата обращения: 10.02.2023).
11. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб. : Типо-литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 267 с.
12. СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
13. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 23. Ст. 441.
14. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 272.
15. Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
16. Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.
17. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
18. Конин В.В., Эсмантович И.И. Некоторые вопросы истории Российского суда с участием присяжных заседателей и его значение для современного уголовного судопроизводства // Адвокат. 2013. № 9. С. 44–50.
19. Конин В.В. Реализация функции защиты в суде с участием присяжных заседателей. М. : Юрлитинформ, 2010. 152 с.
20. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3859.
21. Чистилина Д. О. Полномочия председательствующего при производстве по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
22. Рябинина Т.К., Чистилина Д.О. Полномочия председательствующего в суде с участием присяжных заседателей в контексте состязательных начал российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 64–76. doi: 10.17223/22253513/41/6
23. Шнарбаев Б.К. Суд с участием присяжных заседателей в Казахстане : учеб. пособие. Костанай : Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2019. 436 с.
24. О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан. Закон Республики Казахстан от 7 октября 1998 года № 284. ИПС Эділет. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000284_#z0 (дата обращения: 03.04.2023).
25. Назарбаев Н.А. Чтобы суд означал справедливость. Выступление Президента Республики Казахстан на III съезде судей Казахстана // Казахстанская правда. 2001. № 134–135. С. 1.
26. Толеубекова Б. Лед тронется, господа присяжные заседатели? // Юридическая газета. 2004. 15 августа.
27. Петрухин И.Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. 2001. № 3. С. 5.
28. Жамиева Р.М., Султанбекова Г.Б. О перспективах введения института суда присяжных заседателей в Казахстане // Академик Е.А. Букетов – ученый, педагог, мыслитель : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию Е.А. Букетова. Т. 2: Гуманитарные науки. Караганды : Изд-во КарГУ, 2005. С. 494–496.
29. Амиров И. Быть присяжным – не обязанность, а добрая воля гражданина // Юридическая газета. 2004. 4 августа.
30. Макулбеков Б. О перспективах института с участием присяжных заседателей // Тураби. 2004. № 2. С. 60.
31. Адрисова Ш.М., Есимбекова А.К. Институт суда присяжных: история и перспективы его развития в Республике Казахстан // Судебная власть в Республике Казахстан : сб. науч. тр. Караганда : Изд-во КарГУ, 2003.
32. Булеулиев Б.Т. Суд с участием присяжных заседателей // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2 (23). С. 35–42.
33. Кушалиев Х. Суд присяжных: плюсы и минусы // Закон и правосудие. 2006. С. 23–29.
34. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 11 января 2020 г.). URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 27.02.2023).
35. Астафьев А.Ю. Объективность и беспристрастность напутственного слова председательствующего в суде присяжных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3 (30). С. 263–273.
36. Присяжные не смогли вынести вердикт в деле сенатора Менендеса. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/menendez-trial/4113514.html> (дата обращения: 27.02.2023).
37. Суд с участием присяжных по-казахстански: отечественные особенности (Т. Зинович, руководитель Центра исследования правовой политики). URL: <https://www.zakon.kz/4942860-sud-s-uchastiem-prisyazhnyh-po.html> (дата обращения: 28.02.2023).
38. Александров А.С., Спирин С.В. Использование адвокатами фокус-групп при подготовке к участию в отборе присяжных заседателей и в последующих судебных действиях // Адвокатская практика. 2008. № 6. С. 31–35.

39. Атырауский областной суд. URL: <https://atr.sud.kz/rus/massmedia/sud-prisyazhnyh-zasedateley-problemy-pri-rassmotrenii-ugolovnyh-del-sudya-atyrauskogo> (дата обращения: 03.04.2023).
40. Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/kazakhstan-pochemu-institut-suda-prisyazhnyh-ne-mozhet-zarabotat-na-polnuyu-moshh> (дата обращения: 03.04.2023).
41. Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 292-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000292> (дата обращения: 03.04.2023).
42. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 24 ноября 2021 года № 2. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/240680?lang=ru> (дата обращения: 03.04.2023).

References

1. Il'yukhov, A.A. (2015) Sud prisyazhnykh v Rossii: istoriya ego stanovleniya i razvitiya [Trial by jury in Russia: the history of its formation and development]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 23. pp. 34–41.
2. Pashin, S.A. (2023) *Sud prisyazhnykh: problemy i tendentsii* [Trial by jury: problems and trends]. [Online] Available from: http://www.biblioteka.freepress.ru/doc/sud_pacshin.html (Accessed: 13.02.2023).
3. Shakhbanova, Kh.M. (2015) Istoricheskie aspekty razvitiya suda prisyazhnykh v Rossii [Historical aspects of the development of jury trials in Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 23. pp. 46–49.
4. Gromikova, O.E. (2011) Osobennosti proizvodstva v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedateley po Sudebnym ustavam 1864 goda [Peculiarities of proceedings in court with the participation of jurors according to the Judicial Statutes of 1864]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (11):1. pp. 74–78.
5. Tkacheva, N.V. (2011) Polnomochiya suda pri rassmotrenii i razreshenii ugolovnogo dela sudom pervoy instantsii (stadiya naznacheniya sudebnogo zasedaniya) [Powers of the court when considering and resolving a criminal case by the court of first instance (the stage of scheduling a court hearing)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 40 (257). pp. 90–94.
6. Markova, T.Yu. (2014) Postanovka voprosov prisyazhnym zasedatelyam po Ustavu ugolovnogo sudoproizводства 1864 goda [Posing questions to jurors under the Charter of Criminal Procedure of 1864]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4. pp. 570–576.
7. Rozin, N.N. (1914) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lektsiyam* [Criminal proceedings: a manual to lectures]. St. Petersburg: Pravo.
8. Sakhapov, R.R. (2014) Realizatsiya printsipov sostyazatel'nosti i sotsial'nogo ravenstva v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedateley na razlichnykh stadiyakh sudebnogo protsessu v dorevolutsionnoy Rossii (na primere ugolovnykh del, rassmotrennykh Kazanskim okruzhnym sudom) [Implementation of the principles of competition and social equality in court with the participation of jurors at various stages of the judicial process in pre-revolutionary Russia (on the example of criminal cases considered by the Kazan District Court)]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 1. pp. 93–95.
9. Koni, A.F. (1966) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in eight volumes]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. SPS Garant (2023) *Ustav ugolovnogo sudoproizводства ot 20 noyabrya 1864 g.* [Charter of criminal proceedings of November 20, 1864]. (Accessed: 10.02.2023).
11. Gessen, I.V. (1905) *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. St. Petersburg: Tipo-litografiya F. Vaysberga i P. Gershunina.
12. *SU RSFSR*. (1917) 4. Art. 50.
13. *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. (1989) 23. Art. 441.
14. *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. (1990) 16. Art. 272.
15. *Vedomosti VS RSFSR*. (1978) 15. Art. 407.
16. *Vedomosti SND i VS RF*. (1993) 33. Art. 1313.
17. *Vedomosti VS RSFSR*. (1960) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g. [Criminal Procedure Code of the RSFSR of October 27, 1960]. 40. Art. 592.
18. Konin, V.V. & Esmantovich, I.I. (2013) Nekotorye voprosy istorii Rossiyskogo suda s uchastiem prisyazhnykh zasedateley i ego znachenie dlya sovremennogo ugolovnogo sudoproizводства [Some questions of the history of the Russian court with the participation of jurors and its significance for modern criminal proceedings]. *Advokat*. 9. pp. 44–50.
19. Konin, V.V. (2010) *Realizatsiya funktsii zashchity v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedateley* [Implementation of the defense function in court with the participation of jurors]. Moscow: Yurilitinform.
20. Russian Federation. (2016) Federal'nyy zakon ot 23 iyunya 2016 g. № 190-FZ “O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s rasshireniem primeneniya instituta prisyazhnykh zasedateley” [Federal Law of June 23, 2016 No. 190-FZ “On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the expansion of the use of the institution of jurors”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 26 (I). Art. 3859.
21. Chistilina, D.O. (2020) *Polnomochiya predsedatel'stvuyushchego pri proizvodstve po ugolovnym delam v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedateley* [Powers of the presiding officer in criminal proceedings in court with the participation of jurors]. Law Cand. Diss. M..
22. Ryabinina, T.K. & Chistilina, D.O. (2021) Powers of the Presiding Judge in a Jury Trial in the Context of Adversarial Principles of Russian Criminal Procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law* 41. pp. 64–76. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/41/6
23. Shnarbaev, B.K. (2019) *Sud s uchastiem prisyazhnykh zasedateley v Kazakhstane: ucheb. posobie* [Trial with jury participation in Kazakhstan: textbook]. Kostanay: Kostanay Branch of Chelyabinsk State University.
24. IPS Adilet. (2023) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Konstitutsiyu Respubliki Kazakhstan. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 7 oktyabrya 1998 goda № 284* [On introducing amendments and additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan. Law of the Republic of Kazakhstan dated October 7, 1998, No. 284]. [Online] Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000284_#z0 (Accessed: 03.04.2023).
25. Nazarbaev, N.A. (2001) Chtoby sud oznachal spravedlivost'. Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan na III s"ezde suzey Kazakhstana [So that court means justice. Speech by the President of the Republic of Kazakhstan at the III Congress of Judges of Kazakhstan]. *Kazakhstanskaya pravda*. 134–135. p. 1.
26. Toleubekova, B. (2004) Led tronetsya, gospoda prisyazhnye zasedateli? [Will the ice break, respected jury?]. *Yuridicheskaya gazeta*. 15 August.
27. Petrukhin, I.L. (2001) Sud prisyazhnykh: problemy i perspektivy [Jury trial: problems and prospects]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. p. 5.
28. Zhamieva, R.M. & Sultanbekova, G.B. (2005) [On the prospects for introducing the institution of jury trials in Kazakhstan]. *Akademik E.A. Buketov – uchenyy, pedagog, myslitel'* [Academician E.A. Buketov – scientist, teacher, thinker]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Karagandy: Karagandy State University. pp. 494–496. (In Russian).
29. Amirov, I. (2004) Byt' prisyazhnym – ne obyazannost', a dobraya volya grazhdanina [Being a juror is not an obligation, but the good will of a citizen]. *Yuridicheskaya gazeta*. 4 August.
30. Makulbekov, B. (2004) O perspektivakh instituta s uchastiem prisyazhnykh zasedateley [On the prospects of the institution with the participation of jurors]. *Turabi*. 2. p. 60.

31. Adrisova, Sh.M. & Esimbekova, A.K. (2003) Institut suda prisyazhnykh: istoriya i perspektivy ego razvitiya v Respublike Kazakhstan [The Institution of Jury: History and Prospects for Its Development in the Republic of Kazakhstan]. In: *Sudebnaya vlast' v Respublike Kazakhstan* [Judicial Power in the Republic of Kazakhstan]. Karaganda: Karaganda State University.
32. Buleuliev, B.T. (2013) Sud s uchastiem prisyazhnykh zasedateley [Trial with jury participation]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*. 2 (23). pp. 35–42.
33. Kushkaliev, Kh. (2006) Sud prisyazhnykh: plyusy i minusy [Trial by jury: pros and cons]. *Zakon i pravosudie*. pp. 23–29.
34. IPS Adilet. (2020) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 g. № 231-V (s izm. i dop. po sost. na 11 yanvarya 2020 g.)* [Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014, No. 231-V (as amended and supplemented as of January 11, 2020)]. [Online] Available from: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (Accessed: 27.02.2023).
35. Astaf'ev, A.Yu. Ob'ektivnost' i bespristrastnost' napuststvennogo slova predsedatel'stvuyushchego v sude prisyazhnykh [Objectivity and impartiality of parting words of the presiding judge in a jury trial]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 3 (30). pp. 263–273.
36. VOA. (2023) *Prisyazhnye ne smogli vynesiti verdikt v dele senatora Menendesa* [The jury failed to reach a verdict in the case of Senator Menendez]. [Online] Available from: <https://www.golos-ameriki.ru/a/menendez-trial/4113514.html> (Accessed: 27.02.2023).
37. Zakon.kz. (2023) *Sud s uchastiem prisyazhnykh po-kazakhstanski: otechestvennye osobennosti (T. Zinovich, rukovoditel' Tsentra issledovaniya pravovoy politiki)* [Trial by jury in Kazakhstan: domestic features (T. Zinovich, head of the Center for Legal Policy Research)]. [Online] Available from: <https://www.zakon.kz/4942860-sud-s-uchastiem-prisyazhnykh-po.html> (Accessed: 28.02.2023).
38. Aleksandrov, A.S. & Spirin, S.V. (2008) Ispol'zovanie advokatami fokus-grupp pri podgotovke k uchastiyu v otbore prisyazhnykh zasedateley i v posleduyushchikh sudebnykh deystviyakh [The use of focus groups by lawyers in preparation for participation in the selection of jurors and in subsequent judicial actions]. *Advokatskaya praktika*. 6. pp. 31–35.
39. *Atyrau Regional Court*. [Online] Available from: <https://atr.sud.kz/rus/massmedia/sud-prisyazhnykh-zasedateley-problemy-pri-rassmotrenii-ugolovnykh-del-sudya-atyrauskogo> (Accessed: 03.04.2023).
40. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. [Online] Available from: <https://cabar.asia/ru/kazakhstan-pochemu-institut-suda-prisyazhnykh-ne-mozhet-zarabotat-na-polnuyu-moshh> (Accessed: 03.04.2023).
41. IPS Adilet. (2019) *Zakon Respubliki Kazakhstan ot 27 dekabrya 2019 goda № 292-VI ZRK "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam sovershenstvovaniya ugolovnogo, ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva i usileniya zashchity prav lichnosti"* [Law of the Republic of Kazakhstan dated December 27, 2019, No. 292-VI ZRK "On introducing amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on improving criminal, criminal procedural legislation and strengthening the protection of individual rights"]. [Online] Available from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000292> (Accessed: 03.04.2023).
42. Gov.kz. (2021) *Normativnoe postanovlenie Konstitutsionnogo Soveta Respubliki Kazakhstan ot 24 noyabrya 2021 goda № 2* [Regulatory resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated November 24, 2021 No. 2]. [Online] Available from: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/240680?lang=ru> (Accessed: 03.04.2023).

Информация об авторах:

Жамиева Р.М. — канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова (Караганда, Казахстан). E-mail: roza_mus@mail.ru

Рябинина Т.К. — д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: tatyana.kimovna-r@yandex.ru

Чистилина Д.О. — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Воротникова А.С. — преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: seamni46@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.M. Zhamiyeva, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Karaganda Buketov University (Karaganda, Republic of Kazakhstan). E-mail: roza_mus@mail.ru

T.K. Ryabinina, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: tatyana.kimovna-r@yandex.ru

D.O. Chistilina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: darya-chistilina@yandex.ru

A.S. Vorotnikova, lecturer, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: seamni46@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 14.04.2023;
approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.17223/15617793/491/21

К вопросу о мере частного начала в уголовно-процессуальном праве

Вероника Вячеславовна Колесник¹

¹ Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия, nikkipohta@mail.ru

Аннотация. Осмысляется увеличение меры частного в публично-правовой организации противодействия преступности. Развивается концепция двуединого уголовно-процессуально-правового отношения, согласно которой средства уголовно-правового воздействия являются производными от процесса. В свете этой концепции анализируется возможное преобразование под воздействием частного начала институтов обвинения, доказывания, правового положения субъектов уголовно-процессуальных отношений, объектами которых являются обвинение, доказательства.

Ключевые слова: государство, право, преступление, обвинение правоотношения, мера частного, публично-правовая сфера, уголовный процесс, сделка, уголовно-правовое воздействие

Для цитирования: Колесник В.В. К вопросу о мере частного начала в уголовно-процессуальном праве // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 171–176. doi: 10.17223/15617793/491/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/21

On the measure of the private principle in criminal procedure law

Veronika V. Kolesnik¹

¹ Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russian Federation, nikkipohta@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the prospects of possible and useful changes in the institutions of prosecution and evidence, which determine the legal organization of crime prevention. As a material, the institutions of domestic criminal procedure law were used, including norms on evidence, prosecution, a number of special proceedings, as well as doctrinal provisions related to these institutions and proceedings. The deductive method was used to develop conclusions about the methods and forms of privatization of prosecution, criminal procedural evidence, and the development of the institution of criminal procedural transactions from the general pattern of penetration of the private principle into the criminal legal and procedural organization of crime prevention. By the inductive method, particular provisions of the criminal procedural content were extended to the theory of legal relations and led to the development of the concept of a two-pronged complex criminal procedural legal relationship. In the course of the research, a number of sequential logical moves were made to achieve the intended aim. Proceeding from the theoretical postulate of procedural determinism, the author consistently analyzed the limits and forms of manifestation of the private principle in the criminal procedural mechanism of prosecution. The author developed the idea of introducing a subsidiary charge as an additional type of charge in the criminal procedure system. The following step was the study of possible transformations of the technology of criminal procedural evidence, taking into account digital and economic determinants. Further, the issues of the admissibility of transactions regarding the subject of the charge in the framework of certain criminal procedural proceedings were touched upon. The final step was the generalization of the results obtained in the context of the concept of criminal procedural and legal relations developed by the author. Regarding the accusation, the conclusions are that the privatization of the accusation, at least in a single sphere of legal relations, can lead to the loss of the state's control over countering a certain type of crimes, which is unacceptable. At the same time, it is possible and necessary to discuss the multiplication of combinations of public and private charges. This will provide an opportunity for the emergence and development of new private-public criminal procedural relations that allow for the harmonization of public and private interests. As for the change in the model of proof under the influence of the private principle, the conclusions consist in the need to strengthen the adversarial nature and the transition to judicial technology of proof, the rejection of the doctrine of objective truth and the permissibility of agreement on the grounds of procedural decisions in a criminal case. The general conclusion is that the concept of a two-pronged complex criminal procedural relations can act as a new theoretical and methodological basis for understanding and developing new phenomena in the field of legal counteraction to crime in a new era.

Keywords: state, law, crime, accusation of legal relations, private measure, public law sphere, criminal procedure, transaction, criminal legal impact

For citation: Kolesnik, V.V. (2023) On the measure of the private principle in criminal procedure law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 171–176. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/21

Отечественная правовая система переживает серьезные изменения. При неизменности основного разделения публичного и частного права происходит их конвергенция, причем тенденция «приватизации» некоторых сегментов публичного права более ярко выражена, чем обратная, т.е. публично-направленная тенденция. Объясняется этот феномен исходным, приоритетным значением частного права в правовой системе [1], усилением антропоцентризма современного права [2].

Явления конвергенции, захвата частным правом некогда «заповедных» территорий публичного права отрефлексируются отечественной теорией государства и права [3]. Хотя это не привело к пересмотру таких базовых понятий отечественного правоведения, как «государство», «право», «механизм правового регулирования» и др.

В уголовно-правовых науках наступление частного права породило более глубокие последствия. Поддерживаем призыв ряда ученых [4; 5. С. 20–52] о пересмотре приоритетов, определяющих мировоззрение юристов в области юридических наук, относящихся ныне к специальности 5.1.4. К этому побуждает новая правовая реальность в виде, например, такого явления, как экономическое уголовное (уголовно-процессуальное) право [6], досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40 УПК РФ) и др., которые выходят за рамки традиционных доктринальных конструкций, объясняющих уголовно-правовые и уголовно-процессуальные явления в свете аксиомы о доминировании публичного начала, исключительности частного, диспозитивного и недопустимости договорного элемента в уголовно-правовой, уголовно-процессуальных сферах.

Специалисты [7. С. 45–48; 8. С. 154–160] отмечают новую, «экономическую» модификацию частного-публичного обвинения. По их мнению, мера частного в нем усилена, чтобы сдерживать перевод гражданско-правовых споров в уголовно-правовую плоскость, а в итоге ограничивать государственное вмешательство в споры субъектов предпринимательской деятельности [7. С. 46]. Это совершенно новый подход законодателя к реализации субъектом права на самозащиту своих интересов, выбор средств этой самозащиты в диапазоне от гражданско-правовых, до уголовно-правовых.

Как отмечается в исследованиях, «приватизация» распространилась на технологию формирования доказательств по делам данной категории, что проявилось в использовании при доказывании по данной категории уголовных дел: 1) материалов внутренних частно-корпоративных расследований, 2) доказательств и фактов, установленных в ходе гражданско-правовых, арбитражных споров, 3) отсутствие оперативного сопровождения уголовного преследования [9. С. 128–131].

Отметим, что в исследованиях ученых-процессуалистов по данной проблематике получили распространение и развитие новые представления: 1) о государстве – «государство-как-платформа», 2) праве – «вики-

право», 3) правовом регулировании – «вики-уголовно-право-процессуальное регулирование» [9. С. 144]. У авторов, занимающихся рассматриваемой тематикой, закономерно возникают вопросы и к традиционной теории правоотношений, а именно: когда и между кем складывается уголовно-правовое отношение, механизм реализации этого отношения, значение уголовного процесса в реализации уголовно-правового отношения [4].

Остановимся вначале на вопросе о возможной мере «приватизации» уголовно-процессуального механизма обвинения, форма которого в настоящее время является следственной. Современная – следственная модель обвинения служит основой правовой организации противодействия преступлениям. Это касается и порядка выдвижения, субъекта выдвижения, доказывания обвинения по делам частно-публичного обвинения о преступлениях экономической направленности, перечисленных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Наиболее последовательные сторонники «приватизации» этого института предлагают сделать частное обвинение основой уголовно-процессуального механизма по разрешению экономических уголовных споров между субъектами предпринимательской деятельности [9. С. 145]. Так, С.В. Власова развивает концепцию исковой самозащиты лицом (субъектом предпринимательской деятельности) своих прав, нарушенных преступлением против чужой собственности в сфере экономики, с использованием цифровых, телекоммуникационных технологий, через участие в обвинении и доказывании частных лиц, под которыми понимаются не только физические или юридические лица, потерпевшие от преступлений, но и представители «кросс-команд» с обеих сторон, участвующих в выработке формулы обвинения, ее оппозиции, а в итоге – средства уголовно-правового воздействия (договорного) [9. С. 160]. Данный проект «приватизации» обвинения, механизма его формулирования и обоснования является наиболее радикальным примером расширения частных уголовно-процессуальных отношений в сфере экономики, охватывающим все структурные элементы таких отношений: субъектов, под которыми понимаются не только физические или юридические лица, но и объект (обвинение, доказательства), содержание отношений – полностью находятся в распоряжении субъектов этих отношений.

Для нас такой подход неприемлем из прагматических соображений. Нельзя игнорировать различие в правовых традициях при обсуждении о мере доступной «приватизации» института обвинения. В англосаксонской правовой семье основой обвинительной системы является идея о доступности обвинения каждому гражданину, она воплощена в концепции «*actio popularis*». Поэтому в государствах с такой правовой системой естественным будет возрождение института «народного обвинения», обвинения, доступного каждому человеку, в новых технологических условиях.

У нас другая историческая правовая традиция. Российской правовой культуре модель общедоступного обвинения и выстраивания уголовно-процессуальных, а тем более уголовно-правовых (договорных) отношений между участниками уголовно-правового конфликта, вне публичного обвинения, чужда и практически невозможна. Это касается не только сферы противодействия общеуголовной, но и экономической преступности.

Превращение частного обвинения в основу правовой организации противодействия экономической преступности является нецелесообразным, даже если субъектами уголовно-правовых и центральных уголовно-процессуальных отношений выступают с обеих сторон субъекты предпринимательской деятельности. Нецелесообразно доверять потерпевшим более или менее широкий круг преступлений, которые представляют угрозу экономической основе социума. В общем и целом, снижение уровня публичного элемента в институте обвинения, а тем более полный уход субъекта публичного обвинения из этой области, неприемлем для нашей уголовно-процессуальной системы. Важно, чтобы обвинительная публичная власть управляла процессом через публично-правовой механизм выдвижения обвинения и выступала субъектом (в лице прокурора) в центральном правоотношении (уголовно-правовом и уголовно-процессуальном) с обвиняемым.

Некоторые исследователи [10; 11. С. 98] предлагают связать возможное увеличение частного начала с расширением применения частно-публичного обвинения, что соответствует развитию законодательства в последние годы. Такой подход является более умеренным вариантом внедрения частного начала в публично-правовые уголовно-процессуальные отношения. Публичное обвинение может сочетаться с частным элементом в форме частно-публичного обвинения, где потерпевший имеет право инициировать уголовное преследование, но не может выдвигать обвинение.

Между тем, на наш взгляд, бесперспективна сама следственная модель частно-публичного обвинения, которая, как известно, сложилась в советский период и отражала и отражает реалии следственного досудебного производства и следственного порядка выдвижения обвинения [12. С. 24].

С нашей точки зрения, искать вариант нового баланса частного и публичного начал в институте обвинения надо в другом направлении. Перспектива использования «смешанного» публично-частного обвинения, в котором частное обвинение примыкает, дополняет основное – публичное обвинение, на наш взгляд, достаточно благоприятна. Особенно в области экономических правоотношений. Имеется в виду такой вид обвинения, как субсидиарное обвинение.

В отечественной теории мало изучена тема субсидиарного обвинения, и эта модель смешанного публично-частного обвинения не часто рассматривается в качестве альтернативы следственному публичному обвинению [13]. Между тем именно она может стать новым, перспективным видом сочетания, взаимодействия частного и публичного элементов в обвинении.

Появление субсидиарного частного обвинения может привести к существенным изменениям в системе уголовно-процессуальных отношений. Частный обвинитель может выступать как партнер или заместитель публичного обвинителя в уголовных делах публичного или частно-публичного обвинения. Субсидиарный обвинитель может заменить прокурора, отказавшегося от поддержания публичного обвинения. При этом сохраняется публичное обвинение как объект основного уголовно-процессуального отношения, но могут меняться субъекты обвинения и, соответственно, субъектный состав уголовно-процессуального отношения. Тем самым создается новый уровень развития частного начала в уголовно-процессуальной системе.

На наш взгляд, могут возникнуть и иные новые комбинации классических видов обвинения, т.е. формы взаимодействия различных субъектов обвинения и создания между ними правоотношений. Частное начало может найти проявление, например, на этапе выдвижения публичного обвинения прокурором перед судом, когда потерпевший может потребовать перед судом учета его позиции, отличающейся от позиции публичного обвинителя. При этом формулирование в судебном порядке окончательной формулы обвинения может происходить и с учетом позиции обвиняемого, его защитника.

Итак, «приватизация» обвинения, хотя бы в отдельно взятой сфере правоотношений, может привести к потере государством управления противодействия определенному виду преступлений, что недопустимо. В то же время можно и нужно обсуждать умножение комбинаций публичного и частного обвинения. Поддерживаем идею введения субсидиарного обвинения как дополнительного типа обвинения в уголовно-процессуальную систему. Это даст возможность для возникновения и развития новых частно-публичных уголовно-процессуальных отношений, которые позволяют гармонизировать публичные и частные интересы.

Теперь обратимся ко второму системообразующему институту правовой организации противодействия преступности, ранее уже указанному нами: уголовно-процессуальному доказыванию.

Исходим из того, что развитие частно-публичных отношений в сфере доказывания не должно вести к разрушительной конкуренции между официальными субъектами расследования и частными лицами, доказывающими в своих интересах. Уголовно-процессуальное доказывание должно быть в основе своей публично-правовой деятельностью: факты должны устанавливаться публично, при соблюдении всесторонности. Вся проблема в том, на каком виде публичной власти организована эта уголовно-процессуальная познавательная деятельность: следственной или судебной. В настоящее время следственная власть господствует в сфере уголовно-процессуального доказывания. Выступаем за передачу этой власти суду, чтобы уголовно-процессуальное доказывание было судебным, с участием обеих сторон [14].

Невозможно «сбалансировать», «гармонизировать», сделать более справедливой следственную

форму доказывания, где господствует орган предварительного расследования (следователь) с монополией на формирование доказательств в виде протоколов следственных действий. Риторика о всесторонности, полноте и объективности предварительного расследования убеждает только в контексте господства следственной идеологии и ее системы ценностей, включая приоритет публичного, государственного над частным.

Следственная парадигма доказывания должна быть заменена на судебную, если действительно серьезно ставить вопрос о справедливом балансе частного и публичного начал в модели уголовно-процессуального доказывания. Модель судебного состязательного доказывания неразрывно связана с формальной диспозитивностью, т.е. свободой распоряжения сторонами своими доказательствами. А это, в свою очередь, позволяет говорить о договорном моменте в уголовно-процессуальном доказывании и его результатах.

Главной аксиологической проблемой при переходе на состязательную – судебную модель уголовно-процессуального доказывания, в которой можно обустроить и помыслить справедливую и эффективную правовую организацию противодействия преступности, является концепция объективной истины. Согласно с тем, что главное зло этого продукта советской правовой доктрины состоит в оправдании монопольной власти следователя на установление в ходе предварительного расследования якобы «объективного», «истинного» знания, на которое обязан опираться суд при разрешении уголовного дела по существу. Установление объективной истины не может быть результатом познавательной деятельности, в котором следователь, представитель стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ), играет доминирующую роль [15]. Поэтому более реалистичной, а главное – соответствующей состязательной модели доказывания является концепция судебной или юридической истины, устанавливаемой судьей по своему внутреннему убеждению в результате оценки представленных и исследованных в судебном заседании доказательств. Судебная истина есть результат состязания, свободной конкуренции позиций и доказательств стороны, ее «объективным» критерием является отсутствие у судьи разумных сомнений в доказанности виновности подсудимого по предъявленному обвинению. И это, разумеется, вероятное знание [15. С. 155].

Увеличение числа субъектов, имеющих право на представление суду сведений и их источников для установления фактических обстоятельств дела, является необходимой мерой для более справедливого, сбалансированного устройства уголовного процесса. Любое физическое или юридическое лицо, которое вступает в процесс для обоснования иска, уголовного или гражданского, или опровержения исковых правопритязаний, может выступать в качестве субъекта доказывания. Непременным участником правоотношений, возникающих в связи с доказыванием, должен быть суд.

В рамках уголовно-процессуальных отношений доказательство и его формирование могут быть рассмотрены как объекты, а доказательство может быть ре-

зультатом взаимодействия (соглашения) между публичными и частными субъектами доказывания, а также судом.

Участники уголовного процесса, включая представителей обвинения и защиты, могут вступать в договорные отношения относительно фактов и средств их доказывания, которые могут иметь влияние на исход дела. Договорные отношения субъектов доказывания должны быть основаны на правилах о распределении бремени доказывания, процессуальной самостоятельности и праве каждого участника доказывания доказывать факты в пользу своей позиции.

Концепция объективной истины исключает какие-либо сделки сторон относительно фактов, предмета обвинения, основания процессуального решения, а концепция судебной (формальной) истины, напротив, допускает это. Поэтому последняя концепция более реалистична при современной правовой организации противодействия преступности в сфере экономики, построенной на партнерстве государства и бизнеса.

Применение частно-публичной модели отношений в сфере доказывания приводит и к пересмотру критерия допустимости доказательств, который на данный момент ориентирован на следственный стандарт – протокола следственного действия. Любая информация, связанная с предметом доказывания, может стать объектом отношений участников процесса и быть использована для наполнения содержания процессуальными действиями, включая получение, использование, передачу информации по инстанциям и превращение ее в судебное доказательство.

Таким образом, по доказыванию, как ключевой компоненте правовой организации противодействия преступности, наша позиция заключается в том, чтобы перейти на судебную модель уголовно-процессуального доказывания, что связано, в свою очередь, с реформой предварительного расследования. Этим определяется вся трудность предполагаемого предприятия.

Завершая исследование, обратимся к третьему вопросу, относящемуся к теории уголовно-процессуальных и уголовно-правовых отношений. До настоящего времени и те и другие мыслились учеными в контексте своего научного специалитета. Однако после объединения уголовно-правовых наук в единую специальность появился повод для постановки вопроса о наличии единого комплексного уголовно-процессуально-правового отношения, через развитие которого и происходит организация противодействия преступности.

Для общего учения об уголовно-процессуально-правовом отношении необходимо в принципиальном плане высказаться о его объекте, субъектах.

Прежде всего, необходимо обсудить вопрос об «объекте» этого комплексного материально-процессуального правоотношения. Полагаем возможным согласиться с тем, что таковым надо считать обвинение; именно оно составляет и объект, и источник его развития [9. С. 182], а не преступление, как событие или факт объективной реальности.

Подход, согласно которому не само преступление, а его процессуальная проекция в виде доказательств и об-

винения формирует объективную основу правоотношения и даже «источник» средства уголовно-правового воздействия, составляет суть «процессуального детерминизма», который получил с недавних пор развитие в отечественной криминальной процессуалистике [16]. Итак, объектом уголовно-процессуально-правового отношения должны считаться обвинение и доказательства, получаемые в ходе процесса. Содержанием этого отношения являются действия субъектов, направленные на получение, проверку и оценку доказательств в пользу или против обвинения. Данный «объект» может быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений, складывающихся при разрешении основных вопросов уголовного дела, равно как и всех остальных.

Следующий ход по созданию мыслимой нами теоретико-правовой конструкции заключается в ответе на вопрос о субъектах комплексного уголовно-процессуально-правового отношения. Во-первых, склоняемся к мнению, что событие преступления не порождает уголовно-правового отношения между государством и преступником. Какое-либо правовое отношение в связи с предполагаемым преступлением невозможно вне процессуальной формы. Только в единстве материально- и процессуально-правового возможно правоотношение между лицом, совершившим преступление, и конкретным представителем государственной власти. В уголовно-процессуально-правовом отношении с лицом, совершившим преступление, контрагентом выступает не государство, а прокуратура как носитель обвинительной власти государства. Прокурор выступает субъектом обвинения и доказывания в уголовно-процессуальных отношениях с обвиняемым, его защитником – перед судом. Субъектами частно-публичных уголовно-процессуально-правовых отношений с обвиняемым и судом могут выступать в качестве субсидиарного обвинителя потерпевшие, но также и, например, представители предпринимательского сообщества, институтов гражданского общества.

Публично-частное состязательное уголовно-процессуально-правовое отношение должно рассматриваться как основной вид уголовно-процессуальных отношений, складывающихся между прокурором, обвиняемым, судом в правовой организации противодействия преступности. Подобный тип уголовно-процессуально-правовых отношений представляет собой сочетание публичных и частных интересов, где обвиняемый и его защита представляют частный интерес, а субъект обвинения, публичный и частный – публично-частные интересы.

Поддерживаем идею о возможности возникновения договорной разновидности таких отношений [9. С. 241–243]. Можно говорить о возможности различных модификаций договорной модели уголовно-процессуально-правовых отношений между субъектами обвинения (прокурором, потерпевшим) и субъектами стороны защиты. Такие договорные публично-частные уголовно-процессуальные отношения могут возникать при заключении и реализации соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УК РФ), а также в случае прекращения уголовных дел по диспозитивным или согласительнo-штрафным основаниям.

В отличие от классических гражданско-правовых договоров, уголовно-процессуальные сделки нельзя рассматривать как полностью частный институт, поскольку в них присутствует публичный элемент, который влияет на многие аспекты этих сделок. В частности, это относится к основанию их возникновения – преступлению, которое заставляет его виновника нести уголовную ответственность. Второй публично-правовой элемент заключается в том, что субъектом этих договорных отношений со стороны обвинения является конкретный компетентный государственный орган.

Сделаем выводы. Мера частного начала в уголовно-право-процессуальной сфере определяется правовой традицией и уровнем развития государства. Следует признать не только увеличение меры частного в отдельных деталях уголовно-процессуального механизма реализации уголовной ответственности, но и качественное его преобразование в целом. Это преобразование объективно обусловлено изменениями в политике, экономике, обществе. Под уголовную политику в новую эпоху, особенно в сфере противодействия экономической преступности, должна быть подведена новая теоретическая база. В доктрине о правовой организации противодействия преступности мера частного должна быть признана и оправдана. Этому должен способствовать сдвиг на теоретико-методологическом уровне в понимании обвинения, доказательств, а также правоотношений между обвинителем, обвиняемым, судом. Предлагаемая автором концепция двуединого уголовно-процессуально-правового отношения является вкладом в обновление классических представлений относительно обвинения, доказывания, субъектов уголовно-процессуальных отношений, объектами которых они являются.

Список источников

1. Алексеев С.С. Частное право : научно-публицистический очерк // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. М. : Статут, 2010. С. 323–445.
2. Павлов В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 71–97.
3. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права : проблемы теории и практики. М. : Норма, 2011. 240 с.
4. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
5. Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции / отв. ред. С.Ю. Морозов, О.А. Зайцев. М. : Проспект, 2022. 640 с.
6. Александров А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право : сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол. В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Синицын, М.Л. Шелютто. М. : Юриспруденция, 2021. С. 236–245.
7. Горюнов В.Ю. Частно-публичное обвинение как уголовно-процессуальная основа применения уголовного закона в сфере экономической деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1. С. 43–48.

8. Сычев П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. М. : Юрлитинформ, 2020. 336 с.
9. Власова С.В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху. М. : Юрлитинформ, 2022. 592 с.
10. Горюнов В.Ю. Об оптимизации частно-публичного порядка уголовного преследования субъектов преступлений против собственности в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 99–103.
11. Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград : Волгоградская академия МВД РФ, 2019. 278 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс : научно-популярный, практический комментарий / П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский. М. : Право и жизнь, 1928. 104 с.
13. Фоменко А.Н. Субсидиарное обвинение как форма защиты прав потерпевшего в уголовном процессе // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 167–170.
14. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.
15. Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 142–157.
16. Александров А.С., Александрова И.А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 6–19.

References

1. Alekseev, S.S. (2010) *Chastnoe pravo: nauchno-publitsisticheskiy ocherk* [Private law: scientific and journalistic essay]. In: *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Vol. 7. Moscow: Statut. pp. 323–445.
2. Pavlov, V.I. (2015) *K voprosu ob antropologicheskom tipe pravoponimaniya* [On the anthropological type of legal understanding]. *Pravovedenie*. 4 (321). pp. 71–97.
3. Korshunov, N.M. (2011) *Konvergeniya chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki* [Convergence of private and public law: problems of theory and practice]. Moscow: Norma.
4. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 199–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/25
5. Morozov, S.Yu. & Zaytsev, O.A. (eds) (2022) *Chastnopravovye i publichno-pravovye problemy sovremennoy yurisprudentsii* [Private and public law problems of modern jurisprudence]. Moscow: Prospekt.
6. Aleksandrov, A.S. & Zaytsev, O.A. (2021) [Prospects for the development of contractual mechanisms in “economic criminal proceedings”]. *Ustoychivyy ekonomicheskiy rost i pravo* [Sustainable economic growth and law]. Proceedings of the XVI Annual Scientific Readings in memory of Professor S.N. Bratus. Moscow: Yurisprudentsiya. pp. 236–245. (In Russian).
7. Goryunov, V.Yu. (2020) *Chastno-publichnoe obvinenie kak ugovolno-protsessual'naya osnova primeneniya ugovolnogo zakona v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Private-public prosecution as a criminal procedural basis for the application of criminal law in the sphere of economic activities]. *Vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 1. pp. 43–48.
8. Sychev, P.G. (2020) *Proizvodstvo po ugovolnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy i predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Proceedings in criminal cases involving crimes in the sphere of economic and business activities]. Moscow: YurLitinform.
9. Vlasova, S.V. (2022) *Ugovolno-pravo-protsessual'naya organizatsiya protivodeystviya ekonomicheskoy prestupnosti v novuyu epokhu* [Criminal legal procedural organization of combating economic crime in the new era]. Moscow: YurLitinform.
10. Goryunov, V.Yu. (2018) *Ob optimizatsii chastno-publichnogo poriyadka ugovolnogo presledovaniya sub'ektov prestupleniy protiv sobstvennosti v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [On the optimization of the private-public procedure for criminal prosecution of subjects of crimes against property in the field of entrepreneurial activities]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*. 4 (34). pp. 99–103.
11. Popova, L.V. (2019) *Osobennosti ugovolno-protsessual'nogo regulirovaniya dosudebnogo proizvodstva po ugovolnym delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh, sovershennykh v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Features of criminal procedural regulation of pre-trial proceedings in criminal cases of economic crimes committed in the field of entrepreneurial activities]. Law Cand. Diss. Volgograd: Volgograd Academy of RF MIA.
12. Lyublinskiy, P.I. & Polyanskiy, N.N. (eds) (1928) *Ugovolno-protsessual'nyy kodeks: nauchno-populyarnyy, prakticheskiy kommentariy* [Code of Criminal Procedure: popular scientific practical commentary]. Moscow: Pravo i zhizn'.
13. Fomenko, A.N. (2009) *Subsidiarnoe obvinenie kak forma zashchity prav poterpevshego v ugovolnom protsesse* [Vicarious prosecution as a form of protecting the rights of the victim in criminal proceedings]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 5. pp. 167–170.
14. YurLitinform. (2015) *Doktrinal'naya model' ugovolno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i kommentarii k ney* [Doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and commentaries to it]. Moscow: YurLitinform.
15. Aleksandrov, A.S. (2012) *Sostyazatel'nost' i ob'ektivnaya istina* [Adversarialism and objective truth]. *Biiblioteka kriminalista*. 3. pp. 142–157.
16. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2021) *O filosofsko-pravovykh prityazaniyakh teorii ugovolnogo protsessa na obshchuyu teoretiko-metodologicheskuyu osnovu nauchnoy spetsial'nosti 5.1.4 – Ugolovno-pravovye nauki* [On the philosophical and legal claims of the theory of criminal procedure on the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 – Criminal legal sciences]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika*. 4 (58). pp. 6–19.

Информация об авторе:

Колесник В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: nikkipohta@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Kolesnik, Cand. Sci. (Law), associate professor, Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: nikkipohta@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 14.04.2023;
approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 346.21, 347
doi: 10.17223/15617793/491/22

Свобода экономической деятельности граждан в новых реалиях: многоаспектность категории

Наталья Евгеньевна Савенко¹

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия, ne_amelina@mail.ru

Аннотация. Показана многоаспектность свободы экономической деятельности граждан: конституционный принцип, конституционное, экономическое и субъективное право человека. На основе межотраслевого, исторического и системного подходов проведено переосмысление позиций о свободе экономической деятельности и ее элементах во взаимосвязи с тенденциями и новыми вызовами в социально-экономическом пространстве России. Сделаны выводы о том, что отсутствие указаний в гражданском законодательстве на экономическую и доходную деятельность граждан, в дифференциации доходной и предпринимательской (прибыльной) деятельности сужает свободу экономической деятельности граждан.

Ключевые слова: свобода экономической деятельности граждан, конституционный принцип, право на экономическую деятельность, виды и формы экономической деятельности граждан, предпринимательская (прибыльная) и доходная деятельность граждан

Для цитирования: Савенко Н.Е. Свобода экономической деятельности граждан в новых реалиях: многоаспектность категории // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 177–187. doi: 10.17223/15617793/491/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/22

Freedom of citizens' economic activities in the new reality: The multidimensional nature of the category

Natalya E. Savenko¹

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, ne_amelina@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the freedom of economic activities as a multidimensional legal, socio-economic phenomenon. On the basis of intersectoral and historical approaches, the author revisits scientific positions on the understanding of freedom of economic activities as a constitutional principle, as a constitutional, economic and civil (subjective) right of man and citizen. She shows that the position that freedom of economic activities is a principle of the constitutional system traditionally prevails. Based on this, the author infers that this constitutional principle has a deeper content and goes beyond the declarative boundaries of the Constitution of the Russian Federation; it has a fundamental nature and a basis for the development of legislative provisions on freedom of economic activities and the right to economic activities in other sectoral legal acts. Based on a systematic analysis of the categories “rights and freedoms of citizens”, “economic activity”, the classification of types and forms of economic activities, the author shows that these categories are attributes of freedom of economic activities and elements of the economic system. The author argues that the versatility of freedom of economic activities as a subjective and economic right is reflected in the peculiarities of legislative regulation. In particular, the Civil Code of the Russian Federation, which has a hierarchical superiority among other codes and an economic orientation, does not contain legal definitions of economic activities and profit-generating activities of citizens as its type along with entrepreneurial activities. The lack of these definitions and differentiation of profit-generating and entrepreneurial activities narrows the freedom of economic activities of citizens. In this regard, the author formulates proposals to improve the legislation. Attention is focused on the fact that the freedom of economic activities is expressed in the right to economic activities and is directly related to the definition of limits, restrictions and prohibitions in relation to trends and new challenges in the social and economic space of Russia. The author analyzes normative legal acts adopted during the period of various socio-economic and political events of recent years, characterized by the change of a socialist economy to a market economy, economic crises, the pandemic, and the sanctions regime. The author shows that the state has adopted regulatory legal acts both restricting the freedom of economic activities of citizens and ensuring its implementation, including as measures of state support.

Keywords: freedom of economic activities of citizens, constitutional principle, right to freedom of economic activities, types and forms of economic activities of citizens, individual entrepreneurs, self-employed citizens, entrepreneurial and profit-generating activities of citizens

For citation: Savenko, N.E. (2023) Freedom of citizens' economic activities in the new reality: The multidimensional nature of the category. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 177–187. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/22

Введение

Особое место человеку, его правам и свободам определено в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), которая в ст. 8 провозглашает их высшей ценностью. История показывает, что права и свободы человека находились в центре внимания государства – в зависимости от течения политических, экономических и иных мировых и внутригосударственных процессов. Не ставя целью исследовать в целом исторический аспект, остановимся лишь на событиях последних десятилетий. В России данный период характеризуется становлением рыночного уклада экономики и возрождением предпринимательства, мировыми кризисами, пандемией, международными санкциями. В таких условиях на первый план выходят социально-экономические вопросы. Не случайно в 2020 г. Конституция РФ была дополнена ст. 75.1, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечивается сбалансированность прав и обязанностей гражданина. Данные поправки означают, что государство придает важнейшее значение социальным и экономическим правам и свободам граждан, в числе которых и право на свободу экономической деятельности. Очевидно, что создание указанных условий невозможно без обеспечения свободы экономической деятельности, а значит, возможности выбора деятельности.

Происходящие события влекут установление не только новых пределов, ограничений и запретов, но и создание новых возможностей в отношении экономических и социальных прав и свобод человека. Данные процессы дают почву для их научного осмысления. Свидетельством повышенного интереса к данным проблемам являются последние диссертационные исследования в рамках конституционных и гражданско-правовых направлений. Например, труды А.Г. Демиевой [1], Д.Ю. Тарасова [2], посвященные вопросам правового регулирования экономической деятельности; Я.В. Лобановой [3], А.С. Гриценко [4], раскрывающие вопросы обеспечения и реализации свободы экономической и предпринимательской деятельности; И.И. Шувалова о регулировании предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса [5]. Исследователи анализируют данные категории в свете трансформации экономико-правовых процессов.

Категория «свобода экономической деятельности» обладает многоликостью как в законодательном, так и доктринальном плане. Она представляет собой конституционно-правовой принцип; конституционное, экономическое и субъективное право человека; в си-

стемном понимании – правовую категорию с многообразием видов и форм экономической деятельности, служащих основой для определения отдельных режимов ее осуществления с установлением пределов и ограничений права на осуществление экономической деятельности.

Свобода экономической деятельности как конституционный принцип

В первую очередь свобода экономической деятельности отражена на конституционном законодательном уровне в ст. 8 Конституции РФ. Согласно названной норме государством гарантируется свобода экономической деятельности наряду с единством экономического пространства, свободным перемещением товаров, услуг, финансовых средств и поддержкой конкуренции. Это положение находит отражение в ст. 34 Основного закона о праве каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности.

Палитра научных мнений о свободе экономической деятельности демонстрирует в первую очередь традиционное понимание ее как конституционного принципа. Например, О.В. Безрукова и О.В. Романовская называют свободу экономической деятельности общим конституционным принципом регулирования экономических отношений [6. С. 27]. Аналогичное мнение высказывает В.Н. Федоренко, говоря о том, что свобода экономической деятельности является «основополагающим принципом, основой конституционного строя, выступающей базой для закрепления иных экономических прав и свобод» [7. С. 71]. Г.А. Гаджиев в контексте «права и экономики» в числе конституционных принципов называет «экономическую свободу» [8. С. 15]. Также им указывается, что свобода экономической деятельности является одним из направлений конституционной экономики [8. С. 218], «стержнем экономической Конституции» и частью «подсистемы конституционно-правовых норм экономической Конституции» [9. С. 250].

Бесспорно, первостепенный смысл свободы экономической деятельности заключается в том, что это базовый конституционный принцип, значение которого трудно переоценить. Мы также присоединяемся к мнению Е.М. Якимовой о том, что «базовые принципы осуществления любой деятельности, входящей в сферу правового регулирования, находят закрепление в основном законе страны, однако Конституция как документ общерегулятивного характера в большей степени отражает общее представление о важности того или иного института и зачастую четко не обозначает принципиальные вопросы реализации того или иного базиса в развивающихся конституцию нормативных правовых актах, что обуславливает наличие изгибов в развитии законодательства...» [10]. В продолже-

ние сказанного более чем справедливо видится указанием Е.П. Губина на то, что «обеспечить свободу экономической деятельности невозможно, опираясь только на какую-то одну отрасль права... Экономика представляет собой сложную систему отношений, предполагающую комплексное регулирование с использованием правовых средств разных отраслей в их единстве» [11. С. 71]. Иными словами, принцип свободы экономической деятельности – это стержень, пронизывающий основу конституционного строя. Он находит отражение в иных нормах отраслевого (гражданского, предпринимательского, налогового, административного и др.) законодательства с учетом специфики той или иной правовой отрасли.

Между тем необходимо особо отметить, что содержание принципа свободы экономической деятельности не просто гарантия и основа конституционного строя, его содержание намного глубже. Наряду с тем, что государство обеспечивает гражданам свободу выбора экономической деятельности, в его задачи также входит и обеспечение баланса интересов участников – субъектов экономической деятельности. В данном случае подразумевается принятие законодательных мер, направленных на пресечение злоупотребления свободой экономической деятельности (недопущение монополизации и недобросовестной конкуренции (ст. 34 Конституции РФ)). Именно поэтому на поверхности оказывается вопрос о степени контроля за экономической деятельностью субъектов и участия государства в экономических отношениях. История показывает нам на примере экономики социалистического уклада, что участие государства в данном направлении объективно. Однако это участие должно быть сбалансированным в зависимости от сферы и отрасли экономической деятельности.

Свободы и права человека, экономическая деятельность как элементы свободы экономической деятельности и экономической системы

Свобода в общем понимании интерпретируется широко. Достаточно обратиться к толковому словарю русского языка, чтобы понять, что свобода – это, прежде всего, возможность проявления своей воли; отсутствие стеснений и ограничений для деятельности всего общества или его членов [12. С. 693]. Е.П. Губин, приводя различные трактовки свободы, указывает, что «какое бы определение мы ни выбрали, к какой бы позиции ни присоединились, все они едины в главном: без свободы деятельности невозможно постичь желаемых результатов и удовлетворять различные потребности личности и общества, в частности в сфере экономики. Свобода – это всегда возможность выбора одного из многих вариантов поведения в конкретных условиях...» [11. С. 68].

Свободы и права человека – базовые правовые категории. Применительно к этому Э.Ю. Балаян указывает на различия между правами человека и его свободами. По его мнению, «свобода человека очень слож-

ное и многозначное понятие... Свобода человека обеспечивается и защищается, но не регламентируется государством... Право человека – это предоставленная ему возможность по собственному усмотрению определять меру своего поведения» [13. С. 37–38]. Однако полагаем, что свобода и право имеют двойственную природу. С одной стороны, это родственные явления, обладающие фундаментальным, конституционным характером и в своем симбиозе выражаются в Конституции РФ в таких категориях, как свобода экономической деятельности (ст. 8), свобода мысли и слова (ст. 29), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности (ст. 34), право на труд и выбор рода деятельности (ст. 37). С другой стороны, свобода человека в декларативном конституционном смысле подразумевает и декларацию его прав. Можно сказать, что свобода выражается в правах. Соответственно, свобода человека – это более широкое понятие.

Экономическая деятельность граждан как совокупность активных волевых действий, направленных на получение положительного результата в сфере производства, реализации, обмена и потребления материальных и нематериальных благ (объектов гражданских прав), характеризуется разнообразием видов и форм. Представляется, что форма экономической деятельности напрямую связана с организационно-правовой формой деятельности субъекта. В свою очередь, вид деятельности – категория, отражающая связь со сферой и отраслью деятельности, профессией субъекта, может классифицироваться по различным критериям, например, активность/пассивность действий, прибыльность/доходность. Это разнообразие позволяет реализовать право выбора субъекта.

Например, по субъектному критерию можно выделить следующие виды экономической деятельности:

– **Экономическая деятельность физических лиц** (в формах индивидуальной предпринимательской деятельности, трудовой деятельности, крестьянского (фермерского) хозяйства, профессиональной деятельности, в том числе в рамках режима саморегулирования по Федеральному закону от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»; самозанятости по специальному налоговому режиму на основании Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон об НПД) без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя).

Приведенная классификация позволяет выделить иные виды экономической деятельности физических лиц: самостоятельную (индивидуальную предпринимательскую деятельность, профессиональную деятельность, самозанятость) и зависимую (трудовую) деятельность.

Более того, вышеприведенная классификация предполагает выделение внутренней классификации самостоятельной экономической деятельности граждан: «прибыльной» (индивидуальная предпринимательская деятельность, в некоторых случаях – профес-

сиональная деятельность) и «доходной» (самозанятость в налоговом режиме «налог на профессиональный доход», в некоторых случаях – профессиональная деятельность).

Внутри приведенных классификаций представляется возможным выделить виды деятельности по критерию активность/пассивность прибыльной или доходной деятельности. Полагаем, что активность предполагает совершение реальных действий индивидуального характера или с привлечением третьих лиц, направленных на производство, реализацию материальных (нематериальных) благ в целях получения прибыли либо дохода. В отличие от нее пассивная экономическая деятельность направлена только на получение конечных прибыли или дохода. В судебной практике такая градация является основанием для причисления конкретной деятельности лица к предпринимательской (прибыльной) либо доходной для целей налогообложения и декриминализации предпринимательской деятельности, осуществляемой без государственной регистрации (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»).

– **Экономическая деятельность юридических лиц** (в организационно-правовых формах некоммерческих и коммерческих организаций, в том числе в форме крестьянского (фермерского) хозяйства).

– **Экономическая деятельность публично-правовых образований** (в лице их органов и учреждений).

Следует отметить, что перечень критериев для классифицирования не является исчерпывающим. Например, можно выделить экономическую деятельность по сферам деятельности (строительная, торговая, промышленная, образовательная и т.п.), по экономическим производственным стадиям (производство, реализация, обмен, потребление и др.) применительно к различным субъектам экономической деятельности.

Таким образом, атрибутивность свободы экономической деятельности выражается в свободе и правах граждан, разнообразии видов и форм экономической деятельности, которые дают возможность выбора.

С точки зрения системного подхода свобода экономической деятельности и ее атрибуты являются элементами экономического пространства (экономической системы). Экономическая система включает субъекты права, в том числе субъектов экономической деятельности, производящих, реализующих и потребляющих материальные и нематериальные блага; объекты прав (материальные и нематериальные блага), создаваемые, реализуемые и потребляемые субъектами права; содержание экономической деятельности с установленными государством правами и обязанностями субъектов, ее осуществляющих (режим экономической деятельности), а также само государство как участника (субъекта) экономической деятельности и как законодателя, задающего тон правовому регулированию всей экономической системе.

Представляется, что свобода экономической деятельности для субъекта экономической деятельности как возможность выбора поведения в правовом поле тесно связана с каждым элементом экономической системы: это и выбор контрагента – иного субъекта экономической деятельности, выбор вида (рода) объектов прав для производства, реализации и дальнейшего потребления с учетом их правового режима; выбор режима экономической деятельности (включая вид и форму экономической деятельности). Каждый элемент этой системы подвержен правовому регулированию.

Между тем в отношении того, что свобода экономической деятельности в Конституции РФ находит отражение в норме ст. 34 о том, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности, Е.Б. Абакумовой высказано мнение, что приведенная формулировка, прежде всего, «подразумевает в качестве субъекта права индивида, т.е. физическое лицо, под которым в контексте конституционного права может пониматься гражданин РФ, иностранный гражданин или лицо без гражданства», [14] и исключает применение ее к юридическим лицам. По мнению автора, последние «реализуют данные права и свободы в лице их учредителей, участников и т.д.» [14]. По большому счету следует согласиться с приведенным мнением в силу того, что субъективным правом обладает физическое лицо. С этих позиций настоящее исследование сосредоточено на экономической деятельности граждан.

Свобода экономической деятельности как право человека и гражданина на экономическую деятельность

Среди научных подходов имеется понимание свободы экономической деятельности как права человека и гражданина. Причем данное право рассматривается в конституционном и гражданско-правовом (частном) аспектах. Например, Г.А. Гаджиев, в развитие положений о том, что свобода экономической деятельности – это конституционный принцип, указывает на то, что он отражается в нормах Конституции РФ об основных экономических правах, к которым относятся такие права, как «право выбирать род деятельности или занятий – означает свободу экономического выбора: быть либо предпринимателем-работодателем, либо работником (ст. 37); право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства – означает свободу рынка труда (ст. 27); право на объединение – предполагает <...> свободу выбора организационно-правовых форм предпринимательской деятельности... (ч. 1 ст. 30); право иметь имущество в собственности <...> означает свободу формирования имущественной базы предпринимательства» [8. С. 251]. Иными словами, свобода экономической деятельности как конституционный принцип служит фундаментом для закрепления конституционного права человека на экономическую деятельность в зависимости от форм, видов экономической деятельности, способностей и профессии субъекта, наличия у него имущества. Поэтому

рассматриваемый принцип свободы экономической деятельности опосредует право на экономическую деятельность.

Вместе с тем в литературе имеются противоположные позиции о том, что свобода экономической деятельности не должна отождествляться с правом на предпринимательскую деятельность, правом на экономическую деятельность в силу того, что у них разный конституционный смысл [14, 15]. На наш взгляд, свобода экономической деятельности как многогранная категория имеет одно из своих проявлений как право на осуществление экономической деятельности наряду с пониманием ее как конституционного принципа.

В данном контексте Г.М. Сибгатуллина исследует право на занятие экономической деятельностью как конституционное право человека в свете сопоставления экономической деятельности со смежными категориями – хозяйственной, предпринимательской деятельностью. На основе этого автор делает вывод о том, что экономическая деятельность – это широкое понятие, формы ее проявления не ограничены, и формулирует понятие права на экономическую деятельность, под которым предлагает понимать «право извлечения материальных выгод, в том числе в виде доходов от эксплуатации имущества, выполнения работ, оказания услуг и прочих возможных вариантов использования своих способностей» [16]. Полагаем, что данная формулировка отражает всю широту видов экономической деятельности, включая предпринимательскую, трудовую деятельность, иную доходную деятельность. Кроме того, указанная формулировка имеет сходство с легальным понятием предпринимательской деятельности, данным в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Широта диапазона аспектов свободы экономической деятельности позволяет определять ее как экономическое право субъекта. Например, И.А. Федотов отмечает в числе основных экономических прав гражданина свободу экономической деятельности с присущей ей конституционно-правовой природой. По его мнению, данное экономическое право гражданина непосредственным образом связано с иным экономическим правом – правом собственности. От содержания и гарантированности последнего зависит объем права на свободный труд, свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности [17. С. 8–9]. Как видится, на первое место автор ставит право частной собственности, которое опосредует реализацию иного не менее важного экономического права гражданина – права на свободу экономической деятельности. Однако не всегда право частной собственности играет первостепенную роль в заданном направлении. Например, для осуществления гражданином трудовой деятельности может не иметь значения наличие/отсутствие материальных благ (ресурсов) в его собственности.

Между тем свобода экономической деятельности подразумевает и право на экономическую деятельность. П.А. Астафичев отмечает, что «право на эконо-

мическую деятельность – это субъективное право, которое принадлежит соответствующим субъектам, реализуется в правоотношениях и подлежит ограничениям по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ... Ограничения должны быть направлены на “субъективное право”, не касаясь, по возможности, “конституционной свободы”» [18. С. 67]. Действительно, право на экономическую деятельность как одно из выражений свободы экономической деятельности самым тесным образом связано с установлением пределов и ограничений, о которых также будет сказано в настоящем исследовании.

Вместе с тем многогранность категории «свобода экономической деятельности» как субъективного и экономического права гражданина отражается в особенностях его законодательного регулирования. Так, в литературе неоднократно отмечалось, что вопросы, связанные с реализацией прав на экономическую деятельность, регулируются частным (гражданским) правом. Например, еще выдающимся правоведом И.А. Покровским было сказано, что свобода и децентрализация частного права применяются «главным образом в сфере экономических отношений, т.е. ко всем тем видам деятельности, которые посвящены производству и распределению экономических благ» [19. С. 46–47].

По словам В.Ф. Яковлева, «гражданское право регулирует отношения в сфере экономики» [20. С. 43] и Гражданский кодекс – это «экономическая Конституция» [21. С. 153]. В свою очередь, Г.А. Гаджиев утверждает, что «...конституционные нормы, закрепляющие экономическую свободу, права граждан в экономической сфере, пределы и их ограничения – почти все генетически связаны с гражданским правом» [12. С. 250].

Также Э.К. Перфилов, говоря о том, что вопросы, связанные с реализацией права на свободу экономической деятельности, регулируются, прежде всего, Гражданским кодексом РФ, справедливо называет Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) «своеобразным основным законом рыночной экономики», который «вводит экономическую деятельность в общие рамки отношений любых физических и юридических лиц с другими лицами, закрепляет свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела» [22. С. 20].

Иначе говоря, гражданское законодательство регулирует имущественные отношения между индивидами с их частными интересами. Гражданско-правовое регулирование обладает экономической направленностью. Безусловно, все вышеприведенные высказывания подтверждают иерархическое первенство Гражданского кодекса РФ после Конституции РФ. Вместе с тем в ст. 2 ГК РФ определен предмет гражданского законодательства, включающий отношения, связанные с предпринимательской деятельностью. ГК РФ не содержит понятия экономической деятельности. Нет легального понятия данной категории и в иных правовых актах. И.В. Ершова, называя экономическую деятельность «общественно полезной» деятельностью с установлением прав, обязанностей, государственных гарантий и мер ответственности, указы-

важает на важность определения понятия «экономическая деятельность» [23. С. 48]. Ученый доказывает, что «отсутствие законодательного определения затрудняет не только квалификацию деятельности в качестве экономической, но и признание экономических споров, что неоднократно отмечалось в судебной практике» [23. С. 49]. В литературе также подчеркивается роль и значение понятийного аппарата, норм-дефиниций в конституционном праве, выполняющем «особую систематизирующую роль в правовом регулировании Российской Федерации» [24]. Однако представляется, что включение понятия экономической деятельности в текст Конституции РФ, обладающей фундаментальностью и декларативностью основных прав и свобод человека, может быть излишним. Как было сказано ранее, ГК РФ обладает иерархическим первенством среди иных кодексов, а также экономической направленностью. В связи с этим видится оправданным включение понятия экономической деятельности именно в ГК РФ. Подтверждение высказанной нами позиции находим в литературе. Например, совершенно точно А.Г. Демиева пишет о Гражданском кодексе РФ «как основе активной экономической деятельности» и обращает внимание на то, что легальная дефиниция предпринимательской деятельности является спорной и «ведет к правовой неясности сущности экономической деятельности» [25. С. 43].

Более того, С.А. Авакьян, говоря о путях реформирования Конституции РФ, указывает на то, что «конституционное развитие предполагает и такой нюанс реформирования, как воплощение норм Конституции в подконституционном регулировании» [26. С. 147]. По нашему мнению, в качестве примера такого «подконституционного регулирования» может служить предполагаемое выше дополнение норм ГК РФ об экономической деятельности и доходной как ее разновидности. В развитие данной мысли следует уточнить, что в ст. 2 и 23 ГК РФ говорится только об индивидуальной предпринимательской деятельности граждан и ничего не содержится о возможности осуществлять такой вид экономической деятельности, как доходная деятельность (например, в режиме самозанятости в узком понимании налогового режима «налог на профессиональный доход»). Как видится, в данном случае законодатель действует двояко: с одной стороны, расширяет возможности граждан на осуществление предпринимательской деятельности (с государственной регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя или без таковой); с другой стороны, сужает право на свободу экономической деятельности, поскольку не каждый гражданин способен быть индивидуальным предпринимателем, а равно осуществлять предпринимательскую деятельность, главной чертой которой является «прибыльность». Некоторым гражданам достаточно осуществлять самостоятельную деятельность, которая приносит доход, необходимый для удовлетворения личных и семейных потребностей.

Сказанное позволяет заключить, что правовое регулирование в форме указанных действующих норм

ГК РФ не позволяет реализовать в полной мере конституционный принцип свободы экономической деятельности, также как и право на свободу экономической деятельности в части выбора наиболее благоприятного режима деятельности с учетом своих способностей, в том числе к труду, рода и вида профессии, наличия имущества. Выход из сложившейся ситуации представляется в принятии мер по совершенствованию гражданского законодательства, а именно в дополнении ст. 2 и 23 ГК РФ указанием на экономическую деятельность и ее подвиды: предпринимательская (прибыльная), доходная (независимая от работодателей), трудовая, профессиональная деятельность. При этом необходимо отметить, что трудовая деятельность является предметом регулирования трудового законодательства.

Пределы, ограничения и запреты в отношении реализации права на осуществление экономической деятельности и свободы экономической деятельности

Свобода экономической деятельности не безгранична. Общеизвестно, что согласно ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, здоровья, нравственности, обороны страны и безопасности государства. В литературе выделяются виды ограничений прав и свобод человека: специальные ограничения, которые направлены на регулирование профессионального статуса должных лиц (судьи, депутаты, военнослужащие и др.); ограничения, связанные с чрезвычайными ситуациями (стихийные бедствия, эпидемии) [27]. Говорится также о «позитивных» ограничениях прав человека «с целью достижения баланса публичных и частных интересов в системе правомерного поведения человека... для предотвращения негативных последствий, которые могут реализоваться и проявиться при отсутствии таких ограничений» [28. С. 87].

Как отмечает Я.В. Лобанова, ограничение свободы экономической деятельности – это «сужение объема основных прав и свобод при наличии объективной и реальной опасности конституционно охраняемым ценностям» [3. С. 11]. По ее мнению, «пределы свободы экономической деятельности – это конституционно определенное пространство, в котором реализуются экономические права и свободы». При этом выделяются объективное значение данных пределов (в рамках государственных установлений) и субъективное (в рамках саморегулирования) [3. С. 12]. Однако в данном аспекте в первую очередь играют важную роль «государственные установления» посредством принятия правовых норм.

Пределы свободы экономической деятельности граждан представляют собой правовое пространство с установленными государством правилами и нормами, которые в совокупности составляют определенные режимы осуществления экономической деятельности граждан. Ограничения в правовое пространство

внедряются путем установления запретов на реализацию определенных прав граждан.

Для анализа пределов и ограничений свободы экономической деятельности граждан целесообразно затронуть основные вехи последних нескольких десятков лет. Например, с распадом СССР на смену института индивидуальной трудовой деятельности граждан (по Закону СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности»), основанного на личном труде граждан без работодателей, был введен институт индивидуального предпринимательства (ст. 2, 23 ГК РФ). Тем самым свобода экономической деятельности граждан, как право выбора гражданами формы и способа реализации права на свободный труд как вида экономической деятельности, была ограничена. Как следствие, можно было наблюдать «теневую занятость» с отсутствием соответствующих налоговых поступлений в государственный бюджет.

Далее уместно обратиться к *событиям экономических кризисов* 1998, 2008, 2014 гг., опосредованным различными факторами (обвал рубля, снижение цен на нефть). Экономические кризисы проявляются в первую очередь «в сокращении инвестиционных проектов, производственных объемов, инфляции, возрастании цен, оттоке капиталов, увеличении безработицы, ухудшении условий общественной жизни в целом...» [29. С. 43]. Происходит изменение условий для осуществления различных видов экономической деятельности. Это негативно сказывается на реализации права на свободу экономической деятельности. Например, из-за экономических сложностей индивидуальную предпринимательскую деятельность становится осуществлять невыгодно, а иногда и убыточно. В связи с этим в кризисные времена граждане были вынуждены уходить «в тень», т.е. заниматься предпринимательской деятельностью нелегально (без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей), так как альтернативы индивидуальному предпринимательству не было.

Такая альтернатива появилась только в 2018 г. с принятием Закона об НПД о самозанятых гражданах. Идея его принятия заключалась в выведении из «тени» граждан, получающих доход от самостоятельной деятельности и не уплачивающих соответствующий налог. Однако при реализации указанного закона с новой силой объявила о себе проблема переквалификации гражданско-правовых договоров, заключаемых с самозанятыми гражданами, в трудовые договоры. В связи с чем возникает вопрос: если стороны приняли решение оформить правоотношение в гражданско-правовой форме, то почему суд вынуждает их сменить форму взаимодействия на трудовую? Более того, это при том, что такое положение дел всех устраивает и гражданин, выступающий в качестве исполнителя по договору, реализует субъективное право как меру возможного дозволенного поведения. В обоснование такого выбора формы осуществления экономической деятельности со стороны граждан зачастую приводятся аргументы о том, что появляется больше свободы действий в исполнении договорных обязательств (гибкий

график, возможность совмещения с иной деятельностью). По нашему мнению, явление переквалификации гражданских отношений с самозанятыми лицами в трудовые в судебном порядке (например, по итогам проверок органов налоговой инспекции, прокуратуры и в иных случаях) можно расценивать как некое ограничение права на свободу экономической деятельности. Для такой переквалификации следует персонально подходить к ситуациям.

В свете вышесказанного о нелегальной деятельности нельзя обойти вниманием проблему обеспечения права на свободу экономической деятельности, которая заключается в том, что доходы (прибыль) от легальной (официальной) деятельности в форме индивидуального предпринимательства или трудовой деятельности не покрывают все нужды гражданина и его семьи. Иначе говоря, уровень доходов (прибыли) не обеспечивает достойный уровень жизни и реализацию прав на отдых, досуг, пищу, жилище и иных мериторных благ, а также прав более высокого уровня – на самореализацию, образование, свободу выбора рода и вида деятельности. Данное обстоятельство вынуждает субъекта делать выбор не в пользу официальной деятельности. Приведенные примеры непосредственным образом сказываются на реализации свободы экономической деятельности.

Пандемия коронавируса как «коронакризис» оказала колоссальное влияние на реализацию принципа и права на свободу экономической деятельности. Время показало, что пандемия имела и отрицательные, и положительные моменты. На протяжении 2020–2021 гг. государством было введено большое количество ограничений социально-экономических прав граждан, в том числе на свободу передвижения, проведение собраний, отдых и досуг в общественных местах, а также ограничений и запретов в отношении оказания услуг общественного питания, развлечений и досуга, перевозок, туристических услуг и др. Вводился так называемый режим самоизоляции. С одной стороны, указанные меры приняты на основании ст. 55 Конституции РФ в целях защиты здоровья населения, а с другой стороны, были направлены на ограничение свободы экономической деятельности.

Между тем в период пандемии социально-экономическая политика государства была направлена на поддержку граждан и предпринимателей. Например, Постановлением Правительства РФ от 3 марта 2020 г. № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» утвержден соответствующий перечень в целях дальнейшего предоставления субсидий из бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам в 2020–2022 гг. (на основании Постановления Правительства РФ от 24 июня 2020 г. № 915).

Кроме того, Распоряжением Правительства РФ от 19 марта 2020 г. № 670-р «О мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» было рекомендовано органам государственной власти

субъектов РФ предоставлять арендаторам из числа субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) и некоммерческим организациям отсрочку уплаты или освобождение от уплаты арендных платежей за пользование государственным имуществом.

Принятые законодательные меры в коронавирусный период позволили в некоторой степени смягчить ограничения и запреты в отношении свободы экономической деятельности.

Еще одним положительным моментом данного периода является то, что произошел скачок в развитии цифровизации различных сфер экономической деятельности. Например, активизировались дистанционные форматы торговой, трудовой, образовательной деятельности. С одной стороны, произошло расширение границ свободы экономической деятельности, в особенности для физических лиц как субъектов экономической деятельности. С другой стороны, указанные возможности выбора вида и формы экономической деятельности в литературе оцениваются неоднозначно. Например, отмечаются негативные последствия в виде нарушений конфиденциальности, безопасности больших данных, возникновения кибератак в различных сферах экономической деятельности [30].

Последние годы были охвачены международными санкциями по отношению к России, которые обострились в 2022 г. до предела. Эти события имеют как отрицательную, так и положительную стороны. Негативная сторона выражается во введении многочисленных международных запретов на реализацию товаров, оказание услуг, что повлекло прекращение международных торговых потоков (импорта и экспорта), нехватку определенных категорий импортных товаров; во введении рекордного количества персональных санкций в отношении российских физических и юридических лиц. Данные события ограничили свободу экономической деятельности субъектов экономической деятельности. В целом можно констатировать, что привычное экономическое пространство было нарушено.

Однако санкционные запреты и ограничения отразились и с положительной стороны на внутригосударственном российском уровне. Санкции выступили в роли стимулов для развития отечественного предпринимательства по производству товаров, работ и услуг; поиска новых экономических связей с иными экономическими субъектами на мировом уровне в целях сбыта (реализации) продукции. 2022 г. показал, что свобода экономической деятельности как возможность реализации выбора вида (формы) экономической деятельности открывает для граждан новые возможности за счет мер государственной поддержки. Санкционный экономический режим позволил государству создать благоприятные условия в части реализации некоторых экономических прав и свобод граждан. Например, в сфере реализации права на труд и выбор вида деятельности согласно Постановлению Правительства РФ от 16 марта 2022 г. № 376 «Об особенностях организации предоставления государственных услуг в сфере занятости населения в 2022 году» для граждан, осуществляющих трудовую деятельность,

установлено, что в органы службы занятости могут обратиться не только безработные граждане, но также и те лица, которые находятся под риском увольнения, переведенные работодателем на работу в режиме неполного рабочего дня или недели, находящиеся в вынужденном простое, отпуске без сохранения заработной платы и др. Данные категории граждан бесплатно могут получить психологическую и финансовую помощь в процессе регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, самозанятого гражданина.

Также относительно пассивной экономической деятельности граждан (получение дохода от денежных вкладов) Федеральным законом от 9 марта 2022 г. № 48-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что в период с 14 марта 2022 г. по 28 февраля 2023 г. гражданам предоставлена возможность легализовать свои зарубежные средства и активы путем перевода денежных средств в российские банки и др. (так называемая амнистия капитала).

В отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц предоставлена возможность льготного кредитования (Постановление Правительства РФ от 25 марта 2022 г. № 469 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета акционерному обществу “Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства” на возмещение недополученных им доходов по кредитам, предоставленным в 2022–2024 годах высокотехнологичным, инновационным субъектам малого и среднего предпринимательства по льготной ставке»). Для субъектов МСП, созданным физическими лицами в возрасте до 25 лет, оказывается грантовая поддержка для создания и развития своего бизнес-проекта (Постановление Правительства РФ от 19 марта 2022 г. № 413 «О внесении изменений в приложение № 35 к государственной программе Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”»).

Более того, Президентом России В.В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2022 г. был обозначен общий вектор на системную долгосрочную работу, основанную на принципах, в числе которых «опора на предпринимательские свободы», «гибкость и свобода в экономике»; снижение административной нагрузки, отказ от плановых проверок всех предпринимателей с одним условием: если их деятельность не связана с высоким риском причинения вреда гражданам и окружающей среде (риск-ориентированный подход); декриминализация ряда экономических составов [31]. Данный подход имеет немаловажное значение в период ограничений и запретов, направлен на реализацию свободы экономической деятельности.

Нельзя не сказать о последних изменениях, внесенных Федеральным законом от 21 ноября 2022 г. № 441-ФЗ в Закон об НДП, расширяющих свободу самостоятельной

экономической деятельности граждан в режиме самозанятости. Названным законом с 1 января 2023 г. дан старт проведению эксперимента по внедрению специального налогового режима «налог на профессиональный доход» на территории города Байконура.

Таким образом, нормативные правовые акты федерального уровня, принятые в период международных экономических санкций против России, демонстрируют активную позицию государства в обеспечении реализации конституционного принципа и права граждан (конституционного, экономического, гражданского (частного)) на свободу экономической деятельности. В конечном счете указанные законодательные меры направлены на обеспечение устойчивости экономического пространства государства в сложных экономических условиях.

Вышеприведенные события новой реальности непосредственным образом отражаются на реализации принципа и права на свободу экономической деятельности, права на экономическую деятельность. Они имеют отрицательные и положительные стороны и находятся в плоскости не только права, но и экономики, политики. Симбиоз этих явлений требует отдельного научного анализа именно с правовых позиций. В настоящем исследовании затронута лишь верхушка айсберга влияния названных явлений на свободу экономической деятельности граждан.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Свобода экономической деятельности – это многоаспектное правовое и социально-экономическое явление: принцип, право человека, возможность выбора вида (формы) экономической деятельности.

Переосмысление традиционной позиции о понимании свободы экономической деятельности как конституционного принципа позволило сделать вывод о том, что данный конституционный принцип имеет более глубокое содержание и выходит за декларативные границы Конституции РФ, он обладает фундаментальностью и основой для развития законодательных положений о свободе экономической деятельности и праве на экономическую деятельность в иных отраслевых правовых актах. Данный принцип выводит на поверхность вопрос о степени государственного контроля за экономической деятельностью субъектов.

Свобода экономической деятельности основывается на совокупности элементов экономической системы: «права и свободы граждан», «экономическая деятельность». Права и свободы – родственные явления, которые выражаются в конституционных катего-

риях (свобода экономической деятельности; свободное использование своих способностей и имущества; право на труд).

Атрибутами свободы экономической деятельности являются многообразие ее видов и форм, которые обеспечивают право выбора. Классификация видов экономической деятельности граждан, прежде всего, определяется в зависимости от ее форм, например, в формах индивидуальной предпринимательской деятельности, самозанятости в рамках Закона об НДП, профессиональной деятельности, трудовой деятельности.

Вышеприведенная классификация позволяет выделить внутреннюю классификацию: самостоятельная экономическая деятельность граждан и зависимая (трудовая) экономическая деятельность граждан. Самостоятельную экономическую деятельность граждан можно подразделить на прибыльную и доходную, а также на активную и пассивную. Рассматриваемые классификации видов и форм экономической деятельности по приведенным критериям не являются исчерпывающими.

Многогранность свободы экономической деятельности выражается в понимании ее как конституционного права, основанного на конституционном принципе, а также как экономического и субъективного права. Субъективное право на экономическую деятельность заключается в особенностях законодательного регулирования. Гражданский кодекс РФ, обладающий иерархическим первенством среди иных кодексов и экономической направленностью, не содержит легальных дефиниций экономической деятельности и доходной деятельности граждан как ее вида наряду с предпринимательской (прибыльной) деятельностью. Отсутствие данных дефиниций и дифференциации доходной и предпринимательской (прибыльной) деятельности сужает свободу экономической деятельности граждан. Как видится, конкретизация должна быть в ст. 2. 23 ГК РФ.

Кроме того, свобода экономической деятельности выражается в праве на экономическую деятельность и непосредственным образом связана с определением пределов, ограничений и запретов. Последние три десятилетия насыщены различными социально-экономическими, политическими событиями (смена социалистического уклада экономики на рыночный, экономические кризисы, пандемия, санкционный режим). Проведенный анализ нормативных правовых актов, принятых в данный период, демонстрирует, что государством принимаются нормативные правовые акты как ограничивающие свободу экономической деятельности граждан, так и обеспечивающие ее реализацию, в том числе в качестве мер государственной поддержки.

Список источников

1. Демиева А.Г. Активная экономическая деятельность и ее гражданско-правовая детерминация : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2021. 52 с.
2. Тарасов Д.Ю. Актуальные аспекты эффективности правового регулирования экономических отношений в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 27 с.
3. Лобанова Я.В. Свобода экономической деятельности: конституционное содержание и пределы : автофер. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 34 с.
4. Гриценко А.С. Социальные основания и юридические условия ограничения свободы предпринимательства в конституционном праве и практике конституционного правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2017. 26 с.

5. Шувалов И.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 53 с.
6. Безрукова О.В., Романовская О.В. Конституционные принципы регулирования экономических отношений. М. : Проспект, 2019. 192 с.
7. Федоренко В.Н. Свобода экономической деятельности в Российской Федерации: понятие, пределы и ограничения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 70–77.
8. Гаджиев Г.А. Право и экономика (методология): учебник для магистрантов. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2021. 256 с.
9. Гаджиев Г.А. Экономическая Конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 249–263.
10. Якимова Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности как элемент экономической основы конституционного строя в России и в мире: поиск оптимального решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 47–51.
11. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития / отв. ред. Е.П. Губин. М. : Юстицинформ, 2019. 664 с.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АЗЪ, 1995. 928 с.
13. Балаян Э.Ю. Правовой статус личности : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. 184 с.
14. Абакумова Е.Б. Ограничения конституционной свободы предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Право и экономика. 2019. № 10. С. 5–10.
15. Саудаханов М.В., Егоров С.А. О некоторых проблемах определения места права граждан на свободное использование своих способностей для занятия предпринимательством в системе конституционных прав и свобод Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 51–60.
16. Сибгатуллина Г.М. Понятие и содержание конституционного права на занятие экономической деятельностью в Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2021. № 5. С. 3–7.
17. Федотов И.А. Экономические права человека и гражданина в социальном государстве: современный опыт России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.
18. Ежегодник Конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А.А. Ливеровский; науч. ред. Г.А. Гаджиев; руков. проекта и сост. П.Д. Баренбойм. М. : ЛУМ, 2019. 528 с.
19. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М. : Статут, 2020. 351 с.
20. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 3-е изд., доп. М. : Статут, 2022. 252 с.
21. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. М. : Статут, 2012. 351 с.
22. Перфилов Э.К. О конституционно-правовых основах свободы экономической деятельности // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 18–21.
23. Ершова И.В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 46–61.
24. Таева Н.Е. Дефиниции в конституционном законодательстве // Lex Russica. 2016. № 3. С. 153–163.
25. Демиева А.Г. Гражданский кодекс как основа активной экономической деятельности // Ex iure. 2020. № 2. С. 43–52.
26. Авакьян С.А. Конституционно-правовые реформы: объективные и субъективные факторы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 142–148.
27. Уваров А.А. О соразмерности ограничений социально-экономических прав и свобод граждан // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 25–36.
28. Назаров Д.Г. Пределы и ограничения прав и свобод человека в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 87–92.
29. Государственное регулирование экономической деятельности / под науч. ред. Г.Ф. Ручкиной. М. : Проспект, 2022. 400 с.
30. Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка / отв. ред. Ю.В. Грачева. М. : Проспект, 2022. 272 с.
31. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. // Президент России. 17.06.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 29.11.2022).

References

1. Demieva, A.G. (2021) *Aktivnaya ekonomicheskaya deyatel'nost' i ee grazhdansko-pravovaya determinatsiya* [Active economic activities and their civil law determination]. Abstract of Law Dr. Diss. Kazan.
2. Tarasov, D.Yu. (2017) *Aktual'nye aspekty effektivnosti pravovogo regulirovaniya ekonomicheskikh otnosheniy v Rossii* [Current aspects of the effectiveness of legal regulation of economic relations in Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
3. Lobanova, Ya.V. (2019) *Svoboda ekonomicheskoy deyatel'nosti: konstitutsionnoe sodержanie i predely* [Freedom of economic activities: constitutional content and limits]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
4. Gritsenko, A.S. (2017) *Sotsial'nye osnovaniya i yuridicheskie usloviya ograniчениya svobody predprinimatel'stva v konstitutsionnom prave i praktike konstitutsionnogo pravosudiya* [Social foundations and legal conditions for restricting freedom of enterprise in constitutional law and the practice of constitutional justice]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladivostok.
5. Shuvalov, I.I. (2022) *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoy deyatel'nosti v period sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa (teoriya i praktika)* [Legal regulation of entrepreneurial activities during the period of socio-economic crisis (theory and practice)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
6. Bezrukova, O.V. & Romanovskaya, O.V. (2019) *Konstitutsionnye printsipy regulirovaniya ekonomicheskikh otnosheniy* [Constitutional principles for regulating economic relations]. Moscow: Prospekt.
7. Fedorenko, V.N. (2019) *Svoboda ekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, predely i ograniчениya* [Freedom of economic activities in the Russian Federation: concept, limits and restrictions]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 6 (131). pp. 70–77.
8. Gadzhiev, G.A. (2021) *Pravo i ekonomika (metodologiya): uchebnik dlya magistrantov* [Law and economics (methodology): textbook for master's students]. Moscow: Norma; INFRA-M.
9. Gadzhiev, G.A. (2008) *Ekonomicheskaya Konstitutsiya. Konstitutsionnye garantii svobody predprinimatel'skoy (ekonomicheskoy) deyatel'nosti* [Economic Constitution. Constitutional guarantees of freedom of entrepreneurial (economic) activities]. *Konstitutsionnyy vestnik*. 1 (19). pp. 249–263.
10. Yakimova, E.M. (2018) *Kontseptsiya svobody predprinimatel'skoy deyatel'nosti kak element ekonomicheskoy osnovy konstitutsionnogo stroya v Rossii i v mire: poisk optimal'nogo resheniya* [The concept of freedom of entrepreneurial activities as an element of the economic basis of the constitutional system in Russia and in the world: the search for an optimal solution]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 1. pp. 47–51.
11. Gubin, E.P. (ed.) (2019) *Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiya* [Business law of Russia: results, trends and development paths]. Moscow: Yustitsinform.
12. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1995) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 2nd ed. Moscow: AZ".
13. Balayan, E.Yu. (2022) *Pravovoy status lichnosti: ucheb. posobie* [Legal status of the individual: textbook]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.

14. Abakumova, E.B. (2019) Ogranicheniya konstitutsionnoy svobody predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii [Restrictions on constitutional freedom of entrepreneurial activities in the Russian Federation]. *Pravo i ekonomika*. 10. pp. 5–10.
15. Saudakhanov, M.V. & Egorov, S.A. (2014) O nekotorykh problemakh opredeleniya mesta prava grazhdan na svobodnoe ispol'zovanie svoikh sposobnostey dlya zanyatiya predprinimatel'stvom v sisteme konstitutsionnykh prav i svobod Rossiyskoy Federatsii [On some problems of determining the place of the right of citizens to freely use their abilities to engage in entrepreneurship in the system of constitutional rights and freedoms of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 51–60.
16. Sibgatullina, G.M. (2021) Ponyatie i sodержanie konstitutsionnogo prava na zanyatie ekonomicheskoy deyatel'nost'yu v Rossiyskoy Federatsii [The concept and content of the constitutional right to engage in economic activities in the Russian Federation]. *Bezopasnost' biznesa*. 5. pp. 3–7.
17. Fedotov, I.A. (2009) *Ekonomicheskie prava cheloveka i grazhdanina v sotsial'nom gosudarstve: sovremennyy opyt Rossii* [Economic rights of man and citizen in a social state: modern experience of Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
18. Liverovskiy, A.A. (ed.) (2019) *Ezhegodnik Konstitutsionnoy ekonomiki. 2019* [Yearbook of Constitutional Economy. 2019]. Moscow: LUM.
19. Pokrovskiy, I.A. (2020) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main problems of civil law]. 8th ed. Moscow: Statut.
20. Yakovlev, V.F. (2022) *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy* [Civil law method of regulating public relations]. 3rd ed. Moscow: Statut.
21. Yakovlev, V.F. (2012) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Book 2. Moscow: Statut.
22. Perfilov, E.K. (2009) O konstitutsionno-pravovykh osnovakh svobody ekonomicheskoy deyatel'nosti [On the constitutional and legal foundations of freedom of economic activities]. *Biznes v zakone*. 5. pp. 18–21.
23. Ershova, I.V. (2016) Ekonomicheskaya deyatel'nost': ponyatie i sootnoshenie so smezhnymi kategoriymi [Economic activities: concept and relationship with related categories]. *Lex Russica*. 9 (118). pp. 46–61.
24. Taeva, N.E. (2016) Definit'sii v konstitutsionnom zakonodatel'stve [Definitions in constitutional legislation]. *Lex Russica*. 3. pp. 153–163.
25. Demieva, A.G. (2020) Grazhdanskiy kodeks kak osnova aktivnoy ekonomicheskoy deyatel'nosti [Civil Code as the basis of active economic activities]. *Ex iure*. 2. pp. 43–52.
26. Avak'yan, S.A. (2016) Konstitutsionno-pravovye reformy: ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory [Constitutional and legal reforms: objective and subjective factors]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 1. pp. 142–148.
27. Uvarov, A.A. (2022) O sorazmernosti ogranicheniy sotsial'no-ekonomicheskikh prav i svobod grazhdan [On the proportionality of restrictions on socio-economic rights and freedoms of citizens]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4. pp. 25–36.
28. Nazarov, D.G. (2016) Predely i ogranicheniya prav i svobod cheloveka v Rossii [Limits and restrictions of human rights and freedoms in Russia]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 1. pp. 87–92.
29. Ruchkina, G.F. (ed.) (2022) *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti* [State regulation of economic activities]. Moscow: Prospekt.
30. Gracheva, Yu.V. (ed.) (2022) *Riski tsifrovizatsii: vidy, kharakteristika, ugovovno-pravovaya otsenka* [Risks of digitalization: types, characteristics, criminal legal evaluation]. Moscow: Prospekt.
31. President of Russia. (2022) *Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma 17 iyunya 2022 g.* [Plenary meeting of the St. Petersburg International Economic Forum on June 17, 2022]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (Accessed: 29.11.2022).

Информация об авторе:

Савенко Н.Е. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск, Россия). E-mail: ne_amelina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.E. Savenko, Cand. Sci. (Law), associate professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation) E-mail: ne_amelina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 05.12.2022;
approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 343.61
doi: 10.17223/15617793/491/23

Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения

Александр Викторович Шеслер^{1, 2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия*

^{1, 2} *sofish@inbox.ru*

Аннотация. Рассматриваются дискуссионные вопросы отнесения виртуальных объектов к предмету хищения. Критикуется судебная практика, относящая неправомерное завладение виртуальными объектами к хищениям. Предлагается составы хищений ограничить противоправным завладением чужим имуществом в виде вещи и ввести в действующий УК РФ в главу 21 составы «цифровых» имущественных преступлений, которые не являются хищениями, так как механизм неправомерного завладения виртуальными объектами является иным, чем при хищениях.

Ключевые слова: хищение, имущество, вещь, безналичные деньги, виртуальные объекты

Для цитирования: Шеслер А.В. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 188–196. doi: 10.17223/15617793/491/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/491/23

Virtual objects as the subject of an illegal mercenary acquisition

Alexander V. Shesler^{1, 2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Novokuznetsk, Russian Federation*

^{1, 2} *sofish@inbox.ru*

Abstract. The article considers the controversial issues of attributing virtual objects to the subject of theft. The aim of the article is to substantiate that “digital” property crimes are not theft. The study is based on domestic criminal and other branches’ legislation, as well as materials of judicial practice. The following methods were used in the study: the method of comparative law, which made it possible to compare the provisions on virtual objects in various editions of the Civil Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation of 1996, and other Russian laws; the method of analyzing documents, which allowed analyzing judicial practice and Resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation that considered the issues of qualification of illegal acquisition of virtual objects (non-cash funds, non-documentary securities, digital rights, etc.); the formal logical method, which made it possible to analyze the content of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, and other Russian laws on virtual objects. The following scientific positions on this issue are criticized: firstly, the established investigative and judicial practice, which is forced to broadly interpret the rules on theft due to the lack of special rules that provide criminal legal protection of the rights of the owner of virtual objects; secondly, the qualification of the unlawful taking of virtual objects only as theft on the grounds that the method of committing such an act can only be secret; thirdly, positions that propose to recognize as theft the illegal taking of virtual objects (digital rights, digital currency, non-cash money, etc.) that belonged to a certain person on legal grounds, and to independently criminalize cases of illegal taking of virtual objects that are acquired from their previous owner in circumvention of the law. The author argues that judicial practice regarding a broad interpretation of the subject of theft, in which it includes not only things, but also virtual objects, is unfounded. The article discusses the issue of attributing game objects in computer games to the subject of crime. The author proposes to limit the elements of theft to the illegal taking of another’s property in the form of a thing and to introduce into the current Criminal Code of the Russian Federation in Chapter 21 the elements of “digital” property crimes that are not theft, since the mechanism for committing the latter is different than in case of theft.

Keywords: theft, property, thing, non-cash money, virtual objects

For citation: Shesler, A. V. (2023) Virtual objects as the subject of an illegal mercenary acquisition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 188–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/23

В науке уголовного права и в практике применения уголовного закона достаточно долго существовало представление о том, что предметом хищения является имущество, которое обладает свойством вещи. Дискуссия велась в основном относительно того, какие вещи являются предметом хищения, а какие – предметом иных преступлений (преступлений против собственности, которые не являются хищениями, против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, экологических преступлений и др.). Прежде всего, в качестве отличительных признаков имущества как предмета хищения использовались следующие. Во-первых, физический признак, характеризующий имущество как вещь, имеющую такую материальную субстанцию, которая позволяет обладателю физически обособить ее от других материальных объектов и совершить с ней необходимые физические действия (измерить, взвесить, переместить и т.д.). Во-вторых, экономический признак, предполагающий у имущества свойства потребительской стоимости (способности удовлетворять материальные и нематериальные человеческие потребности) и меновой стоимости, подразумевающей овеществление в имуществе (вещи) потраченного на ее создание человеческого труда, который может быть выражен в определенном денежном эквиваленте. Вещи, утратившие какую-либо потребительскую стоимость, предметом хищения не являются. В-третьих, юридический признак, означающий, что вещь не находится у виновного в собственности или ином законном владении, является для него чужой, а также не изъята и не ограничена в гражданском обороте [1. С. 19–28; 2. С. 41–60; 3. С. 26–35].

Деньги тоже относились к имуществу на том основании, что они обладали свойством вещи, были наличными, так как имели физическую форму в виде бумажных денежных знаков или металлической монеты (физический признак), обладали потребительской стоимостью, так как удовлетворяли потребность человека в наличии универсального средства платежа и накопления, меновой стоимостью, так как на их изготовление затрачивался человеческий труд (экономический признак), и наконец, деньги имели владельца и находились в обороте (юридический признак). Определенные средства платежа («заместители» денег, «суррогатные деньги»), обладавшие меновой стоимостью и существовавшие в вещной форме, также относились к имуществу (жетоны для проезда в метро, проездные билеты для проезда на общественном транспорте, талоны на бензин, соларку, почтовые марки и др.).

Выделение этих признаков, как уже отмечалось, было важным для отличия хищений от иных преступлений. Так, например, физический признак имущества как вещи позволял отличать хищение от уголовно-наказуемых посягательств на объекты интеллектуальной собственности, на информацию, а именно: от преступлений против авторских и смежных с ними прав (ст. 146 УК РФ), от преступлений против изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ), от шпио-

нажа (ст. 276 УК РФ) и др. Предметом хищения считались только материальные носители объектов интеллектуальной собственности и информации в виде печатной продукции, электронных носителей (компьютеров, дискет, жестких дисков и т.п.), пластинок, магнитофонных кассет и др. Физический признак позволял отличать хищения от других преступлений против собственности. Например, предметом хищения не считалась электроэнергия и газ, которыми пользовался виновный в результате незаконного подключения к электросетям и сетям газораспределения. Подобные действия квалифицировались по ст. 165 УК РФ, которая описывала признаки причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, не являющегося хищением.

Экономический признак, прежде всего свойство вещи в виде меновой стоимости, выражающейся в денежной форме, выполнял важную роль при установлении отличия хищений от экологических преступлений, которые посягают на предметы природной среды. Последние не обладают меновой стоимостью, так как при нахождении в естественном состоянии в них не вложен человеческий труд. Посягательство на них квалифицируется как экологические преступления, а именно: как незаконная добыча водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), незаконная охота (ст. 258 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и т.д. Если эти предметы извлечены из природной среды в результате человеческого труда (лес срублен, рыба выловлена, птица поймана и т.д.), то они уже обладают меновой стоимостью, а незаконное завладение ими квалифицируется как хищение. Между тем природные объекты, в воспроизводстве которых вложен человеческий труд, если они не включены в процесс товарного обращения, находятся в естественной среде обитания, являются предметом экологических преступлений, а не хищений как преступлений против собственности (посаженный лес, выращенная в рыбниках и выпущенная затем в природные водоемы рыба, вылеченные и выпущенные в лес дикие животные и т.д.).

Юридический признак имущества в виде вещи как предмета хищения позволял отграничить это преступление от иных деяний в отношении имущества, находящегося в общей собственности. Например, если один из супругов против воли другого супруга завладевает и распоряжается имуществом, находящимся в их общей совместной собственности, такие действия хищением не являются. В тех случаях, когда эти действия осуществляются в отношении общего имущества, находящегося в общей долевой собственности (например, в случаях, когда доли определены по брачному договору), они могут образовывать хищение при наличии всех остальных признаков последнего (в частности, в виде присвоения или растраты, предусмотренной ст. 160 УК РФ). Распоряжаться таким имуществом как единым объектом (например, автомобилем) один супруг без согласия другого супруга не может, так как у каждого из них есть доля в праве собственности на это имущество (ч. 2 ст. 244 ГК РФ), а не

право на конкретную вещь или ее часть в общем имуществе. Хищением является также завладение одним супругом имуществом другого супруга, которое не находится в их общей собственности (совместной или долевой). Предметом хищения в таких случаях может быть имущество одного из супругов, которое получено им в дар, в порядке наследования или при разделе по брачному договору.

Важное значение юридический признак имущества как предмета хищений, являющихся преступлениями против собственности, предусмотренных гл. 21 УК РФ, имел при установлении их отличия от специальных видов хищения. Составов таких хищений в действующем отечественном законодательстве довольно много. Вот некоторые из них: хищение ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ), хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), пиратство (ст. 227 УК РФ), хищение наркотических средств или психотропных веществ, а также растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ), похищение документов, штампов, печатей, акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия (ст. 325 УК РФ). Предметом этих видов специальных хищений является имущество, обладающее свойством вещи. Отличие таких хищений от хищений как преступлений против собственности состоит в особых свойствах предмета преступления. Им является не просто имущество, а имущество, изъятое или ограниченное в гражданском обороте. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 утвержден «Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». В списке I этого перечня указаны те из этих предметов, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (героин, гашиш, дезоморфин и др.), в списке II указаны те из этих предметов, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с указанными нормативно-правовыми актами (кодеин, кокаин, морфин и др.), в списке III указаны те из этих предметов, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля в соответствии с указанными нормативно-правовыми актами (барбитал, мепробамат, тарен и др.). Выделение в специальный вид хищения неправомерного завладения наркотическими средствами или психотропными веществами обусловлено отрицательным их воздействием на организм человека в результате употребления без назначения врача. Такие свойства данных предметов обуславливают наличие в качестве основного объекта этого хищения состояние защищенности (безопасности) населения от их употребления без назначения врача, а в качестве факультативного объекта – отношения собственности. Дополнительный

объект такого хищения в виде собственности отсутствует, так как данные предметы могут иметь как законный, так и незаконный источник происхождения (например, приобретены в аптеке или изготовлены самостоятельно). Важность отнесения медицинского препарата к предмету хищения как преступлению против собственности или к предмету хищения, предусмотренному ст. 229 УК РФ, состоит не только в том, по какой статье УК РФ квалифицировать совершенное хищение, но и в определении момента его окончания. В соответствии со сложившейся судебной практикой хищение как преступление против собственности (за исключением хищения в форме разбоя и в ряде других случаев) считается оконченным, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (обратить в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им иначе по своему усмотрению). Такая позиция, в частности, отражена в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». По-другому определяется момент окончания хищения наркотических средств и психотропных веществ. В соответствии с п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 29 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» применительно ко всем формам хищения в качестве такого момента обозначен момент изъятия данных предметов из чужого владения, причем даже без их обращения в пользу лица, совершающего хищение, или других лиц. Сходные уголовно-правовые последствия, отличные от тех, которые характерны для хищений как преступлений против собственности, наступают и при других видах специальных хищений.

Отметим, что в отдельных случаях отличие между хищениями как преступлениями против собственности и специальными видами хищения производится не только по юридическому признаку предмета последних, состоящему, как уже отмечалось, в том, что этот предмет изъят из гражданского оборота или ограничен в нем. Например, одной из форм шпионажа является похищение сведений, составляющих государственную тайну. В соответствии со ст. 2 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», это защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Эти сведения изъяты из обычного оборота информации. Однако это форму специального хищения характеризует также виртуальный характер предмета хищения.

Эти признаки и в современный период выполняют важную роль при установлении отличия хищения от иных преступлений, прежде всего тех, предметом которых является вещь. В целом отметим, что в законодательстве не только советского, но и постсоветского периода имелись основания для отнесения к предмету

хищения только имущества в виде вещи. Так, в первоначальной редакции ст. 128 ГК РФ (до внесения в нее кардинальных изменений в 2013 г. и последующих годах) к имуществу относились прежде всего вещи, в том числе деньги. Несмотря на то, что в этой редакции не уточнялось, какая форма денег имеется в виду (впрочем, как и ценных бумаг), под деньгами подразумевались именно наличные деньги, исходя из того, что вещи должны быть обременены в определенную физическую форму. Редакция этой статьи от 2 июля 2013 г. акцентировала внимание на отличии наличных и безналичных денег, а именно: наличные деньги (как и документарные ценные бумаги) были отнесены к имуществу в виде вещей, а безналичные денежные средства (как и бездокументарные ценные бумаги) – к иному имуществу. В редакции данной статьи от 18 марта 2019 г. безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги были отнесены к иному имуществу в виде имущественных прав.

Представление о предмете хищения в виде вещи в целом соответствовало потребностям уголовного закона и практике его применения, возможно, даже до середины 1990-х гг. прошлого столетия. Однако развитие информационных технологий привело к цифровизации экономики, к тому, что с каждым годом стало возрастать количество безналичных расчетов, в связи с чем безналичные деньги стали предметом незаконного завладения. Поэтому в науке уголовного права с середины 1990-х гг., т.е. еще до внесения соответствующих изменений в ст. 128 ГК РФ, стала активно обсуждаться проблема отнесения безналичных денег к предмету хищения.

Позиции исследователей по данному вопросу разделились в основном на две группы. Одни исследователи утверждали, что безналичные деньги не обладают свойством денег, они представляют собой процесс передачи информации о расчетах в силу отсутствия у них признаков, имеющих у наличных денег, а именно вещного признака и свойства меновой стоимости, так как на них не распространяется юридический режим наличных денег. Поэтому исследователи делали вывод о том, что безналичные деньги не являются предметом хищения, они могут быть предметом мошенничества, но не в форме хищения, а в форме завладения имущественным правом [4. С. 74; 5. С. 10]. В значительной мере эта позиция опиралась на мнение специалистов гражданского права, которые считали безналичные деньги не вещественными объектами гражданского права, а имущественными обязательствами банка выплатить владельцу счета определенную денежную сумму или перечислить ее [6. С. 38]. В целом данная позиция обосновывала исторически сложившийся подход законодателя и практику его применения к имуществу как предмету хищения, существующему в вещной форме.

Другие исследователи утверждали обратное: безналичные деньги являются предметом хищения на том основании, что они лишь нематериальная форма существования денег, выполняют ту же функцию, что и наличные деньги, т.е. являются средством расчета и

накопления [7. С. 172–177; 8. С. 115–118]. Такая позиция была в большей мере воспринята судебной практикой по делам о хищении. Так, в ранее действовавшем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» различаются моменты окончания мошенничества в зависимости от того, что является предметом данной формы хищения, а именно: чужое имущество или право на чужое имущество. Мошенничество, предметом которого выступало имущество, считалось юридически оконченным с того момента, когда виновный получал реальную возможность пользоваться или распорядиться имуществом по своему усмотрению (п. 4). Мошенничество в виде приобретения права на чужое имущество считалось оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным: регистрации права собственности, вступления в силу судебного решения, со дня принятия правоустанавливающего решения и т.д. (п. 4).

Мошенничество, предметом которого являлись находящиеся на банковских счетах денежные средства, считалось юридически оконченным с момента их зачисления на счет виновного или других. Подобную позицию Верховный Суд РФ обосновал тем, что с этого момента виновный реально может распорядиться этими денежными средствами, например, сделать от своего имени расчеты (п. 12). Таким образом, в отношении безналичных денег момент окончания хищения определялся так же, как и в отношении иного имущества.

Рассматриваемая позиция в значительной мере опиралась на мнение тех цивилистов, которые относили безналичные деньги к объекту права собственности на том основании, что они являются лишь формой существования денег, не переставая быть деньгами [9. С. 97; 10. С. 28–29]. Действительно, форма существования денег меняется с развитием экономических отношений. В качестве денег в период натурального экономического обмена выступали различные наиболее важные предметы потребления, рабы, а позднее – благородные металлы, и наконец, денежные знаки. Еще в прошлые столетия представители экономической мысли отмечали, что функцию денег выполнял тот товар, который был наиболее пригоден в определенный экономический период для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента стоимости. В частности, к таким выводам пришел К. Маркс, исследуя в своем главном труде по политической экономии «Капитал» генезис денег как меры стоимости в процессе товарного обращения [11. С. 144–147, 151]. Однако ученый в тот исторический период отрицал за деньгами свойства только знака проявления отношений товарного обмена между людьми [11. С. 145–146]. Полагая, такой вывод исследователя был связан только с тем, что деньги, независимо от формы их выражения, существовали только в вещной, физической форме.

В условиях цифровой экономики универсальной формой товара в указанном качестве выступает информация в цифровой форме. Безналичные деньги –

одна из разновидностей такого товара, который обладает потребительской стоимостью (удовлетворяет потребность общества в средстве платежа), стоимостью (на создание этого виртуального объекта затрачен человеческий труд), обладает юридическим признаком имущества (принадлежит собственнику или иному владельцу, находится в легальном обороте). Поэтому нет оснований не относить безналичные деньги к деньгам. Вполне очевидно, что сторонники анализируемой позиции обосновывали необходимость уголовно-правового ответа на новые вызовы со стороны криминальной среды, состоящие в резком росте фактов причинения имущественного вреда владельцам денежных средств.

Как уже отмечалось, действующая редакция ст. 128 ГК РФ относит наличные деньги к вещам, а безналичные денежные средства к иному имуществу в виде имущественных прав. Это означает, что правовое отличие между наличной и безналичной формой существования денег законодателем признается. В ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» дается определение электронных денежных средств как денежных средств, предоставленных для исполнения денежных обязательств. Данное определение дает основание утверждать, что к безналичным деньгам относятся только электронные денежные средства, иные безналичные денежные средства представляют собой имущественные права обязательственного характера (права требования). Такая правовая ситуация создает основу для продолжения научной дискуссии об отнесении безналичных денег к предмету хищения.

Позиция судебной практики также дает основания для подобной дискуссии. Так, с одной стороны, в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», как и в ранее действовавшем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», моменты окончания мошенничества, предметом которого являются безналичные денежные средства (в том числе электронные денежные средства), и мошенничества, предметом которого является право на чужое имущество, различаются. С другой стороны, в отношении безналичных денежных средств учитываются их особенности по сравнению с иным имуществом. Момент окончания хищения этого предмета связывается не с моментом, когда виновный получает реальную возможность пользоваться или распоряжаться безналичными денежными средствами по своему усмотрению, а с моментом изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств. Позиция Пленума Верховного Суда РФ основывалась на том, что с этого момента владельцу денежных средств причинен ущерб (п. 5). Аналогично определен момент окончания хищения в форме кражи с банковского счета и в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) в п. 25.2 Постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», а именно: кража считается оконченной с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств. Вновь Верховный Суд РФ обосновывает свою позицию тем, что с этого момента владельцу денежных средств причинен ущерб.

Активная дискуссия об отнесении иных виртуальных объектов помимо безналичных денег к предмету хищения началась несколько позднее, с усилением цифровизации экономики, во многом под влиянием дискуссии в науке гражданского права об отнесении цифровых прав к имуществу, которые в действующей редакции ст. 128 ГК РФ отнесены к иному имуществу помимо вещей в виде имущественных прав. Ст. 141.1 ГК РФ уточняет правовую природу цифровых прав, указывая на то, что это обязательственные и иные права. При этом в законе указано, что цифровые права должны быть названы в качестве таковых в законе, а их содержание и условия осуществления определяются в соответствии с правилами информационной системы, возможны только в информационной системе. Под эти критерии не подпадают виртуальные объекты в виде валюты и различных игровых предметов в компьютерных играх. Соответственно, с точки зрения гражданского законодательства они не относятся к имуществу в виде имущественных прав. Однако этому критерию, полагаем, соответствует цифровая валюта, которую обычно именуют криптовалютой. В ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровая валюта определяется как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам. В связи с тем, что перед обладателем цифровой валюты отсутствует обязанное лицо, отнести данное средство платежа и инвестиций можно к иным, а не обязательственным правам.

Однозначно законодатель относит к цифровым правам утилитарные цифровые права и финансовые активы. В ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в качестве разновидности

цифровых прав, которые могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться, в инвестиционной платформе выделяются утилитарные цифровые права, к которым отнесены право требовать передачи вещей, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. Таким образом, данный закон определяет правовую природу утилитарных цифровых прав как права требования.

В ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Данное положение означает, что цифровые финансовые активы – это не только обязательственные права в виде права требования, но и иные права.

Безусловно, что завладение указанными виртуальными объектами в цифровой среде причиняет имущественный вред их владельцам. Однако вопрос об уголовно-правовой оценке незаконного корыстного завладения такими виртуальными объектами в науке уголовного права является дискуссионным. Сформировалось несколько подходов к решению возникшей проблемы.

Первый из них состоит в предложении не отходить от традиционно выделенных в законодательстве форм хищения и рассматривать их содержание, прежде всего понятие имущества, шире, чем это делалось традиционно в литературе и практике применения уголовного закона до цифровизации экономики, т.е. не отождествлять его с понятием вещи. Совершенствование законодательства сторонники этой позиции предлагают осуществлять в соответствии с уже наметившейся тенденцией: наряду с выделением в качестве квалифицированного признака кражи электронных денежных средств (п. «г» ст. 158 УК РФ) выделить в ст. 158 УК РФ такой квалифицирующий признак кражи, как цифровая валюта и иные цифровые финансовые активы [12. С. 25]. Такой подход позволяет исследователям утверждать, что хищение безналичных денег и иных виртуальных объектов возможно в любой форме (кражи, грабежа, разбоя и т.д.). Сторонниками данного подхода считается правильной сложившаяся на сегодня следственная и судебная практика, вынужденная расширительно толковать нормы о хищении в связи с отсутствием специальных норм, обеспечивающих уголовно-правовую

охрану прав владельца виртуальных объектов. Представители рассматриваемой позиции обосновывают ее тем, что наступившие последствия при хищении вещей и виртуальных объектов для потерпевшего являются одинаковыми [13. С. 86–97]. Следуя этой логике, можно вообще отказаться от дифференциации хищений на формы и даже от всех преступлений против собственности, оставив один состав преступления – причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества, независимо от способа причинения этого ущерба, и выделив квалифицирующие признаки в зависимости от умышленного или неосторожного причинения ущерба, а также от его размера. Полагаем, что такой подход возникшую проблему «цифровых хищений» не решит, так как не обеспечит дифференцированную уголовно-правовую охрану прав владельцев вещей и владельцев виртуальных объектов. Кроме того, сторонники этой позиции, исходя из одинакового толкования имущества применительно к задачам гражданского и уголовного права, не предлагают наиболее полные варианты уголовно-правовой защиты интересов владельцев валюты и виртуальных предметов в компьютерных играх, обладание которыми находится вне сферы гражданско-правового регулирования, однако незаконным его во всех случаях назвать нельзя. Завладение этими виртуальными объектами может быть сегодня квалифицировано как вымогательство в виде требования совершения действий имущественного характера, когда это требование подкреплено угрозами, указанными в ч. 1 ст. 163 УК РФ. Завладение такими виртуальными объектами против воли их прежних владельцев в иных формах может подпадать в отдельных случаях под признаки преступлений против личности, например, при применении насилия к их прежним владельцам. Однако дать уголовно-правовую оценку такому посягательству, как преступление против собственности, невозможно.

Придерживаясь в целом позиции, что виртуальные объекты в виде безналичных денег являются предметом хищения, отдельные авторы полагают, что завладение ими является только тайным (иные способы не могут обуславливать переход безналичных денег от потерпевшего к виновному лицу), поэтому такие действия могут квалифицироваться только как кража [14. С. 14, 21–23]. Такой аргумент нельзя признать состоятельным, так как завладение безналичными деньгами возможно в присутствии потерпевшего, перечисление может быть сделано самим потерпевшим под влиянием обмана, насилия и т.д.

В целом полагаем, что уголовное законодательство, выполняя в основном охранительную функцию в отношении тех общественных отношений, которые регламентируются регулятивными отраслями законодательства, не может зеркально отражать их структуру и количество, а также понятийный аппарат. В противном случае уголовное законодательство было бы непомерно объемным и не используемым в правоприменительной деятельности. Вместе с тем в основе структуры Особенной части УК РФ лежит не структура регулятивных отраслей законодательства, а обобщенная

характеристика общественных отношений, которые ими регламентируются, в виде общего, родового, видового и непосредственного объектов преступления. Общий объект преступления включает всю совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом (данные отношения перечислены в ч. 1 ст. 2 УК РФ); родовой объект преступления – группу однородных общественных отношений, на основе которых в Особенной части УК РФ выделяются разделы; видовой объект преступления – группу видовых общественных отношений, выделенных в рамках родового объекта преступления, на основе которых в Особенной части УК РФ выделяются главы; непосредственный объект преступления – конкретное общественное отношение, лежащее в основе криминализации отдельных деяний в виде самостоятельного состава преступления.

Применительно к отношениям собственности, на которые посягают все виды хищения, подобная конструкция может быть конкретизирована следующим образом. Собственность в качестве общего объекта преступления указана в перечне того, что охраняется уголовным законом (ст. 2 УК РФ). Однако собственность указана в качестве такого объекта во всех ее многообразных проявлениях: и как категория экономическая, и как элемент общественной безопасности, и как элемент здоровья населения, и как элемент окружающей среды и т.д. В тех случаях, когда собственность проявляется как категория экономическая, она выражается в объектах преступления, на которые посягают имущественные хищения, предусмотренные главой 21 УК РФ. Если собственность проявляет иные свойства, она выражается в объектах преступления, на которые посягают хищения, являющиеся специальными. Так, если собственность является элементом общественной безопасности, то на нее посягают такие преступления, как хищение ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ), хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), пиратство (ст. 227 УК РФ). Если собственность является элементом отношений, обеспечивающих состояние защищенности (безопасности) населения от немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, то на нее посягают хищения наркотических средств и психотропных веществ, а также хищения иных предметов, указанных в ст. 229 УК РФ. В тех случаях, когда собственность выступает в качестве элемента порядка управления, на нее посягают похищения документов и иных предметов, указанных в ст. 325 УК РФ и т.д. Различные проявления собственности зависят от свойств имущества, которое входит в структуру отношений собственности. Как уже отмечалось, специальные виды хищений выделяются на основе того, что предметы этих преступлений в силу наличия у них особых свойств изъяты или ограничены в гражданском обороте.

Отметим также, что терминология, используемая в уголовном законодательстве, не может быть полностью идентичной аналогичной терминологии, используемой в регулятивных отраслях законодательства.

Например, в ст. 226 УК РФ используется термин «огнестрельное оружие». Это разновидность имущества, обладающего вещным признаком. Однако идентичен ли этот признак по содержанию аналогичному признаку, используемому в Федеральном законе «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ? Очевидно, что только в той части (ст. 1) этого закона, где обозначены назначение такого оружия (для механического поражения цели на расстоянии) и способ его действия (метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда). Несоответствие этих одинаковых терминов в УК РФ и законе состоит в том, что последний под этим термином имеет в виду оружие заводского изготовления. В целом данный закон направлен на регулирование отношений по поводу оружия, которое имеет законный источник происхождения. УК РФ предусматривает охрану общественной безопасности от оружия, которое имеет как законный, так и незаконный источник происхождения, в том числе и в виде самодельного изготовления. Кроме того, Федеральный закон «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ, в отличие от УК РФ, не предусматривает некоторые виды боевого огнестрельного оружия, имеющегося в Вооруженных силах Российской Федерации и других формированиях, в которых российским законодательством предусмотрена военная служба. На это обстоятельство особо обращается внимание в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

Вывод из этих суждений состоит в том, что понятие имущества как предмета хищения не может быть идентично понятию имущества, которое дано в ст. 128 ГК РФ, тем более в тех случаях, когда речь идет о виртуальных объектах.

Следующий подход к решению существующей проблемы состоит в том, чтобы ввести в действующих статьях УК РФ составы «цифровых» имущественных преступлений, которые не являются хищениями, так как механизм их совершения является иным, чем при хищениях, а составы хищений ограничить противоправным завладением чужим имуществом в виде вещи [15. С. 9–11, 15–16, 18].

Высказано также компромиссное суждение, состоящее в том, что хищением следует признавать противоправное завладение такими виртуальными объектами (цифровыми правами, цифровой валютой, безналичными деньгами и т.п.), которые принадлежали определенному лицу на законных основаниях. В тех случаях, когда осуществлялось противоправное завладение такими виртуальными объектами, приобретенными их предшествующим владельцем в обход закона, действия виновного следует криминализировать самостоятельно в виде установления уголовной ответственности за нарушение законного порядка приобретения прав собственности на имущество. Аргументы отнесения виртуальных объектов к предмету хищения приводятся те же, что были нами подвергнуты критике

при анализе первой позиции (правообладателю причиняется вред) [16. С. 9–10, 18–19].

Полагаем, что наиболее конструктивной является позиция тех исследователей, которые предлагают ввести в гл. 21 УК РФ самостоятельный состав преступления, предусматривающий наказуемость противоправного корыстного завладения безналичными деньгами и другими виртуальными объектами с помощью информационных технологий, а составы хищений в практике применения уголовного закона ограничить противоправным корыстным завладением чужим имуществом в виде вещи. Преимущества такого подхода состоят в следующем. Во-первых, будет обеспечена дифференцированная уголовно-правовая охрана прав владельцев наличных и безналичных денег, в целом владельцев вещей и других виртуальных объектов. Последние как предмет преступления, являясь виртуальным объектом экономических отношений, существуют в цифровой экономике, которая должна иметь самостоятельную уголовно-правовую охрану. Во-вторых, предлагаемая криминализация противоправного корыстного завладения безналичными деньгами и другими виртуальными

объектами с помощью информационных технологий отразит особенности механизма совершения такого деяния. Эти особенности состоят в том, что в механизме совершения деяния помимо виновного и конкретной жизненной ситуации задействованы информационные технологии, являющиеся одновременно обстановкой и средством завладения безналичными деньгами и другими виртуальными объектами. Данное обстоятельство приводит к усложнению причинной связи между деянием виновного и причинением имущественного вреда владельцу безналичных денег и других виртуальных объектов. В-третьих, сохранится сложившийся в практике применения норм о хищении имущества и доказавший в целом свою эффективность подход к уголовно-правовой охране прав владельца имущества в виде вещи. И наконец, предлагаемый подход позволит обеспечить уголовно-правовую защиту интересов владельцев валюты и виртуальных предметов в компьютерных играх, обладание которыми, как уже отмечалось, находится вне сферы гражданско-правового регулирования, однако незаконным во всех случаях его назвать нельзя.

Список источников

1. Владимиров В.А. Квалификация преступлений против личной собственности : учеб. пособие. М. : Изд-во МВШ МООН СССР, 1968. 171 с.
2. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М. : Юрид. лит., 1971. 360 с.
3. Сергеева Т.А. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР / отв. ред. А.Н. Васильев. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.
4. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск : Изд-во Омск. акад. МВД России, 2001. 256 с.
5. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. Новосибирск : Альфа-Порте, 2014. 112 с.
6. Новоселова Л. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М. : Учебно-консультационный центр Юринфор, 1996. 147 с.
7. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 755 с.
8. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск : Изд-во Омск. акад. МВД России, 2008. 248 с.
9. Ефимова Л. Правовые аспекты безналичных денег // Закон. 1997. № 1. С. 97–103.
10. Лавров Д.Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 250 с.
11. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1 : [пер. с нем., фр., англ.] / введ. О.И. Ананьина ; предисл. Л.Л. Васиной, В.С. Афанасьева. 4-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 1200 с.
12. Некрасов В.Н. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере инновационной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 36 с.
13. Архипов А.В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования. М. : Юрлитинформ, 2022. 312 с.
14. Соловьева Е.А. Преступления, совершаемые в платежных системах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 33 с.
15. Иванова О.М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2020. 23 с.
16. Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 28 с.

References

1. Vladimirov, V.A. (1968) *Kvalifikatsiya prestupleniy protiv lichnoy sobstvennosti: ucheb. posobie* [Qualification of crimes against personal property: textbook]. Moscow: Izd-vo MVSh MOOP SSSR.
2. Kriger, G.A. (1971) *Kvalifikatsiya khishcheniy sotsialisticheskogo imushchestva* [Qualification of theft of socialist property]. Moscow: Yurid. lit.
3. Sergeeva, T.A. (1954) *Ugolovno-pravovaya okhrana sotsialisticheskoy sobstvennosti v SSSR* [Criminal legal protection of socialist property in the USSR]. Moscow: USSR AS.
4. Veklenko, V.V. (2001) *Kvalifikatsiya khishcheniy* [Qualification of theft]. Omsk: Omsk Academy of MIA of Russia.
5. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2014) *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty prestupleniy protiv sobstvennosti* [Criminal legal and criminological aspects of crimes against property]. Novosibirsk: Al'fa-Porte.
6. Novoselova, L. (1996) *Denezhnye raschety v predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Cash payments in entrepreneurial activities]. Moscow: Uchebno-konsul'tatsionnyy tsentr Yurinfor.
7. Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
8. Vishnyakova, N.V. (2008) *Ob'ekt i predmet prestupleniy protiv sobstvennosti* [Object and subject of crimes against property]. Omsk: Omsk Academy of MIA of Russia.
9. Efimova, L. (1997) *Pravovye aspekty beznalitykh deneg* [Legal aspects of non-cash money]. *Zakon*. 1. pp. 97–103.
10. Lavrov, D.G. (2001) *Denezhnye obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave* [Monetary obligations in Russian civil law]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
11. Marx, K. (2016) *Kapital: kritika politicheskoy ekonomii* [Capital: a critique of political economy]. Translated from German, French, English. Vol. 1. 4th ed. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

12. Nekrasov, V.N. (2022) *Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennykh otnosheniy v sfere innovatsionnoy deyatel'nosti* [Criminal law protection of public relations in the field of innovation]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
13. Arkhipov, A.V. (2022) *Zakonodatel'stvo ob ugovnoy otvetstvennosti za khishcheniya v Rossii: problemy pravoprimereniya i kontseptual'nye osnovy reformirovaniya* [Legislation on criminal liability for theft in Russia: problems of law enforcement and conceptual framework for reform]. Moscow: Yurlitinform.
14. Solov'eva, E.A. (2019) *Prestupleniya, sovershaemye v platezhnykh sistemakh* [Crimes committed in payment systems]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
15. Ivanova, O.M. (2020) *Khishchenie chuzhogo imushchestva kak ugovno-pravovaya kategoriya* [Theft of someone else's property as a criminal category]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
16. Mochalkina, I.S. (2022) *Tsifrovye prava i tsifrovaya valyuta kak predmet prestupleniy v sfere ekonomiki* [Digital rights and digital currency as a subject of crimes in the economic sphere]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Шеслер А.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.04.2023;
одобрена после рецензирования 18.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.*

*The article was submitted 27.04.2023;
approved after reviewing 18.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 491. Июнь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.06.2023 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 24,7. Усл. печ. л. 23. Тираж 50 экз.
Заказ № 5597. Цена свободная.

Дата выхода в свет 09.11.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru